

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1972

Б. ВнАндрианов, Н. Н. Чебоксаров

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

Одной из главных особенностей современного состояния этнографической науки является стремление выявить общие закономерности в культурно-бытовом многообразии различных народов, установить исторические корни сходства и различия в образе жизни, проследить ряды одиопорядковых явлений, проходящих как бы «сквозь» различные народные культуры в тесной связи с изменениями экономического, социально-бытового, культурного и экологического характера¹. Две родственные исторические науки — этнография (исследующая культурно-бытовые особенности всех народов мира в их историческом развитии) и археология (изучающая вещественные исторические источники — остатки материальной культуры), дополняя друг друга, позволяют реконструировать хозяйственный и общественный быт давно исчезнувших народов, проследить путь развития культурных явлений, установить важнейшие формационные этапы исторического процесса, коренные изменения в развитии производительных сил и устройстве общества. Этнография и археология являются как бы связующим звеном между историческими науками и географией², так как рассматривают развитие исторических явлений в тесной связи с их пространственным размещением, географической средой. Сочетание пространственных и временных аспектов при изучении любого историко-этнографического явления обеспечивает более полное раскрытие тех или иных закономерностей. Особенно перспективен здесь метод картографирования пространственно-географических систем, отражающих генетические, временные ряды. Этот путь привел, например, пятьдесят лет тому назад к открытию крупнейшим советским генетиком, ботаником и селекционером Н. И. Вавиловым мировых центров формирования культурных растений.

Картографический метод изучения пространственного размещения, сочетания, взаимосвязей различных общественных и природных явлений теперь широко используется не только в естественно-географических науках, всегда считавших его одним важнейших инструментов исследования, но и в целом ряде общественно-исторических дисциплин, в частности — в этнографии и археологии.

Систематизация и картографирование громадного фактического материала, характеризующего культурно-бытовое разнообразие народов мира в прошлом и настоящем, позволяют исследователям решать широкие региональные и даже глобальные задачи. Нет нужды говорить о боль-

¹ С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6; А. И. Перший, Актуальные проблемы советской этнографии, «Сов. этнография», 1964, № 4; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Полвека советской этнографии, «Сов. этнография», 1967; № 5; Ю. В. Бромлей, Основные направления этнографических исследований в СССР, «Вопросы истории», 1968, № 1.

² С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 12; С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин, О предмете и задачах этногеографии, «Сов. этнография», 1963, № 1, стр. 14.

ших успехах в области этнического картографирования народов мира, где советскими исследователями очень удачно применен единый принцип атно-лингвистической классификации, отражающей реальные исторические связи народов и общность их происхождения³.

Более сложна разработка принципов и методики картографирования широкого круга этнографических явлений в области материальной и духовной культуры народов. Между тем эта задача выдвигается теперь на первый план в связи с подготовкой региональных историко-этнографических атласов⁴. В связи с этими работами перед исследователями встает ряд сложных методологических проблем, таких как проблема хозяйственно-культурной типологии, соотношение всего мирового богатства хозяйственно-культурных явлений с конкретными народами и их культурно-этническими подразделениями.

Истоки современных представлений о «хозяйственно-культурных типах» и «историко-этнографических областях» следует искать в географических и этнографических концепциях второй половины XIX в., когда научные исследования стран и народов мира принесли убедительные доказательства справедливости марксистской концепции о единстве человеческой культуры (сочетающейся, однако, с множественностью ее локальных проявлений), идеи всеобщности исторических законов развития производительных сил, обуславливающих смену общественно-экономических формаций. Обширный материала свидетельствует о том, что основу общественного производства во второй половине XIX в. еще в значительной степени составляли охота, собирательство, рыболовство, земледелие и скотоводство, т. е. первичные⁵ виды трудовой хозяйственной деятельности, обеспечивающие человечество в основном пищей, отчасти одеждой и жилищем.

Успехи географического изучения мира позволили Э. Хану опубликовать в 1892 г. мировую схематическую карту «Формы экономической деятельности» с ареалами преобладающих занятий: охота и рыболовство; мотыжное земледелие; плантационное земледелие; плужное земледелие; скотоводство; огородничество; мотыжное земледелие со скотоводством; охота и рыболовство со скотоводством; скотоводство с охотой и рыболовством⁶. Э. Хан подверг резкой критике господствующую еще со времен античности трехстадийную схему хозяйственной истории человечества⁷.

Развивая идеи Хана, европейские и американские географы и экономисты опубликовали ряд схематических мировых карт, характеризующих типы хозяйственной деятельности и основные сельскохозяйственные районы мира⁸. Наиболее подробной картой, пожалуй, является карта американца Уайтлиси «Главные земледельческие области земного шара» (1936)⁹. Последняя попытка в этой области — карта, иллюстрирующая труд Грегора «Среда и экономическая жизнь» (1963)¹⁰.

Английский географ Д. Григ весьма убедительно разобрал многие до-

³ См.: С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии, «Сов. этнография», 1981, № 5; «Атлас народов мира», М., 1964, и др.

⁴ См.: С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы, «Сов. этнография», 1964, № 4; Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1971, № 4, и др.

⁵ Г. Беш, География мирового хозяйства, М., 1966, стр. 7, 21—SO.

⁶ Е. Нахн, Die Wirtschaftsformen der Erde, «Petermanns Mitteilungen», Bd. 38, Taf. 2, 1892, S. 8—12.

⁷ См. подробнее: F. L. Kramer, Eduard Hahn and the end of the three stages of man, «Geographical reviews», vol. 57, 1967, № 1.

⁸ См. подробнее: D. Grigg, The agricultural regions of the world: review and reflections, «Economic Geography», 1969, vol. 45, № 2, p. 95—132.

⁹ D. Whittlesey, Major agricultural regions of the earth, «Annals of the Association of American Geographers», vol. 26, 1936, p. 199—240.

¹⁰ H. F. Greg, Environment and economic life, Princeton, 1963.

стоинства и недостатки изложенных схем. Однако он не подчеркнул основного, наиболее крупного недостатка: отсутствия историко-генетического подхода в типологической разработке легенд. Это обуславливает их эмпирический, по существу говоря антиисторический характер.

Более 100 лет назад Э. Тейлор в своем труде «Первобытная культура» (1871) поставил вопрос о закономерностях в развитии культуры и всеобщности прогресса общественных и культурных явлений, эволюционирующих от низших форм к высшим. Большим достижением эволюционистов явился тезис о том, что каждое культурное явление современности может быть до конца понято лишь тогда, когда известны его истоки и основные этапы развития.

Наряду с эволюционным подходом к хозяйствственно-культурной истории человечества на рубеже XIX и XX вв. сформировались школа «культурных кругов» и так называемая культурно-историческая школа, которые все хозяйственно-культурное многообразие мира пытались объяснить как результат миграций, диффузий, заимствований и рассматривали все явления культуры изолированно друг от друга, отрывая их от народов. Картографирование, предпринятое сторонниками этих направлений (Л. Фробениусом, Ф. Гребнером, Б. Анкерманном, У. Риверсои, У. Д. Перри, Э. Смитом и др.), несмотря на порочность методологических посылок, способствовало накоплению картографической информации и зарождению идей об историко-этнографических ареалах¹¹.

Пионером в разработке этнографического понятия «историко-этнографический ареал» был видный американский этнограф Ф. Боас. По его инициативе Академия наук Калифорнии опубликовала в 1900 г. карту «Североамериканские культурные ареалы». Ученники Боаса — О. Мэсон, К. Уисслер, В. Х. Холмс, Э. Сэпир разработали довольно сложную систему «культурных ареалов» Нового Света для периода, предшествующего европейской колонизации. Наиболее обстоятельно это было сделано Уисслером¹², который попытался объединить подход американской «исторической школы» с европейскими идеями «культурных кругов» и диффузионизмом¹³. Многие американские этнографы начала XX в. отказались от идей эволюционистов о единстве человеческой истории, представив ее как совокупность pragматических историй отдельных территориальных групп в границах «культурных ареалов».

В первой половине XX в. идеи культурно-бытовой группировки народов мира получили широкое развитие у представителей так называемого экологического направления, («энвайронментализм») в этнографической и археологической науках. Это направление особенно активно развивалось в 20-х годах в Англии, где археологи О. Кроуфорд и К. Фокс широко использовали возможности географического подхода к первобытной и древней истории Британских островов¹⁵. Тейлор очень высоко оценил книгу Фокса, который выявил широкие возможности «распределитель-

¹¹ См.: L. Frobenius, Der Westafrikanische Kulturreis, «Petermanns Mitteilungen», Bd. 43, S. 22E—236, 262—267; Bd. 44, S. 193—204, 295—4271.; F. Graebner, Kulturreise und Kulturschichten in Ozeanien, «Zeitschrift für Ethnologie», 1905, Bd. 37, S. 28—53; B. Ankermann. Kulturreise und Kulturschichten in Afrika, «Zeitschrift für Ethnologie», 1905, Bd. 37., S. 54—90.

¹² См.: C. Wissler, The American Indian, New York, 1917; его же, Man and culture, New York, 1923; его же, The relation of Nature to Man, New York, 1926.

¹³ См. Ю. П. Аверкиева, Современные тенденции в развитии этнографии США, «Современная американская этнография, Теоретические направления и тенденции», М., 1963, стр. 11 и ел.

¹⁴ См.: С. П. Толстов, Расизм и теория культурных кругов, «Наука о расах и расизме», М.—Л., 1938, стр. 168.

¹⁵ O. G. S. Crawford, Man and his past, Oxford, 1921; C. F. Fox, The personality of Britain. Its influence on inhabitant and invader in prehistoric and early historic times, Cardiff, 1943.

ных карт (distribution maps), являющихся орудием исторического исследования¹⁶.

В европейской этнографии большую известность получила книга английского этнографа Д. Форда «Среда, экономика и общество», выдержанная с 1934 г. 14 изданий. Развивая идеи Уисслера о том, что главные линии размежевания культур предопределены характером природно-ландшафтных зон¹⁷, Д. Форд отошел от географического детерминизма. Пароды развивающихся неиндустриальных стран он считает возможным отнести к трем широким группам: собиратели, земледельцы и пастухи. Каждая группа характеризуется серией однотипных по структуре описаний среды и хозяйственно-культурных особенностей конкретных народов. Во введении и заключении работы Д. Форда освещены некоторые общие закономерности развития человеческой культуры с позиций плюрализма.

Плюралистические тенденции отрицания единства исторического процесса развития культуры явственно проявились в трудах американских этнографов М. Херсковица и П. Мэрдока, которые в разное время исследовали «культурные ареалы», африканского континента. Они сгруппировали африканские народы в хозяйственно-культурном плане и сделали попытки проследить историческую динамику «культурных ареалов»¹⁸. Но, пожалуй, самое яркое выражение негативного плюралистическо-релятивистского подхода к объяснению множественности культурных явлений, причин сходства и различий в образе жизни разных народов — в так называемом «этнографическом атласе» П. Мэрдока. Этот американский этнограф, использовав большой фактический, но в значительной степени случайный материал, свел его в таблицы для перфокарт. Однако он не смог выявить широкие исторические закономерности в распространении культурных явлений и отразить их на карте.

Принципиально иной подход был предложен советскими этнографами, которые в своем анализе хозяйственно-культурного разнообразия народов мира руководствовались марксистской концепцией единства исторического процесса как на синхронном, так и диахронном уровнях; они стремились объяснить неравномерность социально-экономического и культурного развития человечества конкретными особенностями исторического процесса у различных групп народов¹⁹.

Начало разработки научной концепции «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей» в СССР было положено С. П. Толстовым в «Очерках первоначального ислама» (1932) и позднее развернуто в курсе общей этнографии, который он читал на историческом факультете Московского университета. На конкретных материалах по археологии и этнографии Северной Азии эту концепцию успешно развивали многие этнографы и археологи — А. М. Золотарев, А. П. Окладников, С. А. Токарев, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров и др.²⁰. Особенно полно она освещена в совместных работах М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова (1955), которые и послужили основой для дальнейших региональ-

¹⁶ См. рецензию Е. Q. R. Taylor, в журн.: «Antiquity», vol. XVIII, № 70, 1944, p. 103.

¹⁷ C. Wissler, *Man and culture*, New York, 1923, p. 227—232.

¹⁸ M. Hershkovits, *Economic anthropology*, New York, 1952; G. P. Murdoch, *Africa. Its peoples and their culture history*, New York — Toronto — London, 1959.

¹⁹ См.: А. И. Перешиц, Актуальные проблемы советской этнографии, стр. 11—12; «Единство и многообразие исторического процесса», «Вопросы философии», 1971, № 9, стр. 6—14. и др.

²⁰ С. П. ТОЛСТОЕ, Проблемы дородового общества, «Сов. этнография», 1931, III 3—4; его же, Очерки первоначального ислама, «Сов. этнография», 1932, № 2; его же, К вопросу о периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1946, № 1; его же, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, «Вопросы истории», 1961, № 11; А. М. Золотарев, К вопросу о происхождении эскимосов, «Антропологический журнал», 1937, № 1; «Обзор прений

ных разработок на материалах Юго-Восточной Азии²¹, Средней Азии²², Вьетнама²³, Индонезии²⁴, Дальнего Востока²⁵, Тувы²⁶, Прибалтики²⁷, Японии²⁸ и других областей земного шара.

Здесь нет необходимости повторять хорошо известные из литературы дефиниции и методологические основы концепции «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей». Следует лишь заметить, что в последние годы концепция в целом получила дальнейшее теоретическое развитие в ряде публикаций. Можно назвать совместную статью Линь Яо-хуа и Н. Н. Чебоксарова (1961), где исследованы конкретные хозяйствственно-культурные типы Восточной Азии, намечено их генетическое разделение на три основные группы, различающиеся между собой уровнями социально-экономического развития, прослеживается история формирования типов этого региона с древнейших времен до наших дней.

Весьма широко хозяйствственно-культурные различия народов всего мира освещены в недавно опубликованной книге «Народы, расы, культуры», где этому сюжету посвящены не только многие страницы текста, но и специальная схематическая карта «Хозяйственно-культурные типы мира

по докладам на совещании по этногенезу народов Севера 28–29 мая 1940 г.», «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», IX, 1941, М. Г. Левин. К проблеме исторического соотношения хозяйствственно-культурных типов Северной Азии, «Краткий сообщения Ин-та этнографии АН СССР», II, 1947; его же, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М., 1958; М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ип-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. LIV, М., 1960; Линь Яо-хуа, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы Китая, «Восточно-Азиатский этнографический сборник», II, ТИЭ, т. XXIII, М., 1961; Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс, «Сов. этнография», 1968; № 2, Я. В. Чеснов. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйствственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина), «Сов. этнография», 1970, № 6; С. И. Вайнштейн, Проблема формирования хозяйствственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии, «Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1970 г.», Тезисы докладов, Тбилиси, 1971.

²¹ Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы народов Юго-Восточной Азии, в кн. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 64; Я.-В. Чеснов, Традиционные формы хозяйства горных кхмеров Южного Вьетнама, «Сов. этнография», 1966, № 5; его же, О специфике свайных жилищ в Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1965, № 3.

²² Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана, в кн. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I–II, М., 1963.

²³ Мак-Дыонг, Учение о хозяйствственно-культурных типах и его роль в решении национального вопроса в ДРВ, Автореф. канд. дна, М., 1970.

²⁴ J. B. Avá, Suggestions for a more practical classification of the ethnic groups of the Republic of Indonesia, «Anniversary contributions to anthropology. Twelve essays», Leiden, 1970, p. 90–123.

²⁵ Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока, «Проблемы истории Дальнего Востока», Владивосток, 1969, стр. 131–146.

²⁶ См.: С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, Автореф. докт. дис. М., 1969.

²⁷ Н. Н. Чебоксаров, О древних хозяйствственно-культурных связях народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1960, № 3; Х. А. и А. Х. Моор, К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики, «Сов. этнография», 1960, № 3; А. Х. Моор, Об историко-этнографических областях Эстонии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1966, С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народа» в Прибалтике, «Сов. этнография», 1956, № 2.

²⁸ Shiratori Ioshigo, A tentative classification of the subsistence types of the minority peoples in South China. «Studies in Archaic Culture of China», 1965, № 1, Tokyo.

в XV в.» (составленная Л. А. Фадеевым и Я. В. Чесновыны, при участии авторов книги)²⁹.

Дальнейшая теоретическая разработка проблем «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей» теперь позволяет на основе богатейшего этно-географического материала (накопленного, в частности, и советскими этнографами³⁰) поставить вопрос о картографировании культуры и быта народов мира во всем их разнообразии с учетом историко-генетической типологии этих явлений. В связи с этим необходимо сказать о главных принципах выделения и классификации «хозяйственно-культурных типов» на карте, которая здесь публикуется³¹.

Следует напомнить, что речь идет о хозяйствственно-культурных, а не просто о хозяйственных типах, хотя единство типа структурно определяется ведущей отраслью хозяйства, представляющей всегда одну из главных сторон общественного разделения труда. Еще К. Маркс отмечал, что «каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств...»³².

Далее К-Маркс проследил под этим углом зрения различные экономические эпохи, в частности он отметил, что главной отраслью производства в античном и феодальных обществах было земледелие³³. Изучение множественности хозяйствственно-культурных явлений приводит нас к выводу о том, что главным носителем хозяйствственно-культурных типов в докапиталистические эпохи являлось сельское трудящееся население, которое тогда и составляло большинство. Оно и было хранителем хозяйственных и культурных традиций.

Ведущая форма хозяйственной деятельности в конкретных географических условиях в значительной степени определяла важнейшие этнографические параметры образа жизни, которые могут быть сведены к следующим дефинициям: оседлый, полуоседлый, полукочевой, кочевой и бродячий³⁴. Именно эти определения и выделены в легенде к карте в качестве первого структурного слагаемого характеристики хозяйствственно-культурного типа, например: (1) бродячие охотники-собиратели лесов и саванн жаркого пояса; полуоседлые арктические охотники на морского зверя (8); кочевники оленеводы-охотники тундры и лесотундры (15); оседлые пашечные земледельцы жаркого пояса (22) и т. п. (см. карту).

I

Изучение хозяйственно-культурных типов показало, что они в своем развитии тесно связаны с географической средой³⁵. Наиболее ярко эта зависимость может быть прослежена в размещении различных форм сельскохозяйственного производства, главная особенность которого заключается в утилизации солнечной энергии, превращении кинетической

²⁹ См.: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 172.

³⁰ См.: «Народы мира», Этнографические очерки, Под общей редакцией чл.-кор. АН СССР С. П. Толстова, М., 1954–1966; «Очерки общей этнографии», М., 1967–1969; С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958; «Атлас народов мира», М., 1964, и др.

³¹ В данной статье мы сознательно пока оставляем в стороне более сложную и в то же время более широкую этнографическую категорию «историко-этнографическая», или «историко-культурная область». См. также: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 215 и ел.

³² С Маркс и Ф. Энгельс, Соch., т. 12, стр. 733.

³³ Там же.

³⁴ Нерегулярные миграции собирателей-охотников бушменов или австралийцев, резко отличаются, например, от строгих сезонных передвижений бедуинов-арабов. Их образ жизни лучше всего ассоциируется с определением «бродячий», который в «Словаре синонимов русского языка» (т. I, 1970), определяется, как «переходящий из одного места в другое для выполнения своей профессиональной работы».

³⁵ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 4; С. П. Толстой, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, стр. 19, 20; Я. В. Чеснов, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйствственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина), стр. 20, 24.

энергии солнца в потенциальную энергию органических веществ. Отсюда: тесная зависимость возможных пищевых ресурсов от периодического закона географической зональности (годового радиационного баланса земной поверхности, суммы атмосферных осадков и радиационного индекса сухости), определяющего все разнообразие природных комплексов (ландшафтов) от географических поясов до фаций³⁶. На основе стройной теории физико-географических процессов и учения о ландшафтной оболочке была создана схема агроклиматического районирования мира, определены пояса и подпояса³⁷, которые и были учтены при выделении хозяйствственно-культурных типов.

Современное хозяйствственно-культурное многообразие — результат исторического развития хозяйствственно-культурных типов в конкретных географических условиях.

Хозяйственно-культурные типы и природные комплексы находятся в сложных балансовых корреляционных связях, поскольку в природных сообществах — биоценозах — существуют определенные структурные, биотические отношения, которые человек своей хозяйственной деятельностью нарушает и видоизменяет, причем темпы использования человеком природных ресурсов стремительно возрастают. В каждый исторический период влияние общества на природу было ограничено степенью познания законов природы и обусловлено уровнем развития техники, что определялось развитием производительных сил и законами общественного прогресса. В свою очередь зависимость хозяйствственно-культурных типов от экологических условий была всегда и всюду опосредствована способом производства и уровнем социально-экономического развития каждого народа.

Хозяйственно-культурные типы несомненно принадлежат к категории общественных явлений, и, как все другие общественные явления, проходят определенные ступени исторического развития. Возникновение древнейших типов связано с формированием самого человека, человеческого общества³⁸. Независимо от того, где располагалась прародина человечества, т. е. область превращения наших антропоидных предков, первых представителей семейства гоминид, они уже изготавливали орудия труда, умели, вероятно, использовать огонь, имели какую-то общественную организацию. В процессе коллективного труда ими развивалась материальная и духовная культура, которая представляла собой специфическую для гоминид искусственную среду и форму взаимодействия развивающегося человеческого общества с природой.

Хозяйство этих архантропов было очень примитивным, присваивающим и в то же время комплексным; главную роль в нем, несомненно, играла охота на различных крупных животных, наряду с ней определенное значение имело и собирательство. Таким образом, популяции древнейших гоминид, обитавшие в сравнительно однородных экологических условиях, в начале раннего палеолита должны были принадлежать к одному хозяйствственно-культурному типу бродячих охотников и собирателей жаркого пояса.

³⁶ См.: А. А. Григорьев, Закономерности строения и развития географической среды. Избранные теоретические работы, М., 1966; А. А. Григорьев, М. И. Будыко, О периодическом законе географической зональности, «Доклады АН СССР», т. ПО, № 1, 1956; С. В. Калесник, Общие географические закономерности земли, М., 1970, стр. 119.

³⁷ Д. И. Шашко, Агроклиматическое районирование СССР, М., 1967, стр. 204.

³⁸ Положение о тесной взаимосвязи всего процесса антропогенеза с началом формирования хозяйствственно-культурных типов (выдвинутое в свое время С. П. Толстовым, М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым) в некоторых последних этнографических работах было заменено без каких-либо критических обоснований тезисом о том, что «основной толчок» формированию хозяйствственно-культурных типов дало «обособление земледельческого и скотоводческого хозяйства», т. е. первое крупное общественное разделение труда. См.: Я. В. Чесаев, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйствственно-культурных типов, стр. 24; В. Ф. Генинг, Этнический процесс R первобытности, Учебное пособие, Свердловск, 1970, стр. 92 и ел.

На всем протяжении раннего и среднего палеолита территория первобытной эйкумены непрерывно расширялась и к концу этого периода, примерно 50—40 тыс. лет назад, охватывала всю Африку, большую часть Евразии, кроме высокоширотных арктических областей, высокогорий и океанических островов. Нет сомнения, что архантропы и их непосредственные потомки — палеоантропы, расселяясь по поверхности земной суши и попадая в различные экологические условия, постепенно приобретали различные навыки охоты и собирательства и создавали различные формы орудий труда, виды жилищ, одежды, утвари и других элементов материальной культуры. Все они оставались бродячими охотниками и собирателями, в то же время образовывали различные конкретные хозяйственно-культурные типы и подтипы, находившиеся в большой зависимости от зональных природно-ландшафтных условий³⁹. Нельзя себе представить, например, что хозяйствственные навыки и образ жизни, культурные особенности обитателей предледниковых степей Евразии, горных долин Передней Азии, полупустынных и степных территорий умеренного и теплого поясов и влажнотропических лесов жаркого пояса были абсолютно идентичными. В хозяйственно-культурной дифференциации населения мира известную роль сыграло также разнообразие природных ресурсов, в частности характер материалов для изготовления орудий труда, которыми располагали разные группы архантропов и палеоантропов. Этим можно, в известной степени, объяснить, например, преобладание кремневых ручных рубил в Западной части первобытной эйкумены Старого Света и галечных орудий типа чопперов в Восточной части.

На рубеже среднего и позднего палеолита завершается процесс сапиентации древних гоминид, происходивший, вероятно, на широкой территории, которая охватывала если не всю, то значительную часть первобытной эйкумены и, по мнению многих антропологов, включала несколько очагов (скорее всего два) формирования человека современного вида *homo sapiens*, частично, хотя и не полностью, изолированных друг от друга⁴⁰.

В позднем палеолите довольно четко прослеживаются хозяйственно-культурные различия обитателей основных поясов земной суши. Так, для приледниковой степной области Европы и Северной Америки были характерны полуоседлые охотники на крупных животных. Об известной оседлости их свидетельствуют замечательные находки на Украине многочисленных остатков круглых (напоминающих ярангу) позднепалеолитических жилищ из костей, черепов и бивней мамонтов (этой «живой кладовой мяса»)⁴¹.

В более южных засушливых степных и отчасти приморских областях умеренного и теплого поясов преобладала охота на более мелких животных, значительную роль играли собирательство (съедобных злаков, моллюсков на берегах водоемов и т. п.) и отчасти рыболовство. Именно здесь позднее, на рубеже верхнего палеолита и мезолита, началась хозяйственно-культурная дифференциация с выделением оседлых и полуоседлых приморских собирателей и рыболовов, с одной стороны, и подвижных охотников на степных животных и крупных птиц — с другой⁴².

Для влажнотропических лесов и саванн жаркого пояса была характерна стабильность хозяйственно-культурных традиций на протяжении

³⁹ См.: П. П. Бименко, Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 346; Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, М., 1966, стр. 320 и ел.; С. А. Семенов, Развитие техники в каменном веке, Л., 1968, стр. 281 и ел.

⁴⁰ В. П. Алексеев, О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования, «Сов. этнография», 1969, № 1; его же, О первичной дифференциации человечества на расы. Вторичные очаги расообразования, «Сов. этнография», 1969, № 6; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб.

⁴¹ И. Г. Пидопличко, Позднепалеолитическое жилище из костей мамонта на Украине, Киев, 1969.

⁴² С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама, стр. 31.

нескольких десятков тысяч лет. Так, в центре африканского континента просуществовала от 50 до 10 тысяч лет назад почти без изменений верхнепалеолитическая культура «санга», с которой связывают формирование хозяйствственно-культурного типа охотников и собирателей жаркого пояса.

Археологические исследования в горных областях теплого пояса, в частности материалы пещерной стоянки Шанидар, наиболее детально освещают хронологию позднего антропогенеза Передней Азии и последовательную смену культурных горизонтов и хозяйственных навыков обитателей на протяжении почти 100 тысяч лет. Выявленный в ходе исследований переход населения от охоты на крупных животных к охоте на самую разнообразную дичь и широкому собирательству был даже назван археологом К. Фланнери «революцией широкого спектра» (*broad spectrum revolution*), которая, по его мнению, и подготовила переход к «производящему хозяйству» именно в этом регионе⁴³.

В период мезолита наиболее быстро развиваются некоторые приморские территории, где береговое собирательство, охота и рыболовство в связи с оседанием на землю, создают базу для более быстрого хозяйственного и культурного прогресса. В Северной Африке к этому хозяйственно-культурному типу относилась, например, капсийская культура (с характерными раковинными кучами), в Южной Африке — вильтон и др. Десять тысяч лет назад в Передней Азии выделилась зона («полумесяц плодородных земель»), где начался историко-культурный переход (называемый некоторыми «неолитической революцией») от собирания дикорастущих злаков к их искусенному выращиванию и от охоты за дикими животными к их приручению⁴⁴. Первоначально более отсталые тю сравниению с полуоседлыми рыболовами и собирателями морских побережий бродячие охотники континентальных сухих предгорий теплого Бояса (с очагами дикорастущих злаков в плодородных долинах) с внедрением элементов земледелия быстро прогрессируют.

Современные исследователи, следуя заветам А. Декандоля, отдававшего предпочтение археологическим данным, уже приблизились к решению вопроса о времени и месте зарождения земледельческой деятельности и скотоводства. Н. И. Вавилов и его ученики разработали теорию •основных очагов (центров) происхождения большинства культурных растений⁴⁵. Современные палеоэтноботаники (Г. Хельбек, В. Ван Цейст, Р. Макнейш и др.) сумели уточнить географию древнейших очагов земледелия и археологически документировать все стадии перехода от мустерьских «охотников», мезолитических «собирателей урожая» до ранних неолитических земледельцев и скотоводов.

На мировой карте выделился целый ряд древнейших очагов: переднеазиатский и восточно-средиземноморский (VIII—VI тыс. до н. э.); индо-китайский (VII—VI тыс. до н. э.), ирано-среднеазиатский (VI—V тыс. до н. э.), нильский (V—IV тыс. до н. э.), индийский (IV—II тыс. до н. э.), индонезийский, китайский, мезоамериканский и перуанский (III—I тыс. до н. э.)⁴⁶.

⁴³ K. V. Flannery, Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East, «The domestication and exploitation of plants and animals», London, 1969, p. 73–400.

⁴⁴ См. подробнее: Г. Чайлд, Прогресс и археология, М., 1949.

⁴⁵ П. М. Жуковский, Мировой генофонд растений для селекции, мегацентры и эндемичные микрогенцентры, Л., 1970. D. R. Harris, New light on plant domestication and the origins of agriculture: a review, «Geographical Review», vol. 57, № 1, 1967.

⁴⁶ Б. В. Андрианов, Проблема происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования, «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 16–25; его же, Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения я развития орошаемого земледелия), М., 1969, стр. 44, рис. 12.

В кажфм из перечисленных очагов началась смена традиционных хозяйственно-культурных типов бродячих охотников и собирателей типами оседлых и полуоседлых земледельцев и скотоводов, развивались процессы приспособления местных природных ресурсов для нужд сельского хозяйства. Возникнув одновременно с земледелием, скотоводство развивалось иными темпами, то обгоняя земледелие, то отставая от него⁴⁷. Огромную роль во всемирно-историческом процессе сыграло первое крупное разделение труда и развитие орошающего земледелия, на что неоднократно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс⁴⁸. В засушливой зоне теплого и жаркого поясов с незначительным количеством осадков, где разведение культурных растений возможно только благодаря ирригации, создание и поддержание оросительных систем стало важнейшей отраслью общественного производства. С переносом центров земледельческой деятельности в бассейны крупных рек образовалась более широкая база для экономического прогресса, достижения более высокой стадии развития производительных сил и социальной организации. Первые попытки регулирования паводков крупнейших рек на Древнем Востоке в целях орошения и сооружение мощных оросительных систем были тесно связаны с возникновением централизованных государственных образований (древние Месопотамия и Египет, несколько позднее — область бассейна Инда, еще позднее — область бассейна Хуанхэ)⁴⁹.

Примерно в то же время в более южных влажно-тропических областях развивались хозяйственно-культурные типы, основанные на возделывании различных корнеплодов, клубнеплодов, бананов, некоторых видов пальм и других тропических культур. На рубеже III и II тысячелетий во влажных субтропиках Южной и Юго-Восточной Азии стала широко распространяться культура риса (сначала бородатого, позднее — заливного), на базе которой позднее сложились здесь разнообразные хозяйственно-культурные подтипы оседлых земледельцев жаркого пояса. Так, развитие орошающего и неорошающего земледелия в разных ландшафтных зонах и историко-культурных областях Старого и Нового Света способствовало дальнейшей дифференциации хозяйственно-культурных типов, увеличивало неравномерность исторического развития отдельных историко-культурных областей. Особенно значительным был прогресс в зоне пашенного земледелия, которое с использованием присельскохозяйственных работах тягловой силы домашних животных явилось как бы своего рода синтезом древнего ручного (палочно-мотыжного земледелия и животноводства). Здесь следует, однако, отметить, что вопрос о древнейших центрах зарождения пашенного земледелия до сих пор окончательно не решен⁵⁰.

Открытие железа к концу II тысячелетия до н. э. («эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора» по Ф. Энгельсу), а главное — применение железа при изготовлении пахотных орудий резко расширило зону пашенного земледелия и в то же время способствовало дальнейшей специализации скотоводства в обширнейшей зоне полупу-

⁴⁷ Б. Б. Пиотровский. О характере закономерностей в истории культуры, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований, в 1960 г.», М., 1961, стр. 18, 19.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 132; т. 20, стр. 152, 183—185, 188, 500; т. 28, стр. 221, и др.

⁴⁹ Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс, стр. 32.

⁵⁰ Большинство фактических данных говорит о том, что впервые этот синтез был, вероятно, осуществлен в Древнем Двуречье на рубеже IV и III тысячелетий. Видимо, правы П. Лезер и А. А. Стенсберг, которые связывают происхождение пахотных орудий в Месопотамии с применением ручных мотыг-лопат для проведения оросительных, борозд. См. А. Steensberg, A Bronze Age Ard — Type from Hama in Syria intended for rope-traction, «Betrys», vol. XV, 1964; его же, Tools and man, «Man and his habitat», London, 1969, p. 62—78.

стынь и степей Евразии. Именно здесь на рубеже II и I тысячелетий до н. э. начался переход от комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству⁵¹. Формирование и быстрое распространение по огромной зоне Евразийских степей в I тысячелетии н. э. хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников и вызвало, вероятно, «цепную реакцию» в «великом переселении народов».

Миграции кочевников не только оказали влияние на исторические судьбы древнеземледельческих цивилизаций, но и способствовали хозяйственным и культурным изменениям среди периферийных охотников и собирателей Евразии. Так, под влиянием коневодства в Центральной Азии (на Саянском нагорье) возник очаг разведения оленей, и оленеводство стало проникать в зону пеших охотников Северной Азии⁵².

В то время как в Европе неполивное пашенное земледелие, прошло ряд этапов эволюции систем земледелия (залежная, трехполье и плодосменная), на периферии Старого Света и в Новом Свете — в экологических условиях экваториальных лесов, тропических полупустынь, таежных лесов и арктических тундр и побережий—продолжали сохраняться вплоть до начала XX в. исторические условия для существования присваивающих форм хозяйства и соответствующих первобытнообщинных институтов⁵³.

Таковы лишь очень общие черты сложнейшего процесса хозяйственно-культурной дифференциации человечества — путей образования хозяйствственно-культурных типов.

Общая хозяйственно-культурная картина мира в новое время сильно усложнилась. Значительную роль в этом сыграла и искусственная задержка развития ряда народов в результате превращения их в объект колониальной эксплуатации. Под влиянием европейской колонизации в ряде районов мира стали исчезать многие архаические типы, а в некоторых областях сложились новые (такие, например, как конные охотники на бизонов и гуанако в Америке). Целый ряд народов (тасманийцы, огнеземельцы и др.) подвергся полному или почти полному физическому истреблению, вместе с ними исчезли и характерные для этих народов хозяйствственно-культурные типы. Для выявления полной картины развития хозяйственно-культурных типов во времени и их распространения и Динамики в пространстве чрезвычайно важно составить карты их размещения в разные периоды истории, начиная от эпохи первоначального расселения человека на земле и по настоящее время. Но совершенно ясно, что такая работа потребует очень много труда и времени. Она может быть выполнена только последовательными этапами. В качестве первого этапа нами избран синхронный «срез» рубежа XIX и XX вв. К этому времени относится громадное количество полевых этнографических материалов, характеризующих подавляющее большинство народов мира. Степень нарушенное⁵⁴ традиционных форм хозяйства и быта сельского населения развивающихся и отчасти развитых стран еще была не столь значительна. Вплоть до начала XX в. сохранились реликты многих древнейших хозяйствственно-культурных типов,

⁵¹ H. von Wissmann, On the role of Nature and Man in changing the face of the dry belt of Asia, «Man's role in changing the face of the Earth», Chicago, 1956, p. 278–303; «Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht», Berlin, 1968; Б. В. Андрианов, Э. М. Мурзаев, Некоторые проблемы этнографии аридной зоны, «Сов. этнография», 1964, № 4; Т. А. Жданко, Номадизм в Средней Азии и Казахстане, «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968; А. И. Першип, Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время, Автореф. докт. дис., М., 1971.

⁵² См.: С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения оленеводства в Евразии, «Сов. этнография», 1970, № 6; 1971, № 5.

⁵³ С. П. Толетод, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, стр. 21.

таких, например, как калифорнийские собиратели, бродячие охотники-собиратели Амазонии, полуоседлые арктические охотники на морского зверя и т. д.

Все это хозяйствственно-культурное многообразие, как бы отражающее многотысячелетнюю историю, сведено на предлагаемой карте к трем десяткам типов, которые объединены в восемь групп, различающихся: друг от друга все более и более высокой производительностью труда и нарастающей величиной прибавочного продукта, а, следовательно, и; уровнем социально-экономического развития, характером всего образа, жизни и культуры⁵⁴.

В первую группу входят типы с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства, что соответствует самой древней стадии хозяйственной истории человечества. Эта стадия условно называется «присваивающей», хотя трудовая деятельность людей — охотников, собирателей и рыболовов, конечно, не ограничивалась простым «присвоением», а включала ряд довольно сложных моментов как в организации труда, так и в переработке продукции, требующей разнообразных технических навыков. К этой, в значительной мере исчезающей в начале XX в. группе хозяйствственно-культурных типов [1]⁵⁵ следует отнести отдельные группы бродячих охотников-собирателей Африки (пигмеи итури, хадзапи и др.), Азии (пунаны, отчасти аэта, кубу и др.)* Америки (сирионо, ленгуга и др.); охотников и рыболовов тайги и тундры [3] (северные атапаски в Америке, пещевые эвенки, юкагиры в Азии); полуоседлых собирателей рыболовов морских побережий (андаманцы в Азии, алакалуфы в Южной Америке) [5]; арктических охотников на морского зверя (эскимосы, береговые чукчи и коряки) [8] и др. На рубеже XIX и XX вв. в Сибири и на севере Северной Америки один из древнейших хозяйствственно-культурных типов таежных охотников на мясного зверя и рыболовов приобрел своеобразный промысловый характер благодаря торговле и спросу на северные меха на международных рынках; образовался особый, как мы называем, «трансформированный» тип охотников на пушного зверя тайги [9].

Следующая широкая группа объединяет хозяйствственно-культурные типы с «производящей экономикой, основанной на ручном труде»: это скотоводческие (II), земледельческие (III) и земледельческо-скотоводческие (IV) типы. «Скотоводческая» группа хозяйствственно-культурных типов включает в жарком поясе: кочевников-скотоводов-охотников (готтентоты, гереро в Африке) [10], полуоседлых и полукочевых скотоводов-земледельцев (нуэр, динка и др.— в Африке, чамы— в Азии) [11]. В зонах тайги и тундры к этой группе могут быть отнесены полуоседлые скотоводы-охотники (якуты) [13], оленеводы-охотники (эвенки, коряки оленные, отчасти ханты и манси; кеты) [14], кочевники оленеводы-охотники (чукчи оленные, ненцы и др.) [15]⁵⁶.

В жарком поясе сохранились земледельческие хозяйствственно-культурные типы, с охотой, собирательством и рыболовством, без скотоводства или с незначительно развитым скотоводством. К ним относятся полуоседлые ручные или палочно-мотыжные земледельцы-охотники тропических лесов и саванн Африки (монго, азанде и др.), Америки (уйото, пано и др.) и Азии (сеной) [16]. Особую группу образуют земледельцы-

⁵⁴ См. также: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 171 и ед.

⁵⁵ В квадратных скобках — номера хозяйствственно-культурных типов в легенде публикуемой карты.

⁵⁶ Рамки журнальной статьи не позволяют авторам дать детальное источниковедческое обоснование каждому из выделенных на карте хозяйствственно-культурных типов. Конкретный материал содержится в упомянутых в тексте многочисленных работах и, особенно, в коллективных трудах Института этнографии АН СССР — «Очерки общей этнографии» и «Народы мира».

рыболовы океанических островов и побережий (микронезийцы, коморцы) [17].

Земледельческо-скотоводческие хозяйственно-культурные типы представлены довольно широко в жарком поясе Африки, Азии и Америки целым рядом разнообразных типов и подтипов. Их объединяет культивирование главным образом клубнеплодов и корнеплодов (ямс, таро, батат и др.), местами суходольного риса, а также банана, различного вида пальм и т. п., употребление мотыг и палки для сажания; преобладающая роль женского труда в сельском хозяйстве; домашние животные—собаки или свиньи и домашняя птица; оседлые каркасно-столбовые жилища прямоугольного и круглого плана, и т. д. Существует целый ряд хозяйственных подтипов: с тропическим переложным земледелием (*shifting agriculture*)—«читемене» в Африке, «мильпа» у индейцев Центральной Америки, «ладанг» среди юго-восточноазиатских народов [18, а], с тропическим интенсивным орошающим и неорошающим земледелием на каменных террасах, с заливным рисом [18, б] и т. п.; весьма своеобразны формы хозяйства и культуры среди оседлых ручных земледельцев аридной зоны с орошаемым примитивным земледелием (хопи, пима и папаго — в Америке, тубу, загава — Африке) [19]. Еще в начале XIX в. европейцы застали ручных земледельцев-охотников в лесах умеренной зоны Америки [20].

Развитые хозяйственно-культурные типы с преобладанием в хозяйственной деятельности пашенного земледелия также могут быть сгруппированы по основным ландшафтным поясам. Это оседлые пашенные земледельцы жаркого пояса, с целым рядом подтипов (тропическим переложным и интенсивным орошающим и неорошающим земледелием), среди многих народов Южной Азии (бхилы, малаяли и др.), Америки (гвианцы), Африки (амхара) [21, а] и т. д.; на приморских речных дельтах («савахах») [21, б] и т. д. К особому типу следует отнести оседлых пашенных земледельцев и скотоводов аридной зоны с искусственным орошением (арабские народы, иранцы и др.) [22]. В теплом поясе тип пашенных земледельцев может быть подразделен на подтипы: западный: (с развитым огородничеством и садоводством, например, у болгар, молдаван) и восточный (у китайцев) [23, а, б]. В горных районах этот тип пашенных земледельцев отличается более высоким удельным весом в хозяйстве скотоводства (преимущественно в пастушеской форме) и целым рядом специфических черт материальной культуры, присущей горцам (преобладает у народов Кавказа, Передней, Средней и отчасти Центральной Азии — аварцев, афганцев, таджиков, кашмирцев и т. п.) [23, в].

В умеренном поясе в широкой зоне лесов и лесостепей преобладает хозяйствственно-культурный тип пашенных земледельцев с большим количеством подтипов и модификаций в различных социально-исторических и ландшафтно-географических условиях [24]. В первой половине XX в. к нему принадлежало большинство сельского населения умеренного пояса Европы, стран Азии и Северной Америки.

В аридных полупустынных и степных областях Евразии сохранялись в это время подвижные формы кочевого высокоспециализированного скотоводства—от монголов на востоке до кочевых арабов и берберов Сахары на западе. Кочевой образ жизни наложил глубокий отпечаток на всю культуру кочевников. Можно говорить о существовании нескольких локальных вариантов; в пустынях и саваннах жаркого и теплого пояса (бгджа, сомали и др.) [25, а]; в сухих предгорьях (белуджи, бахтиары и др.) [25, в]; в пустынях и степях умеренного пояса (монголы, казахи и др.) [26, а], на высокогорных плато (тибетцы) [26, в] и т. п.

В начале XX в. в ряде стран Европы и Америки преобразование традиционных форм ведения сельского хозяйства зашло настолько далеко, что на месте прежних хозяйствственно-культурных типов стали склады-

ваться новые зональные комплексы экономического и бытового характера благодаря механизации, росту промышленного производства и городов.

В середине XX в.— в эпоху научно-технической революции — значение в общественном производстве хозяйственно-культурных типов быстро уменьшается и сокращается ареал их распространения. Однако и теперь еще свыше 1,3 миллиарда людей ведут полунатуральное аграрное хозяйство и так или иначе связаны с традиционными хозяйственно-культурными типами.

Созданное советскими этнографами учение о «хозяйственно-культурных типах» позволяет не только полнее осветить историю хозяйственной деятельности и культуры народов мира в разных природных зонах, но и установить исторические корни сходства и различий в образе их жизни, выявить на основе системного подхода общие и частные закономерности во всем культурно-бытовом многообразии человечества, в тесной связи с пространственным размещением и с географической средой. Предлагаемая работа представляет собой лишь первый опыт конкретного историко-географического изучения и картографирования хозяйственно-культурных типов мира. Сопоставление публикуемой карты рубежа XIX и XX вв. с вышеупомянутой схематической картой XV в. может дать известное представление о динамике многих типов на протяжении последних пяти столетий. Однако необходимо идти дальше, • развивая картографирование как по направлению к современности, так и вглубь веков. Все это потребует углубленной проработки, с одной стороны, археологических и этнографических материалов, данных письменных источников, характеризующих культуру и хозяйство народов различных эпох, а также статистико-экономических и эконом-географических данных, относящихся к нашему веку.

ECONOMIC-CULTURAL TYPES AND PROBLEMS OF MAPPING THEM

(AT THE TURN OF THE XX CENTURY)

The concept of economic-cultural types and historic-cultural or historic-ethnographical regions elaborated by Soviet ethnographers has permitted them to elucidate more fully the history of economic activity and culture among peoples of the world inhabiting different natural zones and also, by implementing the system approach, to ascertain the historical origins of the resemblances and differences in their way of life, to bring to light the general laws and particular regularities governing their evolution in close connection with their spatial distribution — with the geographical environment.

Economic-cultural types belong to the category of social phenomena, and like all other social phenomena they pass through certain stages of historical evolution.

In the map, all the multifarious peoples of the world at the turn of the XX century are classified into eight groups of economic-cultural types. The first group includes types in whose economy hunting, gathering, and, partially, fishing are predominant; this corresponds to the earliest stage of the economic history of mankind. The next groups comprise types with a «producing» economy based upon labour done by hand (II — animal husbandry; III — agriculture; IV — agriculture and animal husbandry). The fifth group includes highly developed economic-cultural types with tillage agriculture; the sixth group is formed by mixed animal husbandry and agriculture types, the seventh — by transformed economic-cultural types. A special conventional sign on the map distinguishes regions of a highly developed market agriculture and animal husbandry and also regions where urban industrial population is predominant.

А. Пранда

ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВИЗМА НА НЕКОТОРЫЕ ЯВЛЕНИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Влияние билингвизма (двуязычия) на развитие, формирование и характер народной культуры до сих пор не привлекало специального внимания исследователей, обычно оно лишь регистрировалось (терминология некоторых народных занятий и ремесел, инородные слова и обороты в фольклоре) с указанием на чуждое этническое происхождение¹. Поэтому анализ элементов, проникших в традиционную культуру благодаря влиянию чуждых языков, останавливался на полпути. Определялись условия и причины такого проникновения, но не объяснялись связи языка и культуры.

Всесторонним изучением указанной проблемы не занимались и позднее, хотя исследование отдельных тем углублялось с развитием интереса к межэтническим связям².

Такое положение характерно для изучения многих культур, например словацкой. Билингвизм выдвинулся на первый план главным образом в последнее десятилетие в связи с интенсивным изучением тех сложных этнических процессов, которые протекают в многонациональных государствах³, где на них воздействуют многие политические, экономические и культурные факторы⁴.

Напомним, что билингвизм как условие и результат интенсивных межэтнических контактов — явление отнюдь не новое. Он известен в

¹ D. Cranjala, Rumunske vlivy v Karpathach se zvlášněm zřetelem k Moravskému Valašsku, Praha, 1938.

² C. Sirovátka, Česka lidová slovesnost a její mezinárodní vztahy, «Rozpravy CSAV», sv. LXXVII, ses. 15, Praha, 1967; V. Frolee, Kulturni společenství a interetnické vztahy v lidovém stavitelství v Podunají, «Rozpravy CSAV», sv. LXXX, ses. 3, Praha, 1970; A. Pranada, Odchladzanie slovenských robotníkov na polnohospodárske práce. Príspevok k štúdiu interetnických vztahov, Zb. «Slavistika narodopis», Bratislava, 1970, s. 31—86.

³ Изучению этнических процессов много внимания уделяют советские этнографы. См., например: В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4; В. И. Козлов, К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы), «Сов. этнография», 1961, № 4; Л. Н. Чижикова, Заселение Кубани и современные этнические процессы, «Сов. этнография», 1963, № 6; Т. А. Жданко, Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР, «Сов. этнография», 1964, № 6; О. А. Ганщкая, Л. Н. Терентьева, Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике, «Сов. этнография», 1965, № 5; И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, «Сов. этнография», 1967, № 5; В. И. Козлов, Типы этнических процессов и особенности их исторического развития, «Вопросы истории», 1968; № 9; Л. Н. Чижикова, Об этнических процессах в восточных районах Украины (по материалам экспедиционного обследования 1966 г.), «Сов. этнография», 1968, № 1; В. И. Козлов, Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования), «Сов. этнография», 1969, № 2; Л. В. Хомич, О содержании понятия «Этнические процессы», «Сов. этнография», 1969, № 5; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1.

⁴ В. В. Пименов, О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, «Сов. этнография», 1967, № 2; А. Пранда, К некоторым вопросам теории изучения народной культуры, «Сов. этнография», 1969, № 4.

истории культуры каждого народа⁵. Его роль наиболее значима в пограничных контактных территориях или в языковых изолятах внутри иноязычной этнической территории, а также в культуре тех общностей, которые живут в многонациональных государствах, когда второй язык служит средством общения наряду с родным языком.

В Центральной Европе такой территории на протяжении столетий была Карпато-Дунайская котловина, где длительное время существовала государственность, объединявшая множество народов и этнических групп (немцев, венгров, чехов, словаков, поляков, украинцев, румын и т. д.), обменивавшихся элементами языка и культуры. Специфическая для Австро-Венгрии этническая обстановка действовала на развитие традиционной культуры отдельных общностей двояко. С одной стороны, внутри многонационального государства облегчалось взаимное влияние языков и культур. С другой — поскольку здесь издавна пересекались пути проникновения инородных культурных ценностей⁶, которые на этой территории смешивались и наслаждались друг на друга, то именно тут возникли новые явления, приспособившиеся к конкретным условиям быта и культуры обитавших на данных землях этнических общностей. Это позволяет утверждать, что Карпато-Дунайская котловина, в ее рамках большая часть Австро-Венгрии, а уже Словакия издавна были важной переходной культурной зоной⁷. Каждая общность, жившая здесь, благодаря своим развитым межэтническим контактам, перенимала много новых элементов, входивших как в систему языка этой общности, так и в структуру ее народной и национальной культуры.

Необходимо напомнить, что сбор и изучение конкретного материала по всей упомянутой территории с должной полнотой еще не проведен и поэтому приходится ограничиться разбором лишь некоторых теоретических аспектов проблемы влияния билингвизма на народную культуру.

Данную статью мы рассматриваем как попытку теоретически осмыслить пути, которыми народная культура каждой этнической общности обогащалась в прошлом и по которым в новых условиях, главным образом, благодаря усилившейся миграции населения и расширяющимся межэтническим контактам, она обогащается в настоящее время.

К проблеме билингвизма следует подходить с нескольких тесно связанных сторон (лингвистической, социологической и т. д.).

Самым важным для этнографического и фольклористического исследования можно считать выводы лингвистики и социологии, поэтому в дальнейшем изложении мы более всего будем опираться именно на них. Что касается влияния билингвизма в области культуры, то мы обратимся к установлению специфики его влияния как особого типа общественно-языковой ситуации на конкретные явления и всю структуру народной культуры.

Билингвизм — ситуация, сложившаяся в результате развитых межэтнических и, следовательно, языковых контактов. Его можно определить, как параллельное существование в сознании двух языковых систем и соответственно двух систем речевых навыков, как частичное или полное овладение двумя языковыми системами, что приводит к образованию двух навыков речи в сознании⁸.

Из приведенного определения следует, что языковые контакты могут осуществляться на уровне отдельных индивидов и на уровне коллектива.

⁵ A. R g a n d a, K periodizácii vývinn l'udovej kultury na Slovensku, «Slovenský národopis», sv. XVII, 1969, s. 327—347.

⁶ V. F r o l e c, Указ. раб., стр. 7.

⁷ B. S c h i e g Vom Kultunvandel volkskundlicher Erscheinungen in der deutsch-slawischen Kontaktzone, «Volkskunde und Volkskultur», Wien, 1968, S. 383—396.

⁸ М. Михайлов, О некоторых принципах лингвистического изучения двуязычия (на материале русской речи чувашей), об. «Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР», вып. И, Уфа, 1970, стр. 306. См. также: A. Meillet, Sur le bilinguisme, «Journal de psychologie normal et pathologique», v. XXX, 1933; его же, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921.

Нас интересует билингвизм только на втором уровне, когда его реализация происходит в локальной группе или социальном слое, не затрагивая этническую общность в целом. Проявляется он, хотя и не в равной степени, в словарном составе и грамматическом строе обоих языков⁹.

Обязательным условием, без которого влияние билингвизма на народную культуру невозможно, мы считаем более или менее активную форму билингвизма, т. е. когда, наряду с родным языком¹⁰, достаточно распространено владение другим языком, с помощью которого можно Естественно вступать в контакт с представителями другой этнической общности. Индивидуальное пассивное или недостаточное знание чужого языка, несомненно, сокращает влияние билингвизма на народную культуру до минимума.

Чтобы понять механику и динамику воздействия билингвизма на народную культуру и установить пределы восприятия и освоения новых культурных ценностей при овладении вторым языком, необходимо вспомнить, как изучают эти вопросы лингвистика и социология и к каким выводам они приходят.

Лингвистическое изучение билингвизма состоит прежде всего в исследовании закономерностей и результатов языковых контактов, которые возможны путем устной и письменной речи. Из определения билингвизма, однако, следует, что контакты происходят в системах, которые стоят на двух различных уровнях, на уровне письменного языка и на уровне устной речи. Это расчленение имеет первостепенное значение для лингвистического подхода к изучению билингвизма. На уровне устной речи изучается функционирование речевых навыков в конкретных языковых контактах. На уровне письменного языка изучаются размеры структурно-типологического воздействия этих контактов на язык как структуру¹¹, общую не только для определенной локальной группы, в которой эти контакты осуществляются, но и для всей этнической общности. Понятно, что лингвистика учитывает влияние и других, неязыковых факторов, которые определяют характер, размах, интенсивность и другие особенности контактов и которые, с точки зрения внутренних закономерностей развития языка, действуют более или менее на изменения в его структуре. К таким факторам принадлежат, в первую очередь, те самые причины, которые вызывают билингвизм¹².

Если билингвизм возникает из потребности понимать друг друга в семье (при смешанных национальных браках) или из потребности понимать своих иноязычных соседей¹³, то он может оказывать решающее влияние на семейные и общественные отношения, на культуру и быт данной общности.

⁹ B. Havránek. Zur Problematik der Sprachmischung, «Travaux linguistiques de Prague. II. Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue», Prague, 1966, p. 83, 84.

¹⁰ В советской литературе термин «родной язык» употребляется в широком значении. В данной статье его нужно понимать как язык, освоенный первым. В большинстве случаев это бывает язык семейной среды детства. Подробнее см.: Ю. Д. Дешерев, И. Ф. Протченко, Развитие языков народов СССР в советскую эпоху, М., 1968; М. М. Михайлов. О формуле «русский язык — второй родной язык народов СССР», Сб. «Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР», стр. 274—280.

¹¹ E. Hauge. Problem of bilingualism, «Lingua», 1950, № 2, p. 271—290; его же, The Norwegian language in America, I, см. в работе: М. Михайлов, О некоторых принципах лингвистического изучения двуязычия (на материале русской речи чужой), стр. 304.

¹² Ю. Д. Дешерев, И. Ф. Протченко, Указ. раб., стр. 220.

¹³ В районах соприкосновения двух этнических общин, в языковом изоляте, а в последнее время особенно в промышленных центрах многонациональных государств, где сталкиваются представители многих этнографических и этнических групп и общинностей и т. д.

Поэтому его можно назвать бытовым билингвизмом. Если же билингвизм возникает из потребности договориться только на предприятии, то можно говорить о билингвизме профессиональном, так как он узко связан с профессией и языковой ситуацией при производственной деятельности. Он касается прежде всего той части населения, которая сезонно или в рамках ежедневной, еженедельной или более продолжительной майтниковой миграции отправляется на работу в этнически инородную среду.

Эта форма билингвизма в меньшей мере касается структуры языка, быта и культуры этнической общности, к которой принадлежат мигрирующие носители билингвизма. В сфере семейных, а отчасти и общественных отношений на месте жительства влияние его может распространяться через посредство тех же двуязычных лиц. В прошлом это были чаще всего мужчины и очень редко женщины. Хотя женщин и семью профессиональный билингвизм прямо не затрагивал, результаты его воздействия на народную культуру тем не менее обнаруживаются в ряде явлений.

Далее, на распространение и характер билингвизма и специфику его проникновения в структуру языка и культуру двуязычного населения воздействуют и генеалогические различия между языками и культурами (их родственность или неродственность)¹⁴. Лингвистический подход позволяет выяснить степень генеалогической близости изучаемых общностей, их языков и культур. Если в случае родства в некоторых этнических показателях, прежде всего в языке и культуре, можно найти сравнительно широкую переходную полосу, в которой изоглоссы распространения отдельных языковых и культурных явлений не отклоняются резко и не сталкиваются на одной линии, то при отсутствии родства ситуация оказывается отличной. Изоглоссы наиболее ярко проявляются, если не говорить о процессе языковой или культурной ассимиляции, в языке. Менее отчетливы они в культуре духовной, а в виде широкого пояса переходов они обнаруживаются и в материальной культуре. Это можно объяснить и тем, что явления материальной культуры в значительной мере определяются и направляются другими, не чисто языковыми или этническими факторами. Решающее значение имеют фактор географический, характер и уровень производственной деятельности.

Определенное влияние на результаты билингвизма имеют также психологические¹⁵ и другие, главным образом неязыковые факторы¹⁶.

Содержание социологического изучения билингвизма составляет прежде всего изучение неязыковых (политических, экономических, культурных) факторов, которые влияют на его объем, динамику и результаты в данной локальной группе или социальном слое. Упомянутые факторы действуют во времени и в пространстве, что требует соответствующего анализа¹⁷.

¹⁴ P. Ondrus, Triedenie a hodnotenie javov vzájomného vplyvu nárečí pribuzných a nepribuzných jazykov, «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, Philologica», sv. XI–XII, 1959–1960, S. 3–26.

¹⁵ W. Wundt, Die Völkerpsychologie, Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitie, Bd I–II, Die Sprache, Leipzig, 1921–1922; A. L. Arany, Psychologicke základy javov bilingvistických, «Linguistica slovaca», sv. I–II, 1939–1940, S. 39–62.

¹⁶ J. Vachek, K otázce vlivu vnějších činitelů na vývoj jazykového systému. «Acta Universitatis Carolinae, Philologica», III, Slavica Pragensis 4, Praha, 1962, S. 35–46.

¹⁷ М. Н. Губогло, О влиянии расселения на языковые процессы, «Сов. этнография», 1969, № 5; Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР), «Сов. этнография», 1968; № 4; Ю. В. Стракач, К методике изучения современных этнолингвистических процессов (по материалам социолингвистического обследования народов Обь-Енисейского Севера), «СОИВ. этнография», 1969, № 4; В. А. Аврорин, Социально-лингвистическое изучение функциональ-

Особенно важен временной фактор. Продолжительность языковых и культурных контактов принадлежит к тем факторам, которые имеют решающее значение для конкретного объема билингвизма и степени его воздействия на структуру языка и культуры. На наш взгляд, то же значение имеет и пространственный момент. Компактность поселений изучаемой локальной группы (или социального слоя), которая вступает в сложные межэтнические связи, обычно прямо влияет не только на интенсивность языковых контактов, но при их посредстве и на контакты культурные,

Существенное значение имеют статистико-демографические показатели. Численность территориальной группы, замкнутой в языковом изоляте или открытой на границах двух этносов, в большой мере определяет размеры и интенсивность всякого рода контактов. Так, при малой численности группы появляются широкие возможности для влияния на многие явления ее культуры более многочисленной группы. При обозначившейся тенденции к ассимиляции это обстоятельство может оказаться на всех основных специфических ценностях структуры языка и культуры данной этнической группы.

Особое место занимает фактор, который можно обозначить как историческое своеобразие региона. Мы понимаем под ним: а) уровень развития производительных сил и б) размещение и уровень жизни отдельных этнических групп или общностей, населяющих данную область. Внешне он выступает как высокий или низкий уровень развития экономической и общественной структуры.

На основе полевых материалов и выводов тех исследователей, которые изучают этнические процессы в индустриально развитых многонациональных государствах, можно предположить, что потребность в контактах и в владении многими языками скорее возникает у общности, стоящей на более низком социальном уровне, чем у общности, экономическая и общественная структура которой высоко развита¹⁸.

Следующим важным фактором является уровень образования в данной локальной группе или социальном слое населения. При низком уровне грамотности в изучаемом коллективе можно говорить только о низших формах билингвизма: понимании услышанного и умения объясняться на чужом языке. С ростом образования при одинаковом уровне социально-экономического развития увеличивается удельный вес и значение высших форм билингвизма¹⁹, т. е. умения не только понимать и говорить, но и читать, и писать на втором языке. Развитию высших форм билингвизма в последнее время способствуют средства массовой информации — радио, кино, телевидение, печать.

Заслуживает внимания вопрос о причинах того, что в прошлом мужчины во многих странах, в том числе в Словакии, лучше знали иностранные языки, чем женщины. Это объясняется как основным разделением труда в семье, так и уровнем образования. Деятельность женщин в прошлом ограничивалась, главным образом, ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей, работой в поле. Выход за эти узкие пределы был обычно достоянием мужчин. В прошлом для женщин был характерен и более высокий процент неграмотности, чем среди мужчин. Понятно, что эти обстоятельства сказывались не только на их малой мобиль-

ногого взаимодействия языков Сибири, сб. «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», Новосибирск, 1967, стр. 121—138; Н. А. Сердобов, К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тузинцев, «Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории», вып. XIII, Кызыл, 1968, стр. 78—109.

¹⁸ J. Stoic, Réc.Slovákov v Juhoslávii, I. Zvuková a gramatická stavba. Bratislava, 1968, S. 17, 223, 231. J. Kniezsa, A magyar nyelv szlav jövevenyszai, t. 1, Budapest, 1955.

¹⁹ Н. А. Сердобов, Указ. раб., стр. 93.

ности (например, ограничение возможности при выборе главного и побочного занятия и т. д.), но и на овладении высшими формами билингвизма.

Распространение билингвизма находится в зависимости от места жительства и возраста его носителей. Уже в прошлые столетия в городах Словакии не только из-за этнической пестроты их населения, но и благодаря более высокому уровню образования и другим факторам гораздо большая часть жителей, по сравнению с деревней, активно владела иностранными языками. Билингвизм был при этом шире распространен у средних и старших возрастных групп, которые активно участвуют в производстве.

В деревнях Словакии отмечается понижение степени знания чужих языков в высшей и низшей возрастных группах. Причина этому — постепенное ограничение контактов в старшем возрасте (например, у пенсионеров) и их малое развитие (например, в дошкольном возрасте)²⁰.

Не последнее место в распространении билингвизма занимают национально-смешанные браки, число которых в наши дни необычайно возросло, чему способствует, с одной стороны, высокая степень миграций населения в города и промышленные области, с другой стороны — постепенное преодоление различных предрассудков прошлого. Так как смешанные браки имеют решающее значение не только с точки зрения распространения билингвизма из сферы производства в семейную сферу, но и с точки зрения сближения и взаимного обмена культурными ценностями между представителями разных этнических общностей, на них стали обращать внимание и этнографы²¹.

Опираясь на приведенные данные лингвистики и социологии, можно сделать некоторые важные для исследования народной культуры выводы.

Основным можно считать то, что если данная локальная группа или социальный слой овладели и бегло пользуются чужим языком в повседневном быту, на производстве или в семейной среде, это через определенное время оказывается в некоторых областях культуры. Билингвизм в данном случае приобретает функцию канала, по которому перенимаются и осваиваются элементы и ценности другой культуры. Так как билингвизм не только условие, но и результат развитых межэтнических контактов, он выступает одновременно и как граница этнических процессов в широком смысле этого понятия.

Что касается механики и динамики влияния билингвизма на народную культуру, то этнографам полезно использовать достижения лингвистики.

Лица, которые параллельно пользуются двумя системами средств выражения и соответственно двумя разговорными навыками, порою вводят в один из языков, на котором они говорят, приемы другого языка²², которым они также владеют. Это обстоятельство объясняется тем, что

²⁰ Н. А. Сердобов, Указ. раб., стр. 98.

²¹ V. Ziegendorf, *Narodnosťna zmešanost' manželstiev v CSSR*. «Demografie», sv. VIII, 1966; А. Г. Трофимова, Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник, «Сов. этнография», 1965, № 5; О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебец, О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков, «Сов. этнография», 1966, 3; Ю. И. Першиц, О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности, «Сов. этнография», 1967, № 4; Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карабаево-Черкесии, «Сов. этнография», 1967, № 4; Л. Н. Терентьева, Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях, «Сов. этнография», 1969, № 3; стр. 20–30; Л. С. Соловей, К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии, «Сов. этнография», 1969, № 5; Н. П. Борзых, Распространение межнациональных браков в республиках Средней Азии и Казахстана в 1930-х годах, «Сов. этнография», 1970, № 4.

²² А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 74.

оба языка в большей или меньшей степени взаимно влияют друг на друга и в то же время как бы противоборствуют друг другу.

Это взаимовлияние языков лингвистика обозначает термином «интерференция». Интерференция проявляется в виде отклонения от норм данного языка, т. е. как нарушение этих норм. Нарушение норм происходит в обоих языках, хотя и не в одинаковой мере. С одной стороны, интерференция может носить характер незакономерного включения некоторых факторов или грамматических категорий другого (чужого, неродного) языка и тогда называться контаминацией, с другой стороны, при влиянии родного языка на другой, позднее освоенный язык, нарушение норм может выражаться в так называемом акценте²³.

Наблюдения над интерференцией языков можно в полном объеме перенести и на ситуацию, которая возникает при развитых межэтнических контактах на границах соприкосновения двух различных культур.

При длительном ежедневном контакте представителей различных культур постепенно может наступить нарушение определенных традиций и кодифицированных структурных ценностей и норм. Процесс этот проходит три стадии.

Первую можно охарактеризовать как одностороннее усвоение отдельных явлений чужой культуры, прежде всего тех, которые ближе всего к привычной структуре и которые поэтому, естественно, легче впитываются своей культурой. Заимствование и усвоение таких ценностей идет не прямолинейно и не просто, его динамика зависит от силы воздействующих факторов.

Другую стадию можно в зависимости от степени генеалогического родства культур назвать смещением или перекрещиванием перенимаемых культурных ценностей. При смещении родственных культур происходит постепенное их слияние, при скрещивании неродственных культур взаимное их воздействие приводит к подстановке (субSTITУции), к замене одной структуры другой²⁴.

Понятно, что на этой стадии некоторые явления и ценности определенное время сосуществуют. Все же при скрещивании явления одной культуры постепенно начинают оттеснять явления другой культуры и заменять их в сфере и общественной, и семейной жизни. Замена эта осуществляется не в первом, а в последующих поколениях, отношение которых к ценностям первоначальной культуры находится уже на иной функциональной и оценочной ступени.

Третья стадия при родственных культурах представляет большее или меньшее слияние, а при неродственных — замену ценностей своей культуры ценностями культуры перенятой. Эту стадию можно назвать культурной ассимиляцией. Поколение, которое подверглось ассимиляции, может еще помнить об этнической принадлежности предков, но из их языка и культуры оно сохраняет только отдельные элементы.

Ход процесса интерференции языков, как и процесса взаимовлияния двух различных культур путем билингвизма, не прямолинеен. Продолжительность и последовательность отдельных стадий могут варьировать и зависят от многих исторических, экономических, социальных и культурных условий, в которых живет данная локальная группа, социальный слой или этническая общность.

²³ М. М. Михайлов, О некоторых принципах лингвистического изучения двуязычия (на материале русской речи чешской), стр. 306.

²⁴ J. Stole, K otázke mięšania jazykov, «Slavia», vs. XXII, 1953, S. 226^235; Й. N. Schönfelder, Probleme der Völker- und Sprachmischung, Halle, 1956; Л. В. Щерба, О понятии смещения языков, в кн. «Избранные работы по языкоизнанию и фонетике», ч. I, М., 1958; стр. 41; P. Ondrus, K otázke jazykoveho kříženia a mięšania (Na materiáli palockého, novohradského a matranského nárečia v Maďarskej ľudovej republike), «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenskeho, Philologica», sv. X, 1958, S. 66—78; Havranek, Problematika mięšania jezika, «Zadarska revija», sv. XII, 1964, S. 177—185.

Перейдем теперь к значению изучения билингвизма для исследований в области народной культуры, в частности, использования этнографами методических приемов, выработанных лингвистами (см. стр. 19, 20). На уровне индивида, локальной группы или социального слоя можно изучать одинаково форму, содержание и функцию заимствованных явлений, их укрепление в конкретный период и в конкретной области. С точки зрения структурно-типологической явления, перенятые из другой культуры, можно изучать тогда, когда они органически проникли в культуру всего общества, т. е. были приняты как структурные явления. Как и в лингвистическом исследовании, в этнографии необходимо принимать во внимание целый комплекс различных факторов, которые ослабляют (или усиливают) заимствование и усвоение отдельных явлений, смешение или скрещивание культур, придают этому процессу характер медленных и постепенных, а иногда коренных изменений структуры.

Подобный процесс, по мнению социологов, зависит от многих конкретных условий времени, пространства и общности (в которой сказывается влияние билингвизма на культуру), от уровня экономического и культурного развития и т. д.

Появление билингвизма указывает на начало этнических процессов, в ходе которых народная культура данной этнической общности развивается и обогащается новыми элементами не только в лингвистическом плане, но и радикально меняется. Понятно, что его влияние доступно изучению, прежде всего, в тех областях культуры, которые непосредственно связаны с языком.

В первую очередь, это та область духовной культуры и народного творчества, основным средством выражения которой служит слово. Гораздо более ограничена возможность прямого влияния билингвизма на материальную культуру.

В материальной культуре это воздействие можно изучать в связи с распространением наименований новых явлений, которые проникают в народную культуру в период межэтнических контактов. Они входят в словарный фонд как обозначение явлений, которые двуязычный коллектив освоил и включил в структуру своей культуры, например, в области построек, пищи или одежды. Сюда же относится терминология некоторых ремесел, а в скотоводстве — наименования определенных предметов и действий, связанных с молочным высокогорным пастушеским хозяйством. Этот слой постепенно переходит из словаря двуязычных лиц в словарь всей этнической общности, причем он подчиняется основным фонетическим и синтаксическим законам данного языка.

Более сложна ситуация в духовной культуре, фольклоре. Здесь не только само слово и синтаксические изменения, но и их исходная и приспособленная фонетическая и морфологическая форма могут получить несколько различных функций. Чужие слова и целые обороты могут быть использованы как в функции наименования определенного действия, деятельности, предмета, собственности и т. д., так и в других плоскостях. На уровне психологическом они могут отражать знание чужого языка, на уровне художественного творчества они должны служить образному выражению определенной действительности, на уровне магическом (например, в народных заговорах) они могут быть использованы для достижения особого эффекта и т. п. Фольклористика уделяла большое внимание и рассмотрению этих функций, связанных не только с психологией, но и с искусством.

Интерес этнографии и фольклористики к билингвизму, который мы попытались определить, опираясь на данные других наук, с точки зрения отношения языка к народной культуре как к системе и структуре материальных и духовных ценностей, объясняется следующими причинами:

1. Влияние билингвизма на народную культуру нужно изучать прежде всего в связи с межэтническими связями и этническими процессами.

Их размах и разнородность в наши дни возрастают, динамика ускоряется не только благодаря многонациональному характеру некоторых государств, но и темпу индустриализации, размерам миграции, действию средств массовой информации и т. д.

2. Овладение чужими языками становится явлением общим, активно действующим. Оно распространено не только в определенных локальных и социально-профессиональных группах, но и в мелких этнических общностях.

3. В прошлом билингвизм был известен главным образом на границах соприкосновения двух этнических общностей, а при определенных условиях существовал в форме профессионального билингвизма внутри этнически единой территории. В наше время — благодаря широкому распространению национально-смешанных браков — билингвизм проникает из профессиональной сферы в сферу семьи. Тем самым влияние его на народную культуру значительно расширяется и углубляется.

4. Своебразие проблематики билингвизма состоит не только в том, что билингвизм является границей этнических процессов, но и в том, что он устраняет главный барьер²⁵, который прежде стоял между двумя этнически различными общностями, родственными или неродственными по происхождению, и в значительной мере препятствовал заимствованию культурных ценностей. Устранение этого препятствия значительно расширяет обмен культурными ценностями, способствуя сближению и взаимопониманию народов.

THE INFLUENCE OF BILINGUALISM ON CERTAIN FEATURES OF FOLK CULTURE

An attempt is made in the article to consider the process by which the folk culture of each ethnic community is enriched under conditions of increasing inter-ethnic contacts.

One of the results (and, at the same time, one of the factors) of inter-ethnic contacts is bilingualism.

It is the specific influence of bilingualism over the concrete phenomena of folk culture and over its structure that is of interest to ethnographers.

This influence is exerted primarily over that aspect of folk culture which is connected with language, i. e. over intellectual culture (including folklore). The influence of bilingualism over material culture is much more limited.

In his investigation the author has implemented the methods both of linguistics and of sociology.

The conclusion is reached that under the influence of bilingualism the cultural traditions of a given ethnic community are broken up. This process undergoes three stages: the values of the differing culture are partially adopted; the two cultures coexist and mix; and lastly comes cultural assimilation.

The author regards bilingualism as a progressive phenomenon since it eliminates one of the most important barriers which stand in the way of the exchange of cultural values, of the drawing together and mixing of different peoples.

²⁵ Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия, «Соо. этнография», 1969, № 6, стр. 88.

М. Н. Губогло

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ

Невиданное по массовости распространение двуязычия у народов СССР воплощает в жизнь вековую мечту человечества о едином, понятном для всех языке межнационального общения. Нельзя не восхищаться тем, что эта мысль родилась еще на заре цивилизации и через сказания, запечатленные в библейских сюжетах, дошла до наших дней. Во второй главе Книги Бытия сказано: «...У них у всех один язык, и все, что они захотят сделать, будет для них возможно». В легенде о Вавилонском столпотворении (бог смешал языки людей, пытавшихся построить башню до неба, и они перестали понимать друг друга), хотя и в наивной форме, была заложена глубокая идея, что многоязычие разделяет народы и мешает им «прийти к общему согласию». Впоследствии многие авторы истолковывали идею единого языка межнационального общения в альтернативной форме «или — или»: «или единый язык для всего человечества, и тогда люди объединяются и трудятся совместно, или отдельные языки у разных народов, и тогда люди будто бы вообще не могут объединиться и трудиться совместно»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция обеспечила возможность всестороннего быстрого развития всех народов СССР и открыла широкую дорогу для становления и функционирования языка межнационального общения. Этот двуединый процесс наблюдается и в наши дни, когда в многонациональном советском обществе, вступившем в период развитого социалистического общества, возрастает социальный резонанс языковых коммуникаций, осуществляемых путем всестороннего расширения двуязычия. Этот невиданный по массовости и глубине процесс формирует беспрецедентную в истории межнациональных контактов тенденцию языкового развития. В двух словах ее суть заключается в том, что наряду со свободным развитием национальных (родных) языков народов СССР возрастает роль русского языка: все народы СССР добровольно выбрали его в качестве языка межнационального общения.

В литературе неоднократно отмечалось положительное значение двуязычия как важного социального феномена. Однако до сих пор не предпринималось ни одной серьезной попытки конкретного изучения последствий двуязычия на достаточном по количеству и надежном по объективности и репрезентативности материале. Между тем, как нам кажется, задача состоит в том, чтобы показать значение двуязычия для различных народов в разных этнолингвистических ситуациях и в конечном счете соотнести итоги двуязычия с современными социально-этническими процессами. Это было одной из частных задач социально-этнического исследования, проведенного Институтом этнографии АН СССР в Татарской АССР². Ценные сведения о двуязычии и развитии языковых процессов были получены в ходе этнографического изучения удмурт-

¹ Р. А. Будагов, Трактат Данте «О народном языке» и его значение для современности, «Литературные языки и языковые стили», М., 1967, стр. 337.

² Исходные теоретические посылки исследования, его программа и инструментарий, а также принципы построения выработки, обеспечивающей репрезентативность мате-

Таблица 1

Сравнительная характеристика групп сельских татар, в разной степени владеющих русским языком

Характеристики	Владение языками		
	русским хуже, чем татарским	русским лучше, чем татарским	обоими языками в равной мере
Заняты физическим трудом	83,8	56,5	56,2
Заняты умственным трудом	10,2	41,9	39,8
Повышают профессиональную подготовку	10,6	52,0	45,5
Продолжают свое общее образование	3,7	8,9	19,8
Члены (кандидаты в члены) КПСС и комсомольцы	18,7	34,7	47,2
Выполняют ту или иную общественную работу	12,2	36,8	37,2
Оказывают влияние на решение важных вопросов в производственном коллективе	28,7	48,7	56,6
Чем чаще всего занимаются в свободное от работы время:			
учатся	4,0	7,0	9,1
читают	31,3	46,9	64,8
рисуют, поют, участвуют в художественной самодеятельности и т. п.	1,1	7,1	6,6
занимаются домашним хозяйством	78,4	62,7	72,5
Постоянно читают газеты	53,6	73,7	76,6
Постоянно читают художественную литературу	18,3	48,0	46,7
Верующие	32,5	11,5	8,7
Отмечают религиозные праздники	42,2	17,3	8,5
Хотят переехать в город	14,7	26,5	28,2

тов в Удмуртской АССР³ и в реализации этносоциологической экспедиционной программы в Карельской АССР⁴.

Теперь, когда эти исследования в основном завершены, мы можем сделать выводы о некоторых последствиях двуязычия, ограничив свою задачу рамками, сформулированными в названии данной статьи⁵. Широкое распространение двуязычия у сельских и городских татар связано с общими социальными процессами, сопровождающими в годы Советской власти формирование татарского этноса. По всем параметрам, характеризующим социальную активность современного сельского жителя, двуязычные татары продемонстрировали более высокие показатели, чем их одноязычные земляки (см. табл. 1). О положительной роли двуязычия свидетельствует тесная связь между более свободным знанием русского языка и высоким уровнем образования и социально-профессиональной продвинутости. Сельские татары, свободно владеющие русским языком, чаще говорят Г стремлении продолжать учебу, повы-

риала, были разработаны Ю. В. Арутюняном. В проведении исследования с самого его начала принимал участие и автор. См.: Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования, «Сов. этнография», 1968, № 4; О. И. Шкаратаин, Этно-социальная структура городского населения Татарской АССР, «Сов. этнография», 1970, № 3.

³ Программные, методические и организационно-процедурные принципы и приемы исследования, а также построение репрезентативной выборки изложены в статье: Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова, Современные этно-культурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования), «Сов. этнография», 1970, № 2.

⁴ В ходе этносоциологического обследования карелов, проведенного Е. И. Клементьевым, был опрошен 1231 человек. С методическими приемами сбора материала и обоснованием репрезентативности выборки, дающей основание судить обо всех сельских карелах Карельской АССР, можно ознакомиться в следующих работах: Е. И. Клементьев, Метод организации выборки в этносоциологическом исследовании (на Материалах сельского населения Карелии), «Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований», М., 1970, стр. 5—14; его же, Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР), М., 1971, Автoreферат дис. В разработке «языкового блока» «Вопросника», с помощью которого Е. И. Клементьев проводил опрос, принимал участие и автор этой статьи.

⁵ Распространение двуязычия у кавказских народов было изучено Н. Г. Волковой и некоторыми другими этнографами. См. подробнее: Н. Г. Волкова, Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, «Сов. этнография», 1967, № 1.

шать профессиональную подготовку и т. п. Они, как правило, играют более значительную роль в производственной и общественной жизни села; выше оценивают положительное значение и эффективность общественной работы. Среди них меньше верующих, они реже отмечают религиозные праздники. Еще большая разница в отношении к религии отмечается у тех групп татар, которые по-разному реализуют русский язык в своем речевом поведении. Среди тех, кто дома и на работе говорит только по-русски или попеременно на обоих языках, доля верующих составляет 7,8%, в группах татар, говорящих только по-татарски—31,2%. В первой группе 20,3% наших респондентов считает, что с религией необходимо активно бороться, в то время как в другой группе доля активных атеистов составила только 11,6%.

Татары с более свободным знанием русского языка целеустремленнее и интенсивнее осваивают культурные ценности. Они постоянно читают газеты, журналы и художественную литературу, посещают музеи и выставки, участвуют в художественной самодеятельности и т. п. Наоборот, говорящие только по-татарски используют свободное время, главным образом, для занятий в домашнем хозяйстве.

Одним из аспектов социальной активности, как известно, является перемещение сельских жителей в город. Для личности особое значение имеют те перемещения, которые содержат «вертикальный» компонент, т. е. когда одновременно с миграцией повышается социальный статус⁶. Как выявил опрос, двуязычие постоянно находится в числе тех факторов, которые расширяют потенциальные возможности сельских татар, обнаруживших стремление переехать в город (см. табл. 1).

Нас справедливо могли бы упрекнуть в односторонности, если бы, рассматривая положительные последствия двуязычия у татар, мы упустили из виду анализ социальных итогов речевого поведения русских, которые во много раз меньше, чем татары, охвачены двуязычием. 41% русских, живущих в селах с преимущественно татарским населением, изъявили желание переехать в город, еще 11% — переехать в другое село.. Среди татар, жителей русских сел, аналогично настроенные группы лиц составили только 24% и 3%. Особенно показательным является то обстоятельство, что процент лиц, желающих выехать из собственной этнической микросреды (21% у татар и 25% у русских) почти совпадает, а из чужой — резко отличается (соответственно 27% и 52%). Мы видим, что русское сельское население обнаруживает сильное стремление сменить иононациональную среду. Возникает вопрос: чем объяснить такое настроение русских селян в разных типах этнических сред? В поисках ответа на поставленный вопрос рассмотрим степень социальной удовлетворенности русских и татар существующими культурно-бытовыми и производственными условиями.

В целом степень удовлетворенности культурно-бытовыми условиями села у русских значительно ниже, чем у татар: 27% к числу всех опрошенных русских и 38% —татар. Аналогичное соотношение было выявлено и в общей оценке работы: ею удовлетворены 55% русских и 65% татар.

Картина культурно-социальных предрасположений татар и русских заметно видоизменяется, когда мы вводим в поле зрения этнический состав сел; поэтому дальнейший анализ произведем в свете влияния этого фактора.

Данные табл. 2 показывают, что языковый барьер в числе других факторов заметно воздействует на формирование отрицательных установок к контактам с лицами другой национальности, когда субъект находится не в своей этнической среде.

⁶ Ю. В. Артуриян, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, М. Г. Панкратова, Урбанизация села в СССР и некоторые проблемы социального управления, Доклад на VII Международном социологическом конгрессе в Варне, М., 1970, стр. 6.

Обычно негативные установки, адресованные к лицам иной этнической общности, залегают так глубоко, что их нелегко обнаружить элементарными методами: лобовым анкетированием, опросом, интервьюированием и т. д. Как правило, они проявляются опосредованно через некую сумму социально-психологических установок, как бы маскирующих сами этические установки. Действительно, если бы отрицательные межэтнические ориентации проявлялись прямолинейно, то мы могли, например, ожидать, что в татарских селах доля русских, не удовлетворенных отношениями с товарищами по работе или отношениями с не-посредственным руководством, значительно превышает долю аналогично настроенных татар. Однако обращение к общественному мнению не подтвердило этого. Доля русских (89%), положительно оценивших отношения с товарищами по работе в татарских селах, хотя и не намного, но превзошла долю татар, ответивших на этот вопрос положительно (88%). В русских селах оптимистические «голоса» татар (88%) даже превосходят в процентном отношении соответствующие «голоса» русских (84%). И все же русские, живущие в татарских селах, менее удовлетворены условиями, содержанием и режимом работы, величиной зарплаты и т. д., а также культурно-бытовым обслуживанием, работой медицинских, торговых и культурно-массовых учреждений, работой столовой и транспорта, чем русские, живущие в русских селах. В то же время русская среда не изменила отношения татар к своей работе, так как соответствующие оценки и в русской и в татарской среде у них почти совпадали. Имеются ли какие-нибудь серьезные обстоятельства для стимулирования известной неудовлетворенности русских в татарской этнической среде? Анализ табл. 3 показывает, что таких объективных факторов нет. Сравнение русских с татарами в татарских селах по социально-экономическим, социально-бытовым, общественно-политическим и культурно-психологическим параметрам выявляет, что ни одна из этих групп характеристик не лежит в основе неудовлетворенности русских (см. табл.3). Единственное резкое различие между татарским и русским населением— это их речевое поведение. 84% татар в своих однонациональных селах на работе чаще всего говорят только по-татарски. И только 3,7% русских всегда общаются с татарами на татарском языке и еще 18% в контактах с татарами-односельчанами чередуют русскую и татарскую речь. Перед остальными русскими остро встает проблема языкового барьера. Именно в этом, видимо, и коренятся истоки неудовлетворенности части русских, и, очевидно, отсюда идет желание сменить этническую среду. В добавок напомним, что 27% татар — жителей преимущественно русских сел—всегда говорят на работе только по-русски и еще 29% одинаково успешно пользуются обоими языками.

Следовательно, русские, особенно в сельской местности, ощущают определенные трудности вследствие отсутствия у них двуязычия. Это еще раз подтверждает положительную роль двуязычия как важнейшего социального феномена. Благоприятные социальные последствия двуязычия проявляются не только в росте образования, культурного уровня и в общей социальной активности, но и в том, что оно помогает преодолеть национальные предубеждения. Самые высокие показатели положительных межнациональных установок выявились как раз у тех татар, которые свободно владеют русским языком или в одинаковой степени — русским и татарским языками (см. табл. 4).

Это позволяет сделать важный практический вывод об эффективном использовании двуязычия как важного средства идеологического воспитания интернационализма у народов СССР. Кроме того, изложенный выше материал дает достаточное основание считать, что если двуязычие и не оказывает прямого (непосредственного) воздействия на межнациональные установки при этнических контактах, то по крайней мере оно находится в числе тех факторов, которые безусловно психологически

Таблица 2

Культурно-социальные предрасположения татар и русских в разных этнолингвистических средах*

Социально-психологические установки**	Удовлетворены				Не удовлетворены			
	в русских селах		в татарских селах		в русских селах		в Татарских селах	
	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары
I. Своей производственной деятельностью в целом, в том числе: режимом работы условиями работы отношениями с непосредственным руководством отношениями с товарищами по работе величиной заработка самим содержанием работы	54,5 58,7 52,2 68,6 84,5 32,0 59,6	63,6 72,2 70,9 69,5 88,1 52,3 75,5	37,0 44,4 40,7 74,1 88,9 22,2 44,4	64,7 75,8 69,9 76,2 86,7 49,4 67,2	5,2 9,1 10,3 4,9 0,2 20,9 5,8	3,3 2,6 7,3 4,6 0 15,9 1,3	7,4 7,4 29,6 0 0 44,4 11,1	1,1 2,5 3,9 2,0 0 12,1 3,0
II. Культурно-бытовыми условиями села	24,0	23,2	3,7	35,9	11,7	17,9	29,6	8,4

* Влияние различных факторов на национальные установки рассмотрено в статье Л. М. Дробижевод «Социально-культурные особенности личности и национальные установки» («Соз. этнография», 1971, № 3).

** В таблицу не включены все не ответившие на вопрос и те, кто ответил «не вполне удовлетворен».

Таблица 3

Сравнительные характеристики татарского и русского населения в татарских селах (%)

Характеристики	Татары	Русские
I. Социально-экономические:		
повышают профессиональную подготовку	20,5	29,6
продолжают образование	6,0	7,4
зарплата (средняя в руб.)	54,1	63,4
подсобное хозяйство (средний размер в га)	0,22	0,21
наличие в хозяйстве коровы	81,3	59,3
II. Социально-бытовые:		
живут в отдельном доме	95,9	74,1
средний размер жилой площади на одного члена семьи, м ²	6,5	6,7
Имеют: платяной шкаф	38,2	59,3
диван	29,6	55,6
стиральную машину	5,1	22,2
телевизор	5,5	33,3
радиоприемник	57,1	70,4
швейную машину	61	74
III. Общественно-политические:		
коммунисты и комсомолцы	26,4	25,9
выполняют общественную работу	21,1	40,7
влияют на решение важных вопросов в коллективе	14,1	25,9
IV. Культурно-психологические		
занимаются домашним хозяйством в свободное от работы время	74,5	89
вообще не пьют вино или пьют очень редко	61,5	66,7
постоянно читают газеты	60,6	66,7
постоянно читают художественную литературу	25,3	11,1
верующие	29,3	3,7

влияют на формирование положительных установок, способствуют ликвидации этнических предубеждений и дальнейшему укреплению дружбы и братства между народами СССР и ведут к дальнейшему укреплению интернациональной единой общности — советского народа.

Этнолингвистические процессы, в том числе и процессы формирования двуязычия, представляют собой одну из самых важных составных частей этнических процессов. Усвоение языка другой национальности

Таблица 4

Показатели	Владеющие языком		
	татарским	русским	обоими
Всего опрошено	1220	56	252
А. Отношение к межнациональным бракам, в %			
а) положительное	69,4	80,4	75,0
б) отрицательное	10,4	3,6	7,4
Б. Отношение к инонациональному руководству, в %			
а) положительное	65,7	85,7	79,0
б) отрицательное	12,0	3,6	3,2

и последующий переходный период — этап двуязычия — иногда приводят к смене родного языка. Признание родным языка другой национальности свидетельствует о преодолении важного психологического барьера, который обычно возникает при смене человеком одного из этноопределителей своего этноса. Однако это возможная, но далеко не всегда обязательная крайняя точка развития двуязычия. Как показали конкретно-социологические исследования речевого поведения, двуязычие, как правило, не ведет к обязательной смене языка, а смена языка не означает автоматической смены этнического самосознания или других этноопределителей, благодаря которым человек сохраняет прочные связи со своей этнической общностью. За все годы Советской власти у большинства народов СССР в целом устойчиво сохранялись родные языки, совпадающие с этнической принадлежностью. Масштабы смены языка весьма ограничены. Например, доля татар-мужчин, живущих в сельской местности, которые считают родным татарский язык, в 1959 г. сократилась по сравнению с 1926 г. всего на 0,5%, а доля женщин — на 0,3%. За этот же период доля русских, утративших родной русский язык, была еще меньшей: доля русских мужчин, считающих русский язык родным, сократилась на 0,14%, а доля женщин — на 0,16%. Главная тенденция смены языка — переход части городских татар к русскому языку. Обратный процесс — приобщение русских к татарскому языку — был незначительным. Специфика этнолингвистических процессов в Татарии состоит в том, что за годы Советской власти функции татарского языка как регионального языка межнационального общения народов Поволжья сокращались, а функции русского языка в этой роли расширялись.

В результате общая картина языковой смены выглядела в 1959 г. иначе, чем в 1926 г. Численность и доля лиц, признавших своим родным языком русский язык, уже во много раз превосходила численность и долю населения, перешедшего на татарский язык (среди мужчин других национальностей — на 58%, среди женщин — на 69%).

Направление и ход этнического развития во многом предопределяется развитием и взаимодействием двух важнейших этноопределителей — языка и этнического самосознания. Их корреляция может проявляться в самых различных вариантах в многочисленных сферах и ситуациях. Понятия «этническое (национальное) самосознание» и «родной язык» еще недостаточно установились в науке. Широкое обсуждение границ и смысловой нагрузки каждого понятия, которое издавна ведется в литературе, внесло немалую путаницу. Это произошло, как нам кажется,

из-за наличия в каждом понятии двух относительно-самостоятельных сторон: объективной и субъективной. Одной из материальных сторон этнического самосознания может быть предпочтительность браков внутри данной этнической общности⁷, другой — общность происхождения⁸ и т. д. Отсутствие достаточно полных этностатистических данных об этих объективных факторах не позволяет достаточно полно изучить вопрос. Большое значение этого этноопределятеля послужило поводом для обоснования теоретического положения об этническом самосознании как субъективной равнодействующей объективных элементов этнической общности⁹. Две составные части другого этноопределятеля — родного языка, — оказались как бы равноценными по значимости. Действительно, трудно ответить на вопрос, какой язык более «родной» — тот, который считаем своим родным языком сам опрашиваемый, или тот, которым опрашиваемый лучше владеет или чаще употребляет. Равнозначность объективного и субъективного в понятии «родной язык» позволяло произвольно менять смысл самого понятия¹⁰. Занесение в графу «родной язык» советского переписного бланка мнения самого опрашиваемого¹¹ означает прежде всего, что в этом понятии подчеркивается его важнейшая этноопределятельная функция. Канонизация субъективного начала в «родном языке» и перенесение смысла самого понятия в сферу сознания превращает его в неотъемлемую составную часть другого этноопределятеля — этнического самосознания. Это стало возможным в условиях советской действительности, когда все языки народов СССР получили равные права для развития. В условиях национальной или языковой дискриминации этот принцип неприемлем. В том случае, когда совпадают оба этноопределятеля и их важнейшие составные части (объективное и субъективное), ни о каких изменениях в этносе говорить не приходится. Однако широкие контакты советских народов наряду с другими фактами¹² предопределяют глубокие интеграционные процессы, протекающие в трех аспектах: изменение самих этноопределятелей или их составных частей, или, наконец, соотношений между этноопределятелями. Если бы каждое рассматриваемое понятие состояло только из объективного или только из субъективного начала, то определение смены всего этноопределятеля в целом не представляло бы особых затруднений. Двухмерность понятия родной язык создает целый ряд дополнительных сложностей, выдвигая на передний план проблему сущности самого перехода, сущности языковой смены. Действительно, особо важным становится выяснение не того, что представляет собой смена родного языка, а того, где это происходит: в сфере сознания, там, где, согласно нашим предыдущим рассуждениям, лежит субъективная составная часть родного языка, или в сфере реального речевого поведения, где родной язык служит средством общения и обмена информацией, или, наконец, пере-

⁷ Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия, «Сов. этнография», 1969, № 6.

⁸ Г. В. Шелепов, Общность происхождения — признак этнической общности, «Сов. этнография», 1968, № 4.

⁹ П. И. КуЩнер, Национальное самосознание как этнический определятель, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН. СССР», вып. 8, М., 1949; «Численность я расселение народов мира», М., 1962, стр. 31—34, 47—50, Н. Н. Чебоксаров, Вступительное слово на симпозиуме VII МКАЭН «Проблема этногенеза древних и современных народов», «Труды VII МКАЭН», т. 5, М., 1970, стр. 746—757; В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 50.

¹⁰ См., например, сводку содержания понятий «родного языка» в переписях населения стран Зарубежной Европы в кн. П. И. Кушнера (Кнышева). «Этнические территории и этнические границы» (М., 1951, стр. 40—42).

¹¹ В переписях 1939, 1959, 1970 гг. фиксировалось название того языка, который сам опрашиваемый считает родным.

¹² См., например, краткий перечень в статье: М. Н. Губогло. О влиянии расселения на языковые процессы. «Сов. этнография», 1969, № 5, стр. 17; его же: Взаимодействия языков и межнациональные отношения в советском обществе, «История СССР», 1970, № 6, стр. 25—26.

ход к другому родному языку означает синхронную смену языка в каждой сфере.

Из материалов, уже приводившихся выше, читатель мог видеть, что широкое распространение двуязычия и даже более глубокое знание второго языка, чем языка своей национальности, не приводит к языковой смене. Если, к примеру, почти все татарское население Казани умеет в той или иной мере говорить по-русски, то родным языком считают его 3,5% городских татар и 2,5% татарок (материалы переписи 1959 г.) и 6,74¹³ всех татар Казани (анкетный опрос 1967 г.).

Влияет ли смена языка на этническую ориентацию человека? Без соотнесения зависимости между двумя этноопределителями, попытка определения — какая из составных частей (объективная или субъективная) играет большую роль в смене языка — представляется бесплодной.

Несовпадение двух этноопределителей — родного языка и этнического самосознания — должно свидетельствовать о тенденции к определенной этнической индифферентности, т. е. относительной ослабленности этноцентристских установок человека и о значительно меньшем внимании к вопросам этнической принадлежности по сравнению с теми, кто устойчиво сохраняет оба этноопределителя.

Рассмотрим, как соотносятся психологическая и фактическая смена языка. Во втором случае условно за основу возьмем фактическое речевое поведение в домашне-бытовой сфере¹⁴, так как между родным языком и языком домашнего общения существует более жесткая связь, чем между родным языком и языком производственной сферы (см. табл. № 5).

У русского населения Казани психологическое преодоление языкового барьера опережает фактическую языковую смену, что находит свое конкретное выражение в том, что из числа русских, назвавших татарский своим родным языком, 83% дома продолжают разговаривать по-русски. У части казанских татар, наоборот, фактический переход к русскому языку опережает психологическую перестройку. Лишь 19,2% татар, для которых русский язык стал родным языком, дома говорят по-татарски.

Переход на язык другой национальности состоит из нескольких этапов. В каждом из них психологический и фактический переходы чередуются друг с другом в различной последовательности. Исходной точкой всякой языковой смены, безусловно, является овладение вторым языком. В дальнейшем психологический переход может опережать фактический, может идти параллельно с фактическим или отставать от него.

Окончательная смена языка завершается параллельно в сфере объективного (речевое поведение в семейно-бытовой сфере) и в сфере субъективного (родной язык). Исходя из предположения о том, что несовпадение родного языка и этнического самосознания оказывает «расшатывающее» воздействие на систему этноопределителей, можно говорить о том, что смена языка в сфере сознания или в сфере речевого поведения увеличивает степень индифферентности к инонациональному проникновению в недра своего этноса.

Подтверждение этому положению находим в том, что минимальный негативный показатель этнической ориентации по отношению к наци-

¹³ В том числе 7,13% мужчин и 6,44% женщин.

¹⁴ Смешанные в национальном отношении семьи — весьма существенное условие в домашнем речевом поведении — могут в данном случае не приниматься во внимание, учитывая их малочисленность. По этнодемографическому исследованию Э. К. Васильевой, в национальном составе семей Казани в 1967 г. доля русско-татарских семей составила 4%, а национально-смешанных семей татар с иными национальностями (кроме русских) — всего 1%. См.: Э. К. Васильева, Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году (по материалам социологического исследования), «Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 14. В сельской местности ТАССР доля национально-смешанных семей намного меньше, чем в Казани и в других городах.

Таблица 5
Зависимость между речевым поведением на работе и дома
и родным языком опрашиваемых

Национальность опрошенных	(коэффициент Чупрова)	
	речевое поведение дома	речевое поведение на работе
Татары	0,162	0,101
Люди другой нацио- нальности	0,241	0,018

Таблица 6
Родной язык и речевое поведение городских татар
в семейно-бытовой жизни
(по данным анкетного опроса Казани)

Родной язык	На каком языке говорят дома			
	на русском	на татарском	на обоих	на других
Русские (2599 человек): русский	93,1	0,36	0,66	0,1
татарский	83,3	16,16	—	—
Татары (1468 человек): русский	53,5	19,2	20,2	—
татарский	12,4	46,0	35,1	0,2

Таблица 7
Зависимость межнациональных установок от языковой смены
(по данным анкетного опроса татар Казани)

Степень владения татарским языком	Отношение к смешанным бракам			
	считают нежела- тельным	предпочитают человека своей национальности	национальность не имеет значения	затрудняется дать ответ
Не владеют	9,37	6,25	74,99	6,25
Только говорят	9,77	13,53	63,15-	6,77
Читают и говорят	10,07	19,46	59,73	6,71
Свободно читают, пишут и говорят	13,06	11,23	69,22	4,03
Считают своим родным язы- ком: русский	3,03	10,10	70,7	2,02
татарский	12,15	12,81	65,24	5,67

нально-смешанным бракам обнаружили именно те татары, которые фактически утратили владение татарским языком, а максимальный — те, которые владеют татарским языком в полной мере. Весьма характерно, что возрастание отрицательного отношения к проникновению инонациональных элементов в сферу семейно-бытовой жизни находится в зависимости от степени фактической устойчивости языка, совпадающего с этнической принадлежностью. Аналогичное влияние на межнациональные установки оказывает психологическая смена родного языка (см. табл. 7).

Изучение культурно-национальных ориентации сельских карел подтвердило правомерность тезиса о наличии связи между сменой языка и отношением субъектов к элементам национальной культуры. Как видно из данных табл. 8, максимальный интерес к национальным карельским песням, танцам, музыке и свадебному обряду обнаружили именно те сельские карелы, которые признавали родным карельский язык. Среди факторов, вызывающих в современной Карелии «отлив» сельских жителей от традиционных форм культуры, особую роль играют языковые

Таблица 8

**Родной язык и культурно-национальные ориентации сельских карелов
по данным анкетного опроса (%)**

Вопросы и ответы	Признают своим родным языком	
	карельский	русский
Всего опрошено	887	93
I. Вопрос: какие танцы Вам больше всего нравятся?		
Ответы:		
1) предпочитаю «западные»	3,8	10,4
2) нравятся танцы разных народов, но предпочитаю все-таки свои, национальные	11,8	7,2
3) нравятся только свои, народные, национальные танцы	4,6	0,0
II. Вопрос: какие Вам больше нравятся песни?		
Ответы:		
1) предпочитаю «западные»	2,3	10,5
2) нравятся песни разных народов, но предпочитаю свои, национальные	8,8	2,1
III. Вопрос: Какой из концертов предпочли бы?		
Ответы:		
1) только «западной» музыки	1,1	5,6
2) главным образом национальной музыки, а также музыки других народов	10,8	4,6
3) музыки только композиторов Карелии	4,0	1,5
IV. Вопрос: какую свадьбу хотели бы устроить?		
Ответы:		
1) вечеринку с отдельными элементами национального обряда	11,5	1,2
2) по национальному обряду, но не старинному, а новому, сокращенному	8,9	4,9
3) по старинному национальному обряду.	4,7	0,0

Таблица 9

**Родной язык и знание сельскими карелами элементов национальной культуры,
по данным анкетного опроса (%)**

Вопросы и ответы	Признают ¹ своим родным	
	карельский	русский
Всего опрошено	887	93
I. Вопрос: Какие песни Вы считаете своими национальными песнями?		
Ответ:		
1) не знаю	60,6	76,9
2) знаю и могу воспроизвести менее 7 песен	32,7	18,5
3) знаю и могу воспроизвести от 7 до 15 песен	3,6	0,0
II. Вопрос: Какие кушанья вы считаете своими национальными?		
Ответ:		
1) не знаю	7,9	22,5
2) знаю менее 5 блюд	55,0	55,9
3) знаю 5—12 блюд	30,4	17,1

процессы. Широкое распространение двуязычия, дальнейшее расширение сферы действия русского языка, успешно выполняющего у некоторых групп карел функцию не только межнационального, но и внутринационального общения, ускоряют процесс интернационализации культуры.

Смена родного языка, или, другими словами, прекращение функционирования карельского языка как средства этнического отождествления карел с карельским народом, находится в прямой связи с ослаблением знания карелами элементов карельской духовной и материальной культуры (см. табл. 9).

Родной язык и национальная принадлежность друзей
(по данным анкетного опроса в Казани)*

Родной язык	Национальность друзей					
	русских			татар		
	русские	татары	прочие	русские	Татары	прочие
Русский	51,75	40,9	5,7	48,9	45,5	5,5
Татарский	46,2	46,2	7,7	44,7	48,4	4,9

* В таблицу не включены лица, не ответившие на вопросы анкеты.

Последняя ступень языковой ассимиляции, фиксирующая окончательную смену языка, выявляет тесную зависимость с «безразличием» индивида к поддержанию устойчивости этнической общности, от которой он частично отошел благодаря утере одного из важнейших ее этноопределятелей. Описанная тенденция дублируется еще по одной линии: чем интимнее и естественнее сфера речевого поведения и чем менее эта сфера подвержена влиянию экстралингвистических факторов, тем сильнее обратная связь между сменой языка в ней и состоянием культурно-национальных ориентации. Этническая ориентация личности проявляется не только в психологическом отношении к лицам своей или другой национальности, не только в словесном суждении о той или иной ситуации в межличностных отношениях, но также в конкретном поведении. Одним из таких показателей реализации интернациональных чувств и интернационального поведения у советских людей является установление дружеских отношений с лицами другой национальности.

Эта общая тенденция действует и в городах ТАССР, где национальность партнера не оказывала сколько-нибудь заметного влияния на установление дружеских отношений, хотя дружеские пары внутри этнической общности встречаются чаще, чем пары из разных этносов. Группы татар и русских, сменивших язык, несколько отличаются от групп, сохранивших язык своего этноса. Эти различия состоят в преобладании друзей иной национальности в тех группах, в которых родной язык в результате языковой ассимиляции уже не совпадает с этническим самосознанием (см. табл. 10).

Связь между языком и остальными элементами этноса не является однозначной. В одном случае ослабление интегрирующей функции языка компенсируется усилением подобной функции других элементов этноса, и общая система этнического сознания остается в целом неизменной, в другом случае затухание интегрирующей функции языка ведет к усилению индифферентности личности к остальным элементам этнической идентификации и через промежуточный этап — деэтничизацию — кладет начало процессу этнической ассимиляции.

THE SOCIAL-ETHNIC CONSEQUENCES OF BILINGUALISM

Simultaneously with the evolution of the languages of the peoples of the USSR, the role of Russian, which functions as a language of inter-national communication,¹ is continuously rising. The favourable effects of bilingualism are manifested in the more rapid educational and cultural attainments of persons speaking two languages, in their higher social activity. The mastering of the language of another nationality sometimes leads, through a transitional stage of bilingualism, to a shift to a new mother tongue. The integrating function of the mother tongue becomes weakened in the process of linguistic assimilation, this is in a number of cases compensated for by the strengthening of certain other elements of ethnus. Ethnic self-awareness in these cases remains sufficiently stable. In other cases the weakening of the integrating function of the mother tongue loosens the stability of ethnic awareness; this originates the process of ethnic assimilation.

М. В. Горелик

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ МИНИАТЮРА XII—XIII вв. КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МУЖСКОГО КОСТЮМА)

Ближневосточная книжная миниатюра XII—XIII вв. до сих пор почти совсем не привлекалась в качестве источника по истории костюма Ирака, Сирии, Турции и Ирана¹. В настоящей статье автор пытается описать изображенные на миниатюрах мужские одежды, выяснить районы их бытования, а также выявить связи или генезис тех или иных костюмных комплексов или элементов костюма. Необходимо отметить, что термины, употребленные в описаниях, весьма и весьма условны, так как в разное время и в разных местах их значение менялось.

В ближневосточной миниатюре выделяется ряд художественно-стилистических школ, более или менее четко приуроченных к определенным географическим регионам (Сирия, южный Ирак, северный Ирак, Иран, Азербайджан). Эти стилевые особенности касались композиции, колористического решения, иконографии. При передаче костюма мастера-миниатюристы были предельно натуралистичны. Поэтому изучение костюмов персонажей миниатюр с наибольшей полнотой поможет определить, являются ли стилевые различия отражением реальных — региональных и культурно-бытовых — различий.

Наибольшее количество миниатюр содержат рукописи южного Ирака. Миниатюрами иллюстрировались книги, жанрово-развлекательное или научно-описательное содержание которых давало повод художнику к подробному бытописательству. Таковы «Макамат» аль-Харири, «Материя медика» Диоскорида, «Китаб ад-диръяк» Псевдо-Галена.

Наиболее распространенным элементом одежды южного Ирака был «камис»² — длинная до колен или даже до щиколоток верхняя рубаха, слегка расширяющаяся книзу, с рукавами различной длины и ширины (рис. 1, 1—15, 17, 18). Длина самого камиса, а также длина и ширина его рукавов зависели от профессии и социального статуса персонажа — она была тем большей, чем выше был его ранг. Под камис часто надевалась нижняя белая рубашка — «мубаттана»³, которая была чаще всего несколько длиннее камиса (рис. 1, 3, 4, 8, 18). В том случае, когда под камис надевали две мубаттаны, верхняя делалась более короткой, так что обе мубаттаны выглядывали из-под камиса (рис. 1, 4).

Следующим по распространенности в южноиракских миниатюрах видом верхней одежды является халат с косым, справа налево, запахом (рис. 2, 4).

¹ Эта тема затрагивается лишь в следующих работах: А. Мец, Мусульманский ренессанс, М., 1966; Н. Goetz, The history of Persian costume, «A study of Persian art», vol. III, London — New York, 1939; В. А. Крачковская, Иранские заимствования в ленинградских миниатюрах «Макам» аль-Харира, в сб. «Ближний и Средний Восток», М., 1962.

² H. Goets, Указ. раб., стр. 2237.

³ А. Мец, Указ. раб., стр. 307; Н. Goetz, Указ. раб., стр. 2237.

Рис. 1. Костюмы южноиракских миниатюр XII—XIII вв.

Менее распространенным был в южном Ираке халат «рида»⁴, отличавшийся от описанного выше халата прямым осевым разрезом (рис. 2, 6, 7, 8). Длинный рида, как и длинный камис, обычно надевался поверх мубаттана (рис. 2, 8), в случае же траура, когда он был, по-видимому, основным видом одежды, рида одевался на голое тело (рис. 5, 2).

Редко встречается в южноиракской миниатюре изображение короткой персидской куртки «каба» (рис. 2, 5, 9, 13—15), имевшей как правило, прямой или косой разрез, иногда с вышитыми или меховыми широкими лацканами. В качестве теплой верхней одежды или как знак высокого социального положения человека в Южном Ираке одевались «джубба» — одеяние типа рида, но с широким воротом из более плотной

⁴ А. Мец, Указ. раб., стр. 118, 307; Н. Goetz, Указ. раб., стр. 2237.

Рис. 2. Костюмы южноиракских миниатюр XII—XIII вв.

ткани, часто на меху (рис. 2, 10), длинный плащ «дувадж»⁵ без ворота, разрезанный спереди, с застежками и закругленными полами (рис. 2, 11), теплую каба (рис. 2, 14), а также темный бурнус без капюшона (рис. 2, 12). Перечисленные виды теплой одежды встречаются на южноиракских миниатюрах крайне редко, как это было, очевидно, и в жизни, что было обусловлено очень жарким климатом этого района. Когда одежда подпоясывалась, то поясом служил тонкий шнурок (рис. 1, 3, 5, 7, рис. 2, 2, 3, 5, 7, 12), либо, гораздо реже, широкий матерчатый кушак (рис. 1, 18, рис. 2, 7, 9). Никогда не подпоясывались джубба, дувадж, короткая каба.

Ученые, богословы, проповедники, поэты, судьи почти всегда облачены в особую накидку «тайласан»⁶. Иногда это узкий длинный шарф, наброшенный на плечи (рис. 1, 1, 6) или на голову (рис. 1, 10), иногда небольшая накидка, прикрывающая плечи и спину (рис. 1, 17, 18), иногда — просторный плащ, драпирующий все тело и покрывающий голову (рис. 1, 8, 9, 12—15). Тайлесан носили поверх камиса и рида, его набрасывали на чалму, конический клобук или просто на голову.

Штаны на южноиракских миниатюрах — всегда белого цвета, с прямыми или расклешенными штанинами. Иногда штанины стягивались

⁵ Абу-л-Фазл Байхаки, История Масуда, М., 1969, стр. 115, 958.

⁶ Там же, стр. 250, 962; А. Мец, Указ. раб., стр. 76.

внизу шнурком (рис. 1, 9, 13, 14, рис. 2, 4, 5, 11, 12, 14, 15), в других случаях — оставлялись свободными (рис. 1, 7, 17, рис. 2, 3, 13). Длина и ширина штанов в обоих случаях могла быть самой разной. Держались штаны на талии на шнуре, продернутом под загнутый и прошитый край.

На миниатюрах южного Ирака можно различить четыре вида обуви: сандалии, легкие туфли-чувяки, закрытые высокие башмаки и сапоги. Вся обувь — черного цвета. Чаще всего встречаются чувяки с задником или без него, иногда с «языком», с тупыми, острыми, часто загнутыми носами (рис. 1, 1, 4, 9, 10, 18, рис. 2, 1, 4, 6, 8, 10, 11, 12, 14). Довольно часты изображения сапог с высокими узкими голенищами и острыми, иногда загнутыми носами (рис. 1, 3, 5, 11, рис. 2, 2, 9) или же сапоги с широкими, раструбом, довольно низкими голенищами и всегда загнутыми носами (рис. 1, 13, 15, рис. 2, 5). Сапоги не имеют, как правило, каблуков. Значительно реже встречаются высокие глухие башмаки с острыми, тупыми или круглыми носами (рис. 1, 14, 16, рис. 2, 3). Сандалии, состоящие из подошвы, держащейся на трех ремнях, изображаются в единичных случаях (рис. 1, 8). Во время далеких путешествий, как можно видеть на миниатюрах, голени обматывались матерчатыми обмотками, возможно, перетянутыми шнурами или ремешками (рис. 2, 7).

Основным головным убором персонажей южноиракских миниатюр является чалма: или небольшая округлая, витки которой расположены горизонтально, а выпущенный конец либо охватывает ее по периметру, либо заворачивается наверх, либо проходит под подбородком (рис. 1, 1—4, 11, 12, 18, рис. 2, 4, 6, 7, 10), или чалма конической формы (рис. 1, 7, рис. 2, 12, 15). Шапки носили много реже чем чалмы. Бытовали небольшие, остроконечные скуфейки (рис. 1, 9, рис. 2, 1), высокие шапки «калансува»⁷ разных модификаций (рис. 1, 6, рис. 2, 3, 11), «сельджукские» шапки с полукруглым отворотом, спереди отороченным мехом (рис. 1, 5, рис. 2, 9), а также белые войлочные тюрко-иранские колпаки с острой, отогнутой назад верхушкой и отворотом спереди (рис. 2, 5), совершенно аналогичные колпакам тюрок и согдийцев, изображения которых встречаются в китайской мелкой пластике эпохи Тан⁸.

Верхнее платье, в отличие от нижних рубах и штанов, всегда белых, шилось в южном Ираке обычно из гладких тканей красного, фиолетового, голубого, темно-зеленого, желтого, сиреневого, белого, оранжевого, коричневого или черного цветов. Ткани таких же расцветок употреблялись и для тайлесанов, и для тюрбанов. Основным украшением верхней одежды и тюрбанов были полосы, затканные золотом, или полосы желтого цвета, гладкие или орнаментированные. Для украшения одежды применялись и узорчатые ткани.

На южноиракских миниатюрах это почти всегда черные или чернозеленые ткани с желтым, реже белым растительным узором, состоящим из крупных, связанных между собой медальонов с распустившимися бутонами в центре (рис. 1, 1, рис. 2, 10). Иногда это были ткани с узкими черными, реже белыми полосками (рис. 1, 7). Скуфейки и калансува были, как правило, черными, темно-фиолетовыми, иногда украшенными вышивкой или аппликацией. «Сельджукские» шапки крылись цветными материями, часто узорчатыми, войлочные колпаки сохраняли естественный белый цвет.

Обратимся к костюмам, изображенными на миниатюрах из Мосула, т. е. из северного Ирака. Миниатюрами иллюстрированы медицинский трактат Псевдо-Галена и сборник арабской поэзии «Китаб аль-агани» Абуль-Фараджа. Хотя североиракские миниатюры отражают в основном придворный быт, но встречаются также изображения трудовых сцен и походного быта.

⁷ В. А. Крачковская, Указ. раб., стр. 64; А. Мец, Указ. раб., стр. 35, 188, 305; Н. Goetz, Указ. раб., стр. 2237.

⁸ J. G. Mahler, The Westerners among the ligurines of the Tang dynasty of China, Roma, 1959, p. XX, XXII, XII.

Рис. 3. Костюмы на севериракских миниатюрах XII—XIII вв.

Севериракская одежда, судя по миниатюрам, отличалась от южно-иракской не столько покроем, сколько деталями. Кроме того, север и юг Ирака различались по степени распространения того или иного вида одежды. Так, очень популярный на юге длинный камис с широкими рукавами изображался на мосульских миниатюрах крайне редко (рис. 3, 1). Гораздо чаще камис рисовали коротким до колен или до бедер, с узкими рукавами (рис. 3, 5, 10—12, 16). Самым же распространенным одеянием на севере был халат с косым запахом, всегда недлинный (до середины голеней), с узкими отороченными широкой лентой рукавами, такой же лентой украшали полы и подол (рис. 3, 2, 3, 4, 8). Весьма часто как верхнюю одежду поверх камиса или халата надевали длиннополую, открытую спереди джуббу разных видов (рис. 3, 6, 7, 8, 13). Довольно часто на севере носили также кабу, причем с закругленными внизу полами, иногда с широкими лацканами и широкими рукавами (рис. 3, 14, 15).

Примечательно, что на севериракских миниатюрах нигде не изображена белая нижняя рубашка-мубаттана, широко бытовавшая на юге. Ее либо не видно из-под верхней одежды, либо на севере ее не носили вообще, заменив, очевидно, коротким, с узкими рукавами, камисом. Во всяком случае, есть миниатюры, на которых видно, что камис надет на голое тело (рис. 3, 9, 10).

Штаны, как и на юге Ирака, не были обязательной частью мужского костюма (рис. 3, 10). На миниатюрах из северного Ирака можно раз-

личить три типа штанов: первые два такие же, как и на юге—тоже белые, но штанины у штанов второго типа были на севере гораздо шире и иногда с разрезом до колена (рис. 3, 12, 14, 15). Для третьего типа характерны были длинные и довольно узкие, особенно внизу штанины. Эти штаны шились из цветных, иногда узорчатых тканей (рис. 3, 5, 16). Иногда одежду подпоясывали или шнурком с шариками и кистями на концах (рис. 3, 11), или без них (рис. 3, 2, 3), или же неширокой матерчатой лентой, концы которой, украшенные кантом, а иногда и бахромой, свисали чуть ниже колен. Завязывался пояс узлом на животе (рис. 3, 14, 15). На мосульских миниатюрах ноги у персонажей, занятых физическим трудом, босые (рис. 3, 9, 10, 11, 12), остальные персонажи обуты в высокие, обычно черные сапоги, голенища которых спереди поднимались треугольником к колену (рис. 3, 2, 3, 5, 6).

Чрезвычайно многообразны головные уборы, изображенные на миниатюрах мосульской школы. Чалма здесь встречается не часто. К типам, известным на юге Ирака (рис. 3, 1, 10, 11), прибавляется очень маленький, туго и своеобразно закрученный тюрбанчик (рис. 3, 20). Наиболее же популярным головным убором были шапки самых различных фасонов. Здесь и калансува, носимая с чалмой (рис. 3, 17), и очень часто встречающаяся «сельджукская» шапка с золотым или желтым, отороченным темным мехом окольшем, невысокая, куполообразная, с верхом гладким или рифленым, увенчанным золотым навершием (рис. 3, 8), войлочные колпаки — белые, с опущенными полями (рис. 3, 6, 18) (иногда их носили с чалмой) и темные с поднятыми полями (рис. 3, 27), а также маленькая полушаровидная шапочка из белой овчины (рис. 3, 21), и матерчатые шапки с ободками, то в форме заостренного купола (рис. 3, 22), а иногда украшенные спереди и сзади двумя трехзубыми лопастями (рис. 3, 3), то в форме цилиндра с округлым донышком (рис. 3, 28), то с двухкупольным верхом (рис. 3, 29). Много шапок округлой куполообразной формы с рифленым верхом с меховой оторочкой, часто увенчанные золотым навершием (рис. 3, 23—26). Царственные особы носили золотой венец — корону с зубцами в форме листка, трилистника или в виде птиц с распростертыми крыльями (рис. 3, 12, 13, 16).

Ткани мосульские художники изображали обычно гладкими, очень ярких цветов — алые, оранжевые, салатные, травянисто-зеленые, болотно-зеленые, изумрудные, розовые, голубые, сиреневые, желтые, белые. Украшали костюм из этих тканей белые отвороты, а также золотые, желтые или белые каймы на полах и запястьях и такие же вставки на рукавах (в отличие от южноиракских, обычно гладкие). Реже изображались узорные ткани с золотым, белым и желтым растительным орнаментом по темному фону ткани (рис. 3, 2, 10, 13, 14). Встречается также простой геометрический орнамент, нанесенный на светлую ткань темными линиями (рис. 3, 12).

Сирийские мастера иллюстрировали уже упоминавшиеся «Макамат» аль-Харири, «Материя медика» Диоскорида, а также книгу аль-Мубашшира «Избраннейшие беседы мудрецов и прекраснейшие речи». Судя по миниатюрам этих рукописей, одежда сирийцев XIII в. отличалась от южноиракской лишь деталями, хотя некоторые элементы южноиракского костюма здесь вообще отсутствовали. Подавляющее большинство персонажей одето в камис тех же вариаций, что в южном Ираке (рис. 4, 1—6). Носили также тайлсан, и в виде узкого шарфа на плечах (рис. 4, 6), и в виде просторной накидки (рис. 4, 1—3). Военно-административная знать, т. е. считанные единицы, носили разрезанную спереди кабу, украшенную широкой каймой по вороту, бортам, а иногда и полам (рис. 4, 8, 9). Белые штаны в Сирии шились, как правило, с длинными узкими штанинами, не стянутыми у лодыжек (рис. 4, 1, 6).

Судя по миниатюрам, в Сирии XIII в. часто носили сандалии, закреплявшиеся тремя ремнями (рис. 4, 1), легкие чувяки с задниками

Рис. 4. Костюмы на сирийских и западноиранских миниатюрах XII—XIII вв.:
1—9 — Сирия, 10—23 — Западный Иран

и острыми носами, изредка с каблуками (рис. 4, 9), а также черные или красные сапоги с высокими узкими голенищами, с острыми носами, почти всегда без каблуков (рис. 4, 4, 5, 8). Чувяки могли носиться с обмотками, обвивающими ногу почти до паха, закрепленными кожаными шнурами (рис. 4, 9). Возможно, однако, что здесь изображены чулки с косыми поперечными полосами. В качестве головного убора сирийцы носили чалму и, гораздо реже, шапку. Чалмы были небольшие, низкие, как в южном Ираке, украшенные вставкой. Конец чалмы, если он был длинным, выпускался сзади на спину, если коротким, то сбоку (рис. 4, 1, 5). Другой вид сирийской чалмы отличался от южноиракских тюрбанов большей величиной и способом повязывания (рис. 4, 2, 3). Изредка

Рис. 5. Траурные одеяния. Южный Ирак XIII в.

рием на макушке (рис. 4, 7), а также высокая конусообразная шапка из мерлушка с округлым верхом и ободком по краю (рис. 4, 9). Единственным видом пояса был матерчатый скрученный кушак (рис. 4, 8, 9), которым подпоясывали только кабу.

Ткани на сирийских одеяниях были как гладкие, так и узорчатые. Характерно, что в Сирии, в отличие от Ирака, ткани покрывались всегда геометрическим узором — пересекающимися звездами (рис. 4, 2, 3) и широкими и узкими полосами (рис. 4, 4, 5). Цвета тканей на сирийских миниатюрах — белый, синий, сиреневый, изумрудный, темно-зеленый, коричневый, оливковый, алый. Одежды из всех тканей, кроме звездчатых, украшены вставками на рукавах.

Обратимся к одеждам Ирана и Азербайджана. Они изображены на миниатюрах, иллюстрирующих астрономический трактат ас-Суфи «Китаб ас-сувар ал-кавакиб ас-сабита» (Книга изображений постоянных созвездий) и романтическую приключенческую поэму Айюки «Варка и Гульшах». Костюм рассматриваемых областей отличается оригинальностью. На миниатюрах — два основных типа верхней универсальной одежды. Первый тип — это уже известный нам камис (рис. 4, 10, 12). Но в Иране и Азербайджане он приобретает весьма специфические формы — он всегда короткий — до колен, широко расклешен книзу, с

на сирийских миниатюрах, но только в сочетании с коротким камисом или кабой, встречаются шапки в виде заостренного купола, обмотанного узкой скрученной повязкой (рис. 4, 6), «сельджукская» шапка классической формы (рис. 4, 8) и уникальный ее вариант — с окольышем треугольной формы без меховой оторочки и осто-

Рис. 6. «Ихрам» — одеяние паломников XIII в.; 1—3 — Южный Ирак, 4—7 — Сирия

круглым или треугольным вырезом у шеи и отложным воротником. Рукава такого камиса могли быть и очень широкими и очень узкими. Нередко камис имел спереди разрез от пояса до подола (рис. 4, 12), а если разреза не было, то в боковые швы камиса вшивались широкие косые клинья, более длинные, чем подол, спереди и сзади (рис. 4, 11) — старая иранская традиция (рис. 8, 1). Столь же часто на миниатюрах Азербайджана и Ирана встречается короткий до колен кафтан с боковым разрезом и косым запахом, с узкими рукавами, на подкладке (рис. 4, 13, 14). Реже носили короткую кабу с таким же, как у кафтана, косым запахом, широкими недлинными рукавами, ее подол мог быть украшен полукруглыми фестонами (рис. 4, 15). Штаны в Иране и Азербайджане шили белые, с длинными,

очень широкими часто расклешенными штанами. Такие штаны не стягивали у щиколоток (рис. 4, 12, 15). Камис могли подпоясывать (рис. 4, 10), но могли и носить свободным (рис. 4, 11, 12). Кафтаны и кабу обычно подпоясывали матерчатым узким кушаком с широкими закругленными концами, украшенными вставками (рис. 4, 13, 15).

Чалму персонажи иранских и азербайджанских миниатюр носят чаще всего очень маленькую, туго свернутую, округлую или приплюснутую (рис. 4, 11, 12, 16), реже — свернутую крупными мягкими завитками, с выпущенным сзади кверху концом (рис. 4, 10). Но встречается и большая чалма с крупными завитками, перетянутыми одним из концов, который в некоторых случаях выпускался на макушку и распускался веером (рис. 4, 15, 17). На иранских и азербайджанских миниатюрах изображены разнообразнейших фасонов шапки. Здесь и неоднократно упоминавшаяся «сельджукская» шапка, но сильно вытянутая (рис. 4, 14, 18), и белый остроконечный войлочный колпак, точно такой же, как на миниатюрах южного Ирака (рис. 4, 23), и очень оригинальная шапочка с двумя разноцветными цилиндрическими тульями, поставленными друг на друга, с полушиаровидным, увенчанным шишечкой верхом (рис. 4, 19). Интересна шапка с плоским верхом и очень широкими отворотами, закрывающими всю тулью, поднимающимися спереди и сзади выше донышка шапки (рис. 4, 20). Очень часты изображения шапок с круглым узорным верхом, иногда украшенные шишечкой и либо отороченные широкой полосой меха, загнутой с одного бока, либо обшитые по краю узкой лентой (рис. 4, 21, 22). Такие шапки обычно сдвинуты набок.

Обувь в Иране и Азербайджане, судя по миниатюрам, бывала двух видов: легкие, черные, реже красные, остроносые чувяки без задников (рис. 4, 12) или, много чаще, высокие сапоги с расширяющимися кверху голенищами (рис. 4, 11, 13). К верхнему, завышенному спереди краю голенищ пришивался широкий кант, а спереди нашивался еще длинный треугольный кусок кожи (всегда другого цвета, чем сапоги). С его помощью сапоги привязывались к поясу. Часто сапоги украшались узором, состоящим из полосы, начинающейся спереди от подъема ноги, поднимающейся назад вверх и охватывающей изогнутой петлей голенище сапога сзади (рис. 4, 11). Сапоги шились из коричневой, бежевой, желтой, красной, светло-зеленои и черной кожи.

Ткани азербайджанских одежд, чаще всего гладкие розового, лазоревого, голубого, фиолетового, светло- и темно-зеленого, белого, алого и коричневого цветов, с желтыми и золотыми, иногда узорчатыми вставками на рукавах. Орнамент на ткани, встречающийся очень редко, состоит обычно из кружков с глазками в центре или из извилистых горизонтальных линий.

Необходимо особо сказать о ритуальных одеяниях. На миниатюрах южноиракской школы траурные одежды были белого, реже красного цвета, и состояли из рида или, реже, камиса, надетых на голое тело, костюм иногда дополнялся белым широким тайласаном (рис. 5). Другим видом ритуальной одежды был «ихрам» — одеяние хаджи, надеваемое им при вступлении в священную область Мекки и Медины. Южноиракские миниатюры дают классический тип ихрама — короткая юбка, неширокий шарф на плечах, голова не покрыта⁹, все одеяние белого цвета (рис. 6, 2, 3), в исключительных случаях — голубого и зеленого

Рис. 7. Древнеарабский костюм. Каменное надгробье из Южной Аравии (конец I тыс. до н. э.)

⁹ И. П. Петрушевский, Ислам в Иране 7—15 вв., Л., 1966, стр. 79.

Рис. 8. Ирано-турецкий и византийский костюм; 1 — Сасанидская торевтика, VI в. Иран; 2 — терракота IV—VI вв., Согд; 3 — стенопись из Фундукистана, VII—VIII вв., Афганистан; 4 — стенопись из Дуньхуана, конец VI — начало VII вв., Китай; 5 — с картины Ли Лунь-мяня (1040—1106) «Коны западных стран с проводниками», Китай; 6 — стенопись из Ходжо, IX—X вв., Синьцзян; 7 — мозаика церкви С. Витале в Равенне, VI в.; 8—9 — мозаика церкви С.-Аполлинаре Нуово в Равенне, VI в.; 10 — византийская миниатюра XI в.; 11 — армянская миниатюра, 1211 г.

(рис. 6, 1). Сирийцы одевали как классический ихрам (рис. 6, 7), так и ихрам, состоящий из одного куска ткани, обертываемого вокруг голого тела разными способами так, что иногда закрывалась и голова (рис. 6, 4—6). Сирийские ихрамы отличались от югоиракских также тем, что были обычно цветными — голубыми, зелеными, оливковыми и обшивались по краям белым кантом.

Теперь попробуем найти место костюмов, изображенных на миниатюрах Сирии, Ирака, Ирана и Азербайджана XII—XIII вв., в общем ряду развития мусульманского костюма, попытаемся выяснить, какие культурные традиции повлияли на сложение их локальных особенностей. Ближневосточный костюм складывался под воздействием самых различных культурных традиций. Одежда арабов, завоевавших исламизировавших почти весь Ближний и Средний Восток, издавна состояла из длинной широкой рубахи и юбки (рис. 7), Арабская рубаха (камис) в силу ряда причин распространилась широко. Мужская аравийская юбка сохранилась лишь в пределах Аравии, о чем свидетельствует и материал миниатюр, где в юбке изображен лишь житель Южной Аравии за сбором благовоний (рис. 1, 16). Только в ритуальном ихраме юбка надевалась жителями других областей.

Костюм Сирии и Месопотамии уже с первых веков нашей эры испытывал сильнейшее влияние как со стороны античного мира, так и со стороны иранского, а затем, с середины I тысячелетия н. э., и тюркского Востока. Остановимся сначала на восточных традициях и их влиянии. Иранский костюм, чьи основные элементы — рубашка до колен и короткий или длинный кафтан (и то и другое с круглым воротом и длинны-

ми узкими рукавами) известен еще в ахеменидском Иране¹⁰, Средней Азии, на Алтае и в скифо-сарматской среде второй половины I тысячелетия до н. э.¹¹ К началу I тысячелетия н. э. сформировались два во многом схожих комплекса одежды — кушано-парфянский и хуннский¹², на базе которых развился единый комплекс ирано-тюркского костюма второй половины I тысячелетия н. э., оказавший сильнейшее влияние как на южное Средиземноморье, так и на Дальний Восток. Все формы одежд, бытовавших в сасанидском Иране (рис. 8, 1) и областях, близких ему в культурном отношении — Средней Азии и Бактрии (рис. 8, 2, 3), вошли составной частью в ближневосточный костюм, оказав особенно сильное воздействие на сложение комплекса мужской одежды в Иране и Ираке. Ирак был центральной областью сасанидского Ирана, и персидское влияние, даже спустя много столетий после арабского завоевания, было очень сильным в его городах.

Огромное воздействие оказал также мощный центральноазиатский культурный комплекс. Костюм тюрок, доходивших от степей Монголии до Дуная, с одной стороны, впитал благодаря согдийскому посредничеству многие иранские элементы (рис. 8, 4—6), с другой — сам оказал заметное влияние на одежду иранских областей. Не говоря уже о тюркизации Средней Азии, Азербайджана, а до некоторой степени и ряда областей Ирана, тюркская военная знать была ведущей политической силой почти на всем Ближнем Востоке, начиная с IX в. и особенно в XII—XIII вв., и влияние ее в отношении моды было огромным.

Другим мощным определяющим фактором в сложении ближневосточного костюма XII—XIII вв. было влияние восточноэллинистических традиций — позднеримских, а потом и византийских. Дело не только в том, что страны юго-западного Средиземноморья входили в состав Римской империи и Византии, но и в том, что исконная одежда арабов — длинная широкая рубаха и широкий длинный плечевой шарф (верхняя часть их рама) были совершенно схожи по типу с римско-византийской далматикой с «claveами» (широкими вертикальными полосами) и гиматием — одеждой людей умственного труда (рис. 8, 7—11), составляя единый культурно-исторический комплекс одежды.

Можно выделить следующие основные характерные элементы одежды западной и восточной частей средневекового Востока к X—XIII вв. На востоке это рубахи с круглым воротом и длинными косыми клиньями в боковых швах; куртки, короткие и длинные кафтаны или халаты с осевым разрезом или с косым запахом, безрукавные длинные плечевые плащи, белые и цветные штаны, сапоги с высокими голенищами, край которых часто поднимался спереди углом, остроконечные войлочные колпаки с полями, остроконечные шапочки, высокие шапки «калансува», шапки с матерчатым верхом и меховой оторочкой или целиком меховые, «крылатые» короны, ременные пояса с подвесками и металлическим набором или широкие матерчатые кушаки, ткани гладкие или с растительным и несложным геометрическим узором, вставки на рукавах, широкие треугольные лацканы, меховые оторочки и канты.

На Западе это очень широкие и длинные закрытые рубахи с круглым воротом и длинными, чаще широкими рукавами, редко подпоясываемые короткие легкие рубашки такого же покрова, накидки в виде шарфа или широкого драпирующегося плаща, разного вида головные повязки — чалмы, тюрбаны и т. п., легкие туфли-чувяки, ткани гладкие или украшенные полосами со сложным геометрическим орнаментом, реже — мел-

¹⁰ E. F. Schmidt, Persepolis, vol. I, Chicago, 1953, p. 74.

¹¹ С. И. Руденко, Горноалтайские находки и скифы, М.—Л., 1952, рис. 34, 36, 39.

¹² С. И. Руденко, Культура хуннов и юниулинские курганы, М.—Л., 1962, рис. 36—38, табл. 10—18; J. M. Rosenfield, The dynastic arts of Kuschans, Berkeley — Los Angeles, 1967, p. 63, 80, 98, 102, 103, 115.

Рис. 9. Мусульманский костюм VII—XIII вв.; 1 — с картины художника Лу Лен-ся «Архат», VII в., Китай; 2 — аббасидская стенопись из Самарры, IX в., Южный Ирак; 3 — роспись керамики из Самарры IX в.; 4, 5 — торевтика X в., Средняя Азия; 6 — стенопись из Лашкад и Базара XI в., Афганистан; 7 — миниатюра XI в., Иран; 8 — рельеф на сосуде XII в., Мерв, Южная Туркмения; 9 — реальная кость XII—XIII вв., фатимидский Египет или Сирия; 10 — стенопись Капеллы Палатина в Палермо, XII в., сицилийские арабы; 11 — стуковый рельеф 1195 г., Рей, Центральный Иран; 12 — бронзовая пластика XII в., Иран; 13—15 — таушировка на металлических сосудах, Мосул, I пол. XIII в.; 16—19 — роспись керамики, нач. XIII в., Рей

ким растительным узором, поясом, который одевался редко, служил тонкий шнурок. Теперь посмотрим, в каких областях Ближнего и Среднего Востока преобладали те или иные элементы, учитывая их общее широкое распространение и взаимопроникновение.

Если в VII, VIII вв. на Ближнем Востоке преобладал западный комплекс (рис. 9, 1), то уже в IX—X вв. в Средней Азии, Афганистане, Иране и Ираке берут верх восточные элементы (рис. 9, 2—8). Восточное влияние усиливается особенно с XI в. в связи с сельджукскими завоеваниями и захватывает теперь уже и Азербайджан, полностью возобладав и относительно унифицировав в XII в. моды в Иране, Азербайджане и Северном Ираке (рис. 9, 11—19).

Не меньшей силой воздействия обладала и культура фатимидского, а затем эйюбидского Египта XI—XII вв.—цитадели западного комплекса костюма, распространившего свое влияние на Сирию, Палестину и арабскую Сицилию (рис. 9, 9, 10). Южный Ирак оказался как раз в центре перекрещения этих традиций.

Следует отметить, что на восприятие тех или иных элементов восточного или западного комплекса одежды в областях более или менее смешанных традиций (Сирии и южном Ираке) оказали воздействие факторы социальной стратификации. В западный костюм облачались представи-

тели умственного труда; а те, кто занимался физическим трудом, носили укороченный вариант одежды западного комплекса. Восточный комплекс присущ одежду высшего правящего слоя и особенно военным всех рангов. Купцы и домашняя прислуга в богатых домах (обычно тюркские рабы) носили одежду обоих типов.

Таким образом, мы видим, что костюм, изображенный на ближневосточных миниатюрах XII—XIII вв., представляет собой элемент культуры, созданный творчеством разных народов. Культурные традиции здесь изменились как в силу внутреннего развития, так и в связи с внешними частыми и сильными воздействиями.

По преобладанию тех или иных традиций, имея в виду относительную целостность всего комплекса, мы можем наметить три региональных варианта этого комплекса, с локальными различиями внутри некоторых из них: Сирия (аравийско-египето-восточнохристианская традиция), северный Ирак, Иран и Азербайджан (три локальных варианта ирано-турецкой традиции) и, наконец, южный Ирак — сочетание обеих указанных традиций с преобладанием первой. Показательно, что такое деление костюмного комплекса вполне соответствует и региональным различиям в художественных особенностях в общем единого стиля ближневосточной мусульманской миниатюры XII—XIII вв.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рукописи XII—XIII вв. с миниатюрами

«Макамат» аль-Харири. 1) Ленинград, ЛОИВАН, 1230 г. Табл. 1, рис. 1—4, 6, 8—11, 13—15; табл. 2, рис. 4, 5, 10, 12, 14, 15; табл. 6, рис. 1—3). 2) Париж, Нац. Библ. аг. 5847, 1237 г. табл. 1, рис. 12, 18; табл. 2, рис. 6—8, 11. 3) Париж, Нац. Библ., аг. 3929, I полн. XIII в., табл. 1, рис. 5, табл. 2, рис. 3, 13. 4) Париж, Нац. Библ., аг. 6094, 1222 г., табл. 4, рис. 1—6, 9, табл. 6, рис. 4—7. 5) Библ. в Сулеймание, I пол. XIII г., табл. 1, рис. 7, 17.

«Материя Медика» Диоскорида. 1) Мешхед. Библ. погребального комплекса Имама-Резы, 1155—1165 гг., Табл. 1, рис. 16, табл. 2, рис. 1. 2) Нью-Йорк. Метрополитэн Музей, 1222—1224 гг. Табл. 2, рис. 2. 3) Стамбул. Музей Топкапу, 1229 г., табл. 4, рис. 4, 5.

«Китаб ад-Дирьяк» (Книга противоядий) Псевдо-Галена. 1) Париж, Нац. Библ. 2964 г., табл. 3, рис. 9, 10, 13, 14. 2) Вена. Гос. Библ., сер. XIII, табл. 3, рис. 4—8, 12, 17—26.

«Китаб ас-Сувар аль-кавакиб ас-сабита» (Книга изображений постоянных созвездий) ас-Суфи. 1) Стамбул. Библ. Ахмеда III, 1130 г., табл. 4, рис. 10). 2) Стамбул. Библ. Айя-София, 1249—50 гг., табл. 4, рис. 15, 17.

«Избранные беседы мудрецов и прекраснейшие речи» ал-Мубашшира. 1) Стамбул. Муз. Топкапу, 2 пол. XIII в. табл. 4, рис. 2, 3. «Китаб аль-агани» (Книга песен) Абу-ль-Фараджа (многотомная разрозненная рукопись, оконч. к 1217 г.). 1) Каир, Нац. Библ., табл. 3, рис. 1—3, 15, 27, 28). 2) Стамбул, Библ. Файзуллы, табл. 3, рис. 29.

«Варка и Гульшах» Аййуки. 1) Стамбул. Библ. Топкапу, Нач. XIII в. Табл. 4, рис. 11—14, 16, 18—23.

Основные публикации миниатюр XII—XIII вв.

Е. Күhnel, *Miniatürmalerei in islamischen Orient*, Berlin, 1923.

Е. Blochet, *Musulman painting XII—XVIIIc*, London, 1929.

Н. Buchtal, Hellenistic miniatures in early Islamic manuscripts, «Ars Islamica», vol. III, pt. 2, 1940, pl. 125-133.

R. Ettlinghausen, *Arabische Malerei*, Geneve, 1952.

E. Grube, Materialien zum Dioskurides Arabiens, «Aus der Welt der islamischen Kunst», Berlin, 1959.

E. Wellesz, An early al-Sufi manuscript in Bodleian Library in Oxford, «Ars Orientalis», vol. III, 1961, pl. 1-26.

A. Ates, Un vieux Poème romanesque Persan: Récit de Warqáh et Gulsháh, «Ars Orientalis», vol. IV, 1961, pl. 143-152.

O. Grabar, A newly discovered illustrated manuscript of the Maqāmāt of Harīrī, «Ars Orientalis», vol. V, 1963, pl. 97-110.

THE NEAR EAST MINIATURE OF THE XII—XIII CENTURIES AS AN ETHNOGRAPHIC SOURCE (MEN'S DRESS)

The paper examines Near East Islamic miniatures as an ethnographic source; they had not been heretofore used for this purpose. The work aims to describe the garments shown in the miniatures, to determine local variants of men's dress, and also to attempt to bring to light the origins of its various elements and the links between them. The descriptions comprise men's garments shown in miniatures belonging to four main schools of the XII—XIII centuries: that of South Iraq, of North Iraq (Mosul), of West Iran and of Syria. The dress of these regions is examined against a broad background both of the Islamic dress of the VII—XIII centuries and of the Eastern dress in general for the V—XIII centuries. Materials from the East Christian cultural world are also drawn upon. The conclusion is reached on the base of the sources examined that three regions may existed in the Near East, each including local varieties, distinguished by the predominance of one or another cultural tradition in dress. These regions are the following; Syria (an Arabic-East Christian tradition). North Iraq and West Iran (two variants of the Iranic-Turkic tradition), South Iraq — a combination of both the above traditions with a strong preponderance of the first of them.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖД

Н. И. Гаген-Торн

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О «ТЕМНЫХ МЕСТАХ» «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(ЗАМЕТКИ ЭТНОГРАФА)

За сто семьдесят лет изучения «Слова о полку Игореве» сделано много для понимания условий возникновения памятника и его места в истории отечественной культуры, для разъяснения «темных мест» поэмы.

Но до сих пор остаются не выясненными до конца три очень важных раздела «Слова», которые считаются испорченными переписчиками:

I. Сон великого князя киевского Святослава. С него начинается центральное по идеиному замыслу место поэмы — возвзвание к князьям о единении.

II. Образ Всеслава Полоцкого и его потомков. Напоминаю, что Всеслав и Олег Гориславич, дед Игоря Северского, «зачинатели раздоров» — княжеских междуусобий, мешавших единству Руси.

III. Концовка с цитатой из Бояна. Концовка должна подчеркнуть основную мысль произведения. Тема Бояна как бы обрамляет поэму и следовательно концовка важна для правильного понимания «Слова». Однако смысл ее не ясен.

Разъясняя «темные места», мне кажется, надо с большим доверием отнестись к тексту «Слова». Он мог быть испорчен переписчиками, но и мог быть, по непониманию, неверно расшифрован первоиздателями, которые его расчленяли на слова, не зная достаточно ни древнерусского языка, ни народных говоров¹. Народные обычай и говоры, часто хранящие древние формы, могут быть с пользой привлечены для расшифровки². Я пытаюсь именно с этой точки зрения рассмотреть «темные места».

I. Сон великого князя киевского Святослава

Сон Святослава вызвал ряд толкований и все же, как отметил еще А. С. Орлов, он остается пока не объясненным³. Отдельные слова интерпретировались вне общего смысла сна. Между тем нельзя признать удовлетворительной никакую обоснованную лишь палеографически поправку, если она не соответствует в точности смыслу всего произведения. Смысл сна Святослава — предзнаменование несчастья, основанное на серии примет. Приметы понятны Святославу и его боярам. Святослав спрашивает бояр, к кому относятся эти приметы? И бояре отвечают: не к тебе, а к русичам, ушедшим к морю с Игорем и Всеиволодом.

¹ Напомню, что единственная рукопись поэмы была написана всплошную.

² В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., Л., 1968, елр. 21.

³ А. С. Орлов, «Слово о полку Игореве», М — Л., 1938, комментарии, стр. 116—117.

Первым привлек этнографические материалы к разбору сна М. П. Алексеев. Он указал, что «дъски безъ кнъта въ моемъ теремъ златовръсъмъ» означает грозное предзнаменование, так как «кнъх» — «князек» и «матица», по воззрениям восточных и южных славян, связаны с многими тревожными приметами⁴. Объяснение примет в сне дает и Д. С. Лихачев⁵. Но фраза: «у Пльснъска на болони бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю», как написано в 1-ом издании, остается не понятной. Пльснъск сочи городом, и высказывались разные предположения, где он находится. «Кисаню» Н. В. Шарлемань предложил читать как «Кияню», предполагая, что это река под Киевом⁶. Д. С. Лихачев нашел это предположение палеографически обоснованным, и в последующих изданиях под его редакцией поставлено Кияню. Но остается неясным, зачем Святослав упоминает неведомые город и реку? Поэтому такое изменение текста мне кажется неудовлетворительным. Иное расчленение слов, без изменения текста, объясним смысл. Предлагаю: «У пльснъ скана болони бѣша дебрски сани и несоча ю к синему морю», которое перевожу: «У плеса [реки] сани завернуты [сканы] оболочкой [покровом, болонью] и несет их к синему морю». Сани, как доказано еще Д. Н. Анучиным⁷, обязательная принадлежность погребального обряда у славян. Обернутое, закрученное тело покойника везли на санях. Подробный анализ всех слов, означающих приметы и общий смысл сна, дан мною в специальной работе⁸. Хочу только подчеркнуть, что бояре растолковали предзнаменование, как относящееся к Игорю потому, что во сне сани несло к морю. Такое истолкование сна связывает его со всей композицией поэмы.

И. Всеслав Полоцкий и его потомки

Автор «Слова» уделяет много внимания князю Всеславу Полоцкому, потому, что он, КУК и Олег Святославич («Гориславич»), дед Игоря, «зачинатели раздоров».

Призыв к единению Руси вызывал воспоминание о том, как «при Ользъ Гориславличи съяшется и растищеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука: въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратиша». Естественно возникла аналогия с тем, что произошло при внуке Олега, Игоре: еще более ужасный бой с половцами, принесший бедствие Руси. Необходимо было напомнить и о трагической судьбе Всеслава, призыва к единению его внуков.

. Место это вызвало недоумение. Д. С. Лихачев увидел тут намек на события, которых мы не знаем (летописи мало говорят о Полоцких князьях и их взаимоотношениях).

«О каком Ярославе здесь идет речь? — писал Д. С. Лихачев.— Может быть это Ярослав Всеволодович Черниговский, как думают одни комментаторы? Или Ярослав Владимирович, внук Мстислава Владимира, как думают другие. Но эти Ярославы не только не воевали с полоцкими князьями, но не были даже их соседями. Поэтому М. Максимович предполагает, что здесь говорится о Ярославе Юрьевиче Пинском, который имел общие границы с полоцкими князьями и мог (!) вместе с ними воевать против половцев. Однако из контекста «Слова» ясно, что реч!

⁴ М. П. Алексеев, К сну Святослава, в кн.: «Слово о полку Игореве». «Сборник исследований и статей» (далее — Сб. иссл.) Под редакцией В. П. Адриановой-Перети М.—Л., 1950, стр. 227-^228.

⁵ «Слово о полку Игореве». Коммент. Д. С. Лихачева. Школьная библиотека, М 1970 (далее — «Слово о полку Игореве», 1970), примечания, стр. 202.

⁶ Н. В. Шарлемань, «Дебрь Кисаню»—«дебрь Киянь», в кн.: «Слово о полку игореве», Сб. иссл. Под редакцией В. П. Адриановой-Перети, стр. 209—211.

⁷ Д. Н. Анучин, Сани, ладья и кони в погребальном обряде, «Труды Московского Археологического общества», т. XIV, М., 1890.

⁸ См. Н. И. Гаген-Торн, Думки з приводу «сна князя Святослава» у «Слові полку Ігоревім», «Народна творчість та етнографія», Кіав, 1963, кн. IV.

идет не о войне Ярослава в союзе с полоцкими князьями против половцев, а о междуусобной войне. Автор «Слова» укоряет обе стороны за «которы»⁹ (которы — княжеские раздоры.— Н. Г.).

В другом месте Д. С. Лихачев писал: «В первом издании „Слова“ и в Екатерининской копии читается не „Ярославли“, а „Ярославе и“. Однако никакого Ярослава, усбоды которого с „внуками Всеслава“ были бы так велики по последствиям и для Полоцкой земли и для всей Русской,— неизвестно. Вряд ли при этом такой Ярослав оказался бы незамеченым летописью. Ведь в „Слове“ имеются в виду какие-то крупные события. Поэтому предполагаем, что в слове „Ярославе“ при его прочтении первыми издателями, вкраялась ошибка: читать следует не „Ярославе“, а „Ярославли всеи внучи и Всеславли“, т. е. „Ярославовы всеи внучи и Всеславовы“. Перед нами призыв прекратить вековые раздоры между князьями — потомками Ярослава Мудрого и полоцкими князьями — потомками Всеслава Полоцкого»¹⁰.

Свое мнение Д. С. Лихачев обосновал палеографически: «Я предполагаю, что в слове „Ярославе“ при его прочтении издателями вкраялась ошибка. В этом слове издатели не прочли выносного „л“. Читать следует не „Ярославе“ а... „Ярославли и всеи внуче Всеславли“»¹¹. В последующих изданиях текст дается согласно этому предположению¹². Потребовалось не только вставить пропущенное будто бы выносное «л», но изменить местоимение «которое» на имя существительное «котора», переместить союз «и»? Не лучше ли обойтись без этого, иначе разделив слова?

«Трубы трубят городенский: „яро славеи всеи внуче Всеславли! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени! Уже бо выскочисте из Ладней слав-Ь. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганые на землю рускую, на жизнь Всеславию. Которое бо б-ще насилие отъ земли Половецкий?“». По нашему мнению, автор спрашивает славимых им Всеславичей, которое по счету насилие терпит Русь от половцев.

Форма вопроса постоянно употребляется автором «Слова». С вопроса начинается введение. Задается вопрос Бояну о форме зачина. Риторический вопрос автора: «что ми шумить, что ми звенить?». Вопрос Святослава: «Се ли соторите моей сребреней съдин'в?». Вся речь Святослава к князьям дана в вопросительной форме: «не ваю ли вой злаченными шеломы по крови плаваша?». «Не ваю ли храбрая дружина рыкают аки тури?» и т. д.

Это четко выраженный художественный прием, проходящий через всё «Слово», оказывающий эмоциональное воздействие, как бы заставляя участвовать в происходящих событиях, быть сострадальцами скорби за Русь.

Следует ли заменить вопросительную форму, поставив существительное «котора?». Сомневаюсь. В. П. Адрианова-Перетц писала: «Из двух названий княжеских раздоров — „крамола“ и „котора“ автор „Слова“ предпочитает первое: он употребил его пять раз, слово „котора“ бесспорно, содержитя в обращении к Ярославу и внукам Всеслава... Здесь автор явно хотел избежать повторения и поставил синоним слова „крамола“»¹³. В. П. Адрианова-Перетц признает: «Все же видим явное пред-

⁹ Д. С. Лихачев, Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве», в кн.: «Слово о полку Игореве». Сб. иссл. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, стр. 15.

¹⁰ «Слово о полку Игореве», «Библиотека поэта», Мал. сер., Л., 1953, Примечания, стр. 266.

¹¹ «Слово о полку Игореве. Сб. иссл. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, стр. 15—16.

¹² «Слово о полку Игореве», 1970, стр. 88.

¹³ Отпадает гадание о неведомом Ярославе, остается эпитет «яро», очень любимый автором «Слова». Он употребляет его два раза по отношению к Всеволоду: «поскепаны саблями калеными шеломы оварьская отъ тебе ярь туре Всеволоде» и «ярь туре Всеволод! стояши на борони».

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., стр. 99.

почтение в „Слове” названия „крамолы”. Примеры на слово „крамолы” идут с XI в. в летописи и в переводной литературе¹⁵. Еще Е. В. Барсов писал, что относительное местоимение «который» было одним из оснований для сомнений в подлинности «Слова», но оно встречается во всех переводах XI—XII веков¹⁶.

Отмечу, что Ярослав дальше не упоминается, речь идет о самом Всеславе. Место это тоже требует разъяснения. Для наглядности приведу тексты (курсив мой.— Н. Г.):

Текст первого издания

Предлагаемое мною разделение слов

«На седмомъ вѣцѣ Трояни
връже Всеславъ жребий
о дѣвицу себѣ любу.»

На седмомъ вѣцѣ Трояни
връже Всеславъ жребий
о дѣвицу себѣ любу.

Тѣй клюками подперъся
о кони и скочи къ граду
Кыеву и дѣтчеся стружиемъ
злата стола киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ пльночи изъ Бѣлгграда,
объсяси синъ мглъ.
Утѣже вознѣ стрикусы
отвори врата Новуграду,
расшибе славу Ярославу,
скочи влькомъ до Немиги...

Гѣй клюками подперъся
окони и скочи къ граду
Кыеву и дотчеся стружиемъ
злата стола киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ пльночи изъ Бѣлгграда
объсяси синъ мглъ.
Утѣже вазни съ три кусы:
отвори врата Новуграду,
расшибе славу Ярославу,
скочи влькомъ до Немиги...

Понятно почему первые ученые, работающие над «Словом», прочли «о дѣвице себе любу». Слова «вица» они не знали, а упоминание девицы казалось привычным атрибутом героической поэмы. Позднейшие исследователи стали видеть в «дѣвице» аллегорию, подразумевая Киев, овладеть которым мечтал Всеслав.

Киев вряд ли подходит к такой аллегории, он поэтически не вызывает образ девицы. С дальнейшим текстом «Слова» аллегория не связана и нигде не встречается.

Если иначе разбить слова — смысл прояснится. Одѣ (аорист глагола «одѣть») форма, часто встречающаяся в «Слове», сочетаемая в данном разделе с аористом: «утѣже» и «расшибе славу Ярославу».

Слово «вица — вить» существует в народных говорах. У Даля: «искрученная, иногда свитая в два-три прута, хворостина для связки, скрепы, скруты. ...Вичить — крепить, вязывать вицей» (т. I, стр. 209). Всеслав «одел вицию», т. е. «скрутил» хитросплетения для достижения власти.

«Той клюками подперъся о кони и скочи ко граду Киеву». Д. С. Лихачев переводит эту фразу: «Он хитростями оперся на коней и скакнул к городу Киеву». И поясняет, что здесь намек на исторические события: киевляне выпустили Всеслава из тюрьмы, где его держал Изяслав и позвали на княжение потому, что он обещал дать им коней и оружие для обороны Киева¹⁷. Но выражение «опереться о кони» очень неясно, образ мало убедителен. Мне кажется более убедительным прочтение «окони», как предложил поэт Алексей Югов, указав, что в новгородской речи существует глагол «оконить»; у В. И. Даля приведено выражение «Оконил

¹⁵ В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., стр. 99.

¹⁶ Е. В. Барсов, «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружиной Руси, 1889, т. III, Словарь; «который».

¹⁷ «Слово о полку Игореве», 1970, стр. 213—214.

в избе своей мир», «покой» (т. I, стр. 661). За правильность этой поправки, помимо общего смысла, говорит и то, что нигде в «Слове» кроме этого места, не употребляется слово «конь», а всюду употребляется «комонь». Вряд ли нужно делать тут исключение, читая «конь». Для понимания «скочи» А. Югов ссылается на галицко-волынскую летопись, цитированную И. И. Срезневским: «Асаф (епископ) скочи на стол митрополич», где «скочи» имеет значение «занять, самовольно захватить»¹⁸.

При таком толковании, не меняя текста, мы получим развернутую картину: «замыслив хитросплетение, хитростями (клюками) утвердился Всеслав и, окончив захват града Киева, коснулся оружием золотого стола Киевского».

Немало догадок вызвало слово «стрикусы». Болгарский ученый Н. М. Дылевский в специальной статье подытожил взгляды исследователей на это слово и поиски аналогии ему в других языках. «Современные исследователи с большей или меньшей уверенностью связывают его с древне-верхненемецким strit-akis, strit-achus — боевая секира», — писал Н. М. Дылевский. При анализе этого неизвестного русской лексике слова «с точки зрения его правдоподобности и оправданности как лексемы в тексте «Слова», мы должны принять во внимание два основных момента: 1. Незасвидетельственность формы «стрикус» словарем не только древних восточнославянских, но и древних западных и южнославянских наречий. 2. Доказуемость этимологической связи слова «стрикус» с его предполагаемым древнерусским прототипом¹⁹. Многие комментаторы объясняют «стрикусы» как «секиры».

Совершенно иначе перевел это место Р. О. Якобсон. Он обнаружил в Екатерининской копии написание: «утъже вазнерс три кусы» и это нашло его на мысль расшифровать: «утръже» — как аорист от глагола «уторгнути — урвать; «вазни» — родительный падеж единственного числа существительного «вазнь» — удача. Перевод: «урвал удачи с три куса». Сочетание числительного «три» с формой существительного во множественном числе «кусы» вполне закономерно в русском языке вплоть до XVI в.

Большая убедительность этого перевода в том, что дальше говорится именно о трех удачах: 1. Отвори врата Новуграду. 2. Расшибе славу Ярославу. 3. Скачи волком до Немиги. Три куска счастья урвал Всеслав, окончив хитросплетения.

В издании 1970 г. Д. С. Лихачев принял догадку Р. О. Якобсона: «Толкование этого места, обычно принимавшееся до сих пор, не может в настоящее время считаться правильным. Мы принимаем здесь деление на слова, предложенное Р. Якобсоном в 1948 г.»²⁰

III. Концовка поэмы

Концовка поэмы начинается со слов «Рекъ Боянъ». Исследователи считают, что автор «Слова» приводит поговорку Бояна «тяжко ти головы кромъ плечю, зло ти тълу кромѣ головы», а остальное говорит от себя. Но общий смысл концовки остается неясным.

Д. С. Лихачев писал: «Место это настолько испорчено, что не позволяет сколько-нибудь уверенно его исправить. Удовлетворительнее всего объясняется текст, если принять предложенное И. Е. Забелиным прочтение „ходы на“ (так в издании 1800 г. и в Екатерининской копии), как „Ходына“, предположить в этом Ходыне певца вроде Бояна, а в „хоти“ видеть двойственное число от „хотъ“ любимец (ср. это же слово в объяснении места „с хотию на кров“). Это прочтение и принято нами в пере-

¹⁸ А. Югов, «Слово о полку Игоревен, М., 1970, стр. 136.

¹⁹ Н. М. Дылевский, «Утръ же воззни стрикусы, отвори врата Новуграду». В «Слове о полку Игореве»..., «Груды отдела древнерусской литературы», т. XVI, Л., 1960, стр. 62.

²⁰ «Слово о полку Игореве», 1970, Примечания, стр. 214.

воде.»²¹ Написания «Ходына» придерживались многие ученые, мотивируя это грамматически правильным сочетанием двойственного числа — «песнотворца» и «хоти».

Но грамматическое объяснение еще не все. Как бы ни толковать отдельные непонятные слова, необходимо выяснить общий смысл концовки: значение цитаты из Бояна, понимание отношения автора к Бояну. Прибавление еще одного певца Ходыны ничего не объясняет.

Образ творца «Слова» нам представляется достаточно разъясненным работами советских исследователей. Д. С. Лихачев писал, что это «человек широкой исторической осведомленности». «Исторический комментарий к „Слову”, раскрытие его исторических параллелей, сопоставлений, исторического значения тех или иных выражений и мыслей автора „Слова”, открывает в „Слове” все большие и большие примеры поэтической точности и исторической содержательности. Точность его исторических и политических указаний — это одна из важных особенностей поэтики „Слова”»²², — утверждал он.

И. П. Еремин также очень высоко ставил политическую осведомленность и патриотизм автора «Слова». «Зыбкое соотношение между речью героя и речью автора „Слова” знак, что автору в „Слове” принадлежит далеко не последнее место. Он действительно заполняет собой все произведение от начала до конца. Голос его отчетливо слышен везде: в каждом эпизоде, едва ли не в каждой фразе. Именно он, „автор” вносит в „Слово” и ту лирическую стихию, и тот горячий общественно-политический пафос, которые так характерны для этого произведения»²³, — писал И. П. Еремин.

Д. С. Лихачев показал разницу позиций Бояна и творца «Слова». Боян — придворный поэт, поющий хвалы подвигам князей; Творец «Слова» — певец народный: «Все „Слово” проникнуто единым патриотическим настроением и единой патриотической идеей единства Русской земли... Он (автор.— Н. Г.) творит идеи, потребность в которых живо ощущалась в его время. Он — око и ум народа. Он высказывает то, что должно быть высказано. Вот почему автор „Слова” неразрывен со своим народом и своей эпохой, его породившей»²⁴.

В работах Д. С. Лихачева раскрыт общественный замысел «Слова о полку Игореве», дан величавый образ поэта-патриота. Концепция эта, бесспорно убедительная и яркая, принятая большинством советских ученых, показывает связь «Слова» со своей эпохой.

Апофеозом филологического метода стала книга В. П. Адриановой Перетц, сделавшей невероятно трудоёмкую работу: найти в древнерусской литературе аналогии каждой фразе «Слово о полку Игореве» и доказать неоспоримую связь лексики и синтаксиса «Слова» с древнерусской литературой до монгольского периода, его принадлежность XII века. «Автор «Слова» прочно связан с этой почвой, он питается ею и все же он опережает писателей своей эпохи так же, как опередил позднее Пушкин своих современников. Поэтическое дарование автора — вот единственная сила, поднявшая «Слово о полку Игореве» над всей окружавшей его литературой»²⁵, — писала В. П. Адрианова-Перетц. — В создании поэтической системы «Слова», — указывала она, — играла роль устная народная поэзия и опыт, накопленный к концу XII века в обширной переводной византийско-болгарской и русской литературе исторических

²¹ «Слово о полку Игореве», 1970, стр. 279, примеч.

²² Там же, стр. 50 (31).

²³ И. П. Еремин, «Слово о полку Игореве», как памятник политического красноречия, в кн.: «Слово о полку Игореве». Сб. иссл. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, стр. 11/1.

²⁴ «Слово о полку Игореве», Сб. иссл. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, стр. 50—51.

²⁵ В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., стр. 40..

повествовательных, религиозно-учительских жанров, в гимнографии и торжественном ораторстве²⁶. Всесело приняв концепцию Д. С. Лихачева и В. П. Адриановой-Перетц о поэте-патриоте, призывающем к единению Руси, мы останавливаемся перед вопросом: как мог автор, страстно требующий единения, воспеть славу Игорю, нарушавшему это-единение и своим походом навлекшему на Русь бедствия половецкого набега? Как мог он этого князя, неудачливого в походе, назвать «Солнцем Руси» и уверять, что о северском князе «девицы поют на Дунае, а голоса их слышны в Киеве»? Как мог творец «Слова», поэт величайшей силы, у которого каждое слово несет глубокий и значительный смыслообраз, только постепенно нам раскрывающийся, начав с заверения, что он не будет славословить, а покажет трагическую сущность событий, кончить славословием Игорю Северскому?

С моей точки зрения, он этого не мог делать и не делал: славословия концовки относятся вовсе не к Игорю Северскому, а к другому Игорю, воспетому Бояном.

Если мы, не меняя слов, иначе их разделим, смысл концовки прояснится. Приведу параллельно чтение Д. С. Лихачева и предлагаемое мною: (курсив мой.— Н. Г.)

Рекъ Боянь и Ходына
Святъславля ггъснътворца
старого времени Ярославля
Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромтѣ плечю,
зло ти тѣлу КрОМ'Ё головы.
Руской земли безъ Игоря.
Солнце светится на небесв—
Игорь князь въ Руской земли;
дѣвицы поютъ на Дунай,
въются голоси черезъ море до
Киева».

Рекъ Боянь и ходы на
Святъславля, ггъснътворца
старого времени яро славля
Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромъ плечю,,
зло ти тѣлу КрОМ'Б головы.
Руской земли безъ Игоря.
Солнце светится на небесъ,
Игорь князь в Руской земли;
девицы поютъ на Дунай,
въются голоси черезъ море до
Киева».,

Отрывок раскололся в сознании исследователей, которые ставят в кавычки, и берут, как поговорку Бояна, только первую половину фразы «тяжко ти головы КрОМт плечю, зло ти тѣлу кромъ головы», в силу рассуждения, что Боян, древний певец, не мог говорить об Игоре Северском.

Но Боян говорил о другом Игоре. Автор «Слова», чтобы не могло для его современников возникнуть недоразумения, поясняет, о каком Игоре была речь Бояна, вводным предложением: «Рекъ Боянь и ходы на Святославля пѣхнѣтворца старого времени яро славля Олега коганя хоти». По И. И. Срезневскому «хоти» значит «любимец», «воспитанию»²⁷. Слово «хоти», понимаемое как «любимец», «воспитанник», можно рассматривать не как двойственное число, а как единственное, поставленное в родительном падеже вместо винительного. Слово «пѣхнѣтворца» С. П. Обнорский объяснял тоже как родительный падеж одушевленного лица. «Прямой объект от одушевленных имен существительных в единственном числе,— писал он,—выдержанно выражается в памятнике не винительным, а родительным падежом»²⁸. У того же И. И. Срезневского есть слово «ход», «ходы» в значении — «движение, ход, путь»²⁹ «Ходы на Святославля» можно прочесть, минуя «Ходыну», ненужного по смыслу произведения.

²⁶ Там же, стр. 27.

²⁷ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стлб. 1389.

²⁸ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 164.

²⁹ И. И. Срезневский, Указ. раб., т. III, стлб. 1382.

Написание «Ярославля» в этой фразе следует читать «яро славля». Эпитет «яро», «ярый» мы уже встречали в «Слове» (см. примеч. 13). «Славлят, люблят» — старая форма, до сих пор встречающаяся в говорах гуцолов и лемков.

Всю фразу следует понимать как вводное предложение перед цитатой из Бояна, данное, чтобы уточнить, о каком Игоре идет речь: о хоти Олега-когана. Хазарский титул когана носили великие князья Владимир I и Ярослав Мудрый, как видно из «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона³⁰. Совершенно естественно, что этот титул принял и победитель хазар Олег, имевший «хотю» — Игоря Рюриковича.

О том, что Боян прославлял основателя династии Игоря Рюриковича, помнили вплоть до XIV века. Об этом писал автор «Задонщины» Софоний. Это произведение, написанное во славу победы Дмитрия Ивановича Донского, носит явные следы влияния «Слова о полку Игореве», но не упоминает ни эту поэму, ни ее автора.

В одном из списков «Задонщины», в списке К-Б, Софоний пишет: первое всехъ вошедъ восхвалимъ въщего Бояна въ городе Киеве горазда гудца. Той бо въщий Боян воскладая свои златыя персты на живыя -струны, поише славу русскымъ княземъ: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю, Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю, восхваляя ихъ пъсми и гуслеными словесы». Во всех списках «Задонщины» мы находим более или менее ясно сохранившееся упоминание о Бояне, прославлявшем первых князей³¹.

В. П. Адрианова-Перетц объясняет это так: «взамен перечня неизвестных ему героев песен Бояна, Софоний, в соответствии со своими историческими представлениями, назвал имена тех крупнейших киевских князей, от которых вели свой род в XIV веке московские великие князья (Игоря Рюриковича, Владимира Святославича и Ярослава Владимировича)³².

Но эти исторические воззрения,— традиция славить предков воспеваемого героя,— существовали не только в XIV в. Связь со славой предков очень ясна в «Слове»: воины Ярослава побеждают «звоняче в прадѣдню славу», о Всеславичах говорится: «выскочите из дѣдней слав»; о Мстиславах «не худа гнѣзда шестокрыльцы».

Придворный певец, воспевавший князей, конечно, должен был сложить песнь о родоначальнике династии, и эта песнь была широко известна. Она-то и легла в основу замысла «Слова о полку Игореве»: противопоставить прославление «деда» — предка, реалистическому описанию похода на половцев «внука»—Игоря северского. Замысел ясный и политически действенный для всех князей, которых «Слово» призывало к единению.

При таком понимании концовки разъясняется обращение к Бояну и в начале поэмы: «О Бояне, соловью старого времени. Абы ты сии плькы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы...! Пѣти было пѣснь Игореви того внуку».

Находя фразу непонятной — какого «того Игореви?» — Первоиздатели решили: тут пропуск слова Олега и вставили его в текст, думая, что речь идет об Олеге Гориславиче, деде Игоря. Если признать, что Боян пел об Игоре Рюриковиче, обращение к Бояну становится понятным.

Творец «Слова» противопоставляет себя Бояну и идеологически и стилистически. Боян — придворный певец, прославляющий князей, а творец «Слова» горько бросает им упрек в погибели земли русской. Он об разованный, глубоко знающий историю и современность своей страны, патриот, но не придворный, а народный певец.

³⁰ М. И. Артамонов, История хазар, Л., 1962, стр. 366.

³¹ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, М.—Л., 1966, стр. 548.

³² В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», в кн.: «Слово о полку Игореве — памятник XII в.», М.—Л., 1962, стр. 136.

Боян пел пышные, исполненные метафор, гимны. Автор показывает это, начиная со сложной метафоры — аллегории о перстах Бояна, подобных соколам. Метафора столь витиевата и столь далека от народного творчества, что исследователи долго не понимали ее, потому что считали Бояна простодушным певцом, импровизатором.

Обращаясь к Бояну, как бы он воспел эту трудную повесть, автор приводит два зачина: первый — «не буря соколы занесе чрезъ поля широкая» — типичный зчин народных песен. Но автор спрашивает Бояна: ИЛИ «выспѣти было вѣлицій Бояне, Велесовъ внуче: „Домони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевъ; трубы трубять въ Новъградъ”». И далее, в том же ритме и стиле, идет описание воинских сборов в поход. Описание высокоторжественное, совсем не похожее на народную песню и явно противопоставляемое первому зчину. По ритму оно напоминает те метафоры, которыми описываются славословия Бояна в начале вступления. Это славословие — стилизация под Бояна.

Отказываясь от обоих зчинов, которые он показал в отступлении, обращенном к Бояну, резко меняя ритм, автор возвращается к своему началу, подчеркивая этот прием повтором. Начало: «Тогда Игорь възръ на светлое Солнце». После отступления: «Тогда въступи Игорь князъ въ златъ стремень и поѣхъ по чистому полю. Солнце ему тьмою путь застуپаше...» Тут не может быть и речи о «спутанных страницах», как считал Н. К. Гудзий. Отступление совершенно сознательно показывает два зчина, которыми не будет пользоваться автор, для того, чтобы яснее определить свой стиль, отличный и от народной песни, и от рыцарского славословия в духе Бояна.

Кто же был Боян и почему автор противопоставляет ему себя?

Имя Боян чрезвычайно распространено в Болгарии наряду с другими протоболгарскими именами, как Крум, Аспарух и т. д. Встречается оно и в географических названиях и в исторических источниках³³. Это побуждает обратиться к болгарскому кругу возможных поисков и сближений.

Д. С. Лихачев указал на существование при феодализме единой «наднациональной культуры»³⁴. К общей «наднациональной» культуре для славянских стран принадлежит созданная Кириллом и Мефодием письменность.

Указывая на самобытность путей древнерусской литературы и развитие древнерусского языка, акад. В. В. Виноградов отмечал: «было бы ошибочно недооценивать роль воздействия болгарской культуры и старославянского языка в образовании древнерусской письменности»³⁵. И, далее: «таким образом, к настоящему времени, с полной очевидностью раскрылась общая картина многообразия разновидностей или стилей древнерусского литературного языка, зависевших от характера и степени использования старославянского языка, восточнославянской речи и стилистики восточнославянского народного поэтического творчества»³⁶.

«Слово о полку Игореве» — это рождение литературно-поэтического народного языка из всех перечисленных В. В. Виноградовым элементов.

Замысел поэмы многогранен, построен на противопоставлениях и идеологических и стилистических: она противопоставляет: 1. Двух Игорей — «деда», объединявшего Русь, «внуку», нарушившему единение. 2. Болгарина Бояна, носителя «наднациональной культуры», развивав-

³³ А. Ф. Гильфердинг, История сербов и болгар, Собр. соч., т. I, СПб., 1863, стр. 35; В. Н. Злата ре кий, История на българската държава прещъ средните векове, т. I, София, 1918.

³⁴ Д. С. Лихачев, Древнеславянские литературы как система, «Славянские литературы», VI Международный съезд славистов (Прага, август, 1968, стр. 24).

³⁵ В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, Сб. «Исследования по славянскому языкознанию», Ж., 1961, стр. 14.

³⁶ Там же, стр. 18.

ше на Руси канонические произведения византийско-болгарской традиции, народному певцу, создателю нового стиля и жанра, опирающегося на образы народной поэзии.

Комментируя текст «Слова» Д. С. Лихачев признает, что образ «рас текающееся мыслию по древу» имеет книжный характер. «Замечательно,... — пишет Д. С. Лихачев, — что все эти немногие книжные, искусственные обороты встречаются по преимуществу в начале „Слова”³⁷. Понятно: они встречаются именно там, где автор говорит о манере Бояна или нарочно стилизует под Бояна воинскую речь Всеволода, противопоставляя ее своему зачину.

Официальное прославление придворным певцом князя, несомненно должно было идти в стиле, выработанном «наднациональной» культурой. Формы его были выработаны в византийско-болгарской литературе, принесены на Русь не только литературой, но и живыми людьми, приезжавшими из Болгарии в XI веке книжниками, распространявшими «наднациональную культуру» в русской княжеской среде. По нашему мнению, есть все основания предполагать, что Боян был одним из таких ученых книжников при княжеском дворе. За это говорит не только витиеватый, полный сложных метафор, стиль его, на который указывает автор «Слова», но и концовка: «Девицы поют на Дунае, голоса ваются через море до Киева». Именно болгарину было интересно указать, что поют на Дунае, как там отзываются на русские события? И он вложил это в песнь, прославлявшую Игоря Рюриковича.

На этом автор «Слова» кончает цитату из песни Бояна, переходя, в своей лапидарной манере, к Игорю Святославичу. «Игорь едет по Боричеву къ свягѣй богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели». Страны и грады веселятся не тому, что он освободился из плена, а тому, что он поехал сразу в Киев. Этим автор подчеркивает: Игорь признал свою ошибку несогласованного похода, готов подчиниться единству Руси: под главенством киевского князя. Именно поэтому надо петь ему славу.. Так завершается поэма о необходимости единения «земли русской».

Задача настоящей статьи — показать, что для понимания «темных мест» «Слова о полку Игореве», и вместе с тем и для понимания основного замысла поэмы мало филологического анализа; неправильно и отношение к поэме только как письменному историческому источнику.

«Слово» — художественное произведение. Оно построено по законам художественного творчества, т. е. эмоционального воздействия образа. Раскрыть и понять структуру образов поможет употребляемый в этнографии ретроспективный (как назвал его Д. К. Зеленин) метод, т. е. простигивание связующей нити от фактов, сохранившихся в народной жизни, в глубину прошлого.

В русской культуре имя Боян встречается только в «Слове о полку Игореве». В Болгарии — с X в. до наших дней. Возникает вопрос: не следует ли проследить проникновение его на Русь из Болгарии и тем установить еще одну ниточку связи в духовной культуре этих славянских народов? Такова этнографическая задача. Но чтобы перейти к ее решению необходимо сначала рассмотреть недостаточность и спорность чисто-филологических методов исследования темных мест в «Слове о полку Игореве». В журнальной статье, разумеется, можно лишь наметить пути к решению такой задачи*

SOME NOTES ON THE OBSCURE PLACES IN THE «STORY OF PRINCE IGOR'S CAMPAIGN»

The author shows that mere philological analysis is insufficient for the understanding of the «Story of Prince Igor's Campaign». The imagery of this epic may be interpreted with the aid of various methods, among them — the retrospective method employed in ethnography, i. e. a comparison of the poem's contents with actual historical facts.

³⁷ «Слово о полку Игореве», 1970, стр. 184, примеч.

Сообщения

Ю. И. Мкртумян

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАВКАЗА

Историко-этнографическая литература по скотоводству народов Кавказа довольно обширна, однако до сих пор нет работ, в которых скотоводческая культура рассматривалась бы в общекавказском масштабе, в которых был бы систематизирован и обобщен уже имеющийся в распоряжении науки многочисленный и разнообразный фактический материал.

В значительной степени именно такую цель преследует составляемый ныне Кавказский историко-этнографический атлас, первый выпуск которого будет посвящен, как известно, четырем основным темам: земледельческой культуре, скотоводческой культуре, жилищу и поселениям, одежде и украшениям.

В 1967—1968 гг. были опубликованы для обсуждения вопросыники для сбора материалов по всем основным темам, а по некоторым из них и списки предполагаемых карт, картосхем и таблиц *K*

В настоящей статье рассматриваются принципы систематизации и классификации элементов скотоводческой культуры народов Кавказа, а также характеризуется содержание карт по разделу «Скотоводство».

* * *

Картографирование элементов скотоводческой культуры представляет значительную трудность, поскольку у нас нет опыта такой работы².

Составление атласа, как известно, идет по двум направлениям: 1) выявление и описание материала и 2) систематизация и классификация его.

Для успешного выполнения первой части работы необходимы сбор материала по единым программам (которые в принципе уже имеются) и наличие унифицированной карточки для его фиксации. В настоящее время такие регистрационные карточки изданы в Москве, Тбилиси, Баку, Махачкале, Ереване и других местах, но, к сожалению, они не единобразны, что, естественно, может вызвать затруднения при составлении общих карт. Наиболее полно задачам Атласа, на наш взгляд, отвечают карточки, изданные в Тбилиси и Ереване³.

¹ В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе, Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа, «Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу», «Сов. этнография», 1967, № 2; Е. Н. Студенецкая, Одежда народов Кавказа (О собирании материалов для Кавказского историко-этнографического атласа), «Сов. этнография», 1967, № 3; Б. А. Калоев, Программа сбора материалов по земледелию и скотоводству для «Кавказского историко-этнографического атласа». М., 1968.

² «Историко-этнографический атлас Сибири», М., 1961; «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967, и др.

³ В этих карточках фиксируются род материала, его наименование, структура, техника изготовления, функция, принадлежность, место, частота распространения, источник, а также дополнительные сведения, фамилия регистратора и дата заполнения.

Не менее важна согласованная систематизация и классификация материала. Здесь прежде всего нужно выработать единые принципы классификации. Приведем пример. В литературе по скотоводству народов Кавказа для конца XIX — начала XX в. выделяются самые различные формы скотоводства: от двух-трех до пяти-шести⁴. Определить форму скотоводства — это значит выявить те специфические признаки, которые, во-первых, являются более или менее устоявшимися и, во-вторых, будучи взятыми в совокупности, дают основу для различия одной формы от другой. Правильное выделение классификационных форм скотоводства требует изучения и обобщения многих элементов скотоводческой культуры населения различных регионов.

Значительные затруднения возникают из-за отсутствия единой терминологии. Например, в этнографической литературе последних лет как синонимы используются определения «полукочевой», «яйлажный», «двузонный», альпийский, отгонный, полукочево-отгонный и др.⁵. Эти определения имеют различный смысл и слишком общи и неопределенны. Для Кавказа в конце XIX — начале XX в., думается, целесообразно употребление таких терминов, как «оседлый», «отгонный», «полукочевой» и «кочевой», характеризующих четыре основные формы скотоводства. Они отражают наиболее существенные различия между формами скотоводства: и в то же время вполне определены.

Некоторая нечеткость наблюдается и при использовании таких терминов и понятий, как «форма скотоводства», «тип скотоводства» и «система скотоводства»⁶. Показательно, что ими одинаково пользуются и в сельскохозяйственной литературе⁷. По нашему мнению, предпочтительнее термин «форма скотоводства».

Главное внимание в атласах должно быть уделено составлению карт, призванных представить основные элементы скотоводческой культуры в процессе их изменения, так как хронологически карты приурочены к трем рубежам: 1850—1860-е годы (предреформенный период), 1890—1900-е годы (период бурного развития капитализма) и 1960-е годы (советский период)⁸.

Список карт по разделу «Скотоводство», предложенный Б. А. Калоевым, предполагает составление 15 карт, дополненных многочисленными картосхемами, таблицами, рисунками и фотографиями.

Анализ материалов по скотоводческой культуре ряда народов Кавказа (грузин, армян, азербайджанцев, осетин, курдов и др.) показывает, что число карт было бы целесообразно увеличить до 26.

Так как по тем или иным элементам скотоводческой (да и не только скотоводческой) культуры будут составляться общие карты в масштабе всего Кавказа, то представляется необходимым несколько подробнее остановиться на содержании каждой карты в отдельности, с тем чтобы специалисты совместными усилиями могли определить необходимость каждой из них.

⁴ См., например: А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и изучения скотоводства на Кавказе», т. II, Тифлис, 1890, стр. 1; А. З. Тамашев, Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем, Ереван, 1947, стр. 17; Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 18, 35; Ю. И. Мкртумян, К изучению форм скотоводства у народов Закавказья, сб. «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.», М., 1971, и др.

⁵ В. М. Шамидзе, Скотоводство в Западной Грузии, Автореферат канд. дис., Тбилиси, 1965, стр. 9—И; Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 35; Ю. И. Мкртумян, Формы скотоводства в Восточной Армении, Автореф. канд. дис., М., 1968, стр. 6—7, и др.

⁶ Там же; см. также Б. Х. Карбышева, Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана, «Сов. этнография», 1969, № 3; Б. В. Гамкрелидзе, Скотоводство в Горной Ингушетии, Автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1969, стр. 6.

⁷ См., например: Л. М. Зальцман, Системы ведения животноводства и их особенности в разных зонах Союза ССР, «Сов. зоотехника», 1952, № 12.

⁸ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 8; Е. Н. Студенецкая, Указ. раб., стр. 16.

Карты: I. Пастбищные угодья (середина XIX в.); II. То же (конец XIX—начало XX в.); III. То же (1960-е годы)

На этих картах будет показан характер расположения различных категорий пастбищ, соотношение летних и зимних пастбищ, порайонные особенности кормовой базы. Наличие карт по трем историческим периодам позволит показать изменение границ зимних и летних пастбищ в связи с превращением последних в пашни, т. е. тем самым они отобразят существенные экономические изменения за исследуемый промежуток времени.

В списке Б. А. Калоева первая карта отсутствует, видимо, из-за опасения, что документальных данных на этот период недостаточно. Однако опыт работы в Грузии и Армении показывает, что при тщательном отборе материалов печатной литературы и архивных фондов такие данные могут быть получены. Ценность этой карты была бы особенно велика, так как уже к концу XIX в. площадь пастбищ значительно сократилась по сравнению с предыдущим периодом, что было связано с ростом товарности земледельческого хозяйства и расширением в результате этого площади под различными зерновыми и техническими культурами.

Карты: IV. Традиционные скотопрогонные маршруты (середина XIX в.); V. То же (конец XIX—начало XX в.); VI. То же (1960-е годы)

Традиционные маршруты перегона скота на сезонные пастбища Кавказа исследователи обычно подразделяют на следующие три категории⁹: маршруты, служившие надобностям жителей одного селения («малые маршруты») маршруты группы селений («средние маршруты»), маршруты селений нескольких районов— («большие» или, как определял их М. А. Скибницкий, «магистральные маршруты»).

Многие селения у грузин, армян, осетин и других народов располагали вблизи горных пастбищ, поэтому жители таких селений пользовались при перегонке скота на эти пастбища кратчайшими путями, известными, как правило, только им.

Скотопрогонные маршруты второй категории, в отличие от первой, были более или менее хорошо известны жителям большой группы селений, и в каждом районе таких маршрутов было не более двух-трех.

Скотопрогонные маршруты третьей категории использовались скотоводами различных, нередко довольно отдаленных районов. Так, на летние пастбища Армении по таким маршрутам из года в год пригоняли свой скот азербайджанские и грузинские скотоводы; в свою очередь, армянские скотоводы перегоняли свои стада на зимние пастбища Азербайджана и Грузии. Грузинские скотоводы под выпас своего скота использовали также пастбища Северного Кавказа и при перегонах пользовались одними и теми же маршрутами.

Изучение традиционных маршрутов и картографирование их облегчит выявление исторических и хозяйственно-культурных связей между кавказскими народами.

Карты: VII. Ареалы распространения летовок и зимовников (середина XIX в.); VII!. То же (конец XIX—начало XX в.); IX. То же (1960-е годы)

Б. А. Калоев этих карт не предусмотрел, но, думается, они целесообразны. Использование отдаленных сезонных пастбищ, требовавшее также переселения на более или менее продолжительное время (от 2 до 4 и

⁹ М. А. Скибницкий, Карабахские казенные летние пастбища, «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и изучения скотоводства на Кавказе», т. IV, Тифлис, 1899, стр. 22—26.

более месяцев) части населения, что привело к появлению временных скотоводческих баз — летово^к и -зимовников, — характерная особенность кавказского скотоводства.

У каждого народа летовки и зимовники отличались до характеру построек и по хозяйственному значению. Так, летовки и зимовники армян, грузин, лезгин и др., где имелись комплексы постоянных жилых и хозяйственных построек из камня и дерева, в ряде случаев со временем могли превратиться в селения¹⁰. У кочевых и полукочевых азербайджанцев и курдов Кавказа лишь зимовники превращались в селения. Причина этого — в развитых навыках кочевого хозяйства.

Данные о превращении летовок и зимовников в селения будут способствовать дальнейшему исследованию поселений на Кавказе в прошлом. Карты VII—IX будут перекликаться с I—III картами и покажут изменения границ пастбищных угодий как в высокогорных районах, где в постоянные поселения превращались летовки, так и в низменных районах, где это происходило с зимовниками.

Карты: X. Типы помещений для скота (конец XIX—начало XX в.); XI. То же (1960-е годы)

Эти карты наглядно покажут все многообразие помещений для различных видов скота в селениях и на сезонных пастбищах. Б. А. Калоев справедливо не включил в свой список аналогичную карту для середины XIX в., так как с этого периода и до конца XIX в. в типах помещений для скота не произошло существенных изменений. Типы эти в различных частях Кавказа варьировали в зависимости от местного материала, строительной техники и хозяйственного уклада населения. Так, только в Армении по этнографическим данным XIX в. в сельских местностях можно выделить четыре основных типа помещения для скота. Многообразие типов наблюдалось и в Грузии, Азербайджане и на Северном Кавказе¹¹.

Материалы атласа позволят выявить и наличие некоторых универсальных типов, сложившихся, главным образом, благодаря тесному соседству и постоянному общению кавказских народов друг с другом.

Не менее многообразны были и типы помещений для скота на сезонных пастбищах. В одних случаях они имели существенные конструктивные отличия от возводившихся в основных поселениях (прежде всего на летовках), в других мало, а то и вовсе не отличались (в зимовниках). У оседлых народов постоянное использование одних и тех же сезонных пастбищ из года в год способствовало сооружению постоянных построек. У кочевых и полукочевых групп, менявших за сезон места стоянок по несколько раз, преобладали различные типы времянок.

¹⁰ С. П. Зелинский, Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии, «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. IV, Тифлис, 1886, стр. 17; Л. Б. Панек, Жилище лезгин, «Материалы по этнографии Грузии», IX, Тбилиси, 1957, стр. 131, 132, 146; Ю. И. Мкртумян, Формы скотоводства и быта населения в армянской деревне второй половины XIX в., «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 24—27; В. М. Шамидзе, Указ. раб., стр. 23; Б. В. Гамкрелидзе, Указ. раб., стр. 34 и др.

¹¹ См.: С. Д. Лисициан, Историко-этнографические очерки Шатаха. Из материалов по изучению жилищ Армении, «Изв. Кавказского историко-археологического ин-та», т. V, Тифлис, 1927; его же, К изучению армянских крестьянских жилищ (карабахский карадам), там же, т. III, Тифлис, 1925; его же, Крестьянское жилище Высокой Армении, там же, т. IV, Тифлис, 1926; Т. А. Чиковани, Из истории народного жилища Закавказья (Историко-этнографическое исследование), Тбилиси, 1967 (на груз., яз.); В. П. Коображен, Крестьянское жилище народов Азербайджана, «Кавказский этнографический сборник», III, М.—Л., 1962; Л. А. Чибиров, Основные типы жилищ дореволюционной Юго-Осетии, «Изв. Юго-Осетинского НИИ», т. XI, Тбилиси, 1962; А. Х. Магометов, Культура и быт осетинского крестьянства, Орджоникидзе, 1963; «Народы Дагестана», М., 1955; А. И. Робакидзе, Жилище грузин. «Народы Кавказа», т. II («Народы мира, Этнографические очерки»), М., 1962; Э. Б. Бернштейн, Народная архитектура балкарского жилища, сб. «О происхождении балкарцев и караиаевцев», Нальчик, 1959; Б. В. Гамкрелидзе, Указ. раб., стр. 16—19.

Карты: XII. Основные виды домашнего скота (середина XIX в.); XIII. То же (конец XIX — начало XX в.); XIV. То же (1960-е годы)

Б. А. Калоев отмечает, что задачей этих карт является показ не только наличия различных видов домашнего скота, но и удельного веса каждого из них в хозяйстве. Г этим нельзя не согласиться.

При составлении карт может возникнуть одна трудность — выявление удельного веса того или иного вида скота. Не всегда достаточно установить количественное преобладание. Приведем пример. Статистические данные 1880-х годов по некоторым районам Восточной Армении показывают, что соотношение поголовья крупного и мелкого рогатого скота равно приблизительно 1 : 3, однако это не помешало исследователям того периода сделать вывод о том, что целью разведения скота в первую очередь была потребность в рабочем скоте для нужд земледелия. То есть для определения удельного веса различных видов скота в хозяйстве необходим учет целого комплекса факторов, как-то: природных условий, масштабов скотоводческого хозяйства, уровня развития других отраслей хозяйства и уровня социально-экономического развития в целом.

Сравнительное рассмотрение карт XII—XIV покажет, как изменилось соотношение различных видов скота в зависимости от социально-экономического и политического развития того или иного народа. XIV карта наглядно покажет, как резко упал удельный вес рабочего скота в хозяйстве по сравнению с двумя предыдущими периодами, что было связано с механизацией сельскохозяйственных работ, осуществленной повсеместно в нашей стране.

Карты: XV. Породы крупного и мелкого рогатого скота (середина XIX в.); XVI. То же (конец XIX — начало XX в.); XVII. То же (1960-е годы)

Для показа пород различных видов скота Кавказа Б. А. Калоев предлагает ограничиться картосхемами и таблицами. Нам представляется, что три предлагаемые нами карты интересны в культурно-историческом плане. Надо иметь в виду, что крупный и мелкий рогатый скот были не только самыми распространенными видами скота, но и отличались наибольшим разнообразием породного состава¹³.

Эти карты не только покажут характерные породы, но и позволят проиллюстрировать тесные хозяйствственно-культурные связи между народами. Говоря словами известного грузинского зоотехника М. Д. Рчеулишвили, «происхождение пород в результате скрещивания отражают историю взаимоотношений разводящих их народов»¹⁴.

Сравнительное рассмотрение указанных трех карт выявит целенаправленную деятельность местных скотоводов по выведению пород крупного и мелкого рогатого скота, наиболее приспособленных к местным природным условиям и дающих наибольшую хозяйственную пользу.

Карты: XVIII. Виды кормовых культур и ареалы их выращивания (конец XIX — начало XX в.); XIX. То же (1960-е годы)

Мы предлагаем эти две карты вместо «Карты размещения сенокосных угодий и кормовых культур» (по трем периодам)¹⁵. Они позволят судить о степени интенсивности скотоводческого хозяйства, что является одним

¹³ А. А. Калантар, Характеристика кавказских пород скота, «Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве в 1912 г.», т. 1, М., 1913; А. З. Тамашев, Указ. раб., стр. 156; А. А. Рухкин, Овцеводство Армянской ССР и пути его качественного улучшения, Ереван, 1948; М. Д. Рчеулишвили, К истории овцеводства Грузии, Тбилиси, 1953; его же. Отгонное овцеводство Грузии и пути его улучшения, Тбилиси, 1957; И. И. Калугин, Исследования современного состояния животноводства Азербайджана, т. I—V, Баку, 1930—1933, и др.

¹⁴ М. Д. Рчеулишвили, К истории овцеводства Грузии, стр. 122.

¹⁵ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 36.

из важнейших показателей скотоводческой культуры в целом. Карта же размещения сенокосных угодий вряд ли необходима, учитывая изменчивость их размеров и расположения.

В конце XIX — начале XX в. на Кавказе народы развитой земледельческой культуры выращивали люцерну, эспарцет, вику, овес, кюрушуну, шамбалу¹⁶ и другие кормовые культуры. Показательно, что наблюдалась известная закономерность в выборе культур в зависимости от географических микроусловий и вида разводимого скота. Так, в районах развитого овцеводства значительных масштабов достигали посевы эспарцета; в низменных районах, где мелкий рогатый скот, как правило, держали в ограниченных размерах, преобладали посевы люцерны.

Кюрушуну сеяли на неорошаемых землях, она была поэтому распространена в высокогорной зоне. Шамбала же выращивалась на поливных землях, почему и в Армении, например, ее сеяли исключительно или почти исключительно в селениях Арагатской равнины.

В наши дни состав кормовых культур значительно изменился: некоторые кормовые культуры перестали выращивать (кюрушуну, шамбалу и др.), вместо них культивируются новые. Сравнительное рассмотрение состава кормовых культур в различные периоды позволит судить и об изменении направления скотоводства. Так, шамбала предназначалась исключительно для рабочего скота, так как при скармливании ее дойному скоту молоко приобретало горьковатый привкус. В настоящее время в результате резкого падения удельного веса рабочего скота в хозяйстве шамбалу практически не сеют.

Для более раннего периода (середина XIX в.) можно, видимо, ограничиться картосхемами и таблицами.

Карты: XX. Сорта сыров (конец XIX — начало XX в.); XXI. То же (1960-е годы)

Многие кавказские народы вели развитое молочное хозяйство, изготовленное до полутора десятков разнообразных молочных продуктов. Наибольший интерес представляет картографирование различных сортов сыра, для изготовления которых в различных частях Кавказа были выработаны самобытные способы, отличавшиеся большой традиционностью и устойчивостью. Указанные две карты покажут, с одной стороны, все многообразие местных сортов сыра, а с другой — расширение ареала изготовления отдельных сортов и появление новых сортов. С начала XX в. на Кавказе практикуется изготовление европейских сортов сыра, что также найдет отражение на XXI карте.

Карты: XXII. Виды маслобоек (конец XIX — начало XX в.); XXIII. То же (1960-е годы)

В середине и конце XIX в. наиболее распространенными видами маслобоек на Кавказе были бурдючные, деревянные и глиняные. Первые преобладали у кочевых и полукочевых групп населения, так как они были удобны и надежны при многочисленных перекочевках и переездах. Бурдючные маслобойки различались между собой в основном размерами, и для их изготовления использовались шкуры коз. Деревянные маслобойки были известны двух типов. Один тип представлял собой длинный полый деревянный цилиндр, наглоухо закрытый с обоих концов деревянными днищами. Маслобойку этого типа, как правило, привязывали к

¹⁶ Кюрлюшина — однолетнее бобовое растение, выращивалось для получения семян, служивших хорошим кормом для крупного рогатого скота; шамбала — однолетнее стручковое растение, скармливавшееся буйволам.

перекрытию жилища и равномерно раскачивали из стороны в сторону. Этот тип особенно был распространен в Армении, во многих районах Грузии и Азербайджане. Другой тип деревянной маслобойки представлял собой высокий полый деревянный цилиндр, наглухо закрытый лишь с одного конца. «Маслобойку этого типа,— пишет А. И. Робакидзе,— ставили обыкновенно вертикально и сливки взбивали палкой, к концу которой перпендикулярно ручке накрест были прибиты две палочки с деревянным ободком». Данный тип маслобоек встречался у народов Северного Кавказа и в некоторых горных районах Грузии¹⁷.

У народов Кавказа бытует глиняная маслобойка двух типов. Один тип маслобоек напоминает большой кувшин, снабженный в верхней части маленькой утолщенной дугообразной ручкой. Такие маслобойки кладут на землю и, двумя руками поддерживая за ручку, равномерно раскачивают¹⁸. В быту армян этот тип известен под названием «нстма дзцум» (букв., «сидячая малобойка»). Это указывает на то, что сбивание сливок производилось сидя. Другой тип представлял собой закрытый наглухо с обоих концов длинный полый сосуд, несколько расширяющийся в середине. Такую маслобойку привязывали к перекрытию жилища и равномерно раскачивали, отсюда ее армянское название «кахови дзцум» (букв., «подвесная маслобойка»). Оба типа известны у грузин, армян и других народов Кавказа.

В настоящее время бурдючные маслобойки полностью вышли из употребления, а деревянные и глиняные сохраняются наряду с новыми более усовершенствованными типами.

Карты: XXIV. Формы скотоводства (середина XIX в.) XXV. То же (конец XIX — начало XX в.); XXVI. То же (1960-е годы)

В этих картах основные элементы скотоводческой культуры народов Кавказа будут обобщены, ибо под формой скотоводства понимаются не только особенности содержания скота в различное время года, система заготовки кормов и кормления, система организации труда, но и определенные элементы материальной культуры и быта народа, обусловленные действием перечисленных факторов.

Для первого и второго периодов (середина и конец XIX в.) представляется возможным выделить четыре основные формы скотоводства — оседлую, отгонную, полукошевую и кочевую, каждая из которых имела локальные особенности, обусловленные природно-хозяйственными условиями. Для третьего периода, видимо, правомерно выделение двух основных форм — оседлой и отгонной, что явилось результатом коренных социально-экономических преобразований, произошедших за годы социалистического строительства. Материалы Атласа отобразят изменения ареалов распространения каждой из этих форм скотоводства и их экономическую значимость.

Вот в основном те элементы, картографирование которых позволит представить характерные особенности скотоводческой культуры народов Кавказа в прошлом и настоящем, отобразить те изменения, которые произошли в ней как в результате тесного соседства и постоянного общения друг с другом, так и коренных социально-экономических преобразований, произошедших в нашей стране на протяжении трех выделенных для Атласа исторических периодов.

¹⁷ А. И. Робакидзе, Скотоводство грузин, «Народы Кавказа», т. II, М., 1962, стр. 251; см. также: Б. В. Гамкрелидзе, Указ. раб., стр. 27.

¹⁸ Подробнее о различных типах бурдючных и глиняных маслобоек см.: Т. С. Хачатрян, Материальная культура Древнего Артика, Ереван, 1963, стр. 143—147.

С. И. Дмитриева

О СПЕЦИФИКЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

(БЫЛ ЛИ СЕВЕР ГЛУХОЙ ОКРАИННОЙ РОССИИ?)

Под русском Севером, или Поморьем, как именуют эту область документы XVII столетия, подразумевается территория к северу от водораздела Волги — Сухоны между районами расселения коми и карелов. Эта область широко известна как сокровищница древнерусской культуры. Благодаря сохранению архаических элементов в общественном быту и культуре Север привлекал к себе внимание ученых различных специальностей. Именно на Севере в 1860-х годах была обнаружена живая былинная традиция; записаны многочисленные сказки, восходящие к глубокой древности; выявлены замечательные произведения деревянной архитектуры, церковной и гражданской; зафиксирована своеобразная форма землевладения и архаическая форма семейной организации. Открытие В. А. Городцовым архаического пласта в северорусской вышивке явилось важной вехой в изучении народного орнамента¹.

Стало своего рода традицией в науке объяснять сохранение древних элементов в материальной и духовной культуре медленным темпом социально-экономического развития и оторванностью Севера от других областей России. Так, в фольклористике утвердилось мнение одного из первооткрывателей былинного эпоса, А. Ф. Гильфердинга, писавшего том, что причинами, обусловившими хорошую сохранность эпоса на Севере, являются «свобода и глушь». Под «свободой» исследователь понимал отсутствие крепостного права. «Глушь», по мнению ученого, охраняла Север от тех влияний, которые разлагали первобытную эпическую поэзию: «к нему не проникал ни солдатский постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода»². В слабой степени, по мнению Гильфердинга, коснулась северного крестьянина грамотность, что в свою очередь способствовало верности старине и вере в чудесное.

Отдельные положения Гильфердинга оспаривались последующими исследователями. Например, А. М. Лобода считал, что нельзя придавать особого значения отсутствию крепостного права, отмечая, что на Дону была еще большая свобода, чем на Севере, однако эпос в такой степени там не сохранился³. А. М. Астахова указывала, что среди лучших сказителей процент грамотных был достаточно высоким⁴. В целом же мнение о Севере как о далекой окраине, мало подвергавшейся влиянию просвещения и культуры, до сих пор держится среди некоторых исследователей.

Однако накопленный за последние десятилетия материал по фольклору, народному искусству и материальной культуре, показывает, что это мнение нуждается в пересмотре.

¹ В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, «Тр. Гос. историч. музея», вып. 1, М., 1956.

² «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I, М.—Л., 1943, стр. 34—35.

³ А. М. Лобода, Русский богатырский эпос, Киев, 1896, стр. 102.

⁴ А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, стр. 31.

Прежде всего, следует иметь в виду, что одними только «глущью» и «отсталостью» далеко не всегда можно объяснить сохранение определенных этнографических особенностей в тех или иных районах. Причины, как правило, более глубоки и требуют специального изучения. Например, рассмотрение географии русского эпоса убеждает, что сосредоточение былинных очагов в определенных районах Севера, объясняется, в первую очередь, историей заселения этого края: былины были обнаружены только в областях, колонизованных из древнего Новгорода. В землях, подвергавшихся низовской или московской колонизации, очаги былинной традиции не зафиксированы⁵. Это явление находит аналогии в других этнографических особенностях Севера. Этнографические и антропологические исследования М. В. Витова, проведенные на огромном материале, показали существование на Севере двух культурных зон: западной (Заонежье и Поморье) и восточной (бассейн верхней Двины с притоками), связанных с различными потоками русской колонизации XII—XVII вв. — новгородской и ростовской⁶. Все остальные причины — «свобода» и «глущь», роль транзитной дороги на Архангельск, по которой в допетровское время велась торговля с иностранцами, роль промыслового хозяйства, для которого характерны периоды вынужденного бездействия и т. п., которыми обычно объясняли сохранение былин на Севере, являются сравнительно второстепенными.

С другой стороны, анализ специфики культурного развития позволяет лучше понять место, которое занимали северные области в истории России.

Начнем с вопроса о грамотности. Целый ряд источников указывает на достаточно высокий уровень грамотности населения Древней Руси в XIV—XV вв. А. И. Соболевский, ссылаясь на огромное количество всякого рода книг и документов XV—XVII вв., позволяющих судить о числе грамотных среди разных слоев русского общества, показал, что вопреки общераспространенному мнению грамотность на Руси в это время была достаточно высокой⁷.

На основании эпиграфического материала, древней рукописной литературы, указаний разного рода письменных источников исследователи не раз говорили о высокой грамотности в Новгородской земле⁸.

О грамотности русского населения Севера в районах политического и культурного влияния Новгорода свидетельствуют двинские грамоты XIV—XV вв. При этом, что особенно важно, документы говорят о распространении грамотности среди крестьян⁹. Об этом же свидетельствуют жития святых XV в.: Антоний Сийский из села близ Белого моря, Александр Свирский из Обонежья, Александр Ошевенский обучались грамоте в детстве в сельских школах¹⁰.

По наблюдению А. И. Соболевского, сокращение народных училищ заметно в XVIII в., что связано, по его мнению, с усилением крепостного права¹¹. И следовательно, уменьшение числа грамотных должно было в меньшей степени коснуться северных областей, где крепостное право отсутствовало. В свете этого становится понятным отмеченный в 20-х годах нашего столетия В. В. Никольским высокий процент грамотности среди

⁵ С. И. Дмитриева, Географическое распространение былин, «Сов. этнография», 1969, № 4.

⁶ М. В. Битов, Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера, «История СССР», 1964, № 6.

⁷ А. И. Соболевский, Образованность Московской Руси XV—XVII веков, СПб., 1894.

⁸ Н. Г. Порфирьев, Древний Новгород, М.—Л., 1947, стр. 149—167; Л. П. Жуковская, Новгородские берестяные грамоты, М., 1959, и др.

⁹ А. А. Шахматов, Исследования о Двинских грамотах XV в., СПб., 1903.

¹⁰ А. И. Соболевский, Указ. раб., стр. 16.

¹¹ А. И. Соболевский, Указ. раб., стр. 26.

населения западного побережья Белого моря. Серьезное статистическое обследование показало, что процент грамотности в этих местах настолько высок, что «мужское население на побережье приходится сравнивать в этом отношении не с сельским, а уже с городским населением республики»¹².

Одним из свидетельств грамотности северян является установленная исследователями значительная роль книжных источников в быльших сказительстве Севера¹³. С этим связан и тот факт, что среди сказителей было много людей грамотных. И наконец, сами былины, сохранившие немало данных о древнерусской жизни, лишний раз свидетельствуют о широком распространении грамотности. Богатыри, как на это впервые обратил внимание Л. Н. Майков, — люди грамотные, умеющие читать и писать¹⁴. О том, что образованность была обычным бытовым явлением в Новгороде, говорят новгородские былины о Василии Буслаеве и Садко.

Также нуждается в пересмотре не раз повторявшееся мнение о том, что русский Север в отличие от других областей был мало подвержен городскому и всякого рода новым влияниям. Внимательное рассмотрение быта и искусства интересующей нас области убеждает в обратном. Начнем с того, что так называемый северорусский комплекс крестьянской одежды (с сарафаном) более, чем одежда других русских областей, связана по своему происхождению с городом¹⁵. В покрове косоклинного сарафана и расположении украшений на нем прослеживаются аналогии с ферязями, телогреями, шубками — женской боярской одеждой допетровской Руси¹⁶. Черты искусства XVIII в. видим в рисунках сарафанных тканей, состоящих из пышных гирлянд и букетов, перевитых лентами¹⁷. В конце XIX — начале XX в. крестьяне северных областей раньше, чем южнорусских, начинают носить костюмы, близкие к городскому платью XIX в.¹⁸

Городское влияние на Севере заметно и в народном жилище. В районах Сухоны и Вычегды в ряде элементов внешнего декора (балконах, крыльцах, фасадной стороны, наличниках и т. д.) отмечены элементы московской хоромной архитектуры¹⁹. В декоре крестьянского жилища Заонежья можно видеть влияние более поздних стилей — барокко и ампира²⁰. Исследователи объясняют появление этих стилей в Заонежье тесными экономическими связями последнего с Петербургом, откуда «онежский район получил значительные технические усовершенствования через своих отходчиков, частью тех же мастеров — деревообделочников-столяров»²¹. В связи с этим напомню, что северяне как искусные плотники славились на Руси с древнейших времен. Мастеров из Вологодской и Архангельской губерний вызывали на строительные работы в Москву, а позже — в Петербург²².

Пожалуй, в еще большей степени городское влияние заметно в народном прикладном искусстве интересующих нас районов. В орнаменте вы-

¹² В. В. Никольский, Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря, М., 1927, стр. 24.

¹³ А. М. Астахова, Указ. раб., стр. 31.

¹⁴ Л. Н. Майков, О былинах Владимира цикла, СПб., 1863, стр. 83.

¹⁵ Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белоруссов, «Восточнославянский этнографический сборник», М.—Л., 1956, стр. 643.

¹⁶ И. П. Работнова, Русская народная одежда, М., 1964, стр. 17.

¹⁷ Там же, стр. 17, 18.

¹⁸ Там же, стр. 44—45.

¹⁹ А. И. Некрасов, Русское народное искусство, М., 1924, стр. 55—64; И. В. Маковецкий, Архитектура русского народного жилища, М., 1962, стр. 184—204.

²⁰ Р. М. Габе, Карельское деревянное зодчество, М., 1941, стр. 123—126; К. К. Романов, Жилой дом в Заонежье, сб. «Крестьянское искусство СССР», т. 1, «Искусство Севера», Л., 1927.

²¹ К. К. Романов, Указ. раб., стр. 39.

²² И. В. Маковецкий, Указ. раб., М., 1962, стр. 8.

населения западного побережья Белого моря. Серьезное статистическое обследование показало, что процент грамотности в этих местах настолько высок, что «мужское население на побережье приходится сравнивать в этом отношении не с сельским, а уже с городским населением республики»¹².

Одним из свидетельств грамотности северян является установленная исследователями значительная роль книжных источников в былинном сказительстве Севера¹³. С этим связан и тот факт, что среди сказителей было много людей грамотных. И наконец, сами былины, сохранившие немало данных о древнерусской жизни, лишний раз свидетельствуют о широком распространении грамотности. Богатыри, как на это впервые обратил внимание Л. Н. Майков, — люди грамотные, умеющие читать и писать¹⁴. О том, что образованность была обычным бытовым явлением в Новгороде, говорят новгородские былины о Василии Буслаеве и Садко.

Также нуждается в пересмотре не раз повторявшееся мнение о том, что русский Север в отличие от других областей был мало подвержен городскому и всякого рода новым влияниям. Внимательное рассмотрение быта и искусства интересующей нас области убеждает в обратном. Начнем с того, что так называемый северорусский комплекс крестьянской одежды (с сарафаном) более, чем одежда других русских областей, связана по своему происхождению с городом¹⁵. В покрое косоклинного сарафана и расположении украшений на нем прослеживаются аналогии с ферязями, телогреями, шубками — женской боярской одеждой допетровской Руси¹⁶. Черты искусства XVIII в. видим в рисунках сарафанных тканей, состоящих из пышных гирлянд и букетов, перевитых лентами¹⁷. В конце XIX — начале XX в. крестьяне северных областей раньше, чем южнорусских, начинают носить костюмы, близкие к городскому платью XIX в.¹⁸

Городское влияние на Севере заметно и в народном жилище. В районах Сухоны и Вычегды в ряде элементов внешнего декора (балконах, крыльцах, фасадной стороны, наличниках и т. д.) отмечены элементы московской хоромной архитектуры¹⁹. В декоре крестьянского жилища Заонежья можно видеть влияние более поздних стилей — барокко и ампира²⁰. Исследователи объясняют появление этих стилей в Заонежье тесными экономическими связями последнего с Петербургом, откуда «онежский район получил значительные технические усовершенствования через своих отходчиков, частью тех же мастеров — деревообделочников-столяров»²¹. В связи с этим напомню, что северяне как искусные плотники славились на Руси с древнейших времен. Мастеров из Вологодской и Архангельской губерний вызывали на строительные работы в Москву, а позже — в Петербург²².

Пожалуй, в еще большей степени городское влияние заметно в народном прикладном искусстве интересующих нас районов. В орнаменте вы-

¹² В. В. Никольский, *Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря*, М., 1927, стр. 24.

¹³ А. М. Астахова, Указ. раб., стр. 31.

¹⁴ Л. Н. Майков, *О былинах Владимира цикла*, СПб., 1863, стр. 83.

¹⁵ Г. С. М а слов а, *Народная одежда русских, украинцев и белоруссов*, «Восточно-славянский этнографический сборник», М.—Л., 1956, стр. 643.

¹⁶ И. П. Р а б от н о в а, *Русская народная одежда*, М., 1964, стр. 17.

¹⁷ Там же, стр. 17, 18.

¹⁸ Там же, стр. 44—45.

¹⁹ А. И. Некрасов, *Русское народное искусство*, М., 1924, стр. 55—64; И. В. Маковецкий, *Архитектура русского народного жилища*, М., 1962, стр. 184—204.

²⁰ Р. М. Га б е, *Карельское деревянное зодчество*, М., 1941, стр. 123—126; К. К. Романов, *Жилой дом в Заонежье*, сб. «Крестьянское искусство СССР», т. 1, «Искусство Севера», Л., 1927.

²¹ К. К. Романов, Указ. раб., стр. 39.

²² И. В. Маковецкий, Указ. раб., М., 1962, стр. 8.

шивки на одежде крестьянок можно встретить изображения льва, барса, единорога, известных по памятникам декоративного искусства Новгорода и Владимира-Сузdalской Руси. По мнению Л. А. Динцеса, эти изображения проникают в крестьянское искусство в раннефеодальный период²³. Под их влиянием видоизменяется сохранившаяся в северных узорах на полотенцах и прялках знаменитая древняя трехчастная композиция с богиней-матерью посредине и двумя всадниками по краям; вместо всадников фигурируют барсы, реже кони и олени. Позже в некоторых местах эта композиция трансформируется в жанровую картинку, всадники превращаются в «кавалеров», а богиня — в «барышню».

А. И. Некрасов, проследивший проникновение городских стилей в крестьянскую архитектуру, скульптуру и живопись разных областей России, отмечал, что многие черты, присущие когда-то искусству высших классов, особенно заметны в народном искусстве русского Севера²⁴.

В искусстве Севера, пожалуй, больше, чем в искусстве других областей, сказалось иноземное, особенно западно-европейское, влияние, которое можно объяснить как торговыми и культурными связями Русского государства, осуществлявшимися до начала XVIII в. через Холмогоры и Архангельск, так и сношениями поморов со Скандинавскими странами в более позднее время. Н. Н. Соболев пишет об общности элементов русского и скандинавского орнамента в резьбе по дереву²⁵. Н. В. Мальцев, исследовавший орнаментальную резьбу по дереву на Онежском п-ве, пишет о влиянии норвежского искусства на геометрический орнамент на предметах прикладного искусства Летнего берега, которое сказалось как в заимствовании отдельных изобразительных мотивов, так и в общем строе орнамента²⁶.

Западноевропейское влияние сказалось и в работах архангельских мастеров-мебельщиков²⁷. В резьбе по кости XVI—XVIII вв. чувствуется влияние стилей барокко и рококо. По мнению А. И. Некрасова, этот стиль особенно заметен в предметах быта (костяных гребнях, шпильках, ларцах, шкатулках и зеркалах) крестьянок прошлого века — «...как будто бы русский Север признал для женских украшений законность галантного стиля Ватто»²⁸. На предметах быта можно также видеть мотивы орнамента XVII—XVIII вв. (цветок тюльпана и розы, барочные картуши и рокайльные завитки), хотя в целом этот орнамент восходит к эпохе древней Руси²⁹. Под влиянием города в народной глиняной игрушке наряду с образами, идущими от языческой древности, в XIX в. появляются сюжеты и образы более позднего происхождения³⁰.

Число подобных примеров можно умножить, но уже и приведенных, на мой взгляд, достаточно, чтобы заключить, что Север не был глухой окраиной, не знавшей и не испытавшей новых культурных влияний.

Не соответствует действительности и существующее мнение об экономической отсталости северных районов. Напротив, промышленность там стала развиваться даже раньше, чем во многих других областях России. Так, в 1703 г. в устье реки Лососинки, впадающей в Онежское озеро, на месте современного Петрозаводска по инициативе Петра I был

²³ Л. А. Динцес, Древние черты в русском народном искусстве, «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951, стр. 485—487.

²⁴ А. И. Некрасов, Указ. раб., стр. 150.

²⁵ Н. Н. Соболев, Русская народная резьба по дереву, М.—Л., 1934, стр. 348.

²⁶ Н. В. Мальцев, Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове, сб. «Русское народное искусство Севера», Л., 1968, стр. 80.

²⁷ К. А. Орлова, Мебель работы мастеров Архангельской губернии в собрании Эрмитажа, сб. «Русское народное искусство Севера», Л., 1968, стр. 166—168.

²⁸ А. И. Некрасов, Указ. раб., стр. 98.

²⁹ В. М. Вишневская, Из истории северного живописного орнамента, «Памятники культуры русского Севера», М., 1966, стр. 50—53.

³⁰ Ю. М. Василевский, Народная глиняная игрушка Архангельской области, «Памятник культуры русского Севера», стр. 54.

основан казенныи пущечно-литейный завод, а в 1773—1774 г. был построен Олонецкий металлургический завод, и население Заонежья в той или иной степени было связано с фабрично-заводской промышленностью.

Издавна Поморье славилось своими морскими и соляными промыслами³¹. На Северной Двине и ее притоках велась добыча руды, смолы, развивалось кораблестроение, заготовка и сплав леса. Данные, полученные в результате археологического изучения позднесредневековых городов Поморья, говорят о довольно высоком развитии ремесленного посада в это время. Продукция ремесленников (кузнецов, котельников, серебряников, скорняков и т. п.) вывозилась в Устюг, Вятку, Москву и города Сибири. Было развито отходничество мастеров в другие центры. «Культурный центр позднесредневекового города на Севере оказался таким насыщенным, порой таким богатым самым широким ассортиментом находок, что теперь нельзя говорить о бедности или «маловыразительности» городской культуры на Севере XVI—XVII вв.»³².

На основании ряда письменных источников можно судить о высоком и повсеместном развитии в середине — конце XVIII в. художественных ремесел: серебряного дела, резьбы по дереву и кости, ткачества, вышивки, золотошвейного искусства и др.³³

Отсутствие на Севере крепостного права способствовало тому, что здесь раньше, чем в других русских землях, произошло разложение натурального хозяйства и начали развиваться товарно-денежные отношения. Крестьяне, выплачивавшие подати деньгами, стремились развивать ремесла и промыслы и продавать на рынках продукты своего труда. Во второй половине XIX в. в северных губерниях значительное развитие получил крестьянский отход, свидетельствующий о росте пролетаризирующегося крестьянства, вынужденного продавать свою рабочую силу на стороне³⁴. При этом преобладающим для северных областей был не земледельческий отход, а промышленный, преимущественно в городе³⁵. По данным 1890—1896 гг., в Олонецкой губернии отхожими промыслами было занято около 40 тыс. человек. Центральным пунктом, куда стекалась основная масса рабочих, являлась столица³⁶. Все это способствовало развитию предприимчивости, инициативы и подвижности северных крестьян, что в свою очередь создавало благоприятную почву для проникновения на Север «новых веяний и моды».

В том, что русский Север жил довольно активной экономической и культурной жизнью, убеждают биографии сказителей былин, содержащиеся в большинстве былинных сборников. Среди певцов былин, особенно среди лучших из них, было много людей «грамотных» и «бывальных», живших и работавших в Петербурге, Новгороде, Петрозаводске. Сказители с побережий Белого моря, Мезени и Печоры по издавна уставившимся у поморов традициям участвовали в заграничных плаваниях в Норвегию, Данию, Швецию и даже в Америку. Например, сказитель Л. Е. Гольчиков из дер. Лебской Лешуконского района после отбытия военной службы «ходил матросом по найму» и бывал в Архангельске, Петрограде, в Америке и Дании. Другой сказитель, М. Г. Антонов, в 1892 г. совершил кругосветное путешествие, во время которого побывал в Англии, Испании, Южной Америке, США и т. д.³⁷

³¹ М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 230—232.

³² О. В. Овсянников, Некоторые проблемы изучения средневекового города в русском Поморье, «Памятники культуры русского Севера», М., 1966, стр. 67.

³³ Т. А. Бернштам, Кустарная промышленность и народное искусство русского Севера, «Памятники культуры русского Севера», стр. 63.

³⁴ «Хрестоматия по истории СССР», т. III, М., 1952, стр. 212.

³⁵ В. К. Яцунский, Вопросы экономического районирования в трудах В. И. Ленина, «Вопросы географии», сб. 35, М., 1953, карта к стр. 20.

³⁶ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. 3, СПб., 1900, стр. 206.

³⁷ А. М. Астахова, Былины Севера, т. 1, М.—Л., 1938, стр. 109, 161.

Да и сами тексты былин лишний раз подтверждают, что их создатели и исполнители были в курсе общественной жизни всего русского государства. В былинах отразились не только исторические реалии эпохи Киевского государства, но и события последующих эпох. В них появляются новые понятия и происходят лексические замены. Так, бояре заменяются «вельможами», у князя Владимира вместо «палат белокаменных» — «комнаты»; Василиса Мikuлична, переодеваясь мужчиной, на-девает «обмундирование». В ряде былин упоминаются «магазины», «приказчики»³⁸. Лексика, связанная с новым бытом, вторгается в loci communes (общие места), которые, как известно, наиболее тщательно охраняются былинной традицией.

Многие исследователи считали, что консервации древних культурных традиций способствовала политическая обособленность русского Севера. Однако это мнение также мало основано на фактах. Известно, что до присоединения Новгорода к Москве Заонежье входило в одну из Новгородских пятин и его население принимало довольно активное участие в общественной и политической жизни Новгорода Великого. Олончане в составе дружины Александра Невского сражались в битве на Чудском озере. В начале XVIII в. северяне участвовали в борьбе Петра I за выход России в Балтийское море.

О том, что северяне были также в курсе позднейших политических событий, свидетельствуют предания об Иване Грозном, образ которого получил оригинальную трактовку. В отличие от преданий, сложившихся в центральных и южных губерниях, где Иван Грозный и его деятельность оцениваются положительно, в преданиях северян отношение к Грозному резко отрицательное³⁹. События, связанные с польско-шведской интервенцией начала XVII в., нашли отражение в широко распространенных на Севере, особенно в Прионежье, преданиях о «панах»⁴⁰ и «Маринкином приданом»⁴¹.

Все сказанное убеждает нас в том, что Север не только не был захолустной окраиной России, но жил довольно активной политической, экономической и культурной жизнью.

³⁸ Там же, стр. 98.

³⁹ В. К. Соколова, Русские исторические предания, М., 1970, стр. 63 и далее.

⁴⁰ Там же, стр. 40 и далее; В. В. Пименов, Чудские предания как источник по этнокультурной истории Европейского Севера, «Сов. этнография», 1968, № 4.

⁴¹ В. К. Соколова, Указ. раб., стр. 40.

З. Д. Титова

ОБЗОР ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ XVII—XIX вв. О НАРОДАХ СИБИРИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Фонды Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде содержат довольно богатые материалы по этнографии народов Сибири XVII—XIX вв.¹ Многие из этих материалов до настоящего времени не опубликованы, а значительная часть опубликованных увидела свет в изданиях, давно уже ставших библиографической редкостью.

Понятно, что не все рукописи, которым посвящен настоящий обзор, содержат равноценные этнографические данные. В некоторых мы находим лишь упоминания о расселении того или иного народа с краткой этнографической его характеристикой. В других приводится обширный фактический материал, даны весьма подробные описания одного или нескольких народов. Однако и те и другие могут послужить немаловажным источником при изучении исторической этнографии Сибири.

Обзор построен в хронологическом порядке². В нем учтены рукописи из Эрмитажного собрания, из Основного собрания русской рукописной книги, из архивов различных учреждений и личных фондов. Шифры рукописей и выходные данные (для опубликованных материалов) даны в подстрочных примечаниях.

Этнографические данные о народах Сибири начали накапливаться с первой половины XVII в. Эти сведения принадлежали многочисленным служилым и торговым людям, прокладывавшим пути к Тихому океану и на Камчатку. Позднее, в XVIII в., к ним прибавились материалы участников правительственных экспедиций и деятелей Российско-Американской компании. Все эти этнографические описания по большей части весьма реалистичны, отличаются простотой и неизменным вниманием к особенностям описываемого народа.

Первые, хотя и очень скучные данные обнаружены в Есиповской летописи. В собрании ГПБ она имеется в Головановском списке распространенной редакции³. Этот список представляет собой «исправленный» труд Саввы Есипова (1636 г.), первого сибирского историка XVII в.

Неизвестный автор списка упоминает «пегую орду», «остяков» и «самоедов»; говорит, что они «закона не имеют, но идолам поклоняются и жертвы приносят». В пищу употребляют сырое мясо зверей и «кровь пияху яко воду от животных и траву и коренья ядаху». Говоря об одежде и способе передвижения у этих народов, автор не дает их описания раздельно у каждого народа, как это сделано у Есипова, а пишет: «остяки же одежду имаху от рыб, самоядь же от еленей», «ездят остыки на псах, самоядь же на еленах».

¹ Рукописи XVII в., находящиеся в фондах отдела рукописей ГПБ, упоминаются наряду со многими другими в кн.: А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1—XVII в., М.—Л., 1960, стр. 150—190.

² В переводных рукописях учитывается дата их написания, а не перевода.

³ Эрм. собр., № 376.

Любопытные данные по XVII веку можно найти в многочисленных кратких сибирских источниках. Примером этого может служить интересная статья о Сибири в Хронографе третьей редакции по списку ГПБ из собрания Ф. А. Толстого⁴.

А. И. Андреев относит этот хронограф ко времени не ранее 1645 г. Неизвестный автор приводит перечень «людей разноязычных», живущих в Сибири, говорит о границах расселения «вогул», татар, калмыков и приводит очень краткие этнографические сведения по всем народам: «...Сие же людие, аще и подобни образом человекам, но нравом и житием подобни зверем, не имеют же закона, овии же кланяются камению, инии же медведю, инии же древию, инии птицам, соторвше бо от древа, птицы, звери и змеи и сим поклоняются тем же разных языков и нравов люди». Дальше говорится: «Всех же языков в Сибирском царстве числом 17..., по своим языкам писмен не имут, точию татары имут по своему языку писание, а держат закон Маомедов, а калмыцкий язык, приемлют, учение от лаб Китайского царства, ходят в суете ума их». В этой же рукописи имеется еще одно интересное сообщение: «На краи реки Томи лежит камень велик и высок, а на нем писано звери, скоты и птицы и всякая подобия, а егда по некому прилучаю отторжется камень, а внутри того писано якоже и на край». Как отмечает М. О. Косвен, «это самое раннее в литературе известие о сибирских, в частности томских, петроглифах — «писаницах»⁵.

Сведения о народах Сибири мы находим не только в летописях, но и в «космографах», относящихся к началу XVII в. Так, в ГПБ в рукописи № 1576 из Собрания М. П. Погодина имеется статья о царстве Сибирском, написанная между 1622 и 1640 гг.⁶. Автор рукописи упоминает «тунгусов», «остяков» и «самоедов», «иже кочевствует житием своим по великим рекам и дебрям и горам каменным, питаются же ся всяким зверем и птицами, но всего больше от тех рек различными рыбами». Автор знает, что «изначала бо сия земля бисерменьская нарицалася Татария, и имели идола злата бабу... и поклонялись ей».

Некоторые сведения по народам Сибири содержит еще одна рукопись XVII в.— Н. Спафария «Описание Китайской империи и сопредельных с оною стран, в 1678 г. сочиненное»⁷. «Описание» распадается на несколько отдельных частей: «Описание реки Амура» (л. 196—200 об. гл. 54) и «Татарская книжица» (гл. 55—80, л. 252—260 об.) посвящены народам пограничных с Китаем областей — бодгойцам, мунгалам, калмыкам и тангутам⁸. На л. 199 имеются «Краткие этнографические сведения о «гиляках», едва ли не первые в литературе, как это предполагает А. И. Андреев⁹.

В рукописи читаем: «А против этого устья Амурского на море остров великий, а живут на тому острову иноземцы многие гиляцкие.., а юрты у них деревянные, а носят летом кожан рыбий, а зимою шубы собачьи, а ездят зимою на собаках нартами, а летом в лодках деревянных, а держат для услуг собак и медведей в улусах, а едят рыбу и разных морских зверей. Ловят рыбу подле берега, а ясак никому не платят».

⁴ Основное собрание рукописной книги (далее—ОСРК), IV, № 165, отд. 1, № 61. Опубл. «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов», М., 1869.

⁵ М. О. Косвен. Материалы к истории русской этнографии XVII в., «Сов. этнография», 1955, № 1, стр. 136.

⁶ Собрание Погодина, № 1576. Сборник, I раздел — «Космография краткая», л. 43—44 об.

⁷ ОСРК, Q. IV, 384; Q. IV, 1; Q. IV, 141 и т. д. Рукопись Спафария полностью не опубликована. Г. И. Спасский опубликовал в 1853 г. в «Вестнике Русского географического общества» (т. 7, кн. 2, стр. 17—21) «Сказание о великой реке Амуре», а А. А. Титов перепечатал «Сказание» в книге «Сибирь в XVII в.», М., 1890, стр. 105—113.

⁸ Две последние части не опубликованы.

⁹ А. И. Андреев, Указ. раб., стр. 169.

Не большие этнографических данных в другой рукописи: «Historia de Sibiria sive notitia Regnis (Regni) Sibiriae et littoris Oceani Glacialis et Orientalis...»¹⁰. Эта латинская рукопись принадлежит Ю. Крыжаничу, который в течение пятнадцати лет (1661—1676) находился в ссылке в Тобольске. Но, по словам самого Крыжанича, этот труд был написан им уже по выезде из Московского государства и без тех материалов, которыми он располагал в Тобольске.

В рукописи отмечается, что «в северном климате и смежном с ним обитают разные народы, говорящие каждый собственным наречием, как то „Вогуличи“, „Остяки“, „Зыряне“, Буряты (Brati), Дауры и некоторые другие». Несколько подробнее говорится о религии этих народов: «Кумиры их не что иное как деревянные чурбаны, поставленные при дорогах, верхняя их часть, по-видимому, представляет некоторое подобие человеческой головы. Они нашивают на них соболи шкуры, которые иногда москвитяне похищали, но сие безнаказанно им не проходило». Есть сведения и о шаманах и их действиях, есть и некоторые этнографические данные о калмыках.

К 80-м годам XVII в. относится рукопись «Описание новых земли Сибирского государства». А. И. Андреев считает автором этого труда подьячего посольского приказа Никифора Даниловича Венюкова¹¹.

Для этнографа интересна та часть «Описания», где упоминаются некоторые народы Сибири — «подданные ясачные люди татарове, вотяки¹², самоядь...», которые «по обе стороны великой реки Оби и Иртыша и иных великих рек множество живут...». Автор этого «Описания» сообщает, что эти народы «разными язык и улусами своими живут в лесах темных над водами, зимние юрты деревянные в землях, аки в погребах от великих мразов, а летния юрты имеют в иных местах над водами великими...», «а одеяние и обувь имеют от рыбих кож, с осетров, стерлядей, с налимов и со всяких птиц; проделывают же те кожи рыбьим жиром, аки равдугу мягкостию, которые отнюдь дождя не боятся». Питаются «все звериным мясом и птичьим, да рыбою, а хлеба не сеют. Ездят нартами на собаках и на оленях доморошенных». Оленей имеют у себя «по сто, по двести и по пятьсот и по тысячи, а те олени питаются мхом и травою и молоко у них даят на потребу».

Говорится в «Описании» и о браке у этих народов: «а те ясачные люди имеют у себя, которые богатые, в одной юрте по три и по четыре жены, маломощные же люди по одной жене имеют». В этой рукописи впервые упоминается о существующем у этих народов неравенстве и привилегиях богатых.

Совершенно особое место среди рукописей XVII в. занимает «Путешествие в Китай Эбергарда Ибсранда Идеса в 1692 г.»¹³. Ибсранд Идес был направлен в конце XVII в. в Китай во главе русского посольства и составил подробное описание своего путешествия по Сибири. На этой рукописи мы остановимся несколько подробнее, так как в ней, видимо, впервые этнографическое описание сделано отдельно по каждому народу и частично основано на личных наблюдениях автора. К сожалению, в нашем экземпляре рукописи отсутствует карта Сибири с обозначением мест расселения некоторых сибирских народов.

¹⁰ Лат. Q, IV, № 66. Около 1680 г. Рукопись была опубликована дважды в русском переводе: Г. И. Спасским в «Сибирском вестнике» за 1822 г. и А. А. Титовым в кн. «Сибирь в XVII в.», стр. 115—216.

¹¹ ОСРК, F. XVII, № 19. Сборник, л. 202—220; ОСРК, Q. LXIV, л. 2—36. Собр. Общества любителей древней писменности по описи Х. М. Лопарева. Опубл.: А. А. Титов, Сибирь в XVII в., стр. 55—101; А. И. Андреев, Указ. раб., стр. 69.

¹² Здесь автор ошибся, надо было написать «остяки» (ханты), которые действительно живут по обе стороны Оби.

¹³ ОСРК, Q. IV, № 519 и Собр. Погодина № 1548, Опубл. «Древняя Российская Вивлиофика», 1789, ч. 8, стр. 360—475; ч. 9, стр. 387—461.

Рукопись представляет собой перевод с голландского языка путевого дневника Э. Ибсранда Идеса. Перевод сделан неизвестным лицом в первой половине XVIII в. и опубликован в «Древней Российской Вивлиофонке». Он значительно отличается от подлинника: сравнивая перевод опубликованного текста с голландским подлинником, М. П. Алексеев установил, что перевод не только дает голландский текст в сокращенном виде, но местами и совершенно изменяет его¹⁴.

В своем труде Ибсранд Идес отвел значительное место этнографическому описанию многих народов Сибири: «вогулов», «остяков», тобольских татар, «тунгусов», «бурят», «дауров», «самоедов», барабинцев, киргизов, «гиляков», чукчей, коряков, якутов и юкагиров. В рукописи имеются сведения о внешнем виде представителей этих народов, об их материальной культуре — жилище, пище, одежде, а также луховицкой культуре — некоторые материалы по обрядам, обычаям и т. д.

Первыми автор увидел «вогул» и обратил внимание на их крепкое телосложение. Описал подробно их жилища, пищу, особенно ее заготовление впрок, жертвоприношение, которое «они на всякий год одиножды приносят». Говоря о браке, отметил, что «позволяется столько жен держать, сколько пропитать могут... однако у них ближе как по четвертому колену жениться не позволяет и на то они никогда не разрешают..., а свадьбу играют без церемоний».

Не менее подробно характеризует автор все стороны жизни «остяков», у которых особенно подчеркивает, что «в женитьбах своих ни на какое колено свойства не смотрят».

Несколько раз во время своего путешествия Ибсранд Идес встречался с «тунгусами» — на реках Ангаре, Шилке, Амуре, Аргуне. Он подробно описал их материальную культуру, обычай (особенно погребальные) и религиозные обряды. Более краткую этнографическую характеристику получили буряты, татары, самоеды и другие народы, с которыми встречался автор.

Ибсранд Идес рассказывает об одном народе (не называя его), который «приезжает из островов Восточного Океана, которые острова из устья двух рек (Тугур и Уда) видны». «Оные среднего росту, имеют большие бороды и собою хороши, приезжают в небольших судах и девок у сибирских татар покупают и выменивают на соболи и на черные лисицы, которых по их словам у них множество находится. Сказывают они, якобы Якуцкая губерния прежде сего им подвержена была и подлинно оным словам для сходствия, что между их языком и языком той провинции имеется, верить можно».

К началу XVIII в. относится «Служебная чертежная книга С. Ремезова»¹⁵. Этнографических сведений в ней очень немного. Интерес представляют: л. 30—31 «Чертеж древней Годуновской всея Сибири»; л. 65—66 «Чертеж города Кунгура и посадов»; л. 69—70 «Тавры снятые с камней» (Верхотурский уезд) и л. 99—102 «Чертеж новой камчадальской земли и моря». В пояснении к этому чертежу имеются упоминания о «камчадалах» и курильцах. «Вышеписанные роды по рекам и в поморьях и в губах живут, в юртах кожаных и земляных, острожки делают для междуусобного бою. Ездят на оленях и собаках. Питаются рыбью и зверьми. Начальных себе не имеют, слушаются богатых мужиков. В запас зверей не промышляют. Копья каменные и костяные, а железа мало, железные топоры, палмы покупают дорого».

В нашем экземпляре рукописи утерян самый интересный этнографический чертеж (на л. 38) С. Ремезова. Как предполагает А. И. Андреев,

¹⁴ М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, Иркутск, 1936, т. I, ч. 2, стр. 142.

¹⁵ Эрм. собр., № 237. Датирована 1701 г., 167 л.

«Этнографический чертеж был сделан Ремезовым после составления им в Москве в 1698 г. чертежа всей Сибири»¹⁶.

Немногим больше этнографических материалов и в двух следующих рукописях первой половины XVIII в.: S. Waxell. Auszug so wohl aus meine als aus andere Officiers, auf den Kamchatsischen expedition galltende Journalen, welche anno 1733 von St. Pb. abgifarbtiget würde...»¹⁷ и «Роспись содержащимся в сей книге Tatischtschev schriften называемой рукописям»¹⁸. Рукопись Вакселя содержит очень ограниченные сведения о чукчах и алеутах, но зато более подробные — о «камчадалах» (в гл. 15): об их промыслах, средствах передвижения, пище и жилище, нравах и т. п. Особенно подробно автор останавливается на их подземных жилищах и на способах заготовления пищи впрок.

Во второй рукописи на л. 442—454 приведены записки В. Н. Татищева о живущих в Сибири народах (отдельные отрывочные замечания о внешнем виде, одежде, пище, жилище, занятиях и погребальных обрядах «братских татар», барабинцев и якутов). Это — примечания к книге Страленберга «Das Nord — und Östliche Teil von Europa und Asia», выдержки из сообщений Лоренца Ланга о Сибири и известия других путешественников. Некоторые данные Страленберга Татищев проверял, посылая запросы на места.

Значительный интерес представляют две рукописи второй половины XVIII в., относящиеся к Восточной Сибири: «Ведомость сочиненная Иркутской провинции Верхоленского уезда к географическому описанию против данных пунктов, против которых осведомляясь о тамошних народах состоянии подписано под каждым. По описанию геодезии в ранге поручика кн. Ивана Шехонского со учениками». Вторая рукопись имеет такое же заглавие, но касается Иркутской провинции Илимского уезда¹⁹. Это ответы на известную анкету В. Н. Татищева, которая была разослана в губернские канцелярии Сибири в 1735—1736 гг.²⁰ Анкетный материал Татищева «является ценным источником XVIII в. о народах Сибири, собранным по известному плану, для своего времени вполне научному»²¹. Татищев интересовался вопросами расселения народов, их происхождением, образом жизни, религией, фольклором, обрядами, обычаями и т. д. Всего в анкете было 198 вопросов (параграфов)²².

Обе хранящиеся у нас рукописи обрываются на § 164 («О суверении»). Есть предположение, что эти ответы подготовлялись для самого Татищева и по известным причинам не были переписаны до конца и в

¹⁶ А. И. Андреев, Указ. раб., стр. 185.

¹⁷ Нем. F. IV, № 196. Опубл. на русском языке: Свей Ваксель, Вторая камчатская экспедиция Витуса Беренга. Перевод с рукописи на немецком яз. Ю. И. Бронштейна под ред. А. И. Андреева, Л.—М., 1940.

¹⁸ Эрм. собр., № 555. Список XVIII в., л. 442—454. Копия рукописи ЦГАДа. Опубл.: Н. А. Попов, Татищев и его время. М., 1861, стр. 705—716.

¹⁹ ОСРК, F. IV, № 21 и F. IV, № 22.

²⁰ Анкета опубликована: В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 77—95, а также Н. Попов, Татищев и его время, М., 1861, стр. 663—696. На большое научное значение анкеты В. Н. Татищева неоднократно указывалось в литературе. См., например: А. И. Андреев, Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири, «Сов. этнография», 1936, № 6; Н. Н. Степанов, В. Н. Татищев и русская этнография, «Сов. этнография», 1951, № 1; С. А. Токарев, Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку, «Сов. этнография», 1948, № 2; Е. Г. Шапот, Анкеты В. Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII в., «Проблемы источниковедения», 1962, вып. 10, стр. 134—153, и т. д.

²¹ А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. 2—XVIII в. (первая половина), М.—Л., 1965, стр. 328.

²² Это вторая редакция анкеты. В первой редакции анкета включала 92 вопроса. Анкетный материал Татищева полностью не обработан и не опубликован. Лишь незначительные извлечения из анкетного материала Татищева были изданы. См.: Н. А. Попов, Татищев и его время, М., 1861, стр. 569—577 и 696—704; В. В. Радлов, Сибирские древности, вып. 1, прил., стр. 140—146; «Ответы кап. Стрижевского (о башкирах) за программу В. Н. Татищева», «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. 25, вып. 6, 1909, стр. 167—175; А. И. Андреев, Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири, «Сов. этнография», 1936, № 6, стр. 99—103.

первой четверти XIX в. попали в Императорскую Публичную библиотеку. Материал рукописей касается двух народов — бурят и эвенков («тунгусов»).

«Оные братские²³, — говорится в первой рукописи, — сами себя имеют бурят». Любопытные сведения содержатся в § 122 и 123, где говорится, что буряты почитают изображения предков. «Умерших своих отцов и матерей почитают и поминки творят и в их образе делают болванов и им кланяются». Подробно описываются поминки по умершим (§ 140). Рассказывается о шаманах, их действиях и их одежде (§ 142—144). Отмечается, что «оные братские шаманов не выбирают и не удостояют», а если в каком роду умрет шаман, то шаманом становится сын, брат или близкий родственник умершего, которым умерший «отказал свое шаманство». А при шаманстве имеют «оные шаманы особливые кафтаны, по их называют юрголы, из звериной кожи крашеные со всякими бляшками медными и железными, вырезными подобием человеческим, птичьим, звериным и змеиным...». Для действий своих имеют бубны «токмо на них начертаний никаких не имеется» и палку простую, обтянутую кожей и «к той палке привешены колечки для бряканья».

В § 147, 149, 150 говорится о браке у бурят и отмечается, что «в свойстве о супружестве запрещений не имеется, а когда родство в мужскую сторону, то за грех и стыд почитают. Так же в своем роду не берут и не отдают, а из других родов. В женскую сторону тетку или невестку и сестру двоюродну и родну берут и отдают, за грех и стыд не почитают».

Описывая похороны умерших, автор отмечает, что «когда мужской пол умрет, то вывозят в лес с ним лук и стрелы и все его платье кладут, также и лошадь его лучшую, на которой он ездил, убьют и возле него кладут и зажигают огнем и жгут все в пепел. А которые в болезнях умирают, в огневах и во сне, то в юртах оставляют и тут с юртой зажигают...».

В § 164 говорится о приметах. Например, если, выезжая на промыслы, увидят летящего навстречу орла, то это значит, что их ждет удача, а если мыш спящего укусит, то тоже «за несчастье не почитают». На этом параграфе рукопись обрывается.

Вторая рукопись — о «тунгусах». Автор подробно говорит об их верованиях и шаманах (§ 136, 142, 144), об обрядах при рождении детей (§ 146), о браке (§ 149, 150), о погребении (§ 151, 152), о суевериях (§ 164) и отмечает большое сходство их образа жизни с бурятами.

К 40-м годам XVIII в. относится рукопись шведа И. Б. Мюллера «Описание о жизни и обычаях остыаков XVIII в.»²⁴ (*Das Leben und Gewohnheit den Ostiaken*)²⁵. Мюллер написал свой труд в 1716 г., а в 1744 г. он был переведен на русский язык неизвестным лицом. Этот перевод хранится в отделе рукописей ГПБ.

Книга Мюллера не представляет большого интереса для исследователей, так как в ней почти целиком использовано сочинение Григория Новицкого («Краткое описание о народе остыаком»). Мюллер жил одновременно с ним в Тобольске, но он даже не упоминает о Новицком.

К сочинениям второй половины XVIII в. относится «Сибирская летопись» (черепановская)²⁶. Исследователи Черепановской летописи обычно, перечисляя ее источники, не указывают на «Описание о сибирских народах» С. Ремизова, а между тем оно заслуживает серьезного внимания. Целиком оно до нас не дошло, упоминания о нем, как о приложении к «Чертежной книге Сибири» (составленном, вероятно, в одно време-

²³ Напомним, что «братскими» русские в XVIII в. называли бурят.

²⁴ Фонд П. Н. Тиханова № 777, оп. 2, № 252. Сб. исторического содержания, 59 л.

²⁵ Впервые напечатан в 1721 г. в приложении к сочинению Ch. F. Weberg, *Das Veränderte Russland, Frankfurt*, 1721 и несколько раз затем переиздавался.

²⁶ ОСРК, F. IV, № 324, л. 58—58 об., 61 об.—62, 63 об., л. 75 об.—76, л. 182 об.—183 и др. Даже написания летописи — 1760—1761 г. В ЦГАДа хранится копия рукописи за № 2214.

мя с последней — в 1698 г.), имеются у Г. Спасского²⁷ и А. Григорьева²⁸. Более подробно о нем говорит А. И. Андреев²⁹. В отрывках «Описания», приводимых Черепановым, имеются исторические и этнографические сведения. Построены они по одному плану: о разделении народов на «языки», об их обычаях, о вере, об одежде, пище, внешнем виде, оружии, средствах сообщения и пр. В «Описании» сообщаются этнографические данные о народах Западной Сибири — «остяках», «вогулах», татарах и калмыках (л. 58—58 об., 61 об.— 62, 63).

Кроме «Описания» С. Ремезова Черепанов в качестве источников использовал также сведения об «остяках» Гр. Новицкого, который «ходил по остицким волостям и обо всех обычаях обстоятельную опись оставил» (л. 182 об.— 183) и Миллера (об «остяках» л. 58 об.). Имеются в Летописи краткие этнографические сведения о «самоедах» (л. 66—66 об., 67, 68 и др.), о «тунгусах» (л. 123) и о даурах (л. 125 об.).

С 60-х годов XVIII в. несколько раз по указам Сената собирались сведения о народах Сибири по отдельным уездам, провинциям и губерниям. Указ 1768 г. предлагал выяснить «обстоятельно, какие именно в здешней губернии народы жительствуют и какой образ жития имеют и сколько их каждого звания состоит и чем каждый народ промысел и пропитание имеют и какие поразенья доходы платят». Ответы поступали из разных мест Сибири. Один из ответов, принадлежавший А. Брилю, относится к 1770 г. Копия этого ответа находится в отделе рукописей ГПБ. Он называется «Описание народов, находящихся около Якутска, Охотска и в Камчатке»³⁰.

В рукописи материал излагается без вопросов и ответов, а подряд, в определенной последовательности — о внешнем виде, об увеселениях, о вере, о действиях шаманов, о пище, о местах жительства и жилищах, о промыслах летних и зимних, об одежде. Сведения даются очень обстоятельные и касаются они якутов, коряков, чукчей, «тунгусов», юкагиров, «камчадалов», алеутов. К сожалению, рукопись обрывается на § 9 «О Нижнекамчатском остроге». Еще должны быть данные о Большерецком остроге, о курильцах и якутах в Охотске.

В 80-х годах XVIII в. правительство обратилось к местным администрациям с требованием сообщить «о вере инородцев разных племен», так как Екатерина II желала иметь сведения «о начале и происхождении инородцев разных племен, а также о достопамятных между ними происшествиях, равномерно о законах их, о сохранившихся между ними преданиях».

Три рукописи — «О тунгусах вообще», «О баргузинских подгородных братских» и «О баргузинских подгородных тунгусах»³¹ были найдены

²⁷ Г. И. Спасский, Известия о новонайденной летописи Сибирской, «Сибирский вестник», ч. XIII, кн. 1, 1821, стр. 2—3.

²⁸ А. Григорьев, Подлинная карта Сибири XVII в., «Журнал Министерства народного просвещения», 1907, окт., отд. 1, стр. 379.

²⁹ А. И. Андреев, Очерки по источникам Сибири, XVII в., стр. 186, 187 и др.

³⁰ Собрание Погодина, № 1422, лл. 132—151. Список XVIII в. Рукопись не полная, без конца. Опубл. в «Российской Магазин», изд. Туманского, 1792, ч. 1, стр. 361—403 (по рукописи Архива Мин-ва юстиции). Выписка из «Описания» напечатаны в «Изв. Восточно-Сибирского отдела Русского географического о-ва», 1871, т. 11, № 3, стр. 43—45.

³¹ Эрм. собр., № 238₆—с; № 238₆—а; № 238₆—1. Списки конца XVIII в. Обложки с водяными знаками «1787» г. 23 л.; 11 л.; 7 л. Опубликовано: «О тунгусах вообще» в «Месяцеслове на 1788 г.», а через три года перепечатано в «Собрании сочинений», выбранных из «Месяцеслова за разные годы» (1791, ч. VI, стр. 282—325). Г. А. Спасский опубликовал статью «Забайкальские тунгусы» («Сибирский вестник», 1822, кн. 1—6, ч. 17—18, стр. 21—30; кн. 7—12, ч. 19—20, стр. 32—66), в которой наряду с печатными источниками использовал сведения из находящейся у него рукописи «неизвестного сочинителя». При сравнении материала в статье «О тунгусах вообще» видно, что Спасский из нее взял некоторые сведения.

Рукопись «О баргузинских подгородных братских» была опубликована в 1787 г. в журнале «Новые ежемесячные сочинения», ч. XII, июнь, стр. 70—81; ч. XIII, июль,

среди бумаг Екатерины II в Эрмитажном собрании отдела рукописей ГПБ³².

Рукописи «О баргузинских подгородных братских» и «О баргузинских тунгусах» составлены, вероятно, одним и тем же лицом, так как в описании некоторых сторон жизни «тунгусов» автор ссылается на свои сведения о братских, особенно когда речь идет о сходных у них обрядах.

Рукопись «О тунгусах вообще» хотя и была опубликована, но с большими сокращениями. А она представляет большой научный интерес, так как содержит обстоятельные этнографические данные о «тунгусах». Автор подробно говорит о верованиях, о погребении, о способах приготовления пищи и питья, о постройке жилищ, о промыслах, о браках.

Рукопись «О баргузинских подгорных тунгусах» менее обстоятельная.

Давая краткую характеристику постройки жилищ, приготовления пищи, обрядов, обычаяев «тунгусов», автор часто ссылается на то, что это «тоже как и у бурят», им описанных. В некоторых случаях указывает различие. Например, говоря о браке: «Родство возбраняющее брачный союз точно тоже как и у бурят, с тою разницею, что меньшой брат по смерти старшего на оставшей после него вдове жениться может, но старший брат на жене младшего, а пасынок на мачехе, жениться не могут».

Рукопись «О баргузинских подгородных братских» содержит большой фактический материал. Освещены многие стороны материальной, духовной и социальной жизни бурят. «Сей народ сам себя называет «бурят», россиянами назван братским, а тунгусами «борер»».

Автор говорит о жилищах, пище и ее заготовке впрок, об обрядах при рождении детей, о заключении браков, о погребальных обрядах, об увеселениях, о суде и наказаниях.

К 80-м же годам XVIII в. относится «Описание Даурии, учиненное чьим-то старанием в 1784 г.»³³.

Первое упоминание о Даурии мы находим у Исаакида Идеса, частично упоминается о ней в Черепановской летописи.

В «Описании Даурии» неизвестный автор отмечает, что «население сей страны и всего даурского народа состояло в части Азии близъ восточной Татарии по рекам Амуру, Шилке, Аргуне и в падающим в оные речкам и уроцщам... России сия сторона ведома стала в лето 1639 г.».

Приведены отрывочные этнографические сведения о кочующих по стране «братьях» и «тунгусах» «летом берестяными, а зимою войлочными юртами». Указывается, что «хлебопашество у сих народов, кроме дауров, не было и о нем ничего не знали, а пропитание имели от имеющегося у них скота, а по большей части звериных промыслов; для промыслу которых собирались большим числом народа, езжали по реке Аргуне состоящие места, где тех зверей стояло весьма в обилии, окружая великия стада соxатых (лосей), изюбреj (маралов) и малых коз, убивая для пропигания своего с удовольствием. А кожи употребляют в шитье шуб и обуви... Праздники составляют когда переезжают на новые места..., а при рождении детей дают им имена по тому кто первый придет к ним в юрту, хотя б то было из скотов».

Из области религии этих народов отмечается, что «у них ни одного из тех кумиров нет, которого бы навсегда почитали и боготворили». Име-

стр. 16—30. Автор статьи неизвестен. Кроме того, этой рукописью пользовался Ф. И. Ланганс для своего труда (до сих пор неопубликованного) «Собрание известий о разных племенах иноверцев, обитающих в Иркутском наместничестве». Выдержки из этого сочинения напечатаны в «Сибирском вестнике» за 1824 г., ч. I, кн. 1—6; а в 1965 г. И. В. Ким опубликовал часть рукописи Ланганса в этнографическом сборнике БКНИИ СО АН СССР, № 4, стр. 145—156. Третья рукопись «О баргузинских подгородных тунгусах» не опубликована.

³² Рукописи упоминаются А. И. Андреевым в статье «Материалы по этнографии Сибири XVIII в.», «Советский Север», 1939, № 3, стр. 73—83.

³³ ОСРК, Q. IV, № 42, 38 л.

ются у них шаманы, которых они награждают за их действия, «хотя чувствуют и явные обманы».

Рукопись XVIII в. неизвестного автора «Земля называемая Камчатка»³⁴ известна нам, к сожалению, только в отрывке. Здесь мы находим следующий этнографический обзор: «Земля называемая Камчатка, есть длиной остров, между Тихим морем и Пенжинским заливом; на оном полуострове живет народ камчадальской зимою в юртах. Юрты делаются следующим образом: выкапывают землю аршина на два в глубину, а в длину и ширину смотря по числу жителей. В яме на средине ставят четыре столба толстые. На столбы кладут перекладины, а на них потолок накатывают, посредине четырехугольное отверстие, которое вместо окна, двери и трубы служит. К перекладинам прислоняют бревна и, обрешетя жердями, покрывают травою и осыпают землю, так что юрта имеет снаружи вид небольшого круглого холмика. В юртах живут камчадалы с осени до весны, а потом выходят в балаганы, которые вместо летних покоев служат, делаются же следующим образом: ставят девять столбов вышиною сажени по две и больше, в три ряда. Столбы связывают перекладинами, на перекладинах мостят пол кольем и устилают травою; поверх полу делают из колья высокой востроверхий шатер, который, обрешетя прутьями, покрывают травою. Двери делают с двух сторон, одни против других. Входят на балаганы по узким лестницам, каловые они в зимних юртах употребляют. Камчадалы хлеба почти не употребляют, а скота мало имеют, а питаются рыбью и сладкою травою. Из грибов, так называемых мухоморы, камчадалы делают водку. У них почитается за великую красоту длинные и густые волосы. Камчадалы ездят в нарочитые бури по морю в малых лодках, кои они называют байдарами. Байдар свой они носят с собою. Байдар сделан из рыбьей кожи».

На этом рукопись обрывается.

Также к XVIII в. относится «Географическое описание Российской империи»³⁵. Основное содержание этой рукописи составляет краткая этнографическая характеристика бурят, «тунгусов», камчадалов, коряков, алеутов, юкагиров и чукчей.

Несколько подробнее описаны якуты, которые «живут по Лене и впадающим в нее рекам» — Алдану, Яне, Индигирке и др.

В 90-х годах XVIII в. правительство вновь разосло в разные провинции, в том числе и в Сибирь, требования ответить на ряд вопросов, из которых последний гласил: «Не имеют ли чего отменного жители той округи в своих нравах, обычаях, образе жизни, в строении, одеждах, своих, наречии языка и чем отличаются от обыкновенного произношения».

Среди бумаг Екатерины II в Эрмитажном собрании имеется «Описание Якутской провинции», вероятно, составленное на основе собранного в те годы материала³⁶.

В «Описании» имеется глава «Частное описание народов», где неизвестный автор сообщает интересные этнографические сведения о якутах, «тунгусах», юкагирах, «ламутах», и коряках, особенно подробные в отношении якутов.

Довольно обстоятельно рассказывает автор о заготовлении пищи впрок, о промыслах, верованиях, свадьбах и похоронных обрядах, обычаях и болезнях. Говоря о браке, он сообщает: «Женятся якуты на близких родственницах так, что братья родные берут двух родных сестер, деверь невестку и женятся на мачехах». «У лучших якутов невестки свекрам до трех годов не кажутся, живут на одной половине юрты.

³⁴ Эрм. собр., № 380, список XVIII в. (отрывок).

³⁵ Эрм. собр., № 245, 2 тома (ч. 1—2). Конец XVIII в., 97 л.

³⁶ Эрм. собрание № 238₆₋₁, 1794, 48 л. Рукопись упоминается А. И. Андреевым, см.: А. И. А н д� е в, Изучение Якутии в XVIII в., «Уч. зап. Якутского филиала АН СССР», Ии-т языка, литературы и истории, 1956, № 4, стр. 31.

и проходя мимо закрывают голову...» Описывая «тунгусов», юкагиров, «ламутов» и коряков, автор ограничивается краткими этнографическими сведениями. «Тунгусы», — говорит он, — подобны якутам, так и во всех статьях выше описанных с ними сходствуют, исключая, что волосы отращивают длинные, платые носят из оленевых кож короткие, в пищу употребляют всякого зверя, которого они промышляют в горах и по тундренным местам..., кочевые юрты имеют из ровдуг или замшевых кож сделанные, называемые чумами; калым за дочерей берут оленями, язык у них свой и выговор от других народов особенный».

Юкагиры и «ламуты» физически и морально во всем сходствуют с тунгусами; образ жизни, упражнения, промыслы, скотоводство и прочее имеют одинаковое».

Переходя к корякам, автор отмечает: «коряки сходствуют в виде с якутами, язык же их одинаковой с языком соседственных с ними немирных чукчей..., оленей они употребляют в пищу и ездят на них зимою в санках, а летом верхом, накладывая одну сиделку с подпругой без стремян... Неимеющие же оленей коряки живут при море и реках в земляных юртах, сделанных на подобие погребов, в которые сходят по лестницам, сии держат у себя собак, кормят их по большей части рыбью и ездят на них в зимнее время в легких санках, особо для того сделанных...».

Религия и культ коряков описывается так: «Коряки так же с отменным уважением поклоняются солнцу и луне, сверх того имеют вместо идола обвшанные оленью кожей человеческие кости; жертвоприношение так же как и у других народов состоит в том, что убивают зверей и их съедают, однакож сие бывает очень редко и почти совсем не в употреблении...».

В ГПБ имеется рукопись доктора К. Мерка, участника морской экспедиции 1785—1793 гг. капитана Биллингса (K. Merck, Beschreibung der Tschuktschi, von ihren Gebräuchen und Lebensart) ³⁷.

«Описание» Мерка — первая, наиболее полная работа по этнографии чукчей XVIII в. Очень важно то, что сообщаемые сведения основаны на личных наблюдениях автора, а также то, что он зафиксировал явления, которые уже не застали ученые XX в., посетившие чукчей. Так, В. Г. Богораз не встретил подземного жилища, описанного очень подробно у Мерка; изменились и другие стороны быта чукчей — самобытные орудия были частично заменены огнестрельным оружием, изменились способы охоты и т. д. Ценно и то, что рукопись иллюстрирована рисунками, выполненными Лукой Ворониным, который участвовал в экспедиции Биллингса в качестве рисовальщика.

Рукопись написана мелким готическим шрифтом с довольно произвольной и неоднобразной орфографией, подчас трудно разбираемая и переводимая. По содержанию она распадается на три почти самостоятельные части: л. 1—51 — Описание языка, занятий, одежды, жилища, пищи, обычая, религиозных представлений, семейного и родового быта оленных и оседлых чукчей; л. 51—33 — Описание Анадырского острога

³⁷ Нем., IV, № 173, 64 л., XVIII в. С рисунками художника Луки Воронина. Рукопись с большими сокращениями, пропусками и значительно переработанная была опубликована в «Journal für die neuesten Land-und Seepesen» (1814, Bd 16, S. 1—27, 184—192; Bd 17, S. 45—71, 137—152) под названием «Nachrichten von den Sitten und Gebräuchen der Tschuktschen gesammelt von Dr. Karl Heinr. Merck auf seinen Reisen im nordöstlichen Asien (Aus einer Handschrift)». Неизвестный автор статьи очень свободно обошелся с рукописью, в частности, выпустил все названия на чукотском и корякском языках, неясные места рукописи и все рисунки. В 1941 г. в журнале «Советская Арктика», № 4, стр. 76—88 были опубликованы отрывки из рукописи Мерка, переведенные на русский язык Ю. Бронштейном и Н. Шнакенбургом. Авторы касаются только некоторых вопросов материальной культуры чукчей, причем перевод очень неточный, трудно читаемые места просто пропущены. В Архиве Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР хранится более полный перевод рукописи, но качество перевода очень низкое. Автор настоящего обзора переводит рукопись и готовит ее к опубликованию.

и занятий его жителей; л. 53—64 — Путевой дневник Мерка за время чукотского перехода с 17 августа 1791 по 26 февраля 1792 г.

В рукописи 28 рисунков, из которых опубликовано только 7³⁸.

К XIX в. относятся две рукописи. Это — «Сибирские костюмы»³⁹ и «Тунгусы, обитающие в Восточной Сибири» Н. Щукина⁴⁰. «Сибирские костюмы» — собрание акварельных рисунков неизвестного автора на 53 листах. Время исполнения этих рисунков можно приблизительно датировать 20-ми годами XIX в. На них изображены сибирские киргизы, забайкальские братские татары в национальной одежде и русские казаки (вид спереди и сзади). На двух листах дано изображение монголов (мужские головы). Выполнены рисунки очень хорошо. Внимание художника сосредоточено на изображении лиц, индивидуальных черт и облика, свойственного каждому народу, а также на всех тщательно вырисованных деталях одежды.

Особый интерес представляют зарисовки одежды сибирских киргизов, до сих пор неизвестные в литературе.

Н. Щукин — автор рукописи о «тунгусах» — дважды встречался с этим народом. Первый раз он увидел их на берегу р. Лены в Якутской области. «Тунгусы,— пишет он,— богатырского сложения, одеты они были по-домашнему, в рубахах, подобных сибирским с прямым воротником, застегнутым металлической застежкою, своего фасона; кожаные штаны в обтяжку обрисовывали мускулистые икры и ляжки, на ногах были унты, украшенные бисером и разноцветными узорами... лица круглые, глаза черные, узкие и блестящие, зубы чистые белые, волосы черные и жесткие... резделены на двое пополам и заплетены в косу. У некоторых видны были на руках фигуры, наколотые иглою, а потом натертые углем...».

Несколько лег спустя автор встретился с «тунгусами», обитающими гораздо южнее, по той же реке Лене в Киренском округе, где они «броят по несколько семейств вместе и только один или дважды в год собираются на известных урочищах для торговли и для дел общественных».

Дальше дается описание берестяной лодки «ветки», говорится о перекочевках «тунгусов» и указывается, что «тунгусы редко бродят одни, чаще кочуют 2—3 семейства вместе... Если одному удается убить небольшого зверя, то об этом извещаются все соседи и приходят в юрты и все съедают... Тунгус не скушает один куска, он разделит его между товарищами...».

Рассказывая о медвежьем празднике, автор отмечает, что «тунгусы причитают над убитым медведем, заверяя его, что это не они его убили, а ружье, порох и свинец, и все это от русских, следовательно, убили его русские».

С шamanами «тунгусов» автор не встречался. Он видел только действия шаманов якутских, монгольских и татарских.

В статье рассмотрены, быть может, лишь самые интересные стороны рукописных материалов по этнографии Сибири XVII—XIX вв. Государственной публичной библиотеке: Дальнейшее их изучение, несомненно, позволит обнаружить еще немало ценных и разнообразных данных о быте и хозяйстве сибирских народов этого периода.

³⁸ У Г. А. Сарычева в альбоме к «Путешествию капитана Сарычева» приводится один рисунок — татуировка чукотской женщины и в «Путешествии кап. Биллингса» даны три рисунка — чукотский воин, чукчанка в исподнем платье и чукчанка в летнем платье. В книге В. А. Самойлова «Семен Дежнев и его время» (М., 1945) приводится пять рисунков из рукописи К. Мерка «татуировка чукотской женщины; чукотский воин; внутренний вид подземного жилища чукчей и внутренний вид яранги оленных чукчей. Те же рисунки даны и в статье: Ю. Бронштейн и Н. Шнакенбург, Записки доктора К. Мерка — участника экспедиции Биллингса — Сарычева в 1785—1792 гг., «Сов. Арктика», 1941, № 4, стр. 76—88.

³⁹ ОСРК, Q. XIII, № 1, 53 л.

⁴⁰ ОСРК, F. IV, № 555, 416 л. Опубл. частично в книге того же автора «Поездка в Якутск», СПб., 1833.

Т. П. Лукьянова

О НЕКОТОРЫХ СТАРИННЫХ ОБРЯДАХ НА БРЯНЩИНЕ

(из дневника фольклориста)

Полевые исследования показали, что ряд старинных обычаяй и обрядов бытует на Брянщине и сегодня, хотя и в переосмысленном виде. Так, в Клинцовском районе на святки молодые девушки и парни, а иногда и «смельчаки» старшего возраста рядятся попами, гадалками и даже покойниками. Человеку, изображающему покойника, лицо осыпают мукой (если это женщина, то ее голову повязывают платком, иногда украшают венком, а на руки надевают ботинки). Сохранился обычай причитать по ряженому покойнику.

Встречая весну, пекут пироги или так называемые «сороки»¹. «Сороки» сушат и прячут в надежном месте до первой травы. Когда скот впервые выгоняют на луг, его подкармливают «чудотворными сороками».

В районах, граничащих с Белоруссией и Украиной, сохранился обряд «вождения стрелы» или «вутицы» — своеобразная форма весеннего хоровода: молодые девушки, взявшись за руки, образуют линию, подобную стреле. Хоровод плавно движется через всю деревню с песней:

Летела стрела да удоль села
Ой ля-ле-ла да коли, города ².
Убила стрела бела лебедя,
Бела лебедя — добра молодца,
По том молодцу некому плакать,
Некому плакать да слезы ронить,
Ни слезиночки ни росиночки.

Дай прилетело да три голубочки:
Первая села у головочки,
Другая села против сердинька,
Третья села в его ножечках.
Шо в головочке — то мать его,
Против сердинька — то сестра его,
А шо в ножечках — то жена его.

В северных районах Брянской области еще помнят обряд «захоронения кукушки», который проводится в один из дней семиковой недели. Из тканых лоскутьев и веток березы делают две куклы «кукуна и кукушку». Молодые люди берут этих кукол с собой, на лесной поляне водят хороводы и «кумятся», т. е. договариваются о верности, вечной дружбе и согласии. «Кокуна с кукушкой» зарывают в землю, как нечто священное.

Но, пожалуй, среди всех обрядов и песен, которые я наблюдала, самое большое впечатление производят обряд «вождения коняги» и «Махоня», песня-картинка, исполняемая на святки.

Обряд «вождение коняги» относится ко второму или третьему дню святок. Изготавливается чучело коняги: к раме, длиною 1,5—2 м прикрепляется 3—4 лозины, согнутые дугой, а сверху на нее накидывается дерюга. К раме прикрепляются голова и шея лошади из соломы, обширен белым полотном, на котором нарисованы глаза, рот, уши. С противоположного конца к раме приделывается хвост из пакли. К голове прилагается грива, к которой прикрепляют уздечку с бубенцами. Две

¹ Т. е. сорок испеченных из теста шариков.

² Этот привес повторяется после каждой строки.

или три крепкие женщины одного роста становятся под дерюгу. Они несут раму. На «конягу» сажают «седока» — чучело мальчика. «Ведет конягу» за поводок мужичок, одетый в латаные штаны, выгоревшую рубаху, лапти, вывернутую шапку. В процессии участвуют ряженые: две «цыганки» с картами, зеркалом, «бабка-зناхарка», «ветеринар» с сумкой «лекарств» через плечо и «милиционер». Все жители села сопровождают ряженых. С шумом, смехом, песнями, плясками движется это праздничное шествие с одного конца деревни на другой. Временами «коняга» «заболевает» — ложится на землю, и вся толпа начинает бегать вокруг, кряхтеть («огорчаться») по поводу «несчастья». Ветеринар, бабка-знаток срочно берутся за работу: подносят по чарочке женщинам, которые находятся под дерюгой. Это «лечение» оказывается весьма действенным: коняга подпрыгивает, начинает брыкаться, задевая то одного, то другого. Весело всем. Вот одна из песен, которая исполняется сопровождающими «конягу»:

Ох, вы, кумушки, голубушки мои,
Ох, лели да леляшки мои! ³
Какому вы богу молилися?
А каким вы угодничкам кланялися?
А как у вас то мужья молодые,
А в мине, молодой, старище,
Не пускает молоду да на игрище,
А я молода, уходила,
А за пазухой наряд уносила.
Я шалковый платочек у карманчике,
Золотой чепчик у рукавчике,
Подзатыльничек за подушку.
А у соседа под сараем наряжалася,
Вместо зеркала в мазницу выглядалася.
Петухи пропоют — я гуляю,
А как третью пропоют — я к двору иду.
Подхожу молода ко дворочку,
Как стукну молода в вороточки.
Как забрешут со двора собачищи,
Выходит открывать старище.

«Хождение с конягой» в настоящее время имеет лишь игровое значение. «Рядимся и ведем для забавы», — говорят односельчане.

Мне посчастливилось видеть игру в «конягу» на открытой сцене Брянского городского парка культуры и отдыха в исполнении фольклорного коллектива с. Киягинино Севского района. Подробности обряда и его географию в этом районе удалось выяснить у большого энтузиаста, собирательницы старинных народных песен — Ольги Андреевны Славяниной, преподавательницы русского языка и литературы.

Песня-картинка «Махоня» — своеобразная игра, приуроченная к святым. «Сооружается» русская печь, на которую укладывается Махоня — молодая упитанная девушка. Всем своим видом она должна олицетворять «лень-матушку». Вокруг печи водят хоровод, припевая «Ой, Махоня, Махоня моя, дорогая приветливая, а у Махонюшки брюшко болит, живот-сердце на месте не стоит». У печи хозяйничает женщина — мать Махони. Разыгрывается сценка — разговор матери Махони с одной из участниц хоровода:

— Здорово, кума!
— Здоровенько!
— Что твоя Махоня делает?
— Да учится, и т. д.

³ Приведенный текст повторяется после каждой строки.

Этот диалог сопровождается припевом: «Ой, Махоня, Махоня моя, дорогая приветливая...»

Чем же «занята» Махоня, когда ее на работу зовут?

Она учится, уезжает на речку, приезжает с речки — полезла на печку. На речке она простудилась, заболела. Ее лечат: ведут париться в баню — не помогло. Поехали за попом, а поп сказал: «Если не ведьма, то жить будет, а если ведьма, то час тяжкий!»

После этих слов Махоня оживает: она вскакивает с печи и бежит за попом со словами:

«Вот, черт кудлатый!
Ты меня хоронил,
В яму закопал,
Я тебе дам!»

Сценка заканчивается словами одной из участниц игры: «А поп крутился-крутился да и засел под стол: склонился».

Эти брянские записи интересно сопоставить с известными аналогичными этнографическими материалами.

Так, например, весенние обряды «захоронение кукушки», «вождение коня» детально описаны в работах Е. Н. Елеонской, Р. Е. Кедриной, В. Н. Харузиной⁴. Материалы были, в основном, собраны в юго-западной части России (Калужской, Тульской, Орловской, Воронежской областях). Эти обряды, как правило относятся к русальной или семиковой неделе и связаны с почитанием молодой зелени. «Путь» к околице (к ржаному полю) был своего рода ритуальным шествием, открывавшим обряд. Процессия обычно двигалась в поле по направлению движения солнца — с востока на запад. Несмотря на пародийный характер обряда, исполнялись сдержанные по темпу песни. «Кукушку» хоронили, «Коня» притворялся умершим, но никто не относился серьезно к их смерти. «Здесь скакание вокруг коня, пляску можно рассматривать как магический прием, существующий в ряде местностей и долженствующий способствовать росту хлебов»⁵.

По мнению исследователей «вождение коня» под уздцы «имеет в пережиточной форме характер ритуального шествия», плеть, вероятно, олицетворяла силы, способные повлиять на рост хлебов.

Песня-картинка «Махоня» в разных вариантах распространена весьма широко⁶. В сборнике «Игры народов СССР» даны девять вариантов «Костромы» — игры, из которых один почти точно воспроизводит описанную в данной статье сценку — только главная героиня здесь получает другое имя.

Переосмысление обряда типично для нашего времени. Исконный смысл народом забыт, его можно восстановить посредством сопоставлений. Большое значение имеет анализ локальных отличий общерусских обрядов. Актуальной задачей является их собирание и детально картографирование.

⁴ А. Н. Веселовский, Гетеризм, побратимство и кумовство в купальной обрядности, «Журн. Министерства народного просвещения», 1894, кн. 2, февраль; Е. Н. Елеонская, Крещение и похороны кукушки в Тульской губернии, «Этнографическое обозрение», 1912, стр. 146—154; Р. Е. Кодрина, Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством, там же, стр. 101—139; В. Н. Харузина, Крещение и похороны кукушки в Орловской губернии, Там же, стр. 140—145.

⁵ Т. А. Крюкова, «Вождение русалки» в с. Оськине Воронежской области, «Сов. этнография», 1947, № 1.

⁶ «Игры народов СССР». Составитель В. Н. Всеволодский-Гернгресс, М.—Л., 1933; Л. В. Кулаковский. Искусство села Дорожева, «Советский композитор», М., 1959; В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, 1963.

Ю. А. Новиков

БЫЛИНЫ АНДРЕЯ СОРОКИНА

(**К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ МАНЕРЕ СКАЗИТЕЛЯ**)

Соотношение коллективного и индивидуального начала в творчестве сказителей былин и связанный с этой проблемой круг вопросов давно привлекают к себе пристальное внимание фольклористов. Особенно много сделано в этой области советскими учеными. В работах Б. М. и Ю. М. Соколовых, А. М. Астаховой, В. И. Чичерова, Р. С. Липец, А. М. Линевского, П. Д. Ухова и ряда других исследователей всесторонне анализируются тексты крупнейших исполнителей русского былинного эпоса, рассматриваются особенности их творческой манеры, вопросы преемственности, отношения исполнителей к традиции, отражения личности сказителя в исполняемых им былинах и т. д.

В этом плане творческое наследие пудожанина Андрея Пантелеевича Сорокина изучено недостаточно глубоко. Между тем по богатству своего репертуара (от него записано 11 былин) и общему объему текстов (около 6000 стихов, без учета повторных записей) Сорокин занимает одно из первых мест среди сказителей, известных Рыбникову и Гильфердингу. Многие былины сумозерского певца относятся к числу лучших вариантов, известных науке («Садко», «Наезд литовцев», «Илья и Соловей», «Соломон и Василий Окулович»). Поэтому вопрос о творческой манере Сорокина, о его влиянии на эпическую традицию Пудоги заслуживает специального рассмотрения.

Первым фольклористом, который встретился с А. Сорокиным, был П. Н. Рыбников. Летом 1860 г. он приехал в Пудож, услышав о мастерстве сумозерского крестьянина; вызвал его в уездный город и записал несколько текстов. «Несносная боль в руке» не позволила собирателю продолжить работу, по его поручению остальные старины Сорокина были записаны позднее¹. Однинадцать лет спустя А. Ф. Гильфердинг провел в обществе Андрея Пантелеевича несколько дней на Сумозере и Водлозере, записав от него четыре полных текста (в том числе две новые былины) и разнотечения к четырем вариантам, опубликованным в сборнике Рыбникова.

Сведения, сообщаемые собирателями об Андрее Сорокине, скучны и отрывочны. Известно, что он родился и вырос в деревне Ченежи близ Пудожа, сказыванию былин научился в молодые годы у местных певцов. Одним из его учителей был старик Афанасий из соседней деревни Кулгала. От него Сорокин перенял былину «Соловей Будимирович». В 30-летнем возрасте сказитель переселился на Сумозеро в дом тестя. Примерно через два года после переезда он пел свои старины Рыбникову. Умер Сорокин в начале 90-х годов прошлого столетия.

Наибольшее внимание исследователей былин привлекало свидетельство А. Ф. Гильфердинга об импровизаторских наклонностях сумозер-

¹ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2, М., т. 1, 1909, (Далее при ссылке на тексты былин — сокращенно Р.), стр. LXXXVII.

ского сказителя. «Он пробовал когда-то распевать в виде былин и сказки, которые рассказывались «словами» (т. е. прозаическою речью), но это, как он говорил, ему не удавалось: видя, что дело не ладится он бросил эту мысль», — писал о Сорокине Гильфердинг². В статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» собиратель вновь вернулся к этому вопросу: «...Самая эта попытка показывает в Сорокине склонность к личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинах. И действительно: ни в ком не было видно такого, можно сказать, бесцеремонного отношения к тексту былин. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышал от Сорокина, я заметил ему в одном месте, что он прежде пел этот эпизод иначе: «Ах, это все равно,— отвечал Сорокин,— я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно!» Ничего подобного мне ни от кого другого из сказителей не приходилось слышать...»³.

Мнение Гильфердинга на многие десятилетия утвердилось в русской фольклористике; за Сорокиным закрепилась слава певца-импровизатора, который свободно обращался с текстами былин и мало считался с традицией.

Между тем ни один из исследователей не доказывал склонности сумозерского сказителя к личному сочинительству путем текстологического анализа его былин. Единственный аргумент, которым подкреплялась такая точка зрения — приведенное выше сообщение Гильфердинга. Однако у того же Гильфердинга есть и свидетельство другого рода, которое авторы новейших исследований обычно упускают из виду: «При сличении напечатанных в сборнике г. Рыбникова былин Сорокина с тем, как он их пел ныне, не оказалось почти никакой разницы, кроме некоторых частич (а, и, как), которые Сорокин ставит в начале каждого почти стиха при пении былины «голосом» и опускает при пословесной ее передаче. Так как, по отсутствию размера в былинах Сорокина, они, будучи записаны с голоса, не разнятся ничем, кроме мелких и случайных изменений, от текста, напечатанного в сборнике г. Рыбникова, те былины, которые вошли в этот сборник, здесь не повторяются, а приводятся лишь существенные в них варианты...»⁴.

Нетрудно заметить, что второе утверждение Гильфердинга в корне противоречит первому. Если былины Сорокина на протяжении 11 лет не претерпели почти никаких изменений, то его никак нельзя относить к разряду певцов-импровизаторов.

В каком же случае Гильфердинг был ближе к истине? Что является определяющим в творческой манере Сорокина: «бесцеремонное отношение» к текстам былин или же верность традиции? Решение этого вопроса во многом зависит от результатов текстологического анализа. Материала для сравнительного изучения вариантов Сорокина накоплено немало: три былины записаны от него дважды, к четырем Гильфердинг приводит наиболее важные различия, наконец, в последние десятилетия собиратели встретили на Пудоге целый ряд сказителей, тексты которых дают близкие параллели к сорокинским.

Наибольший интерес, несомненно, представляют былины «Наезд литовцев», «Садко» и «Дюк», записанные от Сорокина дважды. «Наезд литовцев» в сборнике Рыбникова состоит из 341 стиха, а у Гильфердинга — из 419. По композиционной структуре оба варианта почти идентичны. Существенных отличий немного: во второй записи опущен плач Романа о старости; заменены названия двух сел, разоренных литовцами; предупреждение Чембала о том, что князь Роман — оборотень, перенесено в начало текста. Незначительное увеличение объема былины объяс-

² «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года» (Далее при ссылке на тексты былин — сокращенно Г.), изд. IV, М.-Л., т. I, 1949, стр. 623.

³ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», стр. 52.

⁴ Там же, стр. 623—624.

няется прежде всего тем, что Гильфердинг записал ее «с голоса», — при пении сказитель охотнее пользовался повторами, чуть подробнее передавал некоторые эпизоды.

Варианты былины «Садко» разнятся по объему гораздо сильнее: в сборнике Рыбникова (Р.—134) — 387 стихов, в записи Гильфердинга (Г.—70) — 601. Однако и здесь сюжетная схема остается неизменной, совпадает большинство постоянных формул, монологов, так называемых переходных мест и т. д. При повторном исполнении Сорокин не ввел в былину ни одного нового эпизода, но некоторые из них дал в более развернутом виде, используя традиционные приемы народной эпической поэзии. Так, в первом варианте герой, пытаясь откупиться от морского царя, велит бросить за борт бочку серебра, а потом — бочку золота; во втором варианте в море «мечут» еще и бочку «крупного мелкого скачняго жемчугу» (дополнительное описание занимает 13 строк). В первой записи Садко и его спутники спускают на воду «жеребья вольжаные» и золотые, во второй кроме них — липовые и дубовые (добавляется еще 18 стихов). Исполняя былицу в 1871 г., сказитель иногда злоупотреблял повторами: в первом варианте монолог морского царя, советующего герою побиться об заклад с новгородскими купцами, содержит 17 стихов, а во втором — 45 (Сорокин некстати вставил сюда подробное описание пира, на котором Садко должен поспорить с купцами; буквально через 10 строк эта формула повторяется).

Несколько иной характер носят разночтения в былине «Дюк» (Р.—130—начало; Р.—131—полный текст). Оба варианта записаны, по-видимому, в 1860 г., причем записаны не с пения, а под диктовку сказителя. Во втором тексте события развиваются в той же последовательности, что и в первом, однако количество вариаций больше, нежели в былинах «Наезд литовцев» и «Садко»; возрастает и «амплитуда» отклонений. Сорокин порой вводит новые детали, переставляет или опускает некоторые эпизоды, меняет их словесное оформление. Создается впечатление, что он усвоил эту былицу позже других или же пел ее не так часто, и к моменту первой записи текст еще не устоялся окончательно в его сознании.

Не исключено, что в молодости Сорокин слышал «Дюка» от разных сказителей. Сюжетный каркас его былины в целом остается неизменным, но в деталях такой определенности нет: певец словно продолжает поиски, пробуя то одни, то другие словосочетания, постоянные эпитеты, целые фразы. В первом варианте он употребляет выражения «сукна кармазинные», «след лошадиный», «славная Палач-гора Афанасьева», «вязал крепки поводы на бедро свое», во втором — «сукна одинцовыя», «ступь лошадиная», «крутая славная гора холомчатая», «вязал крепки палицы на бедро свое». Изменения касаются даже имен собственных: при первом исполнении сказитель назвал мать Дюка Мамелфой Тимофеевной, а позднее — Афимьей Александровной.

Известные отклонения от первоначально записанного у Сорокина текста обычно сводятся в более поздних вариантах к новым деталям и подробностям, как правило, тоже традиционным. Об этом свидетельствуют не только приведенные выше примеры из былин «Наезд литовцев», «Садко» и «Дюк», но и разноречия, отмеченные А. Ф. Гильфердингом. В былине «Илья и Соловей», насчитывающей более 800 стихов, певец пропустил всего несколько строк и слегка изменил один эпизод (в первом варианте Добрыня сообщает киевскому князю, что богатырский конь Илья стоит непривязанный, а в записи Гильфердинга князь сам убеждается в этом, выйдя «на широк двор»).

Через 11 лет Сорокин почти слово в слово повторил текст «Ставра Годиновича». Он лишь расширил начало былины за счет традиционных для этого сюжета мотивов и нескольких типических мест. Первый вариант «Ставра» открывается описанием пира у князя Владимира, во

втором сперва рассказывается, как Ставр Годинович выезжает из Чернигова в Киев, как Василиста Микулична предупреждает его: «Ты смотри не фастай мной молодой женой». «Потом Сорокин описывал, как Ставер седлает коня, одевается, приезжает в Киев, ставит коня на дворе княженецком, входит в палаты, кланяется; тут все садятся за стол, и тогда следует продолжение былины, со стиха 10 у Рыбникова», — сообщает А. Ф. Гильфердинг⁵. В дальнейшем сказитель лишь однажды отступил от своего первоначального текста: отправляясь в Киев выручать мужа, Василиста Микулична берет с собой дружину Ставра и затем оставляет ее в чистом поле.

Прослушанный Гильфердингом вариант «Дюка» совпадает с полным текстом из собрания Рыбникова, разнотечения касаются отдельных слов и выражений. То же самое можно сказать о былине «Соловей Будимирович», исключая финальную сцену, которую Сорокин заметно усложнил (на ней мы подробнее остановимся ниже).

Сопоставление вариантов, исполнявшихся в 1860 и 1871 гг. показывает, что Андрей Сорокин вовсе не был импровизатором. Напротив, его былины отличаются удивительной устойчивостью и не уступают в этом отношении текстам других известных сказителей, от которых произво-дились повторные записи. Такой вывод подтверждается некоторыми косвенными данными.

Об особенностях творческой манеры крупного мастера можно судить не только по его вариантам, но и по текстам учеников. В этой связи несомненный интерес представляют былины, записанные от сказителей, которых в той или иной степени можно считать преемниками Сорокина.

Большую часть своей жизни Андрей Пантелеевич провел в Новинке — небольшой деревушке, затерянной в бескрайних лесах. В таких изолированных селениях эпическая традиция на рубеже XIX и XX столетий угасала особенно быстро, ибо местным сказителям трудно было рассчитывать на большую аудиторию, постоянное общение с другими знатоками былин. Не удивительно, что в Новинке былины Сорокина почти не прижились, в XX в. собирателям удалось записать здесь лишь единичные тексты.

Тем не менее у Сорокина нашлось немало преемников. Имя сказителя было хорошо известно на Водлозере, тамошние крестьяне высоко ценили мастерство этого «петаря» и нередко перенимали его былины. Объясняется это во многом тем, что до начала XX в. деревня Новинка была единственной «на протяжении 60-ти верст, отделяющих Водлозеро от гор. Пудожа; потому все проезжающие по этому направлению принуждены в ней ночевать и пользуются для того гостеприимством сумозерских крестьян, между прочим и Сорокина, у которого есть своя изба»⁶). Отголоски сорокинских редакций обнаруживаются также в былинах, записанных в деревнях, расположенных по среднему течению реки Водлы — на родине сказителя — и даже на Рагнозере, Тубозере и Купецком озере. Наибольшее распространение получила одна из лучших былин Сорокина, в которой искусно соединены два сюжета — «Илья и Соловей-разбойник» и «Сбора Ильи с Владимиром» (Р.—127). Следуя пудожской традиции, Андрей Пантелеевич дает один из самых полных вариантов «Ильи и Соловья», последовательно описывая целую серию богатырских подвигов героя. Илья освобождает осажденный татарами город Смолягин, преодолевает три заставы: мостит мосты по зыбучим болотам, перепрыгивает на коне через речку Смородину, побеждает Соловья-разбойника; затем он расправляется с дочерью Соловья и приезжает в Киев.

Здесь певец нарушает обычный ход событий и вводит в былину подробный рассказ о бунте Ильи против князя Владимира. Уже сама по себе такая контаминация необычна — другие сказители исполняют «Ссо-

⁵ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», стр. 688.

⁶ Там же, стр. 53.

ру Ильи с Владимиром» как самостоятельное произведение или же соединяют ее с былиной «Илья и Калин». Кроме того, сорокинская редакция второго сюжета весьма своеобразна, конфликт между богатырем и князем достигает в этой былине предельной остроты. Столкновение происходит прямо на пиру, в княжеских палатах. Владимир предлагает Илье занять место на нижнем конце стола, богатырь с презрением отвергает эту «милость».

Сам ешь-кушашь с воронами,
Меня садишь с воронятами!
Не хочу я хлеба кушать с воронятами!

Владимир велит богатырям вывести Илью из палат и срубить ему голову. Илья расправляется с княжескими слугами, стреляет «об окошка княженецкие», снимает позолоченные маковки и пропивает их в кабаке вместе с «голями». (Характерно, что обычные для этой былины «маковки церковные» заменены у Сорокина «маковками княженецкими».) «Голи кабацкие» опасаются мести Владимира, но богатырь успокаивает их:

Пейте вы, голи, не сумляйтесь:
Я заутра буду во Киеве князем служить,
А у меня вы будете предводителями!

Почувяв беду, Владимир спешит помириться с Ильей и посыпает на переговоры Добрыню. Но Илья не сразу идет на мировую. Он требует, чтобы князь на трое суток «растворил» все кабаки и пивоварни, безденно-беспощадно поил народ — пусть все знают, что «наехал старый казак... Илья Муромец». Второе условие — Владимир должен завести пир специально для Ильи. Открытая угроза звучит в заключительных словах богатыря:

Ежели не сделает князь по моему,
То он процарствует только до утра!

Владимир безоговорочно принимает все эти условия, на пир Илья приходит вместе с «голями кабацкими». Далее следует финальная сцена из былины «Илья и Соловей», в которой князь окончательно развенчивается. «Обзарившись» на богатый выкуп, предложенный детьми Соловья-разбойника, он готов отпустить его на волю. Илья препятствует этой сделке, язвительно напоминая Владимиру:

Не тобой они приказаны
И не тобой назад отпустятся!

Трудно назвать другой вариант «Сборы Ильи с Владимиром», который был бы так сильно пронизан антикняжескими настроениями, так богат уникальными, на редкость выразительными художественными деталями. И приходится сожалеть, что этот текст доступен лишь небольшому кругу специалистов, ибо для него не нашлось места ни в одной из известных нам хрестоматий и антологий былин.

Оставляя пока открытым вопрос о том, кому принадлежит соединение сюжетов «Илья и Соловей» и «Сборы Ильи с Владимиром», можно почти наверняка утверждать, что на Сумозере и Водлозере контаминированную былицу занес именно Сорокин. Варианты типичных сказителей-передатчиков на Сумозере и Водлозере почти во всем совпадают с сорокинским, ничем существенным его не дополняют, утрачивая некоторые детали. Такое близкое сходство не только свидетельствует о генетическом родстве этих вариантов с текстом Сорокина, но и служит еще одним доказательством стабильности былин Андрея Пантелеевича. Если

бы он импровизировал, при каждом исполнении радикально изменял тексты былин, у его учеников не было бы такого единобразия.

Явные отголоски сорокинского текста слышны в былине рагнозерского сказителя Т. Прокина. У его земляка Д. Лукина в былине «Иван Годинович» скора богатыря с татарским королем, неудачные попытки выдворить Ивана Годиновича из королевских палат в точности повторяют соответствующие эпизоды сорокинской «Сборы Ильи с Владимиром».

Много общих моментов с вариантом Андрея Пантелеевича имеет также былина Г. Якушова «Илья и голи кабацкие»⁷. Довольно точными, хотя и бледными, «копиями» сорокинского «Наезда литовцев» являются тексты И. Фофанова с Купецкого озера⁸ и Н. Кигачева с Тубозера (П. С.—43). В былине «Добрыня и Алеша» водлозерской сказительницы Е. Павловой (С. Ч.—190) элементы местной редакции этого сюжета переплетаются с характерными особенностями сорокинского извода (сумозерский певец был хорошо известен одному из учителей Павловой). Явно родственны между собой варианты былины «Дюк», записанные от А. Сорокина и М. Нигозеркина (Водлозеро) (Г.—218).

Особого внимания заслуживают варианты земляков Сорокина—А. Пантелеева и А. Портнягина. Пантелеев—житель Ченежей, родной деревни Сорокина. Записанные от него былины «Илья и Соловей», «Добрыня и Алеша» и начало «Ильи и Калина»⁹ дают самые близкие параллели к текстам Андрея Пантелеевича.

Варианты обоих певцов настолько близки, что не приходится сомневаться в родственности их происхождения; некоторые исследователи даже считают Сорокина непосредственным учителем Пантелеева¹⁰. Даные текстологического анализа не противоречат такому выводу, и все же принять его можно лишь с известными оговорками.

Уже одно то, что Сорокин в 32 года знал и пел более десятка пространых былин,—факт исключительный в своем роде. Собиратели не раз отмечали, что многие крестьяне усваивали старины в молодости, но долго не осмеливались публично их исполнять—сказывание былин считалось чуть ли не монополией стариков. Сорокин сумел преодолеть этот «возрастной барьер» и уже в молодые годы снискал себе славу признанного мастера, известного не только в родной деревне, но и в уездном городе,—Рыбникову о нем сообщил некий господин Буторин, по-видимому, один из пудожских чиновников. Таким образом, исполнительский талант Сорокина раскрылся очень рано. Тем не менее трудно поверить, что к 30 годам он успел обзавестить учениками (кстати, Пантелеев был на несколько лет старше Сорокина). Скорее всего, былины этих сказителей-односельчан имеют общий источник.

Независимо от того, был ли Пантелеев учеником Сорокина, или они оба учились у какого-то третьего певца, большая близость их вариантов свидетельствует о верности Сорокина местной эпической традиции. Еще одно подтверждение этому находим в текстах 88-летнего сказителя А. А. Портнягина из деревни Старое Сигово, расположенной по соседству с Ченежами (записи от него произведены в 1945 г.). Обращает на себя внимание тот факт, что все сюжеты, известные Портнягину, имеются в репертуаре Сорокина («Илья и Соловей», «Наезд литовцев», «Соломон и Василий Окулович»). В былинах этих певцов обнаруживается множество совпадений, они принадлежат к одним и тем же редакциям,

⁷ «Онежские былины», подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова, подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова, (С. Ч.) М., 1948, № 8.

⁸ «Былины Пудожского края», подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париевой и А. Д. Соймонова, предисловие и под редакцией А. М. Астаховой, (П. С.), Петрозаводск, 1941, № 24.

⁹ «Былины новой и недавней записи из разных местностей России», под ред. В. Ф. Миллера, М., 1908, № 1, 5, 27.

¹⁰ См., например, «Былины Пудожского края», стр. 18; «Онежские былины», стр. 60.

хотя и не тождественны настолько, чтобы говорить о непосредственной связи между ними.

Наибольший интерес бесспорно представляет былина Портнягина «Илья и Соловей»¹¹. Местами она почти дословно совпадает с вариантом Сорокина, хотя здесь есть существенные разнотечения. В тексте Сорокина Илья освобождает от врагов город Смолягин, гнездо Соловья-разбойника свито «на двух березах на покляпых»; у Портнягина богатырь освобождает город Кешев (ср. с названиями «Бекешов», «Бекетовец» у других пудожских сказителей), Соловей-разбойник сидит на «березе виловатой» и т. п. По-разному описывают сказители «поскоки» богатырского коня.

Но самое главное отличие состоит в том, что в былине Портнягина нет рассказа о ссоре Ильи с Владимиром — важнейшей особенности сорокинской редакции «Ильи и Соловья». Это обстоятельство позволяет уточнить «степень родства» вариантов Портнягина и Сорокина. Вряд ли Портнягин по собственному почину опустил эпизод столкновения богатыря с князем — это не согласовывается с самим характером эволюционных процессов, происходивших в последние десятилетия в русском былинном эпосе. Очевидно, сказитель не был знаком с контамированным текстом и усвоил «Илью и Соловья» без вставного рассказа о ссоре Ильи с Владимиром. В таком случае следует признать, что Сорокин и Портнягин являются представителями одной и той же местной эпической традиции, но их былины восходят к разным (хотя и близким) источникам. Поэтому, почти не рискуя ошибиться, можно утверждать, что сюжеты «Илья и Соловей» и «Ссора Ильи с Владимиром» были соединены в одном тексте сравнительно недавно и сделали это либо Андрей Сорокин, либо его непосредственный предшественник. Если бы контамированная былина издавна входила в эпический репертуар этой местности, в тексте Портнягина сохранились бы ее следы.

В конце концов дело не в том, Сорокин или кто-то другой был создателем контамированной былины, хотя и этот вопрос не лишен интереса, ибо речь идет о несомненной творческой удаче пудожских сказителей (не случайно рассматриваемая версия «Ильи и Соловья» в течение нескольких десятилетий получила такое широкое распространение). Для наших целей важнее другое: явная близость вариантов Сорокина и Портнягина служит еще одним веским аргументом в пользу того, что Андрей Пантелеевич очень бережно обращался с традиционными текстами былин и обвинение его в «бесцеремонном отношении» к ним беспочвенно.

Чем же вызван этот явный просчет А. Ф. Гильфердинга, не раз проявлявшего тонкое чутье и завидную наблюдательность? На наш взгляд, собиратель допустил решающую ошибку, во всем положившись на слова Сорокина («...Я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно!»).

Рыбников, Гильфердинг и их преемники собрали немало ценных материалов об условиях бытования былин, об отношении сказителей и аудитории к их содержанию, об источниках вариантов крупнейших певцов. Добывались такие данные главным образом путем настойчивых распросов исполнителей. Но нельзя не учитывать, что в сообщениях сказителей немало случайного, субъективного; некритическое использование этих данных порой может привести к неверным выводам.

Поскольку сообщения сказителей об источниках их былин, условиях бытования эпоса и т. п. не всегда имеют силу документа и нередко нуждаются в дополнительной проверке, исследователь народной поэзии должен пользоваться ими с большой осторожностью. В случае с Сорокиным Гильфердинг такой осторожности не проявил, в результате чего о творческой манере одного из крупнейших олонецких сказителей сложилось превратное мнение.

¹¹ Архив Петрозаводского Ин-та языка, литературы и истории АН СССР, разряд III, опись 1, колл. 17, № 92.

Выше мы попытались доказать, что А. Сорокин не принадлежит к числу импровизаторов. Закономерно встает вопрос: к какой же категории сказителей его следует отнести, был ли Андрей Пантелеевич исполнителем-передатчиком или же певцом творческого склада? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть некоторые особенности его былин.

Обращает на себя внимание тот факт, что тексты Сорокина, как справедливо отмечал П. Н. Рыбников, «отличаются особенно полнотою, древностью некоторых выражений и интересными эпизодами»¹². Мы уже имели возможность убедиться в этом на примере былины «Илья и Соловей»; общепризнанные художественные достоинства сорокинского «Садко». Обилие архаичных, редко встречающихся мотивов характерно и для других текстов сказителя. Уникальными подробностями, великолепными детализированными описаниями богата его былина «Соломон и Василий Окулович». Сорокину принадлежит один из самых поэтичных вариантов знаменитого «плача Романа о старости» («Наезд литовцев» — Р., 135), редко встречающееся упоминание о строительстве гостиного двора дружиной Соловья Будимировича. Оригинальны и выразительны многие поэтические формулы в былинах Сорокина. Разнообразен арсенал поэтических приемов, которыми владел и умело пользовался Сорокин. Мы не будем рассматривать этот вопрос в полном объеме, отметим лишь одну из самых характерных особенностей его былин — их лексическое богатство. В текстах сумозерского певца почти нет имен существительных, которые не имели бы постоянных эпитетов. Подсчеты показывают, что в былинах Сорокина на каждую тысячу стихов приходится на 25% больше постоянных эпитетов, чем у Н. Прохорова, и вдвое больше, нежели у Г. Якушова и Ф. Конашкова. Богаче у Сорокина и набор таких устойчивых словосочетаний: в его текстах мы насчитали свыше 200 эпитетов, не встречающихся у всех трех упомянутых выше сказителей.

В поэтическом языке Сорокина гораздо больше слов, с которыми он в разных случаях употребляет разные эпитеты (например, береза — «белая», « кудреватая», «покляпая» и т. д.). Имея целый набор определений, прикрепившихся к тому или иному существительному, сказитель очень часто пользуется двойными и тройными эпитетами «крупный мелкий скатный жемчуг» и др.).

К числу излюбленных стилистических приемов Сорокина относятся также повторы разных типов. Особенно часты в его былинах сочетания синонимичных слов («хитер-мудер», «ести-кушати», «безданио-беспощадлино», «сила-войско-рать», «мужик деревенщина-засельщина» и др.). Например, в былине «Наезд литовцев» (Р., 135), содержащей 341 стих, мы насчитали 60 случаев употребления синонимов — их здесь даже больше, чем повторяющихся предлогов и приставок.

Варианты Сорокина отличаются композиционной стройностью и логичностью, продуманы до мельчайших деталей.

Разумеется, многие особенности былин Сорокина зависят от того, какими были тексты его предшественников, но, по нашему мнению, личные вкусы сказителя тоже сыграли не последнюю роль. У Сорокина заметно стремление поставить все точки над «и», с рационалистических позиций объяснить поступки героев, описать то или иное событие во всех деталях. Княгиня Апраксия трижды зазывала Касьяна в свою спальню и оставила его в покое только после того, как он замахнулся на нее дубиной и пригрозил поколотить. В отместку княгиня распорола подсумок Касьяна, положила туда чашу и вновь зашила подсумок («Сорок калик» — Г., 72). В былине «Дюк» Чурила является на пир и кланяется всем, кроме Дюка, с которым он до этого повздорил в церкви.

¹² «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. I, стр. LXXVII.

Когда Добрыня возвращается из Галича, так и не сумев описать Дюко-ва имения, Чурила заявляет, что он был подкуплен Дюком (Р., 131).

Эти и некоторые другие детали, по-видимому, принадлежат Сорокину, а не его учителям. Правда, мы не располагаем бесспорными доказательствами, но имеются косвенные данные, согласовывающиеся с такой точкой зрения. В былине «Добрыня и Алеша» А. Сорокин и А. Пантелейев подчеркивают, что князь Владимир с Алешей силой заставляют Настасью выйти замуж. У Сорокина этот эпизод получает дальнейшее развитие — Владимир угрожает несговорчивой невесте:

Ежели не йдешь за смелаго Олешу Поповича
Во свой город во Киев,
Так отдадим тебя во землю Литовскую
За мурзу-Татарина. (Р., 129)

У Пантелейева таких строк нет; следовательно, их вполне мог ввести в былину А. Сорокин. В «Наезде литовцев» вещий ворон, сообщая князю Роману о набеге врага, «грает по-враниному»; князь, понимающий языки птицы, тут же «переводит» слова ворона своей дружине. У А. Портнигина, как, впрочем, и у других сказителей, этой детали нет. Зато мы находим ее в текстах И. Фофанова и Н. Кигачева, генетически связанных с былиной Сорокина.

Повторная запись «Дюка», сделанная корреспондентом Рыбникова, и приведенные Гильфердингом разнотечения к ней позволяют проследить за самим процессом прикрепления оригинальной детали к традиционному в своей основе тексту былины — «Илья и Идолище» (у Сорокина она включена в состав «Дюка»). В первом варианте (Р., 130), записанном Рыбниковым, Илья расправляется только с Идолищем. Во втором варианте (Р., 131) добавляется убийство вражеского коня, но сказано об этом кратко и не очень выразительно. Видимо, эта деталь почему-то привлекла внимание Сорокина, и в записи Гильфердинга мы уже находим более чеканную формулу:

«А ѿ куда же мы да коня кладем
А ѿ поганого да Идолища?
А теперь у нас есть по коню по добруму,
А как гнать нам его теперь некуда.
А ѿ где видно пала головка хозяйствская,
А тут пади да головушка добра коня!
А ѿ чеснул коня как меж ушей рукой правою.
А ѿ как конь тот пал да на сыру землю»¹³

(Ср. с финальной сценой былины «Чурила и Катерина»: «Где пала головка сера гуся, тут пади головка белой лебеди!»)

Следует оговорить, что стремление к психологизации былинного повествования, включение в него новых бытовых и иных подробностей далеко не всегда приводят сказителя к творческим удачам. В ряде мест варианты Сорокина страдают чрезмерной детализацией, перегружены повторами.

Показательна в этом отношении концовка былины «Соловей Будимирович» в записи Гильфердинга. После сватовства заезжего гостя к Любаве Путятичне князь Владимир спрашивает племянницу, пойдет ли она замуж. Любава соглашается. Далее описан свадебный пир, отъезд Соловья Будимировича, его возвращение на родину и еще один пир. Жених щедро одарил участников пира в Киеве, князь Владимир перед расставанием поднес новобрачным богатые подарки, в свою очередь Соловей оставил князю свои чудесные терема. Ни в одном прионежском

¹³ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», т. I, стр. 689.

варианте (в том числе и в более ранней записи от самого Сорокина) эта сцена не разработана так подробно, хотя некоторые детали встречаются и у других сказителей. Поэтому естественно предположить, что развернутый финал — результат личного творчества Сорокина. Нововведение отнюдь не украсило былину — основной конфликт разрешен, и детализированное описание свадьбы и отъезда Соловья Будимировича воспринимается как искусственная «пристройка».

Пожалуй, это единственный случай, о котором можно с уверенностью сказать, что тут Сорокин импровизировал. Записанный Гильфердингом фрагмент и в стилистическом отношении выпадает из всего творческого наследия сказителя: не имея достаточного запаса традиционных формул для описания данной ситуации, Сорокин иногда даже затруднялся в подборе слов.

По-видимому, с такими же трудностями сталкивался Сорокин и в молодости, когда пытался распевать сказки в форме былин. Но это, конечно, нельзя считать доказательством его импровизаторских наклонностей. Напротив, факты говорят о том, что импровизации Сорокину не удавались.

Неудавшиеся попытки Сорокина переложить сказки на былинный лад очень верно осмыслил В. Я. Пропп. «Это не признак творческого беспомощия. Как раз наоборот. Это означает, что певец инстинктивно чувствует художественную форму эпоса настолько сильно, что ломать эти нормы для него невозможно...»¹⁴.

Таким образом, анализ былин Андрея Сорокина убеждает в том, что импровизационные моменты в них очень редки и не они определяют исполнительную манеру сказителя. Его тексты отличаются поразительной устойчивостью, в основном не выходят за рамки местной эпической традиции. Вместе с тем индивидуальные вкусы и наклонности сказителя достаточно сильно проявились в его былинах, в ряде случаев можно с уверенностью говорить о творческой работе певца над текстами. Следовательно, имеются все основания для того, чтобы причислить Сорокина к категории сказителей творческого склада.

Для Сорокина характерен повышенный интерес к социальным мотивам, бытовой обстановке, стремление к углубленным психологическим мотивировкам, детализации повествования (подчас даже в ущерб художественной цельности произведений). Подобные тенденции, как известно, получили широкое развитие в творчестве сказителей начала XX в.¹⁵ Эпизодически они прослеживаются и в былинах ряда олонецких сказителей прошлого столетия, но, пожалуй, ни один из них не стоит так близко к современным певцам, как Андрей Сорокин.

¹⁴ В. Я. Пропп, Русский героический эпос, изд. 2, М., 1958, стр. 544.

¹⁵ См. об этом: А. М. Астахова, Былины. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966, стр. 277—279.

Ю. А. Мочанов

НОВЫЕ ДАННЫЕ О БЕРИНГОМОРСКОМ ПУТИ ЗАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ

(СТОЯНКА МАЙОРЫЧ — ПЕРВЫЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ
ПАМЯТНИК В ДОЛИНЕ КОЛЫМЫ¹)

Близкое сходство верхнепалеолитических памятников, открытых в 1963—1967 гг. на Алдане, с палеоиндейскими стоянками Америки позволило с большим обоснованием, чем прежде, утверждать, что люди прошли в Новый Свет через территорию Северо-Восточной Азии и прилегающую к ней Берингию¹. Однако между бассейном Алдана и Аляской до недавнего времени не было известно ни одного палеолитического памятника, что несколько ослабляло позицию сторонников теории берингоморского пути заселения Америки.

В июле 1970 г. Приленской археологической экспедицией Якутского филиала АН СССР, работавшей примерно на полпути между Алданом и берегом Берингова моря, была обнаружена первая верхнепалеолитическая стоянка (рис. 1)². Она расположена примерно на 63° с. ш. на пристыевом мысу, образованном левым берегом р. Колымы и левым берегом ее притока — ручья Майорыч. На этом участке в рельефе хорошо выделяется 14-метровая надлойменная цокольная терраса Колымы.

В ряде мест, вдоль внешнего уступа террасы, обращенного к Колыме, дерн и суглинок развеяны и галечники выходят прямо на поверхность. На одном из таких участков, площадью около 12 кв. м, было обнаружено три кремневых отщепа светло-серого цвета, один нуклеус и два кремневых орудия (рис. 2).

У двух отщепов верхняя часть обломана. Длина первого из них 2,5 см, наибольшая ширина 2,2 см. Размеры второго соответственно — 1,7×1,5 см. Третий отщеп напоминает по форме треугольник. Длина его 4,7 см, наибольшая ширина 2,7 см.

Нуклеус, сделанный из кремневой плитки серовато-желтого цвета (рис. 2, 3), по форме и технике обработки относится к категории уплощенных клиновидных нуклеусов. Длина его 5,3 см, высота рабочей части, подготовленной для снятия микропластин, 4,8 см. Продольное и поперечное сечения нуклеуса имеют клиновидную форму. Широкие боковые стороны тщательно обработаны плоской отжимной ретушью. На одной из них частично оставлена гладкая желвачная корка желтоватого цвета. Боковые стороны плавно соединяются, образуя овально изогнутое ребро, дополнительно обработанное мелкими сколами. Отжимная площадка, расположенная под углом 70° к плоскости рабочей части, представлена одним продольным сколом. Максимальная ширина ее 1 см.

¹ J. A. Motchanov, Paléolithique de l'Aldan et le problème du peuplement de l'Amérique. «VIII Congrès INQUA (Résumés des Communications)», Paris, 1969.

² В разведке принимали участие С. А. Федосеева, И. Ф. Черепанова, В. Г. Черепанов и автор.

Нуклеус совершенно не сработан. С его рабочей части снят лишь один небольшой скол.

Одно из двух кремневых орудий изготовлено из массивной трехгранной светло-серой пластины, верхняя часть которой обломана (рис. 2, 2). Длина пластины 8,8 см. Ширина верхней части (у излома) 2,1 см, нижней части 0,9 см. Орудие является комбинированным. Крутой краевой ретушью в основании пластины сделано лезвие концевого скребка. Один из продольных краев пластины, обработанный отжимной ретушью, представляет собой лезвие ножа.

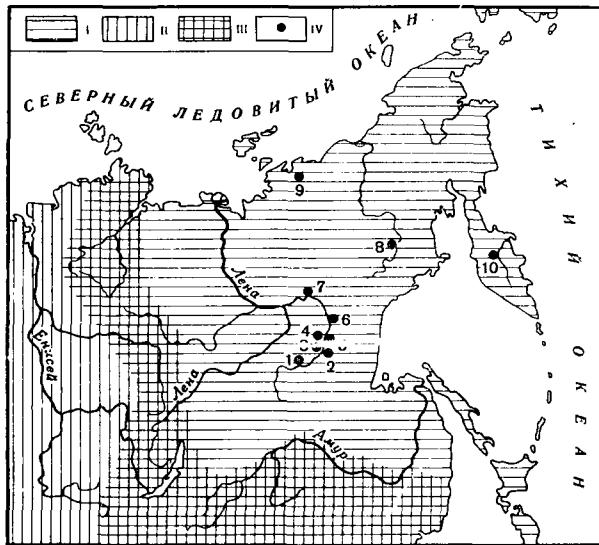

Рис. 1. Распространение памятников дюктайской верхнепалеолитической культуры. I — восточный («дюктайский») этнокультурный регион; II — западный («мальтийско-афонтовский») этнокультурный регион; III — контактные области; IV — памятники дюктайской культуры: 1—Сумнагин III; 2—Дюктайская пещера, Усть-Дюктай I; 3—Усть-Билир II; 4—Усть-Миль II; 5—Верхне-Троицкая, Нижне-Троицкая; 6—Эжанцы; 7—Ихине I, II; 8—Майорыч; 9—Берелех; 10—Ушки

Второе орудие сделано из серовато-желтого кремневого отщепа, напоминающего по форме треугольник (рис. 2, 1). Длина отщепа 5,5 см, наибольшая ширина 3,7 см. С краев он обработан мелкой отжимной ретушью. Ударная площадка и бугорок орудия стесаны плоскими сколами. Четыре из них расположены на спинке, а один — на брюшке. Эти сколы образуют выемчатое лезвие шириной 0,7 см. Орудие использовали, по-видимому, как нож и долото.

Рассмотренные находки даже при отсутствии четкой стратиграфии, абсолютных дат и остатков фауны позволяют, с нашей точки зрения, довольно точно определить возраст и культурную принадлежность стоянки Майорыч.

Исследованиями последних лет установлено, что к востоку от бассейна Енисея уплощенные клиновидные нуклеусы, близкие по форме и технике изготовления образцу, найденному на стоянке Майорыч, встречаются на памятниках, приуроченных к верхнеплейстоценовым отложениям. Как правило, они сопровождаются «мамонтовой» фауной. Время бытования уплощенных клиновидных нуклеусов наиболее точно определено на палеолитических стоянках долины Алдана и о. Хоккайдо.

На Алдане древнейшие образцы подобных нуклеусов обнаружены на стоянке Верхне-Троицкая в слое, перекрытом отложениями, возраст ко-

торых по радиоуглероду 18300 ± 180 лет, (ЛЕ-905). Вместе с ними найдены кости мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов, лошадей и овцебыков. Верхняя хронологическая граница бытования уплощенных клиновидных нуклеусов на Алдане определяется их залеганием вместе с костями мамонтов, бизонов, лошадей и овцебыков в отложениях Дюктайской пещеры, которые имеют возраст 12690 ± 120 лет, (ЛЕ-860) и 13110 ± 90 лет, (ЛЕ-908). В более поздних отложениях они не встречаются.

На Хоккайдо уплощенные клиновидные нуклеусы характерны для стоянок древностью 15—12 тыс. лет³.

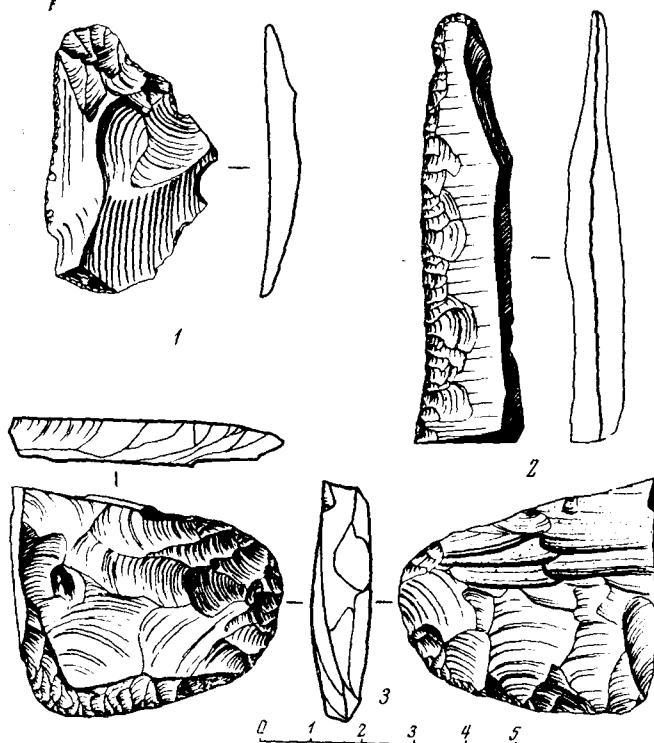

Рис. 2. Кремневые орудия со стоянки Майорыч: 1 — нож-дото; 2 — нож-скребок; 3 — уплощенный клиновидный нуклеус

На стоянке Берелех, открытой в 1970 г. в бассейне Индигирки на 71° с. ш., уплощенные клиновидные нуклеусы зафиксированы в отложениях, датированных 11830 ± 110 лет, (ЛУ-147) и 12240 ± 160 лет, (ЛУ-149).

На Аляске уплощенные клиновидные нуклеусы из комплекса Акмак (стоянка Онион-Портидж, р. Кобук) недавно датированы по радиоуглероду 9857 ± 155 лет, (К-1583)⁴.

Нож-скребок со стоянки Майорыч сходен с изделиями палеолитических памятников Алдана и Хоккайдо. На Алдане такие изделия встречаются на стоянке Верхне-Троицкая (возраст >18 тыс. лет). На Хоккайдо почти идентичные орудия обнаружены на стоянках Хороказава I (воз-

³ R. E. Morgan, The preceramic period of Hokkaido, an outline, «Arctic Anthropology», Madison, 1967, vol. VI, No 1.

⁴ D. D. Anderson, Akmak, An early archeological assemblage from Onion Portage, Northwest Alaska, «Acta Arctica», Kobenhavn, 1970, fasc. XVI.

раст 16300 лет)⁵, Тэчикава IV (возраст — 16800 лет)⁶ и Сиратаки XIII (возраст — 17 тыс. лет)⁷.

Указанные аналогии позволяют определить возраст стоянки Майорыч в пределах 18—12 тыс. лет.

Сравнительный анализ материалов палеолитических памятников Сибири позволяет говорить о том, что в древнекаменном веке к востоку от Урала существовало два крупных этнокультурных региона: западный, который условно можно назвать малыгинско-афонтовским, и восточный, для которого можно предложить название «дюктайский» (рис. 1).

Общим показателем для различных локальных культур западного региона является изготовление каменных орудий из пластин и отщепов способом краевой обработки. Для культур восточного региона наиболее характерны каменные орудия (ножи, наконечники копий и дротиков), обработанные со всех сторон отжимной решетью, и уплощенные клиновидные нуклеусы с тщательно отшлифованными боковыми поверхностями.

Граница между двумя регионами проходила примерно по водоразделу бассейнов Лены и Енисея. Однако на юге, в степях Забайкалья, Монголии и Северного Китая почти до побережья Японского моря встречаются отдельные памятники с характерными чертами, присущими культурам западного региона. По этой же территории далеко на запад, по направлению к Алтаю, вклинивались культуры с характерными чертами дюктайского региона. В результате этого образовывались контактные области, например, верхнеангарская, в которой рядом находятся стоянки с орудиями, обработанными краевой ретушью, и стоянки с хорошо выработанными бифасами.

Ареал «чистых» культур дюктайского облика в основном, охватывал территорию к востоку от Лены и к северу от Амура, а также, очевидно, Камчатку, Сахалин и большую часть Хоккайдо.

Около 11 тыс. лет назад последние дюктайцы, видимо, покидают Северо-Восточную Азию и вслед за «мамонтовой» фауной уходят по берингоморскому сухопутному мосту на Аляску. На смену им по бескрайним просторам Якутии и Чукотки распространяются носители сумнагинской культуры (время существования IX—V тыс. до н. э.), генетически связанные с «малыгинско-афонтовским» регионом⁸.

По своим основным показателям стоянка Майорыч относится к дюктайской культуре. Она является связующим звеном между палеолитическими стоянками Алдана и памятниками «палеоарктической традиции» Америки.

⁵ R. E. Моглан, Указ. раб., рис. 5, 2.

⁶ Там же, рис. 5, 3.

⁷ Там же, рис. 3, 8.

⁸ Ю. А. Мочанов, Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски. (К вопросу о первоначальных миграциях человека в Америку), «Сов. этнография», 1969, № 1.

В. В. Покшишевский

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИНДИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1971 ГОДА

Перепись, проведенная в Индии весной 1971 г., явилась самым крупным в мире единовременным научно организованным статистическим учетом населения. Она производилась с 10 и 31 марта; в качестве «критического момента» была принята ночь на 1 апреля. Исключение составили штат Западный Бенгал, где из-за предстоявших в марте выборов перепись производилась в феврале, и некоторые труднодоступные и горные местности, населенные немноголюдными племенами (здесь перепись растянулась на сравнительно долгий срок — с сентября 1970 по январь 1971 г.). В центры обработки переписной материал был доставлен не позже 4—8 апреля. Проверка населения на «критический момент» была произведена 1—3 апреля.

В первоначальном докладе индийскому правительству¹ численность населения страны оценивалась в 546 955 945 чел. В изданном несколько позднее приложении к этому докладу² дана более точная цифра — 547 367 926 чел. Это на 2,3% ниже официально прогнозировавшейся численности: 560 млн. чел. Несколько лучше была «угадана» индийскими демографами численность городского населения (112 млн. чел. против фактических 108,8 млн. чел.)³. Организаторы переписи признали, что можно принять округленную численность населения страны на 1 апреля 1971 г. в 547 млн. чел., в том числе 283 млн. мужчин и 264 млн. женщин, 438,58 млн. сельских и 108,79 млн. городских жителей.

Первые публикации позволяют уже оценить не только рост общей численности населения (всей Индии и ее отдельных административно-территориальных подразделений), но и структурные изменения в трех важных аспектах: в степени урбанизированности (освещенной наиболее подробно), в уровне занятости, в показателях грамотности.

Прирост населения с 1961 г. (когда проводилась предыдущая перепись) составил 24,66% (в том числе в сельской местности — на 21,78%, в городах — на 37,83%).

Приведем данные о населении в 1961 и 1971 гг. в 12 наиболее населенных штатах, в каждом из которых по последней переписи живет более 20 млн. чел. (см. табл. 1).

Наиболее значителен прирост в некоторых сравнительно малолюдных штатах (Ассам, Нагаленд) и «союзных территориях» (Манипур, Типура; Гоа, Даман и Диу); в округе Дели население выросло на 52,12%, а на колонизуемых малонаселенных Андаманских и Никобарских островах — даже на 81,11%.

Динамика населения всей страны определена следующим рядом (в млн. чел.): 1901 г.—238,3, 1911 г.—252,0 (прирост на 5,7%), 1921 г.—251,2 (сокращение на 0,3%), 1931 г.—278,9 (прирост на 11,0%), 1941 г.—318,4 (прирост на 14,2%), 1951 г.—360,9 (прирост на 13,3%), 1961 г.—

¹ «Census of India 1971», Series I, Paper I of 1971, Provisional population totals, 57 p.

² «Census of India 1971», Paper I of 1971—Supplement, Provisional Population totals, Delhi, 1971, VIII+230p.+11 maps.

³ Там же, стр. 6.

Таблица 1

Численность населения и его прирост в наиболее многолюдных штатах, млн. чел.

Штаты	Численность населения		Рост, %	Штаты	Численность населения		Рост, %
	1961 г.	1971 г.			1961 г.	1971 г.	
Уттар Прадеш	73,75	88,36	+19,82	Тамилнаду	33,68	41,10	+22,01
Бихар	46,46	56,33	+21,26	Майсур	23,59	29,26	+24,07
Махараштра	39,55	50,34	+27,26	Гуджарат	20,63	26,69	+29,34
Зап. Бенгал	34,93	44,44	+27,24	Раджастхан	20,16	25,72	+27,63
Андхра Прадеш	35,98	43,39	+20,60	Орисса	17,55	21,93	+24,99
Мадхья Прадеш	32,37	41,65	+28,66	Керала	16,90	21,28	+25,89

439,1 (прирост на 21,6%), 1971 г.—547,4 млн. (прирост достигает почти 24,7%). Мы видим, что, несмотря на широкую пропаганду внутрисемейного планирования в период независимости происходит акселерация прироста населения.

Высока средняя плотность населения в некоторых штатах. Для небольших ареалов, таких, как некоторые «союзные территории» целиком городского типа показатель плотности малохарактерен (поэтому мы о них здесь не упоминаем). В Тамилнаду плотность населения (316 чел. на 1 км²) совпадает с плотностью населения в высокоурбанизированной Бельгии в 1968 г., в Бихаре — 324, в Западном Бенгале — 507, в Керале— даже 548 чел. на 1 км².

Уровень урбанизированности населения Индии определен переписью 1971 г. в 19,87% (против 17,98%, по предыдущей переписи). При этом больше половины (52,4%) горожан жило в городах с населением, превышающим 100 тыс. чел. Таких городов оказалось 142, среди них 18 имели (по большей части в границах городских агломераций) более чем по 0,5 млн. жит., городов-миллионеров было 9, а мультимилионеров (конурбаций, превышавших 3 млн. жит.)—3⁴. В городах с населением 50—100 тыс. жит. было сосредоточено 12,15% горожан, с населением 20—50 тыс.—17,36%, 10—20 тыс.—12,04%. Общее число городов Индии в 1971 г. было равно 2921 против 2700 в 1961 г. и 2923 в 1951 г. (после 1951 г. ряд мелких городов лишился городского статуса).

Доля городского населения возрастила от переписи к переписи по классам городов следующим образом (см. табл. 2).

Таким образом, за последний межпереписной период больше всего (на 49,35%) выросло население больших городов. В абсолютных цифрах это составило 18,8 млн. чел. В каждой из «средних групп» городов число жителей увеличилось на 3—4 млн. чел. В двух же последних группах население либо сократилось, либо выросло очень незначительно. Однако следует помнить, что особо быстрый прирост населения в больших городах в значительной степени отражает лишь переход в эту группу тех городов, которые раньше имели менее 100 тыс. жит., т. е. является своеобразной статистической иллюзией. В самом деле, само число больших городов выросло за 1961—1971 гг. со 113 до 142.

Наиболее урбанизированными оказались штаты: Махараштра (31,20%), Тамилнаду (30,38%), Гуджарат (28,13%), Западный Бенгал

⁴ Приведем численность населения (в тыс. чел.) этих 18 агломераций (в скобках население в границах муниципальной корпорации или городского муниципалитета): Калькутта — 7005,4 (3141,2), Бомбей — 5968,6 (в границах муниципальной корпорации «Большого Бомбея»), Дели — 3629,8 (3280,0), Мадрас — 2470,3 (в границах муниципальной корпорации, агломерация не указана), Хайдерабад — 1798,9 (1612,3), Бангалур — 1648,2 (агломерация не указана), Ахмадабад — 1588,4 (агломерация не указана), Канпур — 1273,0 (1152,0), Нагпур — 866,1 (агломерация не указана), Пуна — 1123,4 (853,3), Лакнау — 826,2 (750,5), Агра — 637,8 (594,9), Джайпур — 613,4 (агломерация не указана), Варанаси — 582,9 (565,1), Индор — 572,6 (543,8), Мадураи — 548,3 (агломерация не указана). Джабалпур — 533,8 (425,1), Аллахабад — 514,0 (491,7).

(24,59%) и, разумеется, те территории, которые представляли собой по существу «городские округа» (например, Дели — 89,75%).

Рост доли городского населения до известной степени ослабляет напряженность в соотношении «население — территория», создавая производительные силы не только сельскохозяйственного, но и индустриального профиля.

Было бы очень важно подтвердить это положение данными о занятости. Однако опубликованные пока сведения еще очень скучны⁵ и, на первый взгляд, создают очень противоречивую картину.

Вот основные общие показатели в сравнении с данными 1961 г. (табл. 3).

Таблица 2

Процесс урбанизации в Индии и соотношение городского населения в городах разной величины

Годы переписей	Доля горожан во всем населении, %	Распределение горожан по группам городов, %					
		свыше 100 тыс. жит.	50—100 тыс. жит.	20—50 тыс. жит.	10—20 тыс. жит.	5—10 тыс. жит.	менее 5 тыс. жит.
1901	10,85	22,93	11,84	16,50	22,06	20,38	6,29
1911	10,29	24,19	10,90	17,69	20,46	19,81	6,95
1921	11,18	25,31	12,43	16,69	18,91	19,03	7,43
1931	12,00	27,37	11,95	18,76	18,97	17,32	5,63
1941	13,86	35,40	11,77	17,71	16,29	15,38	3,45
1951	17,30	41,77	11,06	16,73	14,02	13,20	3,22
1961	17,98	48,37	11,89	18,53	13,03	7,23	0,95
1971	19,87	52,41	12,15	17,36	12,04	5,24	0,80

Таблица 3

Занятость населения Индии

Показатели	1961 г.	1971 г.
Общее число занятых (млн. чел.)	188,57	183,61
Доля занятых (% от всего населения)	42,98	33,54
Число занятых в сельской местности (млн. чел.)	162,14	151,45
Число занятых в городах (млн. чел.)	26,43	32,16
Число занятых вне сельского хозяйства (млн. чел.):		
Всего:	57,52	57,59
а) в сельской местности,	33,75	29,00
б) в городах	23,78	28,60

Нетрудно убедиться, что, хотя численность занятого в городах населения возросла, общая по стране занятость сократилась. Заметим, что число занятых в городах выросло лишь примерно на одну пятую, т. е. гораздо меньше, чем все население городов (+37,8%). Таким образом, структура городского населения с точки зрения уровня занятости за межпереписной период ухудшилась. Число занятых вне сельского хозяйства по стране в целом практически осталось стабильным (при росте населения почти на четверть), причем это число, согласно данным переписи

⁵ Выделены только три категории занятых: cultivators (это крестьяне), agricultural laborers (наемные рабочие, занятые в сельском хозяйстве) и «остальные занятые»; в последней категории объединены промышленные рабочие, транспортники, служащие всех отраслей, работники торговли, обслуживания и т. п. В последующих томах переписи обещана публикация профессионального состава населения по гораздо более развернутому перечню профессий.

писи, сократилось в сельской местности и выросло лишь в городах (но меньше, чем само городское население).

Изменения такого рода лишь частично можно объяснить демографическими сдвигами (данные о возрастной структуре населения пока не опубликованы). Нет оснований думать, что этот фактор мог быть определяющим. Причины надо искать в другом: в разном подходе к самому пониманию занятости. О недостаточной сопоставимости показателей занятого населения данной и предшествующей переписей говорят сами их организаторы: «Может быть, цифры переписи 1971 г., относящиеся к участию в работе, на первый взгляд несколько удивят читателей, если они станут сравнивать их с цифрами переписи 1961 г.... К сожалению, не было возможности разработать исчерпывающее определение понятия «работа» ...Мы в Индии экспериментировали с этим определением от переписи к переписи. Именно поэтому затруднительно сопоставлять данные переписей»⁶.

Однако анализ уже опубликованных данных позволяет установить основные различия в понятии занятости. Это разный подход к женскому труду.

Например, при подразделении общей (по всей стране) занятости по полам в соответствии с данными переписей 1961 и 1971 гг. получаем следующую картину (табл. 4).

Точно так же изменился в 1971 г. по сравнению с 1961 г. учет женского труда и при рассмотрении занятости городского и сельского населения, лиц, работающих в сельском хозяйстве и в других отраслях. Недаром специалисты считают, что занятость в развивающихся странах гораздо правильнее оценивать на основании данных лишь о мужском труде. Так, видный советский экономист Я. Н. Гузеватый подчеркивает, что при анализе экономической активности в таких странах приходится «ограничиваться данными по мужскому населению... Хотя в развивающихся странах женщины играют важную роль в трудовой деятельности, они в подавляющей массе выступают как безвозмездные участники семейного крестьянского и ремесленного производства... Даже когда замужние женщины совмещают ведение домашнего хозяйства с наемным трудом, статистика обычно регистрирует их в качестве домашних хозяек»⁷. Эксперт Я. Сади, изучавший экономические проблемы занятости в Латиноамериканском демографическом центре ООН и в Отделе народонаселения ООН, классифицирует страны по их индустриализации только с учетом занятого мужского населения⁸. Впрочем, не приходится удивляться, что в развивающихся странах критерий занятости женской части населения еще не «стабилизировался»: даже в такой стране, как Франция, на «родине демографии», показатели доли экономически активного населения от переписи к переписи сильно различались и именно за счет французских крестьянок, которых то зачисляли в активные, то считали лишь «помогающими членами семьи».

Таблица 4
Распределение занятости по полу

	Всего учтено в качестве занятых, млн. чел.	
	в 1961 г.	в 1971 г.
Мужчины	129,1	148,8
Женщины	59,5	34,8
Всего	188,6	183,6

% «занятых» среди женского населения	27,95	13,18
--------------------------------------	-------	-------

⁶ «Supplement, Provisional population totals», Delhi, 1971, p. 23.

⁷ Я. Н. Гузеватый, Проблемы народонаселения стран Азии, Африки и Латинской Америки, М., 1970, стр. 160, 161.

⁸ Jan L. Sadi, Demographic aspects of labour supply and employment, WPS/481, Belgrade, 1965.

Если обратиться к занятости только мужской части населения Индии (табл. 5), то получаем картину, которая лучше согласуется с общим ростом его численности и с процессом урбанизации (хотя и здесь нет признаков структурных улучшений).

Более полное суждение об изменениях в фактическом объеме и характере занятости мы получим лишь после опубликования развернутых данных о профессиональном составе населения.

Между тем уже сейчас можно констатировать заметное развитие в индийской деревне товарно-капиталистических отношений. Обращаясь снова к данным лишь о занятых мужчинах, убеждаемся в наличии сдвига в соотношении числа самостоятельно ведущих хозяйство крестьян и наемных сельскохозяйственных рабочих (см. табл. 6).

Таблица 5
Мужское занятое население Индии

Мужское занятое население Индии, млн. чел.	1961 г.	1971 г.	Рост, % за 10 лет
Сосредоточенное в городах	20,68	28,45	37,5
Работающее вне сельского хозяйства	45,37	48,51	6,9
Работающее в сельском хозяйстве	83,74	100,28	12,8

Таблица 6
Соотношение между крестьянами и сельскохозяйственными рабочими за 1931—1971 гг.
(% от всего числа занятых мужчин)

	1961 г.		1971 г.	
	крестьяне	с.-х. рабочие	крестьяне	с.-х. рабочие
По всей Индии	51,44	13,42	46,35	21,05
По сельской местности	61,08	15,77	56,05	24,92
В главных или типичных с.-х. районах (штатах):				
Западный Бенгал	38,50	15,30	31,75	25,75
Уттар Прадеш	63,62	9,06	59,11	16,93
Пенджаб	46,17	10,02	43,84	20,30
Керала	22,91	13,10	22,12	25,14
Тамилнаду	41,87	14,30	34,50	23,92
Раджастхан	68,47	3,75	65,27	7,54

Мы видим, что доля самостоятельных крестьян сокращается (в разных штатах разными темпами); в то же время повсеместно значительно выросла доля наемных сельскохозяйственных рабочих.

В вышедших уже материалах переписи 1971 г. содержатся довольно подробные данные о грамотности населения Индии. Общий показатель грамотности⁹ вырос по сравнению с 1961 г. с 24,03 до 29,34%, т. е. доля грамотных выросла на 22,1%, что (особенно имея в виду абсолютный рост населения за прошедшие 10 лет более чем на 100 млн. чел.) показывает, какие огромные усилия были предприняты для поднятия культуры, позволяет констатировать значительные успехи. Грамотность среди мужчин более чем вдвое превышала грамотность среди женщин (39,51 против 18,44%), причем в городах она значительно выше, чем в сельской местности,—52,48% (61,55% среди мужчин и 41,91% среди женщин).

⁹ Грамотность в опубликованных материалах исчислена по отношению ко всему населению (включая и его возрасты в 0—4 года, которые иногда в подобных случаях исключаются).

Довольно велики различия между штатами и территориями по уровню грамотности. Этот показатель особенно высок в Керале (60,16%, даже выше, чем в «почти целиком городском» округе Дели, где он равен 56,65%), заметно повышен в Тамилнаду (39,39%), Махарашtre (39,08%), Гуджарате (35,72%) и Западном Бенгали (33,05%). Много ниже среднего уровень грамотности в Бихаре (19,79%), Джамму и Кашмире (18,30%), Раджастане (18,79%), а также на некоторых территориях. В больших городах грамотность, как правило, превышает 50% (Калькутта—57,56%, Бомбей—69,96, Дели—59,10, Мадрас—62,05, Хайдерабад—52,21, Бангалур—59,53, Ахмадабад—58,96, Канпур—50,90, Нагпур—58,06, Пуна—62,68, Лакнау—52,66% и т. д.).

По приросту уровня грамотности за 1961—1971 гг. заметно выделялись штаты Джамму и Кашмир (рост этого уровня на 65,91%), Нагаленд (на 52,60%), Химачал Прадеш (на 47,32%) и территории Трипура (на 52,52%) и Лаккадивских и других островов (на 86,68%).

К сожалению, опубликованные данные не дают никакого представления о языках, на которых обучается население.

Эта сторона дела будет, видимо, в известной степени раскрыта в последующих томах переписи, намеченных к публикации. Эти тома будут разбиты на следующие серии: *A*—5 томов общих таблиц, *B*—19 томов экономических данных (в том числе и показатели о занятых по профессиям), *C*—10 томов социальных и культурных характеристик (о родном языке, о двуязычии, о религиях, о принадлежности к кастам и «зарегистрированным племенам»), *D*—6 томов по миграциям, *E*—6 томов данных о предприятиях, *F*—5 томов данных о fertильности женщин (сюжет, которому в Индии придают большое значение), *G*—12 томов об использовании специалистов и *H*—4 тома данных о жилищном фонде и его заселенности. Отдельные тома будут выпущены и по каждому штату.

**ПОИСКИ
ФАКТЫ
ГИПОТЕЗЫ**

Р. Ш. Джарылгасинова

ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЕТ МУГУНХВА

(КОРЕЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ)

В августе минувшего года автор этих строк посетил Корейскую Народно-Демократическую республику в составе группы активистов Общества советско-корейской дружбы. Наша группа была приглашена в КНДР в связи с празднованием 26-й годовщины освобождения Кореи Советской Армией. Нам предложили обширную и интересную программу, важное место в которой было отведено посещению предприятий, являющихся коллективными членами Общества корейско-советской дружбы.

Рис. 1. Встреча в кооперативе Кочхан

Благодаря тщательно продуманному маршруту путешествия мы смогли увидеть почти всю страну. Наше знакомство с ней началось со столицы КНДР — города Пхеньяна. Яркое впечатление оставили поездки в Кэсон, Вонсан, Нампхо. Теплый прием был оказан нам в кооперативе Кочхан и в Пхеньянском фруктовом госхозе, на Текстильном комбинате и заводе электровозов в Пхеньяне, в средней школе г. Чунхва.

Из многочисленных встреч на корейской земле мне, как этнографу, особенно запомнилось посещение Этнографического музея в г. Пхеньяне и встреча с корейскими коллегами.

Везде, где бы мы ни бывали, нам повсюду был оказан самый радушный и дружеский прием. Мы имели возможность еще раз убедиться в традиционном гостеприимстве корейского народа. Самую искреннюю и сердечную благодарность хочется выразить тем корейским товарищам, которые организовали и подготовили необходимые нам встречи и экскурсии. Их доброжелательность и постоянное внимание делали наше пребывание в стране еще более приятным.

Своим корейским друзьям автор посвящает эти зарисовки.

Слово о Стране зеленых холмов

...Весною, летом и осенью их встретишь в Корее повсюду — ярко-зеленые, высокие кусты с цветами мугунхва. Белые, розовые, фиолетовые или сиреневые лепестки. Всего пять лепестков, которые доверчиво повернулись навстречу солнечному лучу. В их по-детски незатейливом узоре и нежной расцветке видятся мне сегодня все краски Кореи — розовое предрассветное небо над Кэсоном, когда солнце лишь поднимается из-за гор, а облака на небе, как хвосты фантастических фениксов или драконов со старинных когурёских фресок, переливаются всеми цветами радуги; белоснежные одежды горожан и крестьян; яркие бантики в прическах корейских школьниц.

Их встречаешь в Корее повсюду — высокие, ярко-зеленые кусты с цветами мугунхва. И в парке, на набережной реки Тэдонган, в аллеях которого в самый ранний утренний час увидишь девушку-студентку с книгой в руках, и на горе Моранбон, около памятника советским воинам-освободителям, и в многочисленных зеленых скверах возрожденных корейских городов.

Красота Кореи давно покорила людей. Не случайно среди поэтических названий, которые давали своей стране сами корейцы и их соседи, мы встречаем и такие, как «Страна Утренней Свежести», «Страна Солнца», «Страна зеленых холмов», «Родина цветов мугунхва», «Восточные горы, покрытые цветами мугунхва».

Да, прекрасна природа Кореи, но чем больше вглядываешься в нее, тем яснее понимаешь, как много сделано здесь руками трудолюбивого и талантливого народа.

Вот сбегающие террасами сочные, зеленые квадраты рисовых полей. Руками крестьян выравнена площадь каждого поля, уbraneы камни, которыми так изобилует корейская почва; ранней весной в теплую воду высаживают ростки риса; в течение всего жаркого лета выпалывается с полей каждый стебель сорняка. Ни один клочок земли не остается необработанным! Валики, разделяющие рисовые поля, засажены темно-зелеными кустами сои. По склонам холмов поднялись вверх фруктовые сады. На красных, сургучного оттенка, суходольных полях ровными рядами легли грядки корейской капусты и других овощей.

В летнем корейском пейзаже поражает господство зеленого цвета: как бы пропитанный влагой, насыщенно-зеленый оттенок рисовой рассады сменяется нежнозелеными с золотистым отливом уже спевающими колосьями; темно-зеленые листья сои подчеркивают салатные тона

стеблей кукурузы и чумизы. Какая-то особая прозрачность воздуха делает все оттенки ощутимыми и полнокровными.

Среди зеленого половодья полей то игриво вьется и петляет, как весенний ручеек, то стремительно мчится «за край небес», серебристая лента дороги. Сотни километров на юг, запад, восток и север проехали мы по корейским дорогам и они заслуживают того, чтобы о них сказать особо. Мчатся, перегоняя друг друга, пассажирские автобусы, грузовики, легковые автомобили, неторопливо ползут тягачи и тракторы, а им на встречу степенно вышагивают быки, запряженные в традиционную двухколесную телегу. Растущие по обочинам дороги платаны, тополя или акации укрывают от летнего зноя, и, кажется, что едешь по одной из аллей цветущего сада. Впечатление усиливается тем, что вдоль шоссе посажены цветы. Порою это желтые головки подсолнухов, которые как знаки светофора указывают путь водителям. А рядом, почти у самой дороги, снова начинаются поля. Вот горделиво покачиваются своими коричневыми головами могучие стебли чумизы. И как бы соревнуясь с ними в росте, поднялись на соседних участках кукуруза и гаолян. Чуть подальше, у самого подножья холма, плывут в прозрачном воздухе, подобные старинным каравеллам, светло-серые, а иногда темно-серые изогнутые черепичные крыши. Новые, светлые дома корейских деревень, так же, как и возникающие в утреннем мареве современные многоэтажные здания городов,— все это неотъемлемая часть пейзажа Кореи семидесятых годов.

Зеленые холмы западной и центральной частей Корейского полуострова переходят на востоке в высокие горы. Народ дал им название *Кымгансан* («Алмазные горы»). Корейцы говорят: кто не видел Кымгансана, тот не видел страны. Общая протяженность Кымгансана с севера на юг—160 км; массив делится на Внешний, Внутренний и Морской Кымгансан. Самая высокая гора Пинобон, достигает 1638 м. Красота «Алмазных гор» всегда привлекала сюда поэтов и художников; в древности здесь было построено немало буддийских храмов. Множество легенд связано с Кымгансаном. Так, знаменитый водопад Курён («Девять драконов») назван так якобы потому, что в девяти озерах, связанных с ним, скрывались девять драконов, которые охраняли богатства Кымгансана. Согласно другой легенде, неподалеку от водопада некогда жил бедный юноша по фамилии Пак, которому волшебный олень помог жениться на одной из девяти небожительниц, прилетавших купаться в изумрудных водах озер, водопада. Некоторые вершины Внешнего Кымгансана имеют причудливую форму — точно изваянны рукою скульптора фигурки животных и рыб. Среди них черепаха, заяц, медведь и др. По преданию, они забрались сюда в год страшной засухи, когда молились о дожде, да так и остались здесь навеки.

Величественна природа Кымгансана. За каждым поворотом открывается новый вид, набежит тучка и вершины гор кажутся причудливыми островами, плывущими в небе; блеснет солнечный луч и засияет алмазной россыпью падающий с высоты семидесяти метров водопад Курён; желтые отполированные веками каменные глыбы оттеняют прозрачность горных потоков, цвет воды в которых напоминает драгоценную яшму. Красота этих мест нашла свое отражение в поэтических названиях: «Долина Яшмового потока», «Водопад танцающего дракона», «Вершина, на которой живут небесные феи», «Водопад летящего дракона» и многие другие.

Корейцы любят свои «Алмазные горы». Хотя бы раз в жизни, по их мнению, каждый человек должен побывать здесь, пройти по узким тропинкам, пробежать по висящим над пропастями легким перекидным мостикам, умыть лицо в прозрачной воде горных потоков, подняться на знаменитые вершины. По праздничным и воскресным дням корейцы приезжают сюда целыми семьями. Звонким эхом разлетаются по горным

долинам голоса детей, мелькают на самых крутых склонах среди темно-зеленой чащобы их яркие праздничные одежды.

Славится в Корее своей красотой озеро Самильпхо («Озеро трех дней»). Легенда говорит о том, что в древности четыре знаменитых буддийских монаха из государства Силла, прия к этому озеру, собирались провести здесь один день. Однако, очарованные и покоренные зеленью гор, причудливыми очертаниями берегов, возвышающимся среди изумрудных вод островом, монахи не заметили, как прошло три дня. Говорят, что именно с того времени озеро стали называть «Самильпхо». Да, окрестности озера самой природой предназначены быть местом отдыха.

Гимн Прекрасному Городу

Если вы когда-нибудь будете в Пхеньяне, обязательно ранним утром поднимитесь на вершину горы Моранбон и подойдите к беседке Ыльмилтэ. Она расположена на самой вершине горы — небольшая площадка, обрамленная с северного края склона высокой зубчатой каменной кладкой. Десять красных деревянных колонн, установленных на каменных базах, подняли к небу массивную черепичную крышу. Ее взлетающие вверх крылья — как крылья птицы, приготовившейся к полету, но на мгновение застывшей. В одном из древних сказаний повествуется о том, что название беседки якобы произошло от имени небесной феи Ыльмиль, которая однажды, спустившись на землю, была так поражена открывшейся ей красотой, что решила не возвращаться на небо.

Кто знает, может быть, именно в такое же летнее утро, когда прозрачный воздух был напоен ароматами трав и цветов, именно в такое утро, поднявшись на вершину горы, посланцы когурёского вана, проделавшие долгий и тяжелый путь с севера, решили здесь основать новую столицу Когурё. Близость широкой, полноводной реки, поросшие густым лесом высокие горы, удобный выход к морю также свидетельствовали в пользу этого выбора.

Очень многое в Пхеньяне напоминает о древних предках корейцев. Достоверное здесь соседствует с мифическим; легенда вплетается в ткань исторического повествования. С историей когурёцев связаны развалины древней крепости и дворца Ангаккун на горе Тэсонсан. Вот уже много лет корейские археологи изучают эти важнейшие памятники Когурё. У подножья горы Моранбон, по свидетельству письменных источников, в 392 г. был возведен один из первых буддийских храмов на корейской земле — храм Ёнменса. Причем храм был воздвигнут на том месте, где в 37 г. до н. э. якобы жил мифический основатель Когурё — Тонмён-Чумон. Тут же, неподалеку, есть пещера, которая, по преданию, служила конюшней для его волшебного коня «киринма».

В глубокой древности возникли многие из этих мифов и легенд, но народ помнит их, так как в них отразил он свою многовековую мечту о светлой и прекрасной жизни.

В сегодняшней Корее древние легенды приобрели новое осмысление, получили новую окраску. И не случайно символом социалистической Кореи, ее быстрых темпов — стал конь, пробегающий в одно мгновение тысячу ли — Чхоллима. В самом центре Пхеньяна воздвигнут «Монумент Чхоллима». На высоком гранитном пьедестале как бы взметнулся в небо могучий крылатый конь, несущий двух всадников — рабочего и крестьянку.

Когда вы идете по светлым, просторным и зеленым улицам Пхеньяна, любуетесь его гранитной набережной и ажурными мостами, когда Вы осматриваете памятники старины — не забывайте о том, что в июне 1953 года, к моменту подписания перемирия, Пхеньян лежал в руинах. Три года продолжалась ожесточенная, массированная бомбардировка

Рис. 2. Ворота Тэдонмун. Одна из достопримечательностей Пхеньяна

города. В Пхеньяне не осталось ни одного целого здания, все было превращено в груды кирпичей и каменной пыли. В Музее Отечественной Освободительной войны вам покажут фотографии тех лет. На них вы увидите пылающие от напалма дома, руины центральных улиц. Тоненькая девушка экскурсовод напомнит, что за годы войны на Пхеньян было сброшено 420 тыс. бомб. Но народ выстоял и победил, а город возродился еще более прекрасным и великолепным.

Сегодняшний Пхеньян — это город современных многоэтажных красивых домов, город зеленых аллей и парков. Среди достопримечательностей Пхеньяна — огромный стадион, Большой театр, театр на горе Моранбон, Дворец пионеров, высотные здания университета, многочисленные музеи и кинотеатры, новые кварталы жилых домов, ботанический сад и зоопарк.

Строительство Пхеньяна — это кровное дело каждого жителя города. По субботним и воскресным дням можно видеть как колонны добровольных помощников с песнями и разноцветными плакатами движутся к местам всенародных строек. Многие приходят и после рабочего дня. Недавно в Пхеньяне появилась еще одна новая улица. В светлых многоэтажных домах получили квартиры тысячи пхеньянских семей. Рассказывают, что даже глубокие старики, объединившись в «бригаду стариков», помогали строителям. Была и бригада домохозяек — многодетных матерей. Улица, застроенная в предельно короткие сроки, была подарком к V съезду Трудовой партии Кореи. Народ назвал ее «Проспектом Чхоллима».

В Пхеньяне построены не только многочисленные административные и жилые здания, но и восстановлены памятники старины.

Если идти вдоль набережной Тэдонгана, от моста Тэдонгё к мосту Окрюгё, то обязательно увидишь двухярусные старинные ворота Тэдонмун. Историческое предание свидетельствует о том, что уже в 228 г. н. э., во времена Когурё здесь были воздвигнуты ворота, открывавшие

вход в крепость с восточной стороны. Разрушенные в 1950 г. американской авиацией — ворота Тэдонмун были восстановлены пхеньянцами в первый же послевоенный год. В 1954 году были подняты из руин ворота Потхонмун, Чхильсонмун, беседка Ыльмилтэ и многие другие исторические памятники. Ныне они составляют неотъемлемую часть современного Пхеньяна и свидетельствуют о неразрывной связи поколений.

...Город просыпается рано. Спешат на предприятия рабочие, служащие, учащиеся. Как белая река, течет по улицам города многолюдная толпа, и кажется, будто тысячи белоснежных журавлей слетелись на зеленые проспекты Пхеньяна. Все подтянуты, деловиты. Много молодых и совсем юных лиц.

В современной микротопонимии Пхеньяна отразились сегодняшняя жизнь и многовековая история города. По традиции город делится на пять крупных районов: Центральный, Северный, Западный, Южный и Восточный. Каждый из районов включает определенное число кварталов и пригородов. По мере роста города их число меняется: появляются новые кварталы, пригороды вливаются в состав города. В 1957 г., когда корейский народ отмечал 1300-ую годовщину Пхеньяна, в его состав входило 109 кварталов и 14 пригородов. Каждый квартал имеет свое название, причем некоторые связаны с природными достопримечательностями, другие — с историческими памятниками, третий — с географическими особенностями; ряд наименований отражает старинную планировку города, часть — возникла уже в наши дни.

Сохранение в микротопонимии Пхеньяна названий для отдельных кварталов (наряду с наименованиями улиц, площадей и проспектов) очень интересно и своеобразно проявляется в красочной рекламе города, в названиях магазинов и предприятий бытового обслуживания.

Недалеко от ворот Тэдонмун, в одном из красивейших зданий города, в самом центре Пхеньяна расположился Этнографический музей. Важное место в его экспозиции отведено материалам, характеризующим быт населения Кореи на протяжении многих тысячелетий, начиная с эпохи палеолита и включая период Трех государств, династий Корё и Ли. Вот в двух больших стеклянных витринах стоят выполненные в человеческий рост фигуры когурёсов: в одежде желтого цвета — простолюдины, в белой шелковой — аристократы. С большой любовью созданы макеты по мотивам когурёсских фресок. На стене воспроизведен тот или иной фрагмент фрески, а рядом объемная реконструкция, сделанная в виде макета.

В залах музея представлены уникальные и интересные экспонаты по истории сельскохозяйственных орудий, традиционного жилища, одежды, утвари, пищи, ремесла и прикладного искусства. Прекрасно выполненные макеты, подробные карты свидетельствуют о большой исследовательской работе, которую ведут сотрудники музея.

Недавно открытая на втором этаже музея экспозиция посвящена быту партизанских отрядов 1930-х гг. Макет землянки, книги из бересты, сосуды для варки пищи, сделанные из шкуры оленей, самодельные лыжи — эти и многие другие подлинные предметы быта партизан воссоздают картину жизни революционных отрядов.

Сегодняшний Пхеньян невозможно себе представить без его цветущих аллей и парков. Многие из них раскинулись по склонам гор Моранбон и Тэсонсан, а может быть, даже правильнее будет сказать, что эти горы превращены в сплошные сады. В искусстве создания зеленого декора оказывается многовековая традиция. Незабываемое впечатление оставляет парк на горе Моранбон. Широкая гранитная лестница, украшенная цветами, ведет к монументу Освобождения, который корейский народ воздвиг в память о героическом подвиге Советской Армии, освободившей Корею в 1945 г. от японского ига. Белый, устремленный вверх обелиск окружен зелеными кронами деревьев. Тенистые аллеи ведут от одной

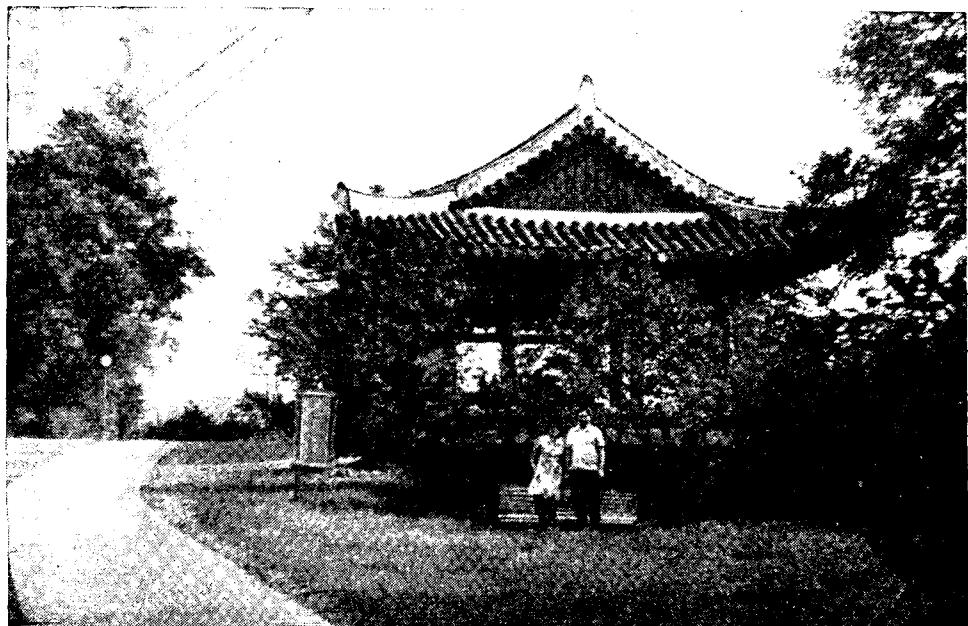

Рис. 3. Старинная беседка в парке на горе Моранбон

беседки к другой. Старинные павильоны, древние ворота Чхильсонмун, современные здания Исторического музея и театра «Моранбон» — как-то естественно и незаметно вписываются в пейзаж парка. Корейские архитекторы и садоводы умело используют малейшие изменения ландшафта для создания микропейзажей. Широкие магистральные аллеи переходят в лесные тропинки. Вот в небольшой лощине струится крохотный ручеек. Деревья, поднявшиеся по склонам, кажутся гигантами. На берегу лотосового пруда застыла старинная буддийская пагода. В густой траве как бы случайно разбросаны причудливые камни. И весь этот уголок кажется затерянным в далеких синих горах. Но вот еще поворот — и перед Вами расположенный каскадами по склону горы — водоем — аквариум с золотыми рыбками, предметом постоянного восторга и маленьких и взрослых. Чуть ниже — детский городок — самая оживленная и шумная часть Моранбонского парка.

Своеобразно решена садово-парковая композиция Пхеньянского зоопарка, который раскинулся на площади в 275 га у подножья горы Тэсонсан. Тридцать его павильонов живописно расположились в зеленых, цветущих аллеях. Индийские слоны, жирафы из Танзании, тигры, обезьяны, огромные бегемоты и носороги, белые и черные журавли, разноцветные попугаи, аквариумы с причудливыми рыбами — все это привлекает в зоопарк множество посетителей, среди которых много детишек. Тэсонсанский зоопарк — любимое место отдыха пхеньянцев.

Рассвет над Кэсоном

Поезд прибыл в Кэсон ночью. Через десять минут автобус доставил нас в гостиницу. Часы показывали пять утра. Но заснуть уже было невозможно...

За окном в предрассветной тишине пели какие-то незнакомые птицы, трещали цикады. Облака постепенно из темно-фиолетовых превращались в розовые, а затем в алые. Первые лучи солнца, разрывая утренний туман, как бы очерчивали окружающие предметы: карликовые сосны,

стоящие в больших кадках на веранде; причудливый фонтан, сделанный в форме цветущего женьшена; темно-серый камень старинной буддийской пагоды.

На улицах появились первые прохожие: девочки в шкельной форме, женщины в национальных костюмах, у некоторых за спиной тихо посапывали малыши; старики в белоснежной одежде.

Кэсон — один из стариннейших и красивейших городов Кореи. В течение многих столетий он был столицей правившей тогда династии Корё (Х—XIV вв.). В Кэсоне и его окрестностях сохранилось немало исторических и культурных памятников, связанных со средневековой историей корейского народа. Среди них — гробница Конмин-вана и его супруги (XIV в.), мост Сонджуккё, ворота Наммун, колокол Ёнбокса (VII в.), буддийские пагоды, древние павильоны. Новая жизнь Кэсона началась в 1950 г., когда город был освобожден Корейской Народной Армией. По решению Правительства КНДР, в Кэсоне бережно охраняются исторические памятники и жилые постройки, отличающиеся здесь большим своеобразием. По традиции кэсонцы строили жилые дома так, что постройки образовывали замкнутый четырехугольник с небольшим внутренним двориком. Строения и массивные ворота покрывались черепицей черного цвета, стены расписывались стилизованным растительным орнаментом. Вообще, национальное жилище корейцев имеет ряд особенностей. Наиболее распространенным типом является каркасно-столбовой дом (*чип*), который состоит из кухни (*пуок*), нижней (*арэппан*) и верхней (*уппан*) комнат и веранды (*покто*). В кухне расположен очаг, в него вмазаны один большой и два маленьких котла для приготовления пищи и подогрева воды. Топка обычно делается ниже уровня пола кухни. Для Кореи с древнейших времен характерна своеобразная система отопления жилища — *ондоль* («теплый пол»). Под домом от топки печи прокладывается несколько рядов дымоходов, по которым идет теплый воздух от очага. Вытяжная труба располагается по диагонали от топки и выводится на некотором расстоянии от дома.

В зависимости от географических условий меняется материал, из которого строят дома, а также планировка жилых построек. В горных районах Кымгансана в качестве строительного материала широко используется камень. Особенностью современного жилищного строительства в сельских районах КНДР является массовое строительство домов, в архитектуре которых воплощены лучшие черты традиционного жилища. Не случайно в народе эти просторные, светлые дома, покрытые черепичными крышами получили название *мунхва чип* («культурные дома»).

Специфика национального жилища и связанные с ней характер интерьера и формы домашнего быта учитываются корейскими архитекторами и при строительстве многоэтажных домов в городах. В последние десятилетия построено немало жилых зданий, в которых современные виды благоустройства сочетаются с ондолем. В архитектуру современных построек корейские зодчие также удачно вписывают детали и элементы традиционного декора (форма крыши, оформление окон и дверей, роспись и барельефы). Наиболее интересными являются здания Большого театра в Пхеньяне и Дворец пионеров в Кэсоне.

Панорама Кэсона прекрасно видна с вершины горы Чанамсан: квартал старинных построек, увенчанных черепичными крышами, со всех сторон обступили новые многоэтажные здания. Сегодняшний Кэсон — крупный промышленный и культурный центр КНДР. В нем три вуза, около ста различных средних учебных заведений, десятки кинотеатров, клубов, музеи, театры.

С глубокой древности Кэсон был одним из центров национальных ремесел. Здесь зародился всемирно известный голубовато-зеленоватый корейский фарфор — селадон. Древние поэты писали, что бирюзовый фарфор Корё напоминает цвет неба Кореи после дождя. Обжиговые

печи для изготовления фарфора ремесленники устраивали в местах, богатых топливом и каолином. Обжигали фарфор обычно в зимние месяцы, когда дуют северо-западные ветры (они помогали поддерживать высокую температуру в печах). Зимними пейзажами навеяны и многие узоры. Наиболее любимый мотив — полет белоснежных журавлей на фоне голубого неба. В наши дни кэсонцы возрождают и продолжают традиции старинных мастеров. В керамике повторяются мотивы, цвета, узоры и форма лучших образцов корейского селадона. И сейчас пользуются успехом изделия из лака: подносы, вазы для фруктов, письменные и курительные приборы, коробки для сладостей, шкатулки для украшений и для бумаг. По темно-красному или черному лаку — инкрустация перламутром. Среди излюбленных узоров — пейзажи Кымгансана, изображения плода персика, цветов мугунхва, лотоса, пиона. Прекрасны изделия из бамбука (циновки, вазы, сумки, коробки).

С Кэсоном связана одна из своеобразных отраслей корейского сельского хозяйства — культивирование жэньшена (корейск.— инсам). Под жэньшень отводятся лучшие сухие земли на пологих склонах и у подножья гор. Плантации разбиваются на грядки, вытянутые с востока на запад. Над ними устраивают низкие навесы из веток и циновок, предохраняющие растения от прямых солнечных лучей. Жэньшень высаживают в марте или начале апреля. Созревает он только через пять—шесть лет. Собранные корни распаривают в специальных парильнях, а затем сушат в печах или на солнце. Из жэньшеневого корня готовят лекарства, настаивают на нем водку, его продают в засушенном виде. Все это составляет важную статью корейского экспорта.

Одна из природных достопримечательностей Кэсона — водопад Пагён, расположенный в горах, в нескольких километрах к северу от города. Пагён — один из трех знаменитых водопадов Кореи, воспетый многими поэтами древности и наших дней.

Путь к нему ведет через горные перевалы, зеленые долины, лесные чащи. Но вот автобус остановился. Дальше надо уже идти пешком. Еще один подъем, еще один поворот — и вдруг перед вами как бы повисла в воздухе серебристая струя и кажется, что это «с неба упал Млечный путь».

Высота водопада — только 36 м, но так светел его поток, так прозрачна вода в озере, так уединено вокруг, что невольно как-то по-новому начинаешь понимать стихи известной корейской поэтессы Хван Джини, посвященные водопаду Пагён: «Стоит человеку три раза взглянуть на этот сказочный водопад, и он познает высшую радость». Множество прекрасных легенд сложил корейский народ о Пагён. И как прекрасно слушать их тут, когда звенящие в воздухе всплески воды как бы вплетаются в ткань повествования. Вот одна из услышанных около водопада легенд.

«В глубокой древности жил человек по фамилии Пак. Он много путешествовал по стране, в поисках самого красивого места. Однажды он достиг водопада и понял, что нашел то, к чему так долго стремился. Он поселился на берегу озера. Как-то вечером на берегу, сидя на камне, он играл на флейте *пхир*. Её игру услышала дочь дракона, дворец которого находился на дне озера. Она поднялась из воды и попросила Пака сыграть ей еще. Когда он стал играть, она незаметно утащила его в воду. Потом они поженились и стали счастливо жить во дворце дракона. А имя этого человека якобы сохранилось в названии водопада, который с тех пор стали называть Пагён».

В наши дни Пагён — место отдыха трудящихся.

...Вьющаяся среди рисовых полей дорога ведет из Кэсона в Пханмунчжом (Паньмынъчжон).

Пханмунчжом — это место, где 27 июня 1958 года было подписано соглашение о перемирии. Корейские друзья показали нам здание в кото-

ром было подписано перемирие. Сейчас в нем расположены музей, посвященный истории Отечественной Освободительной войны 1950—1953 гг.

Нам показали также здание, где проходят заседания комиссии по перемирию. Оно построено так, что демаркационная линия проходит посередине стола. В Пханмунджоме постоянно находятся представители четырех нейтральных стран, наблюдающих за выполнением условий перемирия. Представители Польши и Чехословакии живут севернее демаркационной линии в отдельном поселке, а представители Швеции и Швейцарии — на территории Южной Кореи. Они собираются раз в неделю в специально отведенном зале за круглым столом. В Пханмунджоме несут службу военнослужащие Корейской Народной армии и армии США. Южнокорейских солдат там нет.

На память о посещении демаркационной линии нам подарили брошюры и значки, специально посвященные Пханмунджому. На значке справа в верхнем углу по-корейски написано «Пханмунджом», внизу — изображение здания, в котором было подписано соглашение о перемирии; в центре — рука, держащая древко знамени КНДР, на котором начертан лозунг «Объединение Родины».

Связь веков

...По склону горы разбросаны светлые четырехэтажные коттеджи; цветущие аллеи ведут к морю; золотистый песок берега соперничает с ласковыми солнечными лучами; синяя гладь моря уходит за горизонт и там сливается с лазурью неба; зеленеющие острова как бы продолжают зеленые горы. И, кажется, невозможно представить себе что-нибудь более прекрасное, чем этот уголок Вонсанского побережья.

Но вот среди коттеджей вы замечаете крохотный пруд — и останавливаешься, пораженные. Над зеленоватой водой поднялось розовое чудо, в котором форма и цвет достигли своей высшей гармонии. Это чудо — розовая чашечка лотоса. На его лепестках еще дрожат крупные росинки, а широкие листья лежат на поверхности воды, как драгоценные яшмовые чаши...

Лотосовых прудов в Корее много. Вы увидите их в парках и на улицах больших городов. Они прекрасно соседствуют с многоэтажными зданиями и стали непременной деталью урбанистического пейзажа.

Лотосовые пруды в районах массовой застройки, так же как и крохотные водоемы с золотыми рыбками и причудливыми камнями во внутренних двориках больших отелей в Пхеньяне и других городах — представляются мне символом того неповторимого сочетания традиционного и нового, который определяет современную материальную культуру корейского народа. Синтез этот в разных сферах проявляется по-разному и требует еще специального изучения. Но и сегодня без учета этого синтеза невозможно понять и оценить своеобразие материальной культуры корейского народа.

Взять хотя бы оформление интерьера жилых и официальных помещений. Во время посещения кооператива Кочхан в провинции Южный Пхенан мы осмотрели центральную усадьбу. За невысокой глинобитной оградой, окрашенной в белый цвет, расположились административные здания кооператива. Здесь и правление, и парткабинет, и комната молодежи, и больница, и детские ясли, и комната матери и ребенка. Все здания — в которых отсутствует «теплый пол» — ондоль обставлены европейской мебелью; помещения с ондолем — традиционной корейской. Однако, входя даже в комнаты, меблированные по-европейски, корейцы обязательно меняют уличную обувь на домашнюю.

К традиционному быту — восходит также обычай покрывать полы циновками, даже в помещениях, обставленных европейской мебелью. Интересно отметить, что особой любовью пользуются низкие столики,

типа журнальных, которые по своим размерам больше похожи на традиционные столы — *папсан*. Низким столикам отдается предпочтение в интерьере помещений, которые предназначены для официальных встреч и приемов.

Сочетание традиционных и новых черт можно наблюдать и в одежде. На протяжении многих веков излюбленным цветом одежды корейцев был белый. Не случайно в литературе Корею поэтично называли «Страною белых аистов», «Страною белых лебедей». Белый цвет и сегодня является наиболее любимым, хотя сейчас из тканей светлых тонов (чесучка, полотно, шелк) шьют часто одежду европейского покроя.

В наши дни наиболее стойко сохраняется женская национальная одежда. Происшедшие в ней незначительные изменения (появление юбок чхима на лифе типа *оккэчхима* и *панккэчхима*, а также длинных кофт чогори) способствовали сохранению костюма в целом. Он считается более нарядным. Праздничная одежда кореянок отличается богатым сочетанием красок. Для выходных нарядов выбирают ткани различных цветов, подходящих ко времени года. Так, например, весной предпочитают светло-зеленые или темно-синие юбки и светло-розовые кофты, а летом — юбки светло-голубые или светло-зеленые и белые прозрачные кофточки. Осенью женщины носят коричневые юбки со светло-оранжевыми кофтами. Зимой, как и в других странах, подбирают темные тона. Женские кофты обычно отделяют тканью другого цвета (например, к светлым чогори пришивают темно-красные воротничок, манжеты и тесемки, к темным чогори — белые). Сейчас нередко можно наблюдать, что в повседневной одежде длинные широкие тесемки на чогори заменяются пуговицами или маленькими тесемочками. Женщины средних лет любят носить черные юбки (для праздничного костюма — их часто шьют из узорчатого панбархата) и белоснежные кофты. В цветовой гамме женской одежды наблюдаются местные различия. Так, например, кэсонские женщины любят более яркие, сочные тона, а в провинции Южный Пхенан — предпочтение отдают нежным пастельным оттенкам. В наши дни, в качестве праздничного, также широко бытует национальный костюм девочек: короткие ярко-красные юбки и ярко-розовые кофты. Рукава кофт иногда целиком шьют из чередующихся узких разноцветных полос: красная, желтая, голубая, белая, зеленая, розовая, синяя. Иногда разноцветными полосками украшают рукава только у плеча. В этом случае число полос может равняться или трем, или пяти, или семи.

Национальная одежда в наши дни шьется как из корейского шелка, так из синтетических материалов. На синтетические ткани в свою очередь нередко наносится национальный орнамент. Немало таких тканей мы видели на Пхеньянском текстильном комбинате, продукция которого широко известна всей стране. Пхеньянские текстильщики выпускают разнообразные декоративные ткани, узор которых как бы повторяет излюбленные мотивы корейской художественной вышивки. Среди них — пейзажи Кымгансана, белые журавли около водопада, павлины и распустившиеся пионы, пятнистые олени среди сосен.

Сочетание традиционного и нового охватывает все сферы духовной и материальной культуры корейского народа. Вот еще один пример. Во Дворце пионеров в Пхеньяне нас познакомили с работой различных кружков. В одном классе преподавались основы европейской хореографии, а в соседнем — был урок национального танца. В светлом зале — мастерской дети знакомились с приемами национальной живописи, а рядом — под руководством педагога — писали маслом. Оркестр национальных инструментов repetировал популярную арию из новой оперы «Пхи пада», которую в соседнем классе играла ученица фортепьянного кружка.

Изучение закономерностей сочетания традиционного и нового в современном быту корейского народа представляется нам важной и акту-

альной задачей. Однако, несомненно, что эта и другие проблемы этнографии корейского народа могут быть решены только в тесном контакте и с сотрудничестве с учеными КНДР.

...Время пребывания в Корее пролетело как единое мгновение. Правда и сейчас не перестаешь удивляться тому, как один час и один день могли вместить и вобрать в себя так много ярких впечатлений. И, конечно, эти зарисовки не могут претендовать на полное отражение всего увиденного и пережитого.

Наша поездка показала, как много еще предстоит изучать и изучать, как много еще хотелось бы увидеть снова. И может быть, эти родившиеся надежды, мечты, планы и будут залогом новых встреч на корейской земле.

Наша жизнь

ПО ОСТРОВАМ ОКЕАНИИ

(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ВО ВРЕМЯ ШЕСТОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО РЕЙСА «ДМИТРИЯ МЕНДЕЛЕЕВА»)

В июле — октябре 1971 г. состоялся 6-й рейс научно-исследовательского судна АН СССР «Дмитрий Менделеев» (начальник экспедиции — А. А. Аксенов, капитан — М. В. Соболевский). В рейсе участвовали учёные многих специальностей, в том числе группа этнографов. Это был первый выезд этнографов нашей страны на острова Океании со времен Н. Н. Миклухо-Маклая. Легко понять те большие ожидания, которые мы связывали с этим рейсом.

В этнографический отряд экспедиции входили шесть сотрудников Института этнографии АН СССР: москвичи В. Н. Басилов, М. В. Крюков и Д. Д. Тумаркин (начальник отряда), ленинградцы Н. А. Бутинов, Н. М. Гиренко и Б. Н. Путилов. Кроме того, в отряд были включены И. М. Меликsetova (Институт востоковедения АН СССР) и О. М. Павловский (Институт антропологии МГУ). Все члены отряда работали увлеченно, с полной отдачей сил, не считаясь с трудными климатическими условиями, усталостью, а порой и болезнью. Работа этнографического отряда получила высокую оценку руководства экспедиции.

За четыре месяца «Дмитрий Менделеев» прошел около 24 тысяч миль и посетил острова и архипелаги, расположенные во всех основных историко-культурных областях Океании: Новую Гвинею, Новые Гебриды, Новую Кaledонию и Фиджи в Меланезии, Западное Самоа и группу Эллис в Полинезии, Науру и архипелаг Гилберта в Микронезии, а также островок Лорд-Хау, находящийся недалеко от восточного побережья Австралии. Кроме того, «Дмитрий Менделеев» заходил в Сингапур, Сидней и Токио. Каждая высадка заслуживает специального рассмотрения. Поэтому, не претендуя на сколько-нибудь полное освещение работы этнографического отряда, я расскажу здесь, как выполнялись стоящие перед ним задачи, и подведем некоторые предварительные итоги участия этнографов в экспедиции на «Дмитрии Менделееве»¹.

В 1971 г. отмечались две памятные даты: 125 лет со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая и столетие с начала его экспедиционных работ на Новой Гвинее. Поэтому одной из важнейших задач этнографического отряда было посещение новогвинейской деревни Бонгу, где проводил исследования великий русский учёный-гуманист.

Наш отряд прожил в Бонгу четверо суток. Мы знакомились с повседневной жизнью папуасов, посещали их огороды и плантации. А по вечерам в отведенной нам хижине собирались именитые люди деревни и за общей трапезой разгорались интереснейшие беседы, которые затягивались до поздней ночи.

Членам отряда удалось существенно дополнить описание традиционной культуры бонгуанцев, оставленное Н. Н. Миклухо-Маклаем. В частности, выявлены семейно-родовые группы (вемуны) — экзогамные коллективы, владеющие землей и сообща выполняющие некоторые трудовые операции. Составлены генеалогии нескольких вемунов. Записана местная система терминов родства. Прослежена судьба деревень Горенду и Гумбу, жители которых переселились в Бонгу. На магнитофонную ленту записаны многочисленные образцы песенного фольклора бонгуанцев, звучание их музыкальных инструментов. Произведены антропологические измерения, сделаны стандартные фотоснимки местных жителей для последующей метрической обработки и сопоставления с рисунками Н. Н. Миклухо-Маклая. Взяты образцы волос детей и взрослых для биохимического и генетического анализа.

С особым вниманием мы фиксировали изменения в различных сторонах жизни бонгуанцев, произошедшие за столетие. Конечно, обитатели деревни теперь уже не те первобытные люди, какими они были при Н. Н. Миклухо-Маклае. В Бонгу появились начальная школа, церковь, три маленьких лавочки. Местные жители употребляют железные топоры и ножи, носят одежду из покупных тканей (правда, очень скучную), имеют керосиновые лампы (которые зажигают, когда есть деньги на керосин). В деревне несколько транзисторных радиоприемников. Основной источник денежных поступлений — продажа скупщикам-австралийцам копры (сушеної мякоти кокосового ореха). Получ-

¹ В сообщении использованы фотографии, сделанные участниками экспедиции В. Н. Басиловым, Н. А. Бутиновым, К. В. Войтовой, Д. Д. Тумаркиным и А. В. Щербининым.

Рис. 1. Антрополог О. М. Павловский за работой. Деревня Бонгу

Рис. 2. Деревенская площадь в Бонгу

Рис. 3. Жительницы деревни Бонгу

хов и рыбы. Дома стоят теперь на сваях, но в остальном их конструкция мало изменилась. По-прежнему широко распространены циновки, посуда из дерева и скорлупы кокосового ореха, а также глиняные горшки, которые, как и при Миклухо-Маклае, бонгуанцы приобретают в деревне Бил-Бил. На рыбную ловлю местные жители выходят в традиционных лодках-долбленах с балансарами, но употребляют железные рыболовные крючки, а наконечники бамбуковых острог делают из гвоздей.

Христианство усвоено бонгуанцами весьма поверхностно и переплетается здесь с древними верованиями; в деревне немало последователей папуаса Ялли — основателя «карго-культта» с ярко выраженной антиколониальной направленностью. Раньше деревенские дела совместно решали старейшины вемунов («большие люди»). Теперь в Бонгу есть деревенский совет, но заседают в нем главы все тех же семейно-родовых групп.

Этнографический отряд собрал на берегу Маклая обширный научный материал, который позволяет подготовить книгу «Деревня Бонгу сегодня». Чтобы стало понятно, как удалось за короткий срок добиться столь значительных результатов, необходимо обрисовать обстановку, в которой отряд работал в этой деревне.

Наше пребывание в Бонгу было богато неожиданностями — и для нас, и для папуасов. Сюрпризы для них начались уже тогда, когда наша шлюпка впервые подошла к берегу и они услышали: «О тамо, кай! Га абатера симум!» (О люди, здравствуйте! Мы с вами братья!). То, что Н. А. Бутинов и некоторые другие члены отряда могли хоть в какой-то мере объясняться на местном языке, произвело на бонгуанцев огромное впечатление. Дело в том, что на нем говорят только жители Бонгу (около 400 человек), тогда как даже в соседних селениях — иные языки. Австралийские колониальные чиновники, изредка посещающие Бонгу, не знают здешнего языка и объясняются с местными жителями на «пиджин-инглиш». А тут появились какие-то иноземцы, говорящие по-бонгуански!

Удивление и радость бонгуанцев еще более возросли, когда они узнали, что мы прибыли из «страны Маклая»: обитатели этой деревни сохраняют добрую память о «тамо рус», он превратился в легендарную фигуру в местных преданиях, а в язык бонгу вошли русские слова топор (*тапор*), кукуруза (*гугруз*), арбуз (*абрус*), бык (*бика*). Бонгуанцы были очень рады гостям из «страны Маклая». Они охотно отвечали на все наши вопросы и всячески стремились нам помочь. Мы работали в атмосфере дружбы и взаимного доверия. Вот почему удалось добиться значительных результатов.

В свою очередь, и нас ждал сюрприз. Оказалось, что папуасы Берега Маклая по инициативе живущего здесь миссионера тоже готовились отметить 125-летие со дня рождения великого русского ученого. На 17 июля в Бонгу был назначен праздник, на который ожидались гости из других деревень. Мы должны были покинуть эти гостеприимные места не позже 13 июля, а потому попросили показать нам хотя бы фрагменты подготовливавшегося торжества. Бонгуанцы согласились и устроили праздник в честь экспедиции. Мы увидели пантомиму, изображающую первое появление Н. Н. Миклухо-Маклая в Бонгу (роль учесного, по просьбе местных жителей, исполнил капитан нашего корабля). Затем группа папуасов в традиционных нарядах продемонстрировала старинные танцы, исполняемые в особо торжественных случаях. Вместе с этнографами на празднике присутствовали многие другие участники экспедиции.

ченные деньги идут на уплату подушного налога, церковного сбора, на плату за обучение детей в школе, на покупку таких товаров, как рис, ткани, керосин и т. п.

Однако жители Бонгу сохранили многие основные черты своей самобытной культуры. Колониально-капиталистические порядки и элементы «западной» культуры здесь как бы наложены на традиционный жизненный уклад; они частично модифицировали его, но отнюдь не уничтожили.

Основой хозяйства остается подсечно-огневое земледелие и в меньшей мере — рыболовство, имеющие потребительский характер. Как и сто лет назад, женщины по утрам уходят на огороды, а вечером возвращаются домой, неся за спиной большие плетеные сумки с овощами, прикрепленные лямками ко лбу. Главным земледельческим орудием остается деревянный кол. Пища, как и раньше, состоит в основном из корнеплодов и клубнеплодов (таро, ямс, бататы и др.), бананов, кокосовых оре-

Рис. 4. Праздник в честь экспедиции. Деревня Бонгу

Рис. 5. Традиционный танец. Бонгу

Рис. 6. Микронезийцы Т. Мозес и Р. Харрис — государственные служащие республики Науру

Другая задача этнографического отряда заключалась в молодых независимых государствах Океании, с современной культурой и бытом их населения, с социально-экономической и культурно-просветительной политикой местных властей. Наша экспедиция посетила три из четырех молодых государств этого региона — Науру, Фиджи и Западное Самоа. Здесь удалось собрать интересный материал, существенно дополняющий наши представления об особенностях распада колониальной системы в океанийском остроевом мире и специфике развития освободившихся стран.

Ознакомление с современной обстановкой на Науру, Фиджи и Западном Самоа было составной, хотя и относительно автономной частью более широкой научной задачи — изучения процесса культурных изменений, быстро идущего на всех островах Океании. Мы использовали все возможности для сбора материала по этой проблематике. Так, члены отряда присутствовали на нескольких свадьбах на новогебрийском острове Эфате, наблюдали за заседанием совета вождей в самоанской деревне Летонго, в течение трех дней изучали жизнь одной из большесемейных общин на атолле Фунафути (острова Эллис). В портах Нуумеа, Сува, Апиа и Порт-Вила особое внимание уделялось проблемам урбанизации. Во время высадок мы посещали школы, знакомились с религиозной ситуацией, встречались с представителями администрации и местной интелигенцией, стремились получить все доступные статистические материалы.

По степени разрушения самобытной культуры коренного населения и усвоения им «западной цивилизации» посещенные нами районы Океании можно расположить по своего рода «лестнице». У ее подножия будет находиться Берег Маклая, примерно посередине — Западное Самоа, а на самом верху — Науру, где от старого жизненного уклада сохранились лишь отдельные пережитки. Там, где уцелел старый экономический базис (как это имеет место в Бонгу), более или менее сохраняется традиционная культура в целом, хотя отдельные ее стороны и подверглись модификации. Уничтожение же старого базиса неизбежно ведет в условиях Океании к разложению всего самобытного уклада и ускоряет аккультурацию. Именно это и произошло на острове Науру, где старая экономическая структура полностью разрушена и фактически единственной отраслью хозяйства стала высокомеханизированная добыча фосфоритов.

При изучении процесса культурных изменений большое внимание уделялось выявлению степени сохранности общины порядков, элементов коллективизма в собственности и труде. Как известно, эта проблема актуальна для многих стран «третьего мира» и имеет не только научное, но и политическое значение: общинные, коллективистские традиции (если они не превратились всего лишь в оболочку, маскирующую от-

Мы расстались с бонгуанцами добрыми друзьями. Наша работа здесь проходила в духе гуманистических традиций Н. Н. Миклухо-Маклая, и мне кажется, что жители деревни еще долго будут с теплотой вспоминать пароход с гостями из «страны Маклая».

С юбилеем Н. Н. Миклухо-Маклая была связана и работа этнографического отряда в Сиднее. В этом австралийском городе русский учёный провел около четырех лет и женился на Маргарите Робертсон; в настоящее время здесь живут его внуки Пол, Робертсон и Кеннет. Мы посетили в Сиднее памятные места, связанные с Миклухо-Маклаем, ознакомились с материалами о жизни и деятельности учёного, хранящимися в Сиднейском университете, Митчеллской библиотеке и доме Р. Маклая. Микрофильмы некоторых из этих материалов имеются в СССР². Но члены отряда обнаружили и такие музейные экспонаты, рукописи и фотографии, которые не были известны в нашей стране (например, папуасские черепа, привезенные Н. Н. Миклухо-Маклаем с Новой Гвинеи). Упомянутые учреждения и Р. Маклай обещали прислать в Институт этнографии АН СССР микрофильмы или фотокомиши заинтересовавших нас материалов. Это позволит сделать более полным новое издание сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, которое предполагается выпустить в ближайшие годы.

Ознакомление с современной обстановкой на Науру, Фиджи и Западном Самоа

² См.: А. МАКАРОВ, Документы о Н. Н. Миклухо-Маклае в Австралии, «Советская этнография», 1963, № 6, стр. 114—117.

ношения эксплуатации) могут при наличии благоприятных условий облегчить переход на путь некапиталистического развития.

Общинные порядки, еще сильные на Берегу Маклая и вообще на Новой Гвинея, в значительной мере сохранились на Западном Самоа, островах Эллис, в сельских районах Фиджи, населенных коренными жителями, в меньшей мере — на островах Гилберта и Новых Гебридах. В сороковых—пятидесятых годах колониальная администрация поощряла создание на Новой Гвинее кооперативов, основанных на использовании местных коллективистских традиций. Но затем австралийские власти поняли опасность этих экспериментов и теперь делают ставку на насаждение в новогвинейских деревнях своего рода «кулацкой» прослойки. Эта политика начинает проявляться и на Берегу Маклая. Здесь в некоторых селениях появились субсидируемые властями единичные частные хозяйства (как правило, деревенских старост или членов совета местного управления), выращивающие на продажу крупный рогатый скот. А члены географического отряда нашей экспедиции, совершившие экскурсию в один из глубинных районов Новой Гвинеи, обнаружили там несколько фермеров-папуасов, владеющих животноводческими фермами.

Оживленная дискуссия о судьбе распадающихся большесемейных общин ведется в настоящее время на Западном Самоа. Спор идет о том, насаждать ли вместо них частные хозяйства фермерского типа или создавать производственные кооперативы. Было приятно узнать, что в этом молодом государстве интересуются опытом кооперативного движения в разных странах, в том числе в советских среднеазиатских республиках.

Мне уже доводилось писать о так называемой революции в области просвещения, докатившейся и до островов Океании³. Но только на месте оказалось возможным полностью оценить значение и масштабы происшедших перемен. За последние двадцать лет в океанийском островном мире существенно расширилась сеть начальных, а meantime и средних школ, появились педагогические училища и другие средние специальные учебные заведения, были открыты два университета (в 1966 г. — на Новой Гвинея, в 1968 г. — на Фиджи). Колонизаторы пошли на это по двум основным причинам: во-первых, они стремились создать на островах местную элиту, тесно связанную с чужеземцами, свою опору там в будущем, чтобы обеспечить сохранение своих интересов и влияния даже в случае предоставления островным территориям независимости; во-вторых, в условиях нарастающей научно-технической революции требовалось повысить уровень просвещения островитян, ибо без этого невозможно было подготовить из местных жителей нужные колонизаторам кадры квалифицированных рабочих, техников, работников транспорта, связи и сферы обслуживания, а отчасти и инженеров, получающих за равный труд гораздо более низкую заработную плату, чем «белые». Однако просвещение — обоюдоостре оружие и его «плоды» в Океании зачастую совсем не те, на которые рассчитывали колониальные власти. И в недавно освободившихся островных государствах, и во владениях империалистических держав мы встречали немало молодых людей, следящих за ходом мировых событий, отвергающих колониализм и всерьез задумывающихся о судьбах своей родины, о путях преодоления ее экономической и культурной отсталости. Эта молодежь — надежда будущей свободной Океании, залог ее движения по пути прогресса.

XVI сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО приняла в 1970 г. решение максимально форсировать в 1971—1975 гг. изучение самобытных культур Океании, так как им «грозит исчезновение в будущем десятилетии»⁴. А совещание экспертов ЮНЕСКО, созванное в январе 1971 г. в связи с этой резолюцией для определения наиболее неотложных научных проблем, назвало в качестве первоочередной задачи организацию «этномузыкаологических исследований и музыкальных записей в Океании»⁵. На этом фоне особенно очевидна значимость фольклорно-музыкальных изысканий, проведенных членом этнографического отряда Б. Н. Путиловым. Ему удалось записать на магнитофонную пленку более 300 образцов песенно-музыкального фольклора обитателей Меланезии, Полинезии и Микронезии. Наряду с архаическими традициями, заметно варьирующими от архипелага к архипелагу, зафиксировано складывание современного фольклорно-музыкального стиля, общего для всей Океании.

Кроме магнитофонных записей, члены отряда широко применяли киносъемки и фотографирование. В. Н. Басилов снял профессиональной кинокамерой «Конвас» около 5 тысяч метров цветной кинопленки.

Одной из важнейших задач этнографического отряда было приобретение коллекций для ленинградского Музея антропологии и этнографии АН СССР. Этот старейший музей нашей страны получил серьезное пополнение — 121 предмет, дающие наглядное представление о многих элементах культуры и быта коренного населения Океании. Среди экспонатов, переданных членами в музей, — ритуальные фигуры предков с Новой

³ Д. Д. Тумаркин, Просвещение в Папуа — Новой Гвинея, «Сов. этнография», 1969, № 6, стр. 66—83; его же, Проблемы образования и подготовки кадров на островах Океании, в сб.: «Новые тенденции в развитии Австралии и Океании», М., 1971, стр. 152—181.

⁴ «UNESCO program on Oceanic cultures», «Pacific Science Association Information Bulletin», vol. 23, N 1—2, 1971, p. 8.

⁵ Там же, стр. 9.

Рис. 7. Девушка-самоанка. Деревня Леусоалии (Западное Самоа)

Гвинеи и Новых Гебрид, коллекция современной океанийской тапы, музыкальные инструменты, посуда из глины, дерева, тыквы и скорлупы кокосового ореха, одежда из луба, листьев кокосовой пальмы и пандануса, модели домов, лодок и рыболовных ловушек, украшения из раковин и карабанских клыков, образцы художественного плетения и т. д. 74 предмета куплены, остальные получены в дар от жителей посещенных островов. Уместно отметить, что наиболее многочисленная коллекция (43 предмета) была привезена из деревни Бонгу.

Важное значение имеет установление научных связей с исследовательскими организациями и отдельными учеными Австралио-Океанийского региона.

В Сиднее члены отряда посетили местный университет, Митчеллскую библиотеку, посвященный аборигенам отдел Австралийского музея естественной истории и Австралийскую школу тихоокеанской администрации. Кроме того, во время стоянки «Дмитрия Менделеева» в Сиднее И. М. Менделеев

ликсетовой и автору этих строк удалось совершить поездку в столицу Австралии Канберру. Здесь мы ознакомились с работой Австралийского Национального университета и Австралийской академии наук, присутствовали на торжественном открытии XII Тихоокеанского научного конгресса и первом заседании его секции антропологии и социальных наук. Состоялись интересные беседы с приехавшими на конгресс этнографами-океанистами.

Полезные контакты были установлены при посещении Южнотихоокеанской комиссии и французского научно-исследовательского центра, расположенных в Нуумеа (Новая Кaledония), и Южнотихоокеанского университета в Суве (Фиджи). Преподаватели гуманитарного факультета этого университета тепло приняли советских этнографов и существенно облегчили нашу работу на Фиджи.

Значительный интерес представило ознакомление с двумя музеями, имеющимися в Меланезии,— Новокаледонским в Нуае и Фиджийским в Суве.

Новокаледонский музей был основан в 1939 г. Он размещался в маленьком помещении при библиотеке. В 1970 г. для музея было построено специальное здание современной архитектуры, что позволило развернуть очень интересную экспозицию.

В этнографическом плане музей представляет огромную ценность. Экспонаты, отображающие культуру и быт коренного населения Новой Кaledонии, чрезвычайно характерны, отобраны с большим вкусом и снабжены достаточными разъяснениями. В музее богатый набор орудий труда, охоты, рыбной ловли, предметов домашнего обихода, ритуальных предметов, всевозможных украшений, музыкальных инструментов, макетов хижин. Центральное место в экспозиции занимают деревянные скульптуры, которыми новокaledонцы обычно украшали «большие дома». Скульптуры эти удачно сгруппированы как в функциональном, так и в собственно художественном отношениях. Очень интересны выставленные в музее материалы археологических раскопок, в частности керамика типа «лапита», датируемая на Новой Кaledонии X—V вв. до н. э.

Фиджийский музей был основан в 1911 году. Он размещается в большом деревянном строении барабанного типа, к которому в 1971 г. было пристроено ультрасовременное двухэтажное здание из стекла и бетона. Музей имеет преимущественно краеведческий характер. Наряду с показом фиджийской традиционной культуры его экспозиция знакомит посетителей с историей и природой архипелага. В музее имеются также

Рис. 8. Микронезийка с сыном. Атолл Марокеи (о-ва Гилберта)

денные экспонаты, характеризующие самобытную культуру обитателей некоторых других островов Меланезии. В соответствии с политикой правительства молодого государства, направленной на преодоление отчужденности между фиджийцами и индийцами, составляющими ныне около половины населения архипелага, в экспозицию включены образцы индийской культовой скульптуры.

Мы подарили посещенным нами научным учреждениям и отдельным исследователям комплекты трудов VII МКАЭН и много другой советской научной литературы и, в свою очередь, получили для библиотек Института этнографии и Института востоковедения АН СССР свыше 150 книг, журналов и других изданий, отсутствовавших в нашей стране. С некоторыми исследовательскими центрами достигнута предварительная договоренность об обмене научными публикациями. Можно надеяться, что установленные контакты будут способствовать налаживанию плодо-

творного сотрудничества между советскими учеными-океанистами и исследователями, работающими в Австралио-Океанийском регионе.

Таковы, в самом первом приближении, основные научные итоги работ этнографического отряда в 6-ом экспедиционном рейсе НИС «Дмитрий Менделеев». Они позволяют выпустить ряд оригинальных научных и научно-популярных работ, а также обновить экспозицию по Океании нашего ленинградского музея. Но этим не исчерпывается значение участия этнографов в тихоокеанской островной экспедиции: очень важно, что мы впервые увидели исследуемые районы своими глазами.

Ленинградский писатель Д. Гранин несколько лет тому назад сравнил советских этнографов-океанистов с астрономами, которые всю жизнь изучают далекие миры, не имея возможности их посетить⁶. Конечно, наша поездка в Океанию несопоставима с появлением человека на других планетах, но для нас это было чем-то подобным: романтическим путешествием в далекий островной мир, который нам прежде приходилось изучать сквозь книжный «телескоп». Пребывание на островах Океании существенно расширило наш научный кругозор и заставило по-новому взглянуть на некоторые проблемы. Участники поездки теперь будут требовательнее относиться к своим собственным трудам и смогут глубже анализировать работы зарубежных исследователей.

У нас было много интересных встреч. Остановимся на двух из них.

В трех километрах от города Порт-Вила, административного центра Новых Гебрил, на берегу живописной бухты стоит дом французского художника Н. Н. Мишутушкина и его друга художника-полинезийца Пилиоко.

Николай Николаевич Мишутушкин родился в 1929 г. во Франции в семье выходцев из России. Рисовать начал в возрасте 16 лет. Много лет путешествовал по странам Азии, устраивая там свои выставки. В 1957 г. Н. Н. Мишутушкин прибыл в Океанию и с тех пор почти безвыездно живет в этих краях. Художник посетил многие острова Меланезии и Полинезии в поисках сюжетов для своих картин и для изучения местного самобытного искусства. Он собрал большую коллекцию образцов народного искусства меланезийцев и полинезийцев, которая в последние годы демонстрировалась в нескольких европейских государствах. Н. Н. Мишутушкин пытается создать на базе своей

⁶ Д. Гранин, Месяц вверх ногами, Л., 1966, стр. 17.

Рис. 9. Тапу Ливи — один из вождей атолла Фунафути

Незабываемое впечатление оставило знакомство с композитором-самородком Тапу Ливи — одним из вождей атолла Фунафути. Его песни, записанные на пластинки, широко известны в Полинезии; их передают по западносамоанскому радио. Но Тапу Ливи не получил ни копейки от дельцов, выпустивших эти пластинки; у него нет даже граммофона, чтобы их прослушать. Впрочем безденежье его не огорчает. «Деньги,— сказал он нам,— это дорога в ад». Тапу Ливи устроил для советских гостей показ местных традиционных танцев. Он очень удивился, узнав, что в такой великой стране, как Россия, нет кокосовых пальм, и от имени своей большесемейной общины преподнес экспедиции 400 молодых кокосовых орехов. На прощанье Тапу Ливи сказал, что сложит песню о визите «Дмитрия Менделеева».

* * *

Первый опыт включения этнографов-океанистов в экспедицию на научно-исследовательском судне АН СССР полностью себя оправдал. Мы надеемся, что этот удачный эксперимент положит начало добре традиции. Вместе с тем экспедиция подтвердила необходимость и неотложность организации стационарных исследований советских этнографов на островах Океании.

Д. Д. Тумаркин

⁷ В Порт-Виле есть маленький краеведческий музей, занимающий одно из помещений местного Культурного центра.

КОНФЕРЕНЦИЯ ФОЛЬКЛОРISTOV V LENINGRade

С 24 по 26 мая 1971 г. секцией фольклора Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии была организована научная конференция «Историческое развитие народного театра». Народное драматическое творчество впервые в истории советской науки было предметом специального обсуждения фольклористов, этнографов, театролов и литературоведов.

коллекции музей океанийского искусства в городе Порт-Вила, но исполнению этого замысла мешает недостаток средств⁷.

В 1959 г. Н. Н. Мишутушкин познакомился в Нумеа с юношей-полинезийцем Алоисом Пилиоко, художником-самоучкой, и помог ему овладеть техникой живописи. С тех пор Пилиоко сопровождает Мишутушкина во всех его странствиях. В настоящее время Пилиоко увлекается графикой и художественной вышивкой. Его произведения, выполненные в оригинальной манере, охотно покупают художественные галереи, гостиницы и частные коллекционеры в Австралии и Океании.

Мы осмотрели мастерскую этих двух художников и часть коллекции образцов океанийского искусства, хранящуюся при мастерской, получили консультацию по интересующим нас вопросам, записали на магнитофон подробный рассказ Н. Н. Мишутушкина о его жизни, творчестве и планах на будущее. Художник свободно говорит по-русски и хорошо знает русскую литературу, в том числе современную. Он мечтает организовать выставку своих произведений и собранных коллекций в Москве и Ленинграде. Н. Н. Мишутушкин подарил через нас Институту этнографии АН СССР две свои картины и полотнище тонганской тапы.

Во вступительном слове В. Е. Гусев (Ленинград) отметил, что народная драма до сих пор изучалась филологами (описание текстов пьес как произведений словесного творчества) и этнографами (описание конкретных форм бытования и обрядовых истоков народнодраматических представлений). Между тем особенности материала требуют выработки специально фольклористического подхода к изучению традиционных форм драматического искусства, которые возникали и развивались по законам коллективного анонимного творчества. Фольклористика должна сделать шаг навстречу театро-ведению. Докладчик обратил внимание на роль традиций народного драматического творчества в истории мировой драматургии и театрального искусства, а также на значение традиционных народных форм для современного театра и массового зрелищного искусства.

В. Е. Гусев наметил также первоочередные задачи, стоящие перед исследователями фольклорного театра: определение границ драматического рода в фольклоре, у становление четкой понятийной границы между обрядом и обрядовым действием, обрядовой игрой и драматическими играми, и собственно драмой. Более углубленному изучению, по мнению докладчика, подлежит эстетическая природа народного драматического творчества; необходима его типологическая классификация на основании сравнительно-исторического изучения фольклора разных народов.

Ряд докладов был посвящен происхождению и развитию драматического жанра из обрядовых действий. Крупнейший советский фольклорист П. Г. Богатырев (Москва) в докладе «Ряженье и маски» дал широкий обзор последних работ в этой области. Он подчеркнул характерную роль маски как стимула актерского перевоплощения; кроме того, показал, что разнообразие выразительных средств позволяет использовать одну и ту же маску для воссоздания самых разнородных фольклорных образов. Обычаи ряженья в своем развитии приобретают все более игровой характер, однако в ряде случаев все еще ощущима их магическая функция. Так, в зависимости от того, узнан ли носитель маски, приход ряженого может стать веселым развлечением или зловещим предзнаменованием. Докладчик указал ритуальные истоки особого коллективного настроения, с которым связаны ряженые и маскировка. Опираясь на теорию М. М. Бахтина, докладчик особо подчеркнул связь этих действий с праздниками карнавального типа.

Е. Н. Студенецкая (Ленинград) прочитала доклад «Маски народов Северного Кавказа» и продемонстрировала собравшимся уникальную коллекцию масок, собранных ею в экспедициях по Кавказу. Она отметила, что для кавказских народов характерно ношение маски не только во время карнавала. На первый план выступает их «бытовая» функция: например, в маске лечат больного, работают в поле, причем в последнем случае маску надевает специально избранный молодой человек, воплощающий на время работы главу древнего родового коллектива. С масками связаны пережитки тотемических представлений.

С интересом было выслушано сообщение Л. М. Ивлевой (Ленинград) «К семантике одной из святочных игр», посвященное исследованию фольклорных предпосылок драмы. Предметом анализа послужила обрядовая драматическая сценка, рассказывающая о том, как Кузнец перековывает старых на молодых. Докладчица раскрыла семантику эпизода омоложения и попыталась обнаружить обрядовый смысл игры, исходя из комплекса мифических представлений народа, связанных с Кузнецким ремеслом. Обратив внимание на соотношение игры с кругом аналогичных явлений святочного ряжения и вскрытой созидательной и врачевательной природу Кузнеца, Л. М. Ивлева показала, что характер игры имеет аграрный смысл.

Другие доклады были посвящены проблеме трансформации синкретического обрядового действия в драму.

Л. В. Кулаковский (Москва) в докладе «Брянский хороводный спектакль „Кострома“», охарактеризовал многовековую историю драматического обряда на Брянщине и проследил сквозной процесс развития фольклорной драмы. Он также предложил периодизацию этапов ее развития, используя археологические открытия Б. А. Рыбакова. Докладчик считает, что обряд возник не позже I тыс. н. э., когда театрализованная история Костромы представляла собой мистерию божества производительных сил природы. С приходом христианства культовое значение драмы отшло на задний план, и «Кострома» приобрела характер народной драматической игры. По предположению докладчика, изгнанные из Москвы в XVII в. скоморохи превратили обряд в комедийное действие, а современный период в истории «Костромы» он определяет как «демонстрационно-музейный».

Доклад О. Р. Араповской (Ленинград) «О фольклорном генезисе трагического катарсиса» был посвящен поискам обрядовых корней древнегреческой трагедии. Смысл аристотелевского термина «катарсис» — «очищение» — проясняется в свете фольклористического подхода: происхождение трагедии связано с очистительными обрядами. При ритуальном очищении скверна переносится на специально избранный объект и изгоняется или уничтожается вместе с ним. Иногда ритуал принимает форму «очистительного суда»: обвинение переносится с одного лица на другое и, наконец, носителем коллективной вины объявляется какой-либо предмет, животное, а иногда и человек. В трагедии на новом, литературном уровне прослеживаются элементы очистительного обряда: суд и поиски виновника, перенесение вины с персонажа на персонаж и изгнание ее конечного носителя; присущая жанру идея вины и возмездия.

О качественном своеобразии драмы по сравнению с любым другим фольклорным действом говорил Ю. И. Юдин (Курск). В докладе «Театральные формы повествовательного фольклора» автор подчеркнул, что обрядовые представления сами по себе не приводят к созданию драмы, так как они связаны с повествовательной и лирической поэзией. С другой стороны, эпос и лирика содержат также и драматический элемент; «театральные» сюжеты характерны для многих видов фольклора. Своим появлением театр, по мнению докладчика, обязан не столько количественному накоплению разнообразных драматических элементов в предшествующей истории искусств, сколько эстетическому скачку, конкретная природа которого и время появления остаются неясными.

Проблематичность понятия «фольклорная драма» была темой полемического доклада Д. М. Балашова (Петрозаводск) «Что такое народный театр? К вопросу о драматическом роде в фольклоре». Театральность, считает докладчик, присуща обрядовым и культовым действиям, однако они не есть драма. Драма как род фольклора, по его мнению, не существует: вневременному и безличному ритуальному действу противостоит персональность драматического действия. Там, где в фольклоре воспроизводятся общие отношения и универсальные типы, в драме — личные отношения индивидуальностей. Театр развился из низших культов, посторонних официальным ритуалам. Драма предполагает высокую степень самостоятельности авторского творчества и представляет род профессионального искусства. Народные драмы типа «Царя Максимилиана», как полагает докладчик, не вершина народного театра, а результат «снижения» профессионального театрального уровня: «Царь Максимилиан» — пародия, прототип будущих «капустников».

Совсем иную оценку получила драма «Царь Максимилиан» в докладе И. П. Уваровой (Москва). Автор дает типологическую характеристику сюжета пьесы: деспотический царь казнит сына за отказ поклоняться «кумирским богам». Затем рассказывается о приходе шутов-могильщиков, доктора и воскресении сына. Далее следует ряд эпизодов, среди которых выделяется поединок Аники-воина со Смертью. Бытование подобных пьес засвидетельствовано в Англии, Германии, Чехословакии, Югославии. Их однотипное содержание поражает своей «абсурдностью», произвольным сочетанием трагического и комического. Ни один конфликт не приводит к развязке: все они как бы вытесняются за пределы действия пьесы. Докладчик анализирует внутреннюю закономерность развития действия и соответствующей зрительской реакции: вначале разобщенный зригель становится солидарным в едином трагическом аффекте (убийство героя); затем происходит разрядка напряжения: в трагическую конструкцию, разрушая ее, вторгается комедия (шутовские сцены); наконец происходит воскресение героя и ликование. Автор вскрывает в содержании пьесы древнейшую исконную структуру мистерально-карнавальных действий.

О представлении «Царя Максимилиана» в среде белорусских рабочих-стеклодувов интересное сообщение сделал К. П. Кабашников (Минск), показавший своеобразие содержания и формы «рабочих» вариантов пьесы. Доклад сопровождался показом кинофильма.

В докладе Н. И. Савушкиной (Москва) «Народная драма на Онеге и Поморье. К вопросу о бытования народной драмы в крестьянской среде» был использован новый материал, собранный экспедициями филологического факультета Московского университета, проведенными по следам Н. Е. Очукова. Докладчица говорила о стойкости и немногочисленности сюжетов народных драм, их характере и специфике, истории и принципах их фиксации. В настоящий момент изучение народной драмы возможно с учетом ряда записанных вариантов. Н. И. Савушкина делает вывод, что «Царь Максимилиан» — народная драма, бытующая в своей исконной, типологически и исторически обусловленной форме.

В докладе Л. Б. Архимович (Киев) «Музыкальная драматургия украинской музыкальной драмы» освещался вопрос о музыкальной части фольклорного спектакля, Докладчица проанализировала формы музыкального сопровождения драмы, раскрыла семантику музыкальных средств выразительности.

Ж. К. Хачатрян (Ереван) в сообщении «Армянский народный театр теней» исследует традиции бродячего кукольного театра теней, некогда имевшего обрядовый характер и связанного с почитанием души. Постоянный герой театральных постановок Карагэз, в Армении сохраняет признаки воскресающего демона плодородия.

А. А. Белкин (Москва) в докладе «О некоторых вопросах истории скоморошества на Руси» стремился показать, что в традициях скоморохов сохранились следы дохристианской народной культуры, преследовавшейся церковью, но находившей отклик в народных массах феодальной Руси.

В докладе «Русская вертепная драма» В. Е. Гусев (Ленинград) рассмотрел вопрос о двух путях проникновения сюжетов кукольного театра в Россию. Переработанная на русской почве, вертепная драма распространилась на русском северо-западе, а оттуда проникла на Волгу. Докладчик говорил также об обратном воздействии русского кукольного театра на украинский «вертеп» и белорусскую «батлейку» и пришел к выводу, что кукольный театр этого типа в всех восточнославянских народов развивался в одном направлении. В России завершается длительный процесс преобразования средневекового религиозного действия в подлинно народное драматическое представление, в котором собственно религиозное содержание отступило на задний план,

вытесненное тираноборческой идеей и мотивами бытового, частью сатирического характера.

В докладе А. Ф. Некрыловой (Ленинград) «Генезис одной из сцен „Петрушки“» исследуются пути конкретного оформления образов народного балаганного театра под влиянием современной ему действительности. Например, в сцене Петрушки с Доктором фигура Доктора, восходящая, по всей вероятности, к фольклорному образу глубокой древности и имеющая типологические параллели, в балаганном театре представляет собирательный тип аптекаря-иностраница, характерный для городской жизни XIX в.

Диалектику традиционного и нового, взаимопроникновение ритуальных и современных элементов рассмотрел Г. И. Спатору (Кишинев) в докладе «Внутриканальные процессы в молдавской народной драме». Драматический фольклор исключительно широко представлен в Молдавии, причем преобладают исторические, так называемые, гайдуцкие драмы, персонажи и фабула которых почерпнуты из реальных трагических событий народной жизни. Такова «Драма о сожжении Новака», «Банда Новака» и т. д. С течением времени наблюдается процесс поэтизации и отход от исторической действительности; вырабатываются типологические черты фольклорной драмы, в целом развивающейся из синcretической обрядовой игры — и в таком нивелированном виде драма подвергается дальнейшей трансформации под влиянием исторической среды и вырабатываются новые художественные формы и образы. Народная драма переживает процесс «воссоздания через распад». Отжившая форма переосмысливается и порождает новую жизнь драматического сюжета.

Доклад Х. Ю. Суна (Рига) «Национальный и интернациональный моменты в представлениях ряженых латышских крестьян в календарных обрядах зимнего периода» наглядно показывает, насколько трудно, а подчас и невозможно разграничить то и другое.

Специфика национальных культурных традиций и их корреляция с миром общечеловеческих культурных ценностей требует особого внимания в связи с процессом формирования театров у народов, ранее их не имевших. Этой теме был посвящен доклад Т. Ф. Петровой-Бытовой (Ленинград), работавшей на Севере с народными творческими коллективами. У народов этого региона, отмечала докладчица, пользуется популярностью «театр одного актера», частично восходящий к шаманским традициям, широко распространена пантомима на легендарные сюжеты: «вырубание» человека из березы, танец «Великаны». У хантов и манси в употреблении маски: с ними связаны зачатки комического искусства. Характерные коллективные «танцы-песни», часто связанные с синcretическими обрядами «медвежьих праздников», послужили основой возникновения собственного театра. В ряде случаев реквизитом нового искусства становятся атрибуты древних культов: так, шаманский бубен, оказывается, может аккомпанировать спектаклю. Докладчик приводит примеры того, как умелые режиссеры на основе фольклора создают произведения удивительной силы и выразительности.

На конференции развернулась плодотворная дискуссия, в ходе которой наметились проблемы, стоящие перед исследователями фольклорной драмы, а также пути их решения.

О. Р. Арановская, Л. М. Ивлева

ВЫСТАВКА «СОКРОВИЩА КИПРА» В ЭРМИТАЖЕ

В ноябре 1970 г. в Расrellиевской галерее Зимнего дворца состоялось торжественное открытие выставки «Сокровища Кипра», организованной правительством Республики Кипр. Это первая художественная выставка, устроенная Кипром за рубежом за всю историю его существования. Она экспонировалась также в Москве, Праге, Париже, Белграде, Женеве и других городах Европы. Выставка, насчитывавшая 252 экспоната, широко осветила богатую культуру Кипра, памятники которой были созданы за многотысячелетний период развития.

Выставка состояла из трех разделов. Особенno богат и интересен первый — «Древнее искусство Кипра», в котором были представлены разнообразные, прекрасно подобранные археологические памятники от VI тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры. По сравнению с Грецией и Италией, Кипр относительно недавно привлек к себе внимание археологов. Только в 20—30-е годы началось систематическое изучение древнейшей культуры Кипра, предпринятое шведскими археологами при участии кипрских ученых. Одним из последних, Порфириосом Дикэосом, было открыто древнейшее поселение на Кипре — Хирокития, относящееся к эпохе раннего неолита (VI тысячелетие до н. э.). На выставке были представлены происходящие из этого поселения каменные сосуды и изящное ожерелье из раковин и сердолика. Эти находки, так же как и большинство экспонатов первого раздела выставки, хранятся в богатейшем музее Кипра — Археологическом музее в Никозии. В более поздний период (средний неолит — IV тысячелетие до н. э.) появляются первые глиняные сосуды. Они расписаны красной краской, по которой гребнем гравирован орнамент. К этому же времени относятся своеобразные произведения мелкой пластики — небольшие стеатитовые и известняковые

идолы, отличающиеся обобщенностью форм и лаконичной выразительностью в трактовке деталей, что сближает их с известными кикладскими идолами. В энеолите (III тысячелетие до н. э.) получают распространение фигурки в форме креста с более четко выделенными резьбой деталями.

В энеолите и особенно в эпоху ранней бронзы (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) устанавливаются тесные связи Кипра с Востоком и Египтом. Этому способствовало географическое положение острова. Кроме того, связи Кипра с Средиземноморьем усиливаются благодаря интенсивной разработке залежей меди, которая издревле составляла богатство острова и дала ему имя. В этот период на Кипр переселяются выходцы из Анатолии. Укрепившиеся торговые и культурные связи с Востоком оказывают сильное влияние на искусство Кипра.

На выставке были широко представлены сосуды разнообразных форм, близких к сирио-палестинским и анатолийским. Они покрыты красным ангобом, обработаны лопешением и украшены гравировкой и рельефами. В период средней бронзы (1800—1550 гг. до н. э.) вазы украшаются геометрическим орнаментом, нанесенным черной или красной краской по светлому фону. Широкое распространение в кипрской керамике эпохи бронзы получили фигурные сосуды в виде быков, птиц и т. д. или украшенные пластическими изображениями голов животных. Эта традиция сохранилась в кипрском искусстве даже в античный период и как бы возродилась в современных «куккумарах» — сосудах в виде женской фигуры.

В середине II тысячелетия до н. э. в истории Кипра происходит решающий перелом. На Кипр проникают поселенцы из ахейской Греции и основывают колонии на восточном и южном побережьях острова. Раскопки одной из них, Энкоми, проведенные за последние 20 лет французскими и кипрскими археологами, дали яркую картину широких художественных контактов острова с микенской Грецией, Критом, Сирией, Финикией и Египтом. На выставке экспонировался происходящий из Энкоми кипро-микенский кратер с изображением мифологической сцены, подобной тем, о которых повествуют поэмы Гомера. На этом кратере и другом сосуде имеются знаки слогового письма, появившегося в тот период на Кипре и до сих пор не расшифрованного. Очень выразителен кратер с изображениями осьминогов, напоминающими аналогичные мотивы в искусстве минойского Крита. Возможно, что часть найденных на Кипре ваз микенского стиля была изготовлена ахейскими гончарами в Энкоми, Китионе или других ахейских колониях на Кипре. Помимо керамики микенского и местных кипрских стилей на выставке экспонировались примитивные терракотовые статуэтки эпохи бронзы, отличающиеся наивной непосредственностью. Эти изображения, вероятно, связаны с культурами богов плодородия.

Эпоха поздней бронзы имела огромное значение для этнической истории Кипра. В результате ахейской колонизации острова, протекавшей постепенно в XIV—XII вв. до н. э., греческий элемент в населении острова заметно усиливается. В середине I тысячелетия до н. э. завершается эллинизация Кипра, хотя в некоторых городах (Амафус) вплоть до IV в. до н. э. сохранялось древнейшее население со своим языком и письменностью. Несмотря на этническую пестроту Кипра в эпоху персидского владычества и позднее, в византийский период, отныне греческий элемент становится преобладающим в населении острова.

Выставка значительно расширила наши представления об искусстве Кипра гомеровского и архаического периодов. Памятники этого времени представлены в музеях нашей страны, хотя и в довольно скромном объеме. На выставке особенно интересны были вазы, украшенные двухцветной росписью, в которой геометрические мотивы сочетались со стилизованным растительным орнаментом и изображениями животных и птиц, исполненными под влиянием ассирийского и финикийского искусства, испытавшего воздействие микенского искусства. Огромное впечатление производили монументальные амфоры, подобные по форме греческим, но отличающиеся ослепительно яркой полихромией и декоративностью росписи. Несмотря на то, что Кипр в начале I тысячелетия до н. э. колонизуют финикийцы, а позднее он подпадает под власть то Ассирии, то Египта или Персии, искусство его не теряет своей самобытности. В то же время возникшие в микенский период художественные связи Кипра с Грецией продолжают все более укрепляться. Культура Кипра этого времени представляет собой гармонический сплав местных и греческих традиций.

На выставке была широко представлена кипрская скульптура и мелкая пластика архаического периода (VII—VI вв. до н. э.). Экспонированные скульптуры выполнены в традициях греческого искусства, но отличаются большей оригинальностью. Обобщенно трактованные мужские фигуры статичны и выполнены сдержанного величия. Скульптуры отличаются прекрасной техникой обработки камня и выразительной передачей лиц, которые часто оживлены загадочной улыбкой. Примечательно внимание скульпторов к передаче деталей — складок одежды, диадем, венков, ожерелий, амулетов, серег. Декоративный эффект архаических скульптур усиливает яркая раскраска, сохранившаяся на одежде и головных уборах. Из экспонированных памятников следует особенно отметить портрет юноши, вероятно, кипрского аристократа, с франтоватыми усиками на тонком холеном лице. Великолепна голова богини с мягко промоделированным лицом, в диадеме, причудливо украшенной фигурками сфинксов, лотосами и розетками. Под цвета выразительно подчеркивает тепловатую мягкую фактуру известняка, из которого изваяна скульптура. Интересна терракотовая голова женщины,

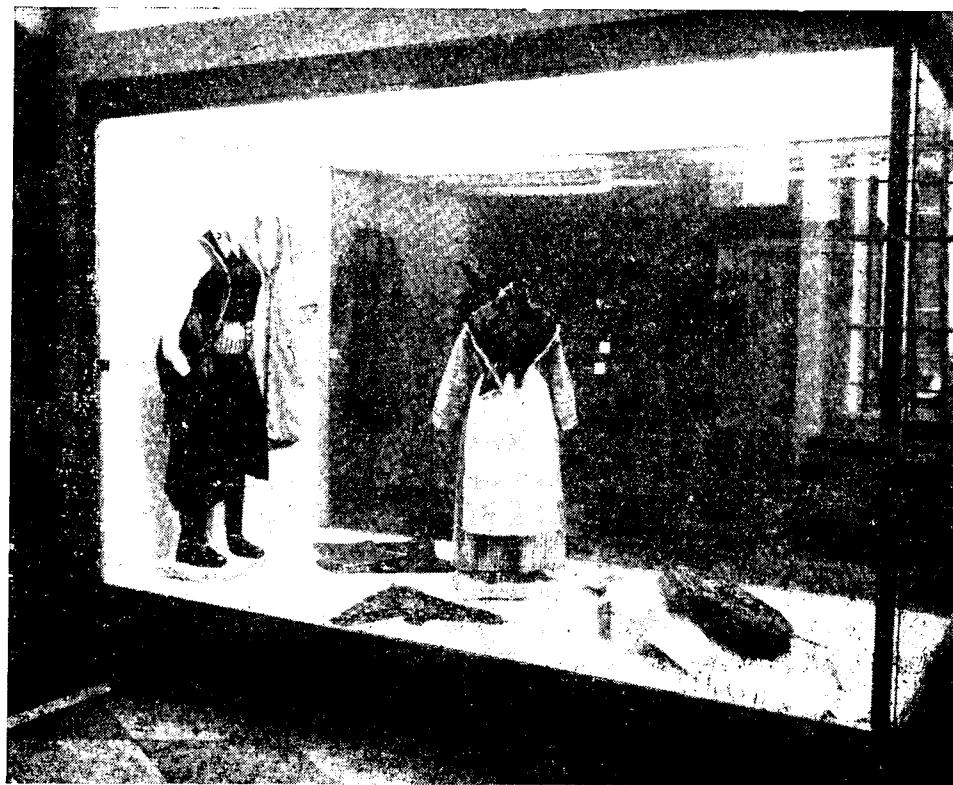

Рис. 1. Экспозиция раздела «Народное искусство Кипра»

изображенной в диадеме с множеством подвесок; уши закрыты длинными локонами, украшены спускающимися вниз серьгами. На шее четыре ряда ожерелий. Лицо трактовано обобщенно: большие глаза с резко выделенными веками, прямой тонкий нос, небольшой рот с легкой улыбкой на тонких губах, тяжелый подбородок. В отличие от более ранних терракотов головы оттиснута в форме, однако в исполнении вылепленных от руки деталей (волосы, серьги) сохраняются старые примитивные приемы, характерные для терракотов микенского и «геометрического» периодов. В керамике и мелкой терракотовой пластике еще живучи традиции «геометрического» искусства. Экспонированные на выставке фигурки лошади и колесничего покоряли примитивной экспрессией и яркой декоративностью.

Искусство Кипра классического периода (V—IV вв. до н. э.) тяготеет к греческому и находится под сильным его влиянием. Скульптура конца V—IV вв. до н. э. утрачивает свою оригинальность и превращается в провинциальный вариант греческого искусства. В то же время в керамике классического времени наблюдается стремление возвратить старую традицию изготовления фигурных сосудов, представляющих гармоническое сочетание керамических и скульптурных форм. Экспонировались также серебряные монеты, выпущенные кипрскими городами в V—I вв. до н. э. и ювелирные изделия разных эпох — начиная от микенской до эллинистической. Особенный интерес представляют микенские серьги и диадема с пальметками: изделий этого периода в музеях нашей страны совершенно нет.

Второй раздел выставки был посвящен памятникам средневекового искусства Кипра (VI—VII вв.). С конца IV до конца XII в. Кипр входил в состав Византийской империи и поэтому его искусство было тесно связано с художественной жизнью Константинополя. К ранневизантийскому периоду (VI в.) относятся экспонированные на выставке ювелирные изделия: ожерелья и серьги, украшенные жемчугом и аметистами, а также копии серебряных блюд с библейскими сценами из жизни царя Давида. Эти блюда, хранящиеся в музее Никозии, происходят из знаменитого клада Ламбузы, принадлежавшего, вероятно, богатому византийскому вельможе.

Христианство сыграло большую роль в формировании стиля важнейших произведений византийского искусства Кипра: мозаик, фресок и икон, украшавших стены кипрских церквей и монастырей. На выставке были богато представлены произведения иконописи, созданные в XI—XVII вв. Только в недавнее время на Кипре стали собирать и реставрировать иконы, хранившиеся в церквях и монастырях и недоступные

для изучения. Правительство Кипра предполагает создать специальный музей византийского искусства, где будут экспонированы произведения кипрской иконописи.

Древнейшим из представленных на выставке является фрагмент иконы с изображениями трех апостолов (Х–XI вв.), связанный по стилю с позднеантичными художественными традициями, например со стилем знаменитых фаянсовых портретов. К XI в. относятся выдающиеся произведения кипрской иконописи, созданные под влиянием фресковой живописи того же времени. Это иконы «Иоанн Предтеча», «Христос Пантократор», «Богоматерь». Интересно, что некоторые иконы написаны на серебряном фоне, что является отличительной чертой кипрской иконописи.

Во время крестовых походов Кипр подпал под власть английского короля Ричарда Львиного Сердце, затем французских крестоносцев и Иерусалимского королевства. Кипрская иконопись XIII в. испытывает влияние готики, искусства итальянского Возрождения, а также искусства монастырей Малой Азии. Для икон Кипра характерны тисненые фоны, имитирующие оклады из золота и драгоценных камней (иконы «Святой Николай», «Аpostол Павел»). На кипрских иконах этого времени встречаются отличающиеся живой выразительностью портретные изображения донаторов, характерные для западной живописи (иконы «Святой Элевтерий», «Христос Пантократор»). В некоторых произведениях кипрской иконописи XIV в., созданных под влиянием византийского искусства, чувствуется стремление отразить духовный мир человека, передать его переживания, настроение (иконы «Архангел Михаил», «Иоанн Предтеча»). Из произведений самобытного кипрского стиля особенно интересна икона «Богоматерь Камариотисса», созданная в конце XV в.

В 1489 г. Кипр завоевывают венецианцы. Итальянское влияние, проявляющееся и в более ранних произведениях, ощущается во многих иконах XV–XVI вв. Особенно характерна икона «Вход в Иерусалим», близкая по стилю произведениям итальянской живописи XVI в. Не без влияния итальянской живописи написаны иконы десисного чина из монастыря святого Неофита, завершившие экспозицию кипрской иконописи. После завоевания Кипра турками в 1571 г. на острове не было создано сколько-нибудь значительных живописных произведений.

Выставка икон была дополнена образцами средневековой поливной керамики XIV в. с изображениями человеческих фигур, цветов, рыб и птиц.

Последний раздел выставки был посвящен народному искусству Кипра, произведения которого относятся в большинстве своем к XIX – началу XX в. Процесс промышленного капиталистического развития на Кипре привел к упадку традиционных народных художественных промыслов: гончарства, ткачества, резьбы по дереву, ювелирного искусства. Народные художественные изделия уже редко можно встретить в современном быту киприотов. Кипрские народные изделия начали сохранять и коллекционировать с 30-х годов. Однако только в 1950 г. в Никозии был создан Музей народного искусства, для которого президент Кипра архиепископ Макариос предоставил часть помещений старой архиепископской резиденции. Музей находится в ведении «Общества по изучению Кипра», основная задача которого — собирание и научная публикация всех материалов, связанных с историей Кипра, его языком (диалект греческого языка), искусством и фольклором. На выставке в Эрмитаже были экспонированы материалы из коллекций Музея народного искусства, а также из кипрских частных собраний.

В селах и деревнях Кипра в меньшей степени, чем раньше, но все же до сих пор сохраняются традиционные художественные промыслы, первое место среди которых занимают ткачество, плетение кружев и вышивка. В кипрских деревнях изготавливаются шелковые, шерстяные, но чаще всего хлопчатобумажные ткани. Из них делают покрывала, салфетки, полотенца, украшая кружевными прошивками и вышивками. Ручное ткачество развито даже в столице Кипра Никозии. До сих пор по пятницам там устраивается традиционный «женский рынок», где сами ткачи и вышивальщицы продают свои изделия.

На выставке были широко представлены работы кипрских мастеров, а также образцы кипрской национальной одежды. Особенно интересна «сайя карпаситики» — праздничная женская одежда, распространенная в районе Карпасии. Это длинное, сильно открытое спереди платье с большими разрезами по бокам и на рукавах, украшенное по краю изящной вышивкой бисером. Оно надевается поверх шелковой сорочки и длинных вышитых шаровар. На талию повязывается вышитый платок. На выставке была экспонирована также мужская праздничная народная одежда: кожаные сапоги, черные шаровары, вышитый шелком жилет с датой «1903» и шелковый цветной полосатый пояс. Здесь же демонстрировались изделия, напоминающие о традиционных занятиях сельского населения Кипра: деревянная расписная прялка «(дулапли)», деревянная ступка, пастушеская сумка, железные пастушки колокольчики, свирель, глиняные сосуды для молока, воды и вина.

Гончарное ремесло, древнейшее из развитых на Кипре, процветает там и по сей день так же, как и на Крите, в материковой Греции и в Италии. Наряду с чисто utilityными изделиями (бочками, напоминающими древние пифосы, кувшинами для молока и вина) кипрские гончары изготавливают декоративные вазы сложных форм — «куккумары». Эти вазы, в изготовлении которых специализируются мастера района Фамагусты, часто покрыты зеленоватой глазурью. В этом можно увидеть связь с художественными традициями средневековой поливной керамики. Интересны также декоративные вазы с многочисленными горлышками и человеческой фигуркой наверху

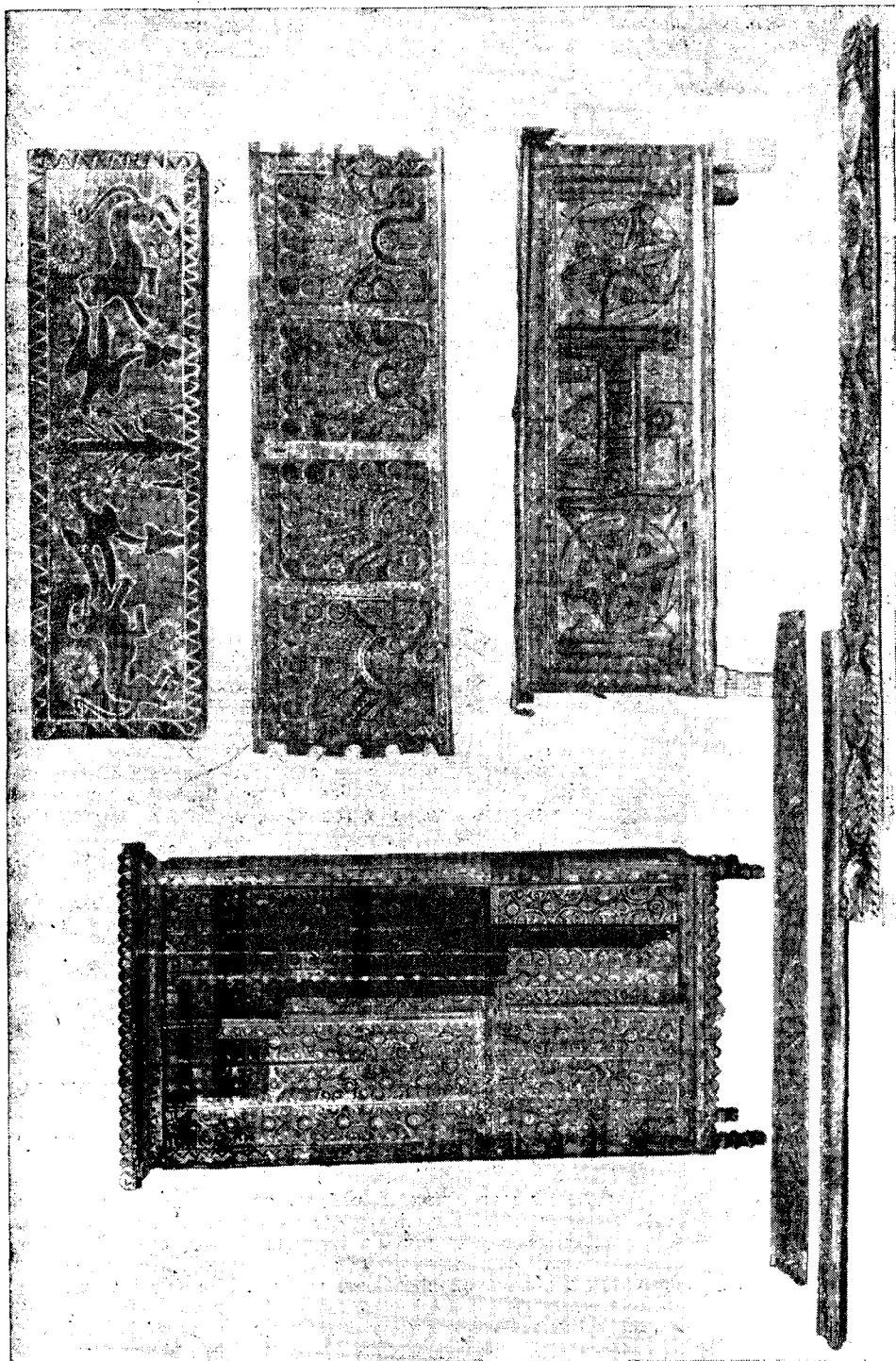

Рис. 2. Кипрские резные деревянные изделия XIX — начала XX века

(«кузины»), курильницы и кружечки, украшенные лепными цветами и птичками. Большой вкус и изобретательность проявляют народные мастера в изготовлении декоративных плетеных корзин («панери»), украшенных цветными лоскутками, а также сосудов для вина из тыквы с резными узорами. Характерным произведением народного искусства является «тамбуця» — лукошко с кожаным дном, украшенным снаружи живописным изображением женщины среди цветов и веток с розетками. На платье женщины стоит дата «1899». «Тамбуця», как свидетельствует само название, употребляется как музыкальный инструмент. Теперь же чаще всего в нем разносят фрукты, ягоды, орехи и сладости, оделяя гостей на свадьбах и других торжествах.

Из произведений художественного ремесла Кипра последних веков наиболее ранними на выставке были ювелирные изделия, производство которых процветало в XVII—XIX вв. Эти изделия (браслеты, ожерелья, серьги, украшенные чеканкой и филигранью) изготавливались в городах, прежде всего в Никозии, и в некоторых деревнях. На выставке экспонировались также металлические крестики, украшенные чеканкой, филигранью и смальтой, и предметы священнического облачения (серебряные пряжки — «пуклес») и культа (серебряные лампада и курильница).

Образцы резьбы по дереву, сохранившиеся на Кипре, немногочисленны. На выставке демонстрировалась народная кипрская мебель: шкаф с резьбой и росписью, сундук с изображением дворца на фоне деревьев, а также лицевые стенки сундуков и раскрашенные створки шкафа. Стенки сундуков богато украшены резными изображениями охоты, дворцов (или церквей), цветов, кипарисов, зверей. Резьба украшает также предметы повседневного обихода киприотов — ступки, солонки. Аналогичные орнаментальные мотивы, чаще всего розетки или цветы, повторяются в резных раскрашенных тяблах иконостасов, в резных дверях и наличниках окон кипрских церквей. Вероятно, по заказам церкви работали те же плотники и столяры, которые изготавливали домашнюю мебель в кипрских деревнях.

Последний раздел выставки был невелик, однако он показал, как бережно этнографы и деятели культуры Кипра относятся к художественным традициям своего народа. Ведется большая работа по собиранию и научной публикации изделий народных кипрских мастеров. Недавно был издан закон, запрещающий вывозить из страны все, что изготовлено до 1850 г. Это будет во многом способствовать сохранению произведений народного искусства и археологических памятников.

Основная идея выставки «Сокровища Кипра» — идея культурной преемственности от древнейших эпох до современности, а также идея самобытности кипрского искусства. Не случайно поэтому в первом разделе выставки не были экспонированы великолепные импортные изделия, относящиеся к микенской эпохе, некоторые произведения скульптуры, отражающие сильные восточные влияния, а также найденные на Кипре римские скульптурные портреты. Выставка показала нам во всем разнообразии богатейшее художественное прошлое острова Кипр, с которым глубокими корнями связано более позднее искусство народных ремесленников: ювелиров, гончаров, ткачих, вышивальщиц, резчиков по дереву.

В Москве и Ленинграде выставка «Сокровища Кипра» вызвала большой интерес не только у специалистов (искусствоведов, историков и этнографов), но и у более широких кругов населения. Можно надеяться, что эта первая выставка, организованная Кипром в нашей стране, будет способствовать укреплению культурных связей между советским и кипрским народами.

С. П. Борисковская

МУЗЕЙ И ШКОЛА

(ИЗ ОПЫТА МАЭ)*

Советские музеи ведут большую идеологическую работу, являясь важным звеном в деле коммунистического воспитания масс. Немаловажное значение имеют музеи и в процессе школьного образования. Еще в решении Президиума ВЦИК от 20 августа 1933 г. указывалось на необходимость «...всемерного использования музеев для повышения наглядности преподавания в начальной и средней школе». Эта задача остается актуальной и в настоящее время.

Музей с его богатым наглядным материалом способствует высокоеффективному и многоформному обучению, помогая учащимся глубже и шире усвоить учебные дисциплины. Практическое выполнение этих сложных задач лежит на работниках школьных секторов, комиссий, созданных в музеях. Объем и формы работы с учащимися определяются научной тематикой музея, с одной стороны, и школьными программами — с другой.

* Публикуя эту заметку, редакция начинает обсуждение на страницах журнала актуальных проблем работы этнографических музеев.—Ред.

В данной заметке мы расскажем об опыте работы Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде со школой: это, прежде всего, различные экскурсии, помогающие учащимся усвоить материалы по биологии, истории, географии.

Большой популярностью среди учащихся десятых классов пользуется тема «Происхождение человека». Логически построенная, основанная на большом фактическом материале, экспозиция позволяет усвоить основные положения теории Дарвина и взгляды Энгельса по вопросу о происхождении человека. Специальный раздел выставки посвящен теме развития и классификации человеческих рас.

Археологические материалы знакомят учащихся пятых — седьмых классов с основными этапами развития первобытнообщинного строя. Здесь они находят ответы почти на все вопросы, которые возникают при прохождении соответствующих частей программы.

Этнографические коллекции из отделов Индии, Китая, Японии являются прекрасной иллюстрацией к курсу истории пятых — шестых классов. Здесь пополняются знания ребят по древней и средневековой культуре этих стран.

Большое значение имеет знакомство с этнографическими коллекциями музея при изучении географии в шестом, седьмом и девятых классах. Учащиеся получают много дополнительных сведений о культуре и быте населения различных стран, что помогает им лучше разобраться в вопросах современной экономики и политики.

В прошлые годы с учащимися проводились экскурсии, во время которых ребята узнали о коренном населении Австралии и Океании, Северной Америки, о быте и культуре народов Африки, Индии, Индонезии, Китая и т. д.

В последнее время в связи с развитием школьного туризма все острее встает вопрос об обзорных школьных экскурсиях, устраиваемых для учащихся старших классов (общий обзор) и для учеников 5—7 классов (обзор двух-трех отделов).

Для получения более глубоких знаний школьники занимаются в кружках, которые работают при МАЭ с 20-х годов. Ныне функционирующий кружок «Юный этнограф» был организован в 1960 г.

Задача кружка — познакомить ребят с основами этнографии, с материальной и духовной культурой народов, находящихся на разной стадии развития. Программа кружка рассчитана на два года и составлена в соответствии с курсом географии шестых — седьмых классов. Формы работы кружка самые разнообразные. На первом занятии-лекции учащиеся узнают, что составляет предмет антропологии и этнографии. Специальное занятие посвящается истории музея.

В первый год занятий учащиеся знакомятся с жизнью коренного населения Австралии и Океании, Северной и Южной Америки, народов Африки, получают сведения о путешественниках и ученых — собирателях коллекций МАЭ. Специальное занятие посвящается Н. Н. Миклухо-Маклаю и его путешествиям. Как правило, по этой теме ребята готовят самостоятельные доклады и проводят небольшие экскурсии по соответствующему разделу экспозиции.

Особой формой занятий являются встречи с представителями разных стран. На таких занятиях практикуются небольшие сообщения ребят.

На второй год ребята знакомятся с бытом и культурой народов Индии, Индонезии, Китая, Японии, Демократической Республики Вьетнам.

Каждый раздел включает несколько тем. Некоторые из них ребята разрабатывают самостоятельно в виде докладов, которые зачитываются и обсуждаются в присутствии научных сотрудников Института этнографии АН СССР. Надо отметить также, что участники кружка выступают, как правило, с сообщениями на уроках географии в своих школах при прохождении соответствующих тем.

Новой формой работы со школьниками стал лекторий «По странам мира». Программа лектория рассчитана на школьников шестых — седьмых классов и связана с курсом географии. Лекции читают научные сотрудники института, побывавшие в той или иной стране. Их рассказ сопровождается демонстрацией интересных экспонатов, диапозитивов, фотографий. Как правило, лекции вызывают активный интерес и в конце концов переходят в живую беседу. Особенно нравятся школьникам лекции А. С. Мухлинова о Вьетнаме, Б. Я. Волчок об Индии и др. По просьбе учителей и методистов школ в музее проводятся факультативные занятия по географии. Это также новая форма работы, учитывающая более узкие специальные интересы ребят, что имеет определенное значение для профориентации школьников.

Насколько разнообразной может быть работа с учащимися, показала Международная конференция Комитета по воспитательной работе музеев при ЮНЕСКО, проходившая летом 1968 г. в Ленинграде и Москве. Для нас особенно интересен опыт работы с учащимися в Этнографическом музее г. Лейдена (Нидерланды). Знакомясь в музее с отдельными аспектами культуры того или иного народа, школьники приобретают здесь не только теоретические знания, но и практические навыки. Так, например, изучая музыкальную культуру яванцев, они не только знакомились с музыкальными инструментами, но и обучались игре на них. Самодеятельный оркестр теперь сопровождает выступление «яванского» кукольного театра, для которого подростки сами пишут сценарий и делают куклы. Конечно, такое использование экспонатов спорно, но подобный опыт, несомненно, представляет интерес.

Изучая быт и искусство японцев, участники кружка познакомились с техникой рисования японской кисточкой. Затем в Лейденском музее была организована выставка-

ка детского рисунка. Интересны инсценировки отдельных обрядов и обычаяев, например, индийской свадьбы. При этом весь реквизит и костюмы делают сами школьники под руководством и при консультации сотрудников музея.

Работе музеев со школой уделяется большое внимание и в братских социалистических странах. В ГДР при Министерстве народного образования создана межведомственная группа «Школа и музей», издается специальный журнал по педагогике и музейному делу. В 1965 г. в закон «О единой социалистической системе образования» был включен пункт о совместной работе музеев со всеми организациями народного образования.

Вопрос о школьной работе музеев неоднократно рассматривался на специальных международных конференциях ЮНЕСКО.

Учитывая всю важность проблемы, хочется коснуться еще одного ее аспекта. К сожалению, только незначительная часть учащихся имеет возможность организованно посещать музеи и знакомиться с их богатствами. Поэтому крайне необходимо распространение широкой информации о материалах МАЭ и других этнографических музеев среди учителей. Самое эффективное — это, конечно, занятия в самом музее, где учителя могли бы познакомиться с материалами экспозиций по специальной методике, с учетом требований школ. Необходимо, чтобы музейные работники чаще выступали на учительских конференциях, съездах, семинарах. Школа ждет от музеев наглядных пособий: тематических подборок, открыток, диафильмов, материалов для выставок и др. Желательно практиковать телевизионные передачи для школьников из залов музея. Чувствуется также острая необходимость в выпуске специального музейного журнала.

И. Ф. Шаврина

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

РОД И СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА В ЮГОСЛАВСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Семейная община (большая семья, домовая община) быстро исчезает в последние годы даже в югославских землях, некогда считавшихся ее заповедником; нетрудно понять поэтому стремление югославских ученых описать эти реликты архаического быта. Наш обзор посвящен работам, относящимся к Динарскому нагорью, где семейная община и родственные коллективы типа «братьев» и «племен» встречаются чаще всего. Это — Босния, Герцеговина, Черногория, Далмация, Косово.

Характер изучения большесемейных связей за последние годы изменился. Материал, который в свое время лег в основу обобщающих работ¹, теперь уже недостаточен, тем более, что долгое время он накапливался очень медленно, (за период между первой и второй мировыми войнами была опубликована лишь одна статья, посвященная семейной общине²). Сейчас возникла потребность в конкретных полевых исследованиях. Ныне югославские этнографы либо описывают малоизвестные варианты семейной общины, либо обследуют края, где эта работа еще не проводилась. Любопытен в этом отношении вышедший в Загребе в 1960 г. сборник «Крестьянские семейные задруги»³. Он содержит результаты исследований, проводившихся в разных районах страны — в Далмации (в верхнем течении р. Цетина), Хорватии (Лика и верховья р. Кулы), Славонии, в низовьях р. Савы. Эти районы изучались в разное время — две экспедиции были проведены в 1959 г., две еще до войны (в 1935 и 1940 гг.). Но схема изучения, выработанная, по-видимому, организатором экспедиций и редактором сборника проф. Милованом Гаваши — едина. Каждая статья содержит характеристику места жительства и генеалогические данные о семье, свидетельства об имевших место разделах, описание имущества (особенно подробно описано жилище), и т. д. Меньше внимания уделено имущественным отношениям. В конце каждой статьи помещен материал о причинах разделов, а еще дальше, петитом — едва ли не самая интересная часть работы — примечания, беседы со стариками, бытовые подробности. Размер статей невелик, а весь сборник занимает 35 страниц, но его содержание, несомненно, заслуживает внимания.

Интересны данные о прошлом каждой задруги, о разделах, которые удается проследить с конца XVIII в., и которые совершаются по «коленам». В составе задруг отчетливо выявляются эти колена («корте») во главе со стариками-братьями. Нередко они достаточно многочисленны — одна из ветвей задруги Велики Луцианичи насчитывала 57 чел. В равнинной Славонии задруги встречаются значительно реже, чем в динарском горном районе. Живут, как правило, в одном доме, малых домов для брачных пар, похожих на македонские «троньеви», не строят. Существует некоторое разделение труда — в каждой семье, наряду с «господаром» (хозяином), имеется еще и «хозяин скота» или «хозяин хлеба». В некоторых очерках отмечено существование «осоин» — участка, на котором женщины обычно сеяли лен для приданого. В состав задруг иногда включались и чужие, например поденщики. Жаль только, что характер имущественных отношений внутри семей и способы разделов сравнительно мало освещены на страницах сборника, не вызвав, по-видимому, особого интереса у авторов.

¹ См. В. Поповић, Задруга (теорије и литература), «Гласник Земаљског музеја у Босни и Херцеговине» (далее — ГЗМ), св. 33, 34, Сарајево, 1921—1922. Об историографии задруги см.: О. Mandić, Klasni karakter buržoaskih teorija o postanku zadruge, «Историско-правни зборник», Сарајево, 1950; об исторических корнях ее: С. Килисић, О постанку slovenske zadruge, «Bilten Instituta za proučavanje folklora», sv. 2, Sarajevo, 1955.

² С. Švob, F. Petrić, Zadruga Domladovac, «Zbornik za narodni život i običaji» (далее — ZNŽO), 27/1, Zagreb, 1929, str. 92—110.

³ «Seljačke obiteljske zadruge», «Publikacije Etnološkoga zavoda Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu», Zagreb, 1960.

В последнее время изучение большесемейных отношений ведется уже по-иному. Работы Н. Павковича и С. Янича о задруге из Ливанского поля и Имляи (Западная Босния) построены на материале не одной, а нескольких семейных общин и дают больше оснований для обобщений⁴. Удается установить, что боснийская семейная община при турках, т. е. до 1878 г., была широко распространена. Ее укреплению способствовала как фискальная политика османского правительства, так и заинтересованность помещиков в сохранении крепких хозяйств. Позднее, при австрийцах, и даже в канун Второй мировой войны, задруги существовали повсеместно, в итоге разделов возникали новые и зачастую довольно крупные семьи, до 60—65 чел. И до сих пор в каждом селе на обследованной территории имеется по 4—5 задруг, число членов которых колеблется от 15 до 35 чел.

Тип задруг различен. Встречаются состоящие из неродственников («несроднические»)⁵, но чаще всего «братьские» или «сыновьи» («отцовские»). Первые более демократичны — в них отсутствует единоличный контроль со стороны главы семьи, свободное совершаются разделы. Однако после первой мировой войны растет число именно «сыновьих» задруг. Существование индивидуальной собственности в составе задржного коллектива и ее сочетание с общей — предмет особого внимания авторов. Н. Павковичу удается установить, что личная собственность, именуемая здесь «сособац» встречается, как правило, не у женщин, а у мужчин. В нее входит скот, одежда, а в последние времена и земля⁶.

Интересен отмеченный Н. Павковичем порядок раздела большесемейного имущества. Хотя в народе принято считать, что в задруге жить легче и лучше, но тем не менее при разделах возникают уже малые семьи, а задруги сохраняются очень редко. Раздел, как и в глубокую старину, совершается двумя путями — по коленам («ступам»), т. е. по потомству старших братьев, и «по головам». Первым способом делится земля, постройки, скот, инвентарь и мебель, вторым — продовольствие и шерсть (точно так же, как это делалось в Далмации XVI в.)⁷. Сходство с далматинскими порядками не случайно: здесь много переселенцев из Далмации⁸.

К аналогичным выводам приходит и С. Янич, обследовавший задруги в Восточной Герцеговине, близкой к Далмации области, где население занято преимущественно скотоводством и экстенсивным земледелием. Здесь — то же деление на братские и отцовские семьи, та же ограниченность прав домочина, тот же минорат при разделе, когда жилище остается младшему сыну, что и в македонской и сербской задругах. Все это свидетельствует от том, насколько синхронно развиваются семейные общины в наши дни. Разделение труда в них проявляется в существовании не только «хозяина скота», но и «пахаря», «конюха», «настуха». Любопытно, что здесь в отличие от общин в Хорватии или Боснии, «сособац» отвергают, видя в ней причину будущих разделов. Часто доходы от личной собственности передают в пользу всей семьи и лишь при разделе возвращают себе. Причины раздела, по С. Яничу, — плохое ведение хозяйства, ссоры женщин, бедность членов задруги, столкновения из-за шерсти — основного сельскохозяйственного продукта в этих краях (раньше ее пряли вместе, а теперь раздают для приядния по «головам»)⁹.

Кроме Боснии и Герцеговины большие семьи сохраняются также в Косове, автономной области республики Сербия. Это район особого этнического состава, здесь более половины жителей — албанцы¹⁰, здесь и по сей день встречаются остаточные формы рода-племенных коллективов.

Сохранилась ли в этом районе семейная община? Существует мнение, что «племена» и задруги — это два взаимно исключающих типа родственных коллективов, что сохранение одного из них предполагает исчезновение другого¹¹. Новейшие полевые исследования показывают, что это не совсем так. М. Баряктарович уже писал о сохранении большесемейных отношений в этом районе вплоть до 40-х годов XX в., о значительных размерах отдельных задруг (до 80, а то и 90 чел.) и о разобщенности задругарей, живших иногда в разных местах¹². Но есть и более детальные исследования.

⁴ N. F. Pavković, Etnološko-folklorička ispitivanja u Livanjskom Polju. Selo i zadružna, ГЗМ, Etnologija, sv. 15—16, 1961, str. 187—202; его же, Etnološko-folkloričke istraživanja u Uniljanima. Društvene i običajno-pravne ustanove, ГЗМ, Etnologija, sv. 17, 1962, str. 117—139; S. Janjić, Porodična zadružna u Istočnoj Hercegovini, ГЗМ, Etnologija, sv. 22, 1967, str. 109—15/44.

⁵ См. М. Филиповић, Несродничка и предвојена задруга, Београд, 1945.

⁶ N. Pavković, Društvene i običajno-pravne ustanove, str. 130, 131.

⁷ M. M. Freidenberg, «Новиградский сборник» как источник для социально-экономической истории Хорватии, «Славянский архив», М., 1962, стр. 39, 40.

⁸ N. Pavković, Selo i zadružna, str. 199.

⁹ S. Janjić, Указ. раб., стр. 109, 125—127, 129.

¹⁰ Порядки здесь аналогичны тем, которые отмечены для Албании, см.: Ю. В. Иванова, Обычное право Северной Албании как этнографический источник, «Сов. этнография», 1961, № 3.

¹¹ M. Krasnicić, Šiptarska porodična zadružna u Kosovsko-metohijskoj oblasti, «Гласник музеја Косова и Метохије», IV—V, Приштина, 1960, стр. 158.

¹² M. Barjaktarović, Традиционные социальные коллективы и этническое самосознание в Косово и Метохии (Южная Сербия), «Сов. этнография», 1969, № 3.

В обширной работе, посвященной теме задружных отношений в Косове, М. Краснич установливает, что местная задруга в принципе идентична и сербской и хорватской и большой семье из других районов Югославии¹³. Интересны его выводы о характере жилища — традиционные башни — «кулы» здесь не только высоки, но и очень широки: они приспособлены для жилья большого числа людей (80—85 чел.). Краснич выделяет несколько типов задруг — временно разделенные в связи с отгоном скота в горы, постоянные и задруги со смешанным составом («земледельческо-рабочие», в состав которых входят и земледельцы и лица, ушедшие на заработки). Неродственная (несродничка) семья, в состав которой входят и неродственники, здесь встречается очень редко. Длительное сохранение задруг в косовской области автор объясняет различными причинами, это, во-первых, очень высокая рождаемость; во-вторых, этнопсихологический фактор — патриархальные традиции, когда отделение детей от родителей считалось позором; в-третьих, приниженное положение женщин. Примечательна роль женщины в семье: мужчина, как правило, работает на коллектив, а женщина обслуживает мужа и детей и лишь несколько дней в месяц уделяет общим работам.

Динарское нагорье — район еще сохранившихся задруг. В недавно опубликованной статье В. Константинович-Чулинович исследует задругу Хорватского Загорья, где большие семьи уже давно исчезают. Еще по подсчетам О. Утешеновича в 1859 г. в 500 домах преобладали семьи от 1 до 10 чел. и лишь в 125 — семьи от 11 до 15 чел. В семьях широко практика индивидуальная собственность, «осебунек». По организации большесемейного быта, планировке дворов и ряду других признаков немногие сохранившиеся в Хорватском Загорье задруги однотипны с задругами из других районов Югославии (даже с Полицей на далматском побережье, как отмечает автор) и с большесемейными коллективами на Кавказе¹⁴.

Судьба южнославянской задруги предопределена. Известный сербский этнограф М. Филипович, в 60-годах обследовавший горные районы страны, установил, что состав членов семейных общин постепенно уменьшается. В Боснии, например, в 1876 г. среднее число членов задруги доходило до 46 чел., а в 1947 г. — приблизительно до 15. В Восточной Герцеговине, где перед первой мировой войной существовали семьи с 80 членами, сейчас они быстро исчезают в связи с нововведениями в сельском хозяйстве¹⁵. В специальной работе М. Филипович анализирует данные об исчезновении семейной общины в Боснии¹⁶. Он хорошо знает советскую литературу и в своей классификации задруг — делении на братские и отцовские — опирается на определение М. О. Косвена. Ему удалось установить, что в окружке Модрице в 1851 г. (от этого времени сохраниласьписьма) 35% задруг были братскими и 36% отцовскими (характер остальных 29% не поддается определению). М. Филипович приходит к выводу, что главный удар большесемейным отношениям в этом округе нанесла не ликвидация турецкого господства, а мировой экономический кризис 1929—1932 гг.

Обследование двух сел под Сараевым, проведенное М. Филиповичем, показало, что большие семьи чаще встречаются у православных (46% из общего числа ученых семей) и реже у мусульман (20,6%). Все большее распространение приобретает смешанный тип задруги («земледельческо-рабочий», по определению автора), когда большая часть ее членов остается в семье, а часть уходит на заработок в город, по-прежнему сохраняя в доме свое имущество. В числе причин исчезновения задруг М. Филипович называет не только традиционные обстоятельства (рост денежного хозяйства, измельчание земельных наделов), но и такие, как исчезновение необходимости в социальной защите.

У М. Филиповича есть одно попутное наблюдение, на котором стоит остановиться. Он считает, что трудно определить отцовскую задругу, так как в источниках, даже поздних — XIX в., не оговорено, женаты ли сыновья, а, следовательно, стала ли семья большой. Если это трудно сделать даже по отношению к памятникам нового времени, легко себе представить, как ненадежны в этом смысле средневековые свидетельства. А, между тем, в литературе нередки случаи, когда свидетельство типа «Райко с сыновьями» безоговорочно толкуется в пользу существования семейной общины. Наблюдение М. Филиповича справедливо обращает внимание исследователей на необходимость в подобных случаях вначале установить, вступили ли сыновья в брак.

Существует еще одна проблема задружного цикла — проблема исторических корней семейной общины. Естественно, что рассмотрение этого вопроса можно осуществить лишь с помощью археологических свидетельств — письменные данные для ранних периодов европейской истории отсутствуют. К этим свидетельствам и обращается в своей небольшой статье «Новые факты для доказательства существования задруг в эпоху славянской общности» М. Гавацци¹⁷, убедженный сторонник идеи древнего происхож-

¹³ M. Krasnić, Указ. раб., стр. 137—173.

¹⁴ V. Konstantinović-Culjnović, Posljednje porodične zadruge u Hrvatskom Zagorju, ZNZO, knj. 45, Zagreb, 1971, str. 423—449.

¹⁵ M. S. Filipović, Različita etnološka građa, Beograd, 1967, str. 50, 244.

¹⁶ M. S. Filipović, Posljedni dani ustanove kućne zadruge u Bosni, «Sociologija», 1961, Beograd, број 3—4, str. 70—81.

¹⁷ M. Gavazzi, Novije činjenice za dokaz opstojanja zadruga u doba slavenske zajednice, «Etnoloski pregled» (далее — EP), 5, Beograd, 1963, str. 23—32.

дения семейной общине. Как известно, И. Строхал и Я. Пейскер утверждали, что славяне не знали задруги на своей прародине, на Восточно-европейской равнине, и не могли оттуда принести ее на Балканы. Действительно, знали ли ее древние славяне? Так, проблема исторических корней семейной общине ведет М. Гавацци к восточнославянским древностям. Он оценивает работы советских археологов, излагает результаты раскопок, произведенных в последние десятилетия на Дону, Ворске, Суле, Сейме, в Старой Ладоге и в Пскове и в итоге приходит к выводу, что некоторые раскопки (например, М. Макаренко в Монастырщине) не дают оснований судить о крупных семейных коллективах — они открыли дома размером всего 11—15 м². Но раскопки в Старой Ладоге и ряде других мест, где были открыты дома по 40 и даже 100 м², являются явным свидетельством существования большесемейных коллективов — «раскопанные дома и их хозяйственный инвентарь принадлежали к большим задружным семьям» (стр. 28). В статье Гавацци привлекает исходная позиция автора — стремление найти истоки задруги в далеком прошлом, а также его интерес к трудам советских археологов.

Интерес, проявленный югославскими этнографами к восточнославянской археологии, позволяет, не выходя за рамки обзора, обратиться к статье Ю. М. Рапова «Была ли верь „Русской правды“ патронимий?»¹⁸. Содержание работы явно шире ее заглавия, она направлена не только против идеи о тождестве верви и патрономии, но и против мнения о существовании семейных общин у древних славян. Автор пишет: «Ни большие патриархально-семейные общины, из которых, по словам М. О. Косвеня, должны были бы образоваться патронимии, ни сами патронимии... для домонгольского периода Руси не прослеживаются» (стр. 117). Мне кажется сомнительным и этот окончательный вывод и способы его доказательства. Трудно поверить прежде всего в то, что у славян на восточноевропейской равнине, начиная уже с VI в., все формы родственных коллективов, включая род и большую семью, были уже пройденным этапом. Частная собственность, частное присвоение, индивидуальное ведение хозяйства, отсутствие родовых связей как средств социальной защиты — и все это уже с VI в.? И это в условиях, где отсутствовало сколько-нибудь значительное внешнее воздействие? Сомнительно...

Присмотримся теперь к аргументации Ю. М. Рапова. Нетрудно заметить, что отмечаемые им «жилица очень небольших размеров» (15—20 м² роменско-борщевского типа, 25 м² в городищах VI—VIII вв.) зафиксированы либо для достаточно раннего периода славянской истории, когда строительная техника была еще весьма примитивной, либо для южных районов нашей родины, где было мало лесов и преобладало строительство полуземлянок. По крайней мере для староладожских, т. е. северных построек, характерны совершенно иные, очень обширные дома в 40—100 м². Но почему дома в 20—25 м² должны считаться тесными для больших семей? Не говоря уже о том, что мы никак не осведомлены о том, какая теснота в доме считалась предельной для раннего средневековья, дом в 20—25 м² вполне мог вместить семью из трех поколений. Мысль Ю. М. Рапова о том, что пашенное земледелие способно было само по себе уничтожить семейную общину (стр. 111), как мне представляется, основана на недоразумении — ведь в таком случае становится просто необъяснимым существование подобных общин в XIX и даже в XX в.

Наконец, последнее соображение. Ю. М. Рапов ищет семейную общину только там, где имеется лицо определенный набор твердо установленных признаков этой общине, таких, как главный дом — место совместных трапез, общие хозяйствственные постройки и — для восточных славян — переходы между жилищами. Не находя их, он отказывает славянам VI—IX вв. в праве на семейную общину. Но ценность южнославянского этнографического материала, между прочим, в том и состоит, что он рисует значительно многообразие большесемейных форм даже в XX в., в эпоху сравнительно унифицированного социального развития. Можно ли судить о существовании (или отсутствии) семейной общине в далеком прошлом, исходя из представления о каком-то большесемейном эталоне, да еще с помощью не прямых, а косвенных археологических данных?

Вряд ли статья Ю. М. Рапова, игнорирующая эти обстоятельства, может считаться удовлетворительным решением поставленной задачи.

Еще одной проблемой, имеющей отношение к родственным коллективам и возбуждающей научные страсти даже в большей степени, чем проблема задруги, является проблема рода. Само понятие «род» в условиях современной Югославии почти полностью утратило значение родственного коллектива. По наблюдениям Н. Павковича, слово «род» и близкие к нему по смыслу «родина», «свойта», «свойлук» употребляются для обозначения связи между широким кругом родственников. Под этими словами подразумеваются родственники по женской линии («само женске иде у род»). Круг родственников, связанных этим понятием, экзогамен, в наши дни он простирается до четвертого колена, а некогда включал и девятое¹⁹.

В значительно большей степени родственные связи воплощаются в так называемых «братьствах» и «племенах», о которых существует обширная и продолжающая расти литература. В 5-е годы проблема «братьств» исследовалась на средневековом материале.

¹⁸ «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 106—117.

¹⁹ N. Pavković, Selo i zadružja, str. 189.

О. Мандич, известный хорватский социолог, опубликовал работу о братстве в Хорватии в раннем средневековье, и мне уже приходилось характеризовать его взгляды²⁰. Несколько лет спустя разгорелась длительная полемика между О. Мандичем и Н. Клаичом по вопросу о средневековых хорватских «племенах»²¹, свидетельствующая об интересе к этому предмету в современной науке.

Связь, существующая между современной семейной общиной, с одной стороны, и племенами и братствами — с другой, несомнена. Этнографы находят и описывают те и другие одновременно. М. Филипович, характеризовав задругу в Динарском районе, тут же сообщает сведения о черногорских братствах — они имели «братьственные» леса, общие места в церкви и трапезные столы²². М. Баряктарович рассматривает большую семью и братства (в Косове они именуются понятием «род») в качестве звенев одной и той же цепи развития²³. Новейшие исследования обнаружили, что задруги и братства с племенами часто взаимозаменяются и по одной из своих социальных функций — защите своих членов. Поэтому там, где за каждого человеком стоит «фис» (племя) или «байрак» (условно союз племен) как в Северной Албании или Черногории, нет особой нужды в задругах и они действительно неразвиты. И, напротив, там, где племенные отношения относительно слабы, мы находим сеть крупных и устойчивых задруг (в Косове)²⁴.

Современные племена чаще всего встречаются в Черногории. Их характеристика была посвящена монография С. Вукосавлевича «Организация динарских племен»²⁵, книга обстоятельная и многоплановая. Автора интересуют черногорские племена (Васоевичей, Дробняков, Белопазличей) и албанские (Красничей, Хотов), живущие в наиболее удаленном районе Динарского массива. Он характеризует их занятия (преимущественно скотоводство); порядок, согласно которому чужаки вливается в состав племени; самосознание их членов. Специальному рассмотрению подвергнут вопрос о том, являлось ли племя военной организацией (С. Вукосавлевич убежден, что не являлось). В итоге обосновывается вывод о Черногории как «племенном государстве». Однако одной из главных тем, которые занимают С. Вукосавлевича, является происхождение племен — старая и давно обсуждаемая проблема.

Еще К. Иречек выдвинул гипотезу, согласно которой старые роды и племена у южных славян были уничтожены в процессе феодализации, вначале под византийским господством, а затем в рамках их собственных государств. Архаический строй исчез. Новые племена формировались на принципиально иной основе — из поселений «влахов» — скотоводческого, подвижного, зачастую дославянского населения. Эти поселения носили название «катуны»²⁶. Идею К. Иречека о гибели старых племен и их воссоздании на основе катунов в турецкую эпоху активно поддержал М. Шуффлай²⁷. Напротив, этнографы и антропологи, прежде всего И. Цвиц и И. Ерделянович, не отрицают оживления племенных отношений при турках с XV в., возводят эти отношения ко времени расселения славян на Балканах²⁸. Так возникает контроверза: появились ли динарские племена в глубокой древности, восходят ли они к старославянскому родовому строю или являются новообразованием, возникшим в турецкую эпоху?²⁹.

Мысль К. Иречека и М. Шуффлай о роли влахов-скотоводов и пастушеской организации в возобновлении племенного быта с XV в. в современной науке поддержал Б. Джурджев. По его мнению, пастушеский режим давал возможность ухода от феодального притеснения, а возникающая на его основе родственная организация обеспечивала ее членам социальную защиту³⁰. Правда, Б. Джурджев оговаривает, что новые племена возникли не как простое повторение катунов, а как соединение родовой

²⁰ O. Mandić, Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj, «Historijski zbornik» (далее — HZ), god. V, Zagreb, 1952, s. 225—298; M. M. Freidenberg, K historiji obshiny na Balkanakh (Проблемы общины в югославской историографии), «Византийский временник», т. XXI, 1962, стр. 199—201.

²¹ N. Klaić, Postanak plemstva «dvanaestog plemena kraljevine Hrvatske», HZ, XI—XII, 1959, str. 121—163; O. Mandić, «Pacta conventa» i «dvanaest hrvatskih bratstava», там же, стр. 165—206; см. также выступления Н. Клаич и О. Мандича: HZ, XIII, 1960, str. 303—320.

²² M. C. Filipović, Razличita etnološka građa, str. 52, 181, 182.

²³ M. Barjaktarović, Uzak. rab., str. 98 и сл.

²⁴ M. Krasnić, Siptarska porodična zadružna, str. 158.

²⁵ C. Vukosavljević, Organizacija dinaрskih plemena, «Srpska Akademija nauka, Posobna izdaњa», књ. CCLXX, Beograd, 1957.

²⁶ K. Irček, Istorija Srba, II, str. 44.

²⁷ M. Šuflaj, Srbi i Arbanasi, Beograd, 1925, str. 61—69.

²⁸ J. Cvijić, Balkansko poluostrvo i jugo-slovenske zemlje, Beograd, II, 1931, str. 52; J. Erdeljanović, Nekе crte u formiraju plemena kod dinaрskih Srba, «Glasnik geografskog društva», св. V, Beograd, 1921, str. 73.

²⁹ См.: M. Vagjaktarović, O balkanskim plemenima, «Албанолошка истраживања. Издање Филозофског факултета у Приштини», књ. III, Приштина, 1965—1966, стр. 99—112.

³⁰ B. Đurđev, O knezovima pod turskim upravom, «Историски часопис», год 1, Beograd, 1948, str. 147, 148.

системы этих катунов с территориальной организацией славянской жупы. Но самый катун, по его (да и не только его) убеждению, является носителем именно родовых отношений, и эта точка зрения нашла последователей. Это отчетливо обнаружилось во время обсуждения всей «катунской» проблемы в Сараеве в 1961 г.

Но сначала — еще о нескольких работах, посвященных племенному быту. В 1959 г. В. Чубрилович посвятил небольшую (52 стр.) книгу характеристике тех терминов, которыми обозначаются родственные отношения в Черногории, «колен», «ближиков», «задруга», «рода», «племен» и «братьства»³¹. Нельзя сказать, чтобы научная позиция В. Чубриловича отличалась новизной³², работа интересна скорее как сводок данных XIV—XIX вв. Но общая концепция автора любопытна, это — идея о разрушении прежнего общества на территории Зеты (будущей Черногории) в процессе турецкого завоевания и возникновения нового, «племенного» общества под воздействием горных, скотоводческих катунов, объединяющихся с прежним населением в рамках территориальных жуп.

Работа В. Чубриловича явилась для Т. Вукановича поводом для обстоятельной (по объему не меньшей, чем сама книга) рецензии, одна из глав которой посвящена истории вопроса о родственных отношениях у черногорцев и албанцев³³. Т. Вуканович согласен с В. Чубриловичем: современный племенной быт и черногорцев и албанцев возникает как результат соединения древней славянской организации с пастушеским строем влахов-скотоводов. Но по поводу братства у него есть дополнительные соображения. Данные полевых исследований позволяют ему подтвердить существование братств двух типов — «чистых» и «смешанных» («сложных» — пишет автор). «Чистые» братства связаны: 1) реальным родством (или по крайней мере памятью об общем, реальном предке), 2) общим именем, 3) общим поселением, 4) пребыванием под властью одного главара. 5) экзогамией и 6) хозяйственным единством — общей альмендой. «Смешанные» же братства образуются соединением родственных групп, как правило, одного старинного и одного нового братства (стр. 219). Таким образом, Т. Вуканович развивает интересную мысль о том, что братства могли возникать не только на родственной базе.

Но вернемся к проблеме катуна. К началу 60-х годов наметилась необходимость выделить в этой теме ряд основных вопросов. Ими оказалась локализация средневековых влашских катунов, их внутренняя структура, соотношение в их рамках родовых и территориальных элементов, их современное состояние. Обсуждение этих тем и было посвящено состоявшемуся в Сараеве в ноябре 1961 г. симпозиуму, результаты которого были обобщены в сборнике «Симпозиум о средневековом катуне»³⁴.

В докладе о территориальной распространенности средневековых катунов И. Трифуноски высказала мысль о том, что с переходом влахов-скотоводов под власть турок кочевой образ жизни стал невозможен, скотоводы начали переходить к оседлости и это позволило катуну превратиться в обычное село, а далее трансформироваться в племя. Этот вывод мне представляется не только мало доказанным (И. Трифуноски не приводит документальных данных в его пользу), но и сомнительным теоретически — вряд ли турки, едва успев завоевать полуостров, смогли сразу же помешать наложенному в течение столетий хозяйственному быту. К тому же участники симпозиума высказали законное сомнение в том, что влахи были кочевниками до XV в. Второй доклад (Д. Ковачевич, «Средневековый катун по дубровницким источникам»), основанный на архивном материале с рядом любопытных наблюдений, завершился выводом о том, что катуну были присущи родовые связи. Так обрисовалась проблема, оказавшаяся в центре внимания участников симпозиума — можно ли считать катун объединением родственников, можно ли возводить его к роду.

Организатор симпозиума М. Филипович отверг эту мысль. Он охарактеризовал размеры средневекового катуна (10—40 домохозяйств), его этническую принадлежность (различие между влахами славянского и романского происхождения), разделение труда в катуне — существование как воинов, так и носильщиков или погонщиков. Филипович обратил внимание на то, что названия катунов не носят патронимического характера и вообще не производятся от личных имен, на то, что в их составе налицо люди различного (в том числе и различного этнического) происхождения, наконец, на существование в рамках катунов зятьев и шуринов, что было бы невозможно, если

³¹ В. Чубрилович, Терминология племенского друштва у Црној Гори, «Српска Академија наука. Посебна издања», књ. СССХІ. Б., 1959.

³² Иногда она и не отличается четкостью. Так, автор пишет, что братство означает «родственно-экономическую общность большей или меньшей группы семей» с целым рядом компетенций территориального, управлеченческого, экономического, имущественно-правового, уголовно-правового, военного и религиозного характера (стр. 45, 46).

³³ «Гласник музеја Косова и Метохије» (далее — ГМКМ), IV—V, 1960, стр. 199—242. Т. Вуканович хорошо знает советскую этнографическую литературу и нередко на нее откликается. См. его рецензии на работы С. А. Токарева «Религиозные верования восточнославянских народов XIX — нач. XX в.» и «Сущность и происхождение магии» в ГМКМ, VII—VIII (1964), стр. 500—505; рецензию на раздел «Народы Югославии» в томе «Народы зарубежной Европы», ГМКМ, IX (1965) стр. 641—653.

³⁴ «Симпозиум о средњовјековном катуну, одржан 24 и 25 новембра 1961», Сарајево, 1963.

бы катун был бы родом, ибо род того времени мог быть только патрилокальным. Эти факты позволили ему обосновать вывод о том, что средневековый катун не являлся родовым объединением.

Доводы М. Филиповича не были опровергнуты его оппонентами и выступивший после него Б. Джурджев лишь повторил свою старую мысль о родовых истоках катуна и о последующем превращении его в территориальную общину. Дискуссия, развернувшаяся в Сараеве, не привела к победе какой-либо одной, определенной точки зрения. Очевидным стало лишь, что прежнее мнение о катуне, как носителе архаических, преимущественно родовых отношений, нуждается в коррективах. Тем не менее, сараевский симпозиум, на мой взгляд, положил конец тому этапу в историографии проблемы, когда свидетельства письменных источников использовались отрывочно и достаточно бессистемно. Наступило время обращения к архивным данным и обработки этих данных с помощью статистических методов (см. таблицы в докладах М. Филиповича и Д. Ковачевич).

Проблема родственных коллективов затрагивается и в тех работах югославских ученых, которые посвящены установлению аналогий в культурном развитии балканских народов и народов других регионов Европы, например Кавказ. Сходство это отмечено не сегодня³⁵, выход в свет тома «Народы Кавказа» в серии «Народы мира» подстегнул интерес к этой теме и дал новую пищу для размышлений. Ш. Кулишич вновь обратился к этому сюжету с целью отыскать новые элементы сходства и по-новому объяснить их³⁶.

Он отмечает сходство в различных областях материальной культуры: в постройке жилищ, устройстве очагов, характере скотоводства и в организации летних кочевий, в способах приготовления пищи (например сыр). Удивительным образом совпадает и лацтусская терминология — например «катун» на Балканах — «коутан» на Кавказе. Совпадения отмечаются в одежде и утвари — украшенные монетами женские головные уборы, мужские накидки типа коротких «кабаниц»; геометрический орнамент украшает и балканские и хевсурские ковры, деревянные чашки, посохи и столы. Сходен обычай заготавливать дубовые ветки к сочельнику с последующими магическими актами, обычай призывать на помошь духов во время поминальной трапезы. Аналогии наблюдаются в свадебных обрядах — встреча невесты верховыми друзьями жениха, бросание плодов через крышу, первая ночь, проводимая с деверем, обычай не называть друг друга по имени у молодых супругов, наконец, реликты матрилокального и дислокального брака. Итак, данных для подтверждения мысли о сходстве в культуре народов Кавказа и Балканского полуострова, кажется, достаточно. Попутно отметим, что подобное сходство существует не только между балканскими и кавказскими народами. Сам же Ш. Кулишич отмечает, что примитивное рало определенной конструкции встречается также у иранцев, скандинавов и месопотамцев (стр. 122), короткая накидка с длинными рукавами встречается также на Украине, куль деревьев у множества народов похож на кавказские и балканские обычаи (стр. 128, 129), кукла, которую используют для призыва дождя, встречается также в южных районах Украины (стр. 132).

Интересно объяснение, предлагаемое Ш. Кулишичем. Он обращает внимание на очень древнюю, зачастую еще дославянскую основу многих балканских культурных явлений, которую он возводит к иллиро-фракийцам. В ряде случаев он прослеживает конкретные дославянские корни обнаруженных им феноменов (в организации примитивных сельских жилищ — стр. 118, системе овцеводства — стр. 121, типе украшений — стр. 124, кукол, изготавляемых с магической целью — стр. 132). Здесь Ш. Кулишич возвращается к мысли, которую он не раз развивал ранее, к идеи симбиоза пришлого славянского и автохтонного иллиро-фракийского населения полуострова³⁷. Именно в процессе этого симбиоза славяне усвоили многие из тех реликтов матриархата, которые, по его наблюдениям, так долго сохраняются в балканском сельском быту³⁸. Недаром понятие «предматриархальный» в качестве синонима понятия «дославянский» так часто фигурирует в его статье: дославянское матриархальное общество и является, по мысли Ш. Кулишича, тем субстратом, который может иметь общие корни с кавказским обществом. «Многочисленные остатки матриархата...», как в кавказском, так и в древнем балканском и в нашем родовом обществе показывают, что тождество кавказского и балканского родового общества ведет свое первоначальное происхождение из допатриархальной эпохи» (стр. 141).

Конкретным примером, подтверждающим общее происхождение, по мнению И. Ердельяновича, является внешнее сходство жителей Динарских Альп («динарская раса»)

³⁵ A. B u h a n, La civilisation caucasienne, Paris, 1936; K. M o s z y n s k i, Znaczenie etnografji Kaukazu dla badan etnologicznych na Balkanach, «Lud Slowianski», III, Krakow, 1932.

³⁶ S. K u l i š i Ć, Neke kavkasko-balkanske kulturne podudarnosti, «Centar za balkanska ispitivanja. Godisnjak», knj. IV, Sarajevo, 1966, str. 117—149.

³⁷ S. K u l i š i Ć, Tragovi arhaične rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske Simbioze, Beograd, 1963.

³⁸ S. K u l i š i Ć, Matrilokalni brak i materinska filijacija u narodnim običajima Bosne, Hercegovine i Dalmacije, ГЗМ, 1958, str. 51—75; ГЗМ, 1959, str. 307—309.

с армянами³⁹. Мнение о сходстве динарского атропологического типа (в частности, черногорского) с некоторыми народами Кавказа поддерживается и в советской этнографической литературе⁴⁰.

Таковы в общих чертах позиции югославских ученых в вопросах семейной общины и других родственных коллективов. Нетрудно заметить, что в перечне подвергнувшихся изучению проблем почти отсутствует тема архаических, давно исчезнувших форм большой семьи. После работ 50-х годов о происхождении задруги⁴¹ интерес к подобным сюжетам явно ослабел. В этом отношении советская наука имеет очевидные преимущества — в последние годы здесь активно разрабатывается такая тематика⁴².

Не получила признания в югославской этнографии и выдвинутая М. О. Косвеном концепция патронимии, хотя, на мой взгляд, лежащая в ее основе мысль о сохранении связей между членами разросшегося и разделившегося коллектива вполне может объяснить факт существования традиционных динарских «братьств» и «племен». Тем не менее Ш. Кулишич в своей рецензии на книгу М. О. Косвена «Семейная община и патронимия» отверг возможность отожествления с патронимией братств и других коллективов родичей (например, албанского «барк»)⁴³. Ему кажется, что более точным названием для той родственной группы, которую М. О. Косвен называет патронимией, является «род», но не классический род первобытности, а род, сохраняющийся в классовом обществе. Ш. Кулишич возражает против идеи патронимии еще и потому, что она заключает в себе элемент патриархальности, по его же убеждению, родственные группы у южных славян содержат сильные пережитки материнского рода. Но ведь главное в теории патронимии не название, его с успехом можно заменить другим, например, «сегментированная семейная община»⁴⁴, а идея сохранения связей — имущественных, родственных, идеологических — между членами разделившегося семейного коллектива. Эти связи могли существовать и в группах весьма различного состава, важно лишь, чтобы здесь присутствовал момент разрастания и последующего раздела какого-то ядра, а вот эта-то мысль и чужда Ш. Кулишичу. Предлагая снять понятие патронимии — не название, а всю сумму признаков, и заменить его понятием рода, Ш. Кулишич тем самым выбрасывает и эту плодотворную идею.

Попытки изучить семейные общины и родственных групп, таким образом, дали много интересного. Если эта работа будет продолжена, в науку будет введен свежий и поучительный материал, касающийся сюжетов, которые всегда живо интересовали и югославских и советских исследователей.

³⁹ J. Egdeljanović, Nekoliko etničkih problema kod Južnih Slovena, str. 365.

⁴⁰ «Народы зарубежной Европы», т. I, М., 1964, стр. 37, 41; «Народы Кавказа», т. I, стр. 30.

⁴¹ O. Mandić, Klasni karakter buržoaskih teorija o postanku zadruge; Š. Kulisić, O postanku slovenske zadruge.

⁴² Ю. В. Бромлей, К вопросу о сохранении семейных общин в Далматинской Хорватии, сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран», М., 1963, стр. 67—71; его же, Становление феодализма в Хорватии, М., 1964; J. V. Bromley, The archaic form of the communal family, «Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological sciences», 1968, Tokyo and Kyoto, vol. II, «Ethnology».

⁴³ S. Kulisić, O zadruzi i patronimiji, EP, sv. 5, 1963, str. 69—79.

⁴⁴ Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии, стр. 176 и сл.

M. M. Фрейденберг

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

A. Lommele. Masken. Gesichter der Menschheit. Zürich, 1970, 230 S.

Имя Андреаса Ломмеля хорошо известно читателям многих стран — ученым и неспециалистам. Он автор интересно написанных, превосходно изданных и хорошо иллюстрированных книг. Это работы обaborигенах Австралии, их культуре и трагической судьбе в современном мире¹, и книги, посвященные первобытному искусству², а также исследование о шаманизме³.

¹ A. Lommel, Die Unambal, ein Stamm in Nordwest-Australien, Hamburg, 1952; его же, Fortschritt ins Nichts. Die Modernisierung der Primitiven Australiens, Zürich, 1960; A. Lommel, K. Lommel, Die Kunst des fünften Erdteils Australien, München, 1959.

² A. Lommel, Motiv und Variation, München, 1962; его же, Prehistoric and Primitive Man, London — New York — Toronto, 1966; его же, Vorgeschichte und Naturvölker, Gütersloh, 1968.

³ A. Lommel, Die Welt der frühen Jäger — Medizinmänner, Schamanen, Künstler, München, 1965. (в пер. на англ. яз.: «Shamanism, The Beginnings of Arts», New York-Toronto, 1967).

Книги Ломмеля всегда вызывают интерес и оживленные споры, а его книга о шаманизме стала предметом дискуссии, в которой приняли участие ученые многих стран⁴.

Более 20 лет А. Ломмель является директором Государственного музея народоведения в Мюнхене, который во многом благодаря его усилиям стал одним из ведущих центров по изучению искусства народов Австралии и Океании, Африки, Азии и Америки. Работы Ломмеля отличает необычайная тематическая и этнографическая широта, позволяющая ему смело, порой даже излишне смело, сопоставлять искусство разных стран, народов и эпох.

Рецензируемая книга посвящена интересному и повсеместно распространенному явлению материальной и духовной культуры — маскам. В отдельных главах маски рассматриваются по следующим регионам: Африка, Океания (Меланезия, Полинезия, Австралия), Цейлон, Индия и Индонезия, Тибет, Сибирь, Аляска, Северная, Южная и Центральная Америка, Япония, Европа. Как и все книги Ломмеля, она обильно иллюстрирована, в основном репродукциями предметов из богатейших собраний Мюнхенского музея. Все иллюстрации — как черно-белые, так и цветные — технически безупречны.

Автор поставил своей целью дать обобщающее исследование о масках почти всех народов мира о бесконечно разнообразных функциях масок у разных народов и т. п. Как человек всей своей практической и научной работой тесно связанный с музеем, с изучением материальной культуры народов мира, много путешествовавший и повидавший, Ломмель, бесспорно, хорошо подготовлен к написанию такого труда. Он прав, утверждая, что только глобальное исследование масок во всем многообразии их функций способно объяснить их сущность, их происхождение и широчайшее распространение.

Наряду с этим в книге ставится и более частная проблема — генезиса ряженья и народного театра, интересующая широкие круги этнографов, фольклористов, театролов. Это видно уже из того, что она стала предметом обсуждения на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук⁵ и на конференции, посвященной историческому развитию народного театра, проходившей в Ленинграде в мае 1971 г. Один из докладов этой конференции («Маски и ряженье» П. Г. Богатырева) по своей проблематике особенно близко соприкасается с рецензируемой книгой. В архаических обрядах отсталых народов, магических или тотемических по своей сущности, в коллективных действиях тайных союзов, в шаманских камланиях, в святочных играх, карнавале — всюду, где появляются ряженые в масках, мы наблюдаем начальные формы театральности, зрелищности, элементы народной драмы.

Самая большая глава посвящена африканским маскам, и это понятно: маски народов Африки давно и заслуженно пользуются мировой известностью как одно из ярчайших проявлений народного художественного гения. Имеется ряд обобщающих работ о масках этого континента, их список читатель найдет в библиографии, приложенной к книге. Кое в чем Ломмель повторяет своих предшественников, но во многом самостоятелен. Его интересуют сущность, происхождение, функции масок. Он прослеживает историю масок Африки, начиная с наскальных изображений Тассили, бронзовых голов Бенина, бронз и терракотов Ифе и долины Нок. Он настаивает на древности происхождения африканских масок.

Символика масок отражает мировоззрение племени в его религиозно-философском аспекте, его мифологию. Как считает Ломмель, африканские маски персонифицируют главным образом предков и как бы связывают последних с потомками. Распространение различных типов и стилей масок и связанных с ними верований, роль масок в общественной жизни — в обрядах инициации и т. п., в деятельности тайных союзов — все это составляет содержание рассматриваемой главы.

После Африки областью, в которой маски представлены необычайным разнообразием форм и типов, является, несомненно, Меланезия. Здесь они также тесно связаны с общественной жизнью в самых различных ее проявлениях.

Прототипом масок Меланезии, по мнению Ломмеля, является моделированный глиной или смолистой массой череп предка, вместилище его духовной субстанции. В Меланезии, как и в Африке, маски связаны с тайными союзами — эта черта, в общем хорошо известная, отмечена и Ломмелем. Меньше внимания он уделяет роли масок в обрядах плодородия, получивших в Меланезии особенное развитие и восходящих, по-видимому, к какому-то чрезвычайно архаическому пласту в культуре ее населения. Роль масок в этих обрядах чрезвычайно велика — достаточно вспомнить о праздниках байнингов Новой Британии, в культуре которых архаические элементы общемеланезийской культуры ощущимы более, чем где-либо⁶.

На первый взгляд, можно считать дискуссионным включение в книгу раздела об австралийцах. Аборигены Австралии не знают искусственно изготовленных масок, но

⁴ См.: «Current Anthropology», vol. 11, № 1, 1970, p. 39—48.

⁵ «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. VI, М., 1969, секция 12: «Народный театр и хореография». В связи с нашей темой наибольший интерес представляет доклад А. Д. Авдеева «Маска и ее роль в процессе возникновения театра» (стр. 80—86).

⁶ В. Р. Кабо, Байнинги — примитивные земледельцы Океании, в кн. «Страны и народы Востока», вып. 3, М., 1964, стр. 58—63.

широко применяют ритуальную раскраску тел участников обрядов плодородия, обрядов, воспроизводящих деяния героев мифической древности⁷. Такая маскировка функционально родственна применению масок, вот почему австралийский этнографический материал находит в книге свое законное место, тем более что материал этот стадиально более ранний, чем какой-либо иной из рассматриваемых в книге, является своего рода ключом к проблеме происхождения масок. На наш взгляд, довольно спорно и не находит подтверждения в реальных фактах утверждение Ломмеля, что в Австралии маскированные воплощают лишь «духов древности», а в Меланезии — «духов предков». Для Меланезии это не совсем верно, что же касается Австралии, то тут в синкретических образах мифологических героев черты «духов древности» и «духов предков» как бы слиты воедино.

Интересна поставленная в той же главе проблема традиций и творческой свободы, поскольку мастера первобытного искусства всегда творили в рамках традиции.

Обильный материал для культурно-исторических параллелей дают маски Цейлона, представляющие демонов болезней, враждебных человеку и побеждаемых в ходе обряда-пантомимы. Глава эта — одна из наиболее интересных в книге. Обряды заклинания и изгнания демонов болезней на Цейлоне — элементарная форма народного театра, синкретичная по существу. Автор справедливо сближает эти обряды с шаманскими по своему характеру обрядами Тибета. Но есть на Цейлоне и лишенные магико-религиозного содержания формы народной драмы, участники которой выступают в масках. Таков прежде всего *колам*, воспроизводящий эпизоды мифологии и, таким образом, восходящий к архаическим мистериям австралийского типа.

Близкий по своему характеру индонезийский материал (театрализованные представления *баронг* о-вов Бали и Ломбок) рассматривается в следующей главе. Много общего с Цейлоном и в Тибете: здесь также маски нередко персонифицируют демонов болезней, а болезнь преодолевается в ходе театрализованного представления. Особенный интерес представляет *цам* («танец»), впечатляющая религиозная по содержанию и театрализованная по форме церемония с участием танцов в масках, синтез обряда и драмы, реликт первобытных обрядов плодородия, очищения и обновления. Здесь явственно проявляется древний шаманский субстрат.

Авторская концепция шаманизма кратко изложена в главе, посвященной маскам народов Сибири (как уже сказано, проблеме шаманизма Ломмель посвятил отдельную монографию). По мнению Ломмеля, шаман является центром, душой и мозгом человеческого коллектива, его «психотерапевтом», он обеспечивает душевное здоровье, благополучие и охотничье счастье группы. Шаманы, как полагает Ломмель, были первыми художниками, поэтами и актерами — тезис, особенно уязвимый вследствие его бездоказательности. В рецензируемой книге Ломмель определяет шаманизм «как религию или, скорее, мироизречение» (стр. 119).

Это определение несколько отличается от того, которое Ломмель дал в вышедшей ранее книге о шаманизме, где он писал, что шаманизм не просто одна из форм религии, но сложный синтез религиозных представлений и особого поведения, основанного на своеобразной психической структуре.

Определения Ломмеля расплывчаты, но его точка зрения в общем ясна. Шаманизм, бесспорно, явление религиозного порядка, но Ломмель прав, усматривая в личности шамана отражение «сложности его психической структуры», или, говоря иным языком, синкретизма первобытного сознания. Нерасчлененность представлений о мире выражается и в атрибуатах шамана, в том числе в масках.

Во многих масках эскимосов и индейцев Северной Америки, изображающих духов-помощников шамана, совмещены черты человека и животных. Впрочем, такие антропо-зооморфные маски известны и в других частях света, например на Новой Гвинее, в Африке, в Европе. Явление это связано не только с шаманизмом, оно отражает общественное сознание на определенной стадии развития.

В главе, посвященной маскам Центральной Америки, ничего не говорится о месте масок в современных народных праздниках и обрядах, и лишь фотографии, иллюстрирующие главу, напоминают о той роли, какую они продолжают играть в жизни народов этой части света.

Маски Японии занимают особое место. Их истоки, как и у других народов, — в первобытных обрядах и мифологии, но уже давно они почти лишены иных функций, кроме одной — театральной. Только культовые танцы в масках *касуга* и некоторые обряды в отдельных храмах напоминают о былом. Известно, однако, что в XI—XIII вв. и даже ранее, еще до возникновения театра *Но*, маски *гигаку*, *бугаку* и другие использовались в танцах, исполнявшихся в синтоистских святилищах и буддийских храмах. Совершенно аналогичное явление — употребление масок лишь в театрализованных представлениях светского характера — автор находит на Яве. Это *вайяг топене*, театр замаскированных актеров. Ломмель даже допускает — без особых, впрочем, доказательств — воздействие яванского театра масок на японский.

Истоки европейских масок Ломмель усматривает в наскальных изображениях палеолитических пещер Южной Европы: Тейжа, Ляско, Трех Братьев. Зооморфные маски,

⁷ Подробнее об австралийских обрядах как элементарной форме народного театра см. в главе «Театр каменного века», в кн. А. Lommel «Fortschritt ins Nichts».

восходящие к этим древнейшим прототипам, сохранились в Альпах — в Австрии и Швейцарии. Смысл древних обрядов давно утрачен, но карнавал, например, еще сохраняет свой первоначальный характер обряда плодородия. В коллективных актах, совершаемых в масках, все еще прослеживаются две исходные формы: действие в масках как регулятор общественного поведения (ряженые, перевоплощаясь при содействии масок, как бы утрачивают представление о социальной и возрастной иерархии, выходят за рамки обычных норм поведения, обличают пороки власти имущих — хотя бы в том же карнавале) и связь с событиями космического порядка (реликты обрядов сезонного цикла, например, проводы зимы и встреча весны или нового года).

Следует отметить, что материал главы о масках Европы сравнительно ограничен: в основном он относится к Центральной Европе. По-видимому, Ломмелю остался неизвестным обильный материал по маскам Европы, не только Центральной, но и Восточной (Литвы, Польши, Венгрии, Румынии, Греции, Югославии, Болгарии, Чехословакии), опубликованный в «Швейцарском архиве народоведения»⁸. Из этих публикаций видно, что у многих народов Европы еще существуют маски и связанные с ними древние обряды. Это относится и к Северному Кавказу.

Подводя итоги всего исследования, Ломмель выделяет три основных комплекса: маски как персонификация предков и воплощение традиции представлены в основном в Африке и Меланезии, маски как духи-помощники шаманов — в Сибири и Северной Америке, превращение ритуальных масок в театральные — на Яве, Бали и в Японии. Такая схема имеет, конечно, слишком обобщенный характер, она обединяет действительность, изображенную автором, и во многом нуждается в уточнениях. Ломмель сам признает, что «функции масок в различных странах и культурах нельзя определить несколькими ограниченными понятиями» (стр. 217). В истории масок автор намечает два основных прототипа: зооморфную маску, которую он считает древнейшей, и антропоморфную, возникшую позднее, изображающую лицо мертвого — почтаемого предка или врага.

Далее Ломмель касается проблемы культурно-исторических связей. Так, он проводит параллели между Индонезией и Японией (об этом уже говорилось), между Японией и Северо-Западной Америкой, между Северо-Западной Америкой и Меланезией. К сожалению, он не всегда в должной мере осторожен в выводах. Не всякое сходство свидетельствует об исторических связях и взаимодействии культур. Чтобы доказать последнее, помимо внешнего сходства в мотивах орнамента, в стиле и функциях масок нужны еще какие-то более веские данные. Между тем автор вслед за некоторыми другими исследователями на основании сходства мотивов изобразительного искусства постулирует наличие исторических связей между ранним Китаем и Центральной Америкой, причем тут же признает, что никаких исторических документов, доказывающих эти связи, не существует (стр. 219). Ломмель во многом диффузионист. В одной из своих работ он цитирует Фробениуса: «Карта не может лгать! Нанесите на карту мотивы изобразительного искусства, и вы получите карту, которая покажет ареал их распространения».

Маски Океании, прежде всего Меланезии, представляющие собой моделированный человеческий череп, Ломмель выводит из Ближнего Востока, где в раскопках древнего Иерихона была найдена аналогичным образом моделированная маска из черепа человека (стр. 58 и 220). Едва ли нужно говорить, что для такого вывода нет серьезных оснований. Кстати, на стр. 58 Ломмель датирует маску из Иерихона 500 г. до н. э., а на стр. 220 — V тысячелетием до н. э.

Следует упрекнуть автора и в том, что, как свидетельствует приведенный им список литературы, ему остались неизвестными капитальные труды советского исследователя А. Д. Авдеева: его работы о масках⁹ и особенно его книга «Происхождение театра»¹⁰.

Несмотря на отдельные недостатки, неизбежные в большом труде, а в некоторых случаях на уязвимость выводов, перед нами талантливо написанное комплексное исследование, охватывающее огромный материал, поистине энциклопедический труд, незаменимый для каждого, кого интересует изобразительное искусство и духовная культура народов мира, происхождение театра, история и типология масок, для каждого, кто стремится постичь культуру любого народа в живой связи и единстве ее элементов, создающих ее неповторимый облик.

⁸ «Schweizerisches Archiv für Volkskunde», B. 63, Hf. 3—4. Basel, 1967; B. 64, Hf. 1—2. 1968.

⁹ «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVII, М.—Л., 1957, стр. 232—344; т. XVIII, 1958, стр. 279—304; т. XIX, 1960, стр. 39—110.

¹⁰ А. Д. Авдеев, Происхождение театра, Л.—М., 1959.

НАРОДЫ СССР

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V, М., 1971, 234 стр. («Труды Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. 95)

Рецензируемая книга (ответственный редактор — Р. С. Липец) представляет собой очередной выпуск «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» и дает много новых материалов по истории отечественной науки. Значительная часть статей, помещенных в этом сборнике, посвящена анализу советской этнографии и фольклористики 20—30-х годов. В книге освещается деятельность как отдельных ученых (статьи о П. В. Шейне, В. Г. Богоразе-Тане, Н. П. Андрееве, Ю. М. Соколове, Д. К. Зеленине, Е. Ф. Карском и др.), так и высших учебных заведений (Ленинградский географический институт и Ленинградский университет), научных обществ (Русское географическое общество) музеев и пр. Особенно много внимания в этом сборнике удалено тем этнографам и фольклористам, которые принимали активное участие в становлении и развитии советской науки. Авторы статей выпуска широко пользовались неопубликованными архивными материалами и редкими, мало доступными широкому кругу читателей изданиями. Рассчитанная на историков, этнографов, фольклористов, антропологов, историков науки, книга эта, несомненно, привлечет к себе внимание представителей самых разнообразных отраслей исторической науки.

Хронологически выпуск охватывает огромный период (с 1789 г. по 30-е годы XX в.), но, конечно, не все периоды развития этнографии и фольклористики за 150 лет освещены одинаково подробно. Истокам русской этнографической науки посвящена статья И. С. Гурвича, анализирующая необыкновенно интересную монографию Франца Ланганса «Собрание известий о начале и происхождении различных племен иноверцев, в Иркутской губернии проживающих». Эта первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири до настоящего времени не была ни полностью описана, ни подвергнута научному анализу, хотя и была известна отдельным специалистам. И. С. Гурвич не только подробно ознакомил читателя с содержанием этого труда, но и весьма умело выявил идеи автора о типологическом сходстве различных явлений в жизни обществ, прошедших одинаковые стадии развития. И. С. Гурвич правильно связывает появление монографии Ланганса с указом Екатерины II от 1784 г., хотя и едва ли одной из причин появления указа можно считать задачу «познать свое отчество». Конечно, указ этот имел по существу лишь управленческие и фискальные цели (впрочем, автор упоминает и о них). Вполне обоснованно звучит итоговый вывод И. С. Гурвича о необходимости полной научной публикации этого ценного и важного для истории науки первоисточника.

Материалы по истории этнографии и фольклористики со второй половины XIX в. содержатся в статье Н. В. Новикова «Русские и белорусские корреспонденты П. В. Шейна», основанной на архивных материалах, впервые введенных автором в научный оборот, и насыщенной интересными сведениями из истории создания сборников Шейна, принадлежащих к классическим трудам русской этнографии XIX в. Автор правильно поднимает вопрос об оценке роли личного участия братьев Киреевских, А. Н. Афанасьева, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского и др. в создании тех сборников, которые по традиции связываются только с их именами. На самом деле, как это убедительно показывает Н. В. Новиков, перед нами — сводные коллективные труды, в которых издателям принадлежала в основном роль организаторов и редакторов. После прочтения этой богатой материалами и выводами статьи у читателя возникает вполне законное желание увидеть продолжение начатого труда и подробнее ознакомиться с методами собирательской работы Шейна, выявить степень редакторского участия его в подготовке текстов, установить, как и с какой полнотой корреспонденты выполняли требования Шейна и т. д. Одним словом, автор затронул чрезвычайно актуальную и перспективную в историографическом отношении тему.

Статья М. Г. Рабиновича «Ответы на программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города» продолжает разработку начатой им ранее темы и служит как бы связующим звеном между IV и V выпусками «Очерков по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». Статья эта дает достаточно полное представление о связях Русского географического общества с местными собирателями, по-новому раскрывает смысл и объем работы общества в области этнографии города. Скудость материалов по истории этнографического изучения жителей городов в какой-то мере выполняется публикацией этой важной в научном отношении статьи, раскрывающей специфику деятельности Русского географического общества накануне 60-х годов прошлого века, когда весьма существенно изменились и направление этнографических исследований, и методика работы. Статья уточняет датировку первой этнографической программы, распространенной обществом, касается спорного и в полной мере еще не выясненного вопроса об авторах этой программы и характеризует полученные обществом ответы на нее. Всего было получено 112 ответов из 85 городов. Анализируя эти ответы, М. Г. Рабинович приходит к весьма важ-

ному в методологическом отношении выводу о ряде признаков сходства и различия в середине XIX в. между городом и деревней в области быта, обычаях и верований, а также о сохранении в жизненном укладе уездных городов черт быта феодального города на рубеже перехода России от феодализма к капитализму.

Статья И. Н. Мороза о К. А. Вяземском, известном русском путешественнике в страны Индокитайского полуострова, интересна своими фактическими данными. Тема, поднятая автором, свежа и актуальна, но заслуживает более глубокой разработки. Автор по сути просто излагает этнографические факты, содержащиеся в неопубликованной части полевого дневника путешественника, но почти не сопоставляет этих данных с другими известными фактами, что, в свою очередь, не дает ему возможности показать их источниковоедческое значение. Насколько точны впечатления путешественника, может ли на них опираться этнограф? Имеют ли его записи сейчас лишь историографический интерес, или они могут быть использованы в научном плане? Какие научные этнографические проблемы позволяют они если не разрешить, то по крайней мере поставить? Самый перечень стран, по которым путешествовал Вяземский (Вьетнам, Таиланд, Лаос, Камбоджа, Бирма), говорит о том, как актуален для современного читателя источник, содержащий сведения об этих государствах, однако недостаточный источниковоедческий анализ не дал возможности автору в полной мере раскрыть его научное значение.

Большая статья М. Я. Мельц «Русские фольклористы-библиографы конца XIX — начала XX в.» полезна для читателей настоящего сборника, хотя и перегружена посторонним материалом. Так, несколько выпадает из темы сборника материал о работе П. К. Симони над списками трудов русских филологов (стр. 86—91), хотя они и работали над фольклористической тематикой: читателей настоящего выпуска интересует больше сама библиография материалов по фольклору, этнографии и антропологии, а не история библиографии как таковой. Неточна и терминология автора: называя А. Н. Пыпина, П. К. Симони и Д. К. Зеленина русскими фольклористами-библиографами, автор делает некоторую натяжку — для всех них фольклор никогда не был ведущей темой научной работы.

Необыкновенно интересна и по собранному материалу, и по любовному и заботливому к нему отношению статья И. Я. Айзенштока о П. В. Иванове. Автор действительно воскрешает это забытое имя и делает это очень умело. Статья показывает, в каких условиях работали местные собиратели, как относилась к ним официальная наука, какой поистине подвижнический труд способствовал дальнейшему развитию фольклористики и этнографии. Научную ценность статьи повышает то, что автору удалось сделать выписки из писем П. В. Иванова к Н. Ф. Сумцову, которые в настоящее время утрачены; следовательно, в этой части статья получает значение первоисточника. Можно только вместе с автором пожалеть, что капитальный, подготовленный в свое время к печати труд П. В. Иванова — собрание, содержащее более 300 сказок, до сих пор лежит в архиве Института этнографии АН СССР и вот уже более полу века ждет своей публикации...

Раздел о советском периоде развития этнографической науки открывает содержательная и очень живо написанная обобщающая статья С. А. Токарева. Основываясь не только на первоисточниках, но и на личных наблюдениях, он рассказывает о ранних этапах развития советской этнографической науки (1917 — середина 30-х годов). Автор правильно установил хронологические рамки первого периода развития советской этнографии, раскрыл специфику формирования науки на принципиально новых методологических основах, показал сложные пути развития советской этнографии, формировавшей свою идеологическую базу под непрестанным воздействием марксизма-ленинизма. Эта важная для настоящего сборника статья еще раз подчеркнула необходимость создания такого историографического исследования, в котором была бы последовательно прослежена руководящая, направляющая роль партии в создании и формировании советской этнографической науки на всех этапах ее развития.

Об организации высшего этнографического образования после Октябрьской революции в Ленинградском географическом институте и на географическом факультете ЛГУ идет речь в статье Т. В. Станюкович, подчеркнувшей роль известных этнографов Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза в подготовке научных кадров на начальном этапе развития советской этнографической науки. Статья основана на богатых архивных материалах, что придает выводам автора необходимую глубину и обоснованность. Одновременно автор широко пользовалась газетным и журнальным материалом 20—30-х годов. Статья была бы еще богаче, если бы Т. В. Станюкович в приложении опубликовала любопытные «10 заповедей этнографа по Л. Я. Штернбергу», которые в образной и лапидарной форме отобразили начальный этап создания методики полевого исследования, а также «Памятку-наказ студенту-отпускнику, едущему в деревню».

Статья И. М. Колесницкой посвящена теме «В. Г. Богораз-Тан — фольклорист». Основательно изученный автором материал дает право И. М. Колесницкой сделать вывод, к которому можно только присоединиться: действительно, давно назрела необходимость систематизированного издания архива этого крупного ученого. Хорошо показаны в статье достижения В. Г. Богораза-Тана в области фольклористики; в то же время автор отмечает и известную историческую ограниченность его взглядов.

В. К. Бондарчик в статье «Изучение культуры белорусского народа Е. Ф. Карским» показывает несомненное значение для этнографии деятельности этого основателя бело-

русского языкоznания и белорусской филологии. Записи фольклорных текстов и материалы фундаментального издания Е. Ф. Карского «Белорусы» составили эпоху в развитии этнографии белорусского народа. В статье есть некоторые терминологические неточности (например, автор оперирует устаревшим термином «Московское государство» — стр. 163: в настоящее время в советской исторической науке принят более точный термин — «Русское государство»), но в целом работа правильно характеризует значение трудов Е. Ф. Карского в развитии белорусской этнографии.

Н. И. Гаген-Торн и А. И. Васина справедливо поступили, взяв в качестве предмета историографического исследования ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина, рассматривавшего этот метод как «специфум этнографии по сравнению с другими историческими дисциплинами» (стр. 174), так как в одной статье невозможно раскрыть место и значение в истории этнографии этого крупнейшего этнографа, фольклориста и слависта широкого профиля. Жаль только, что авторы, детально показав границы и формы применения этого метода Д. К. Зелениным, этим и ограничились и не сказали о том, насколько жизнен сейчас метод Зеленина, выдержан ли он испытание временем, что именно из теоретического наследия Д. К. Зеленина принято на вооружение советской этнографией и фольклористикой и т. д.

Работа А. М. Астаховой о Н. П. Андрееве — это одновременно и дань благодарной соратнице памяти ученого, и подлинное историографическое исследование. Ярко и образно написанная, эта статья с особой остротой ставит вопрос о настоятельной необходимости и целесообразности переиздания известного в науке Указателя сказочных сюжетов. В настоящее время, как известно, ведется работа по изданию подобных указателей в международном масштабе: в этой работе участвуют и советские фольклористы. Новая, исправленная и дополненная (за счет вновь изданных собраний сказок, а также их переизданий) публикация Указателя Н. П. Андреева будет и лучшим памятником этому выдающемуся фольклористу, и показателем роста советской фольклористики.

Э. В. Померанцева в статье о теоретических взглядах Ю. М. Соколова правильно ограничивает себя изучением методологических и методических установок этого крупнейшего фольклориста, которые и в наши дни сохраняют свою остроту, свежесть и актуальность. Ю. М. Соколов был одним из первых ученых, стремившихся построить советскую фольклористику на прочной методологической базе марксизма-ленинизма: научный путь Ю. М. Соколова, правильно говорит автор, — это путь советской фольклористики за первую четверть века ее существования. Статья Э. В. Померанцевой — не первая историографическая работа о Ю. М. Соколове, и поэтому автору следовало бы точнее определить, что в творчестве этого ученого уже исследовано в историографическом плане и что предстоит сделать историкам в дальнейшем.

Статья В. П. Алексеева «Эволюционная идея происхождения человека в русской науке до Дарвина и проникновение в нее дарвинизма» заключает выпуск. В ней автор убедительно раскрывает историю эволюционной идеи в России до и после Дарвина. Следует, однако, отметить, что конечная хронологическая граница анализируемого автором материала четко не определена. Почему работы С. М. Чугунова и И. И. Мечникова, написанные до 1917 г., выходят за хронологические рамки этой статьи? Ведь обычно хронологическим рубежом, отделяющим советскую науку от русской дореволюционной, мы считаем Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Редактура выпуска проведена умело и последовательно, проведена необходимая унификация сносок, стилистических недостатков мало. Правда, некоторые сокращения не раскрыты, а одна из аббревиатур (ЛГАОРСС) в списке сокращений раскрыта неверно, но это все — мелкие замечания, не снижающие общего весьма высокого научного уровня рецензируемого выпуска.

Нельзя не отметить в заключение, что коллектив, готовивший эти сборники, учел замечания, высказанные в рецензии на предшествовавший выпуск¹, и обратил особое внимание на историю советской этнографии и фольклористики 20—30-х годов, чем создал предпосылки для историографического изучения последующих периодов в истории нашей науки.

Рецензируемый выпуск — свидетельство роста и профессионального мастерства советских этнографов и фольклористов, успешно овладевающих методикой создания историографических трудов.

¹ См. «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 168—171.

Л. Н. Пушкирев

Л. А. Чибиров. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, 215 стр., 51 илл., таблицы I—XXIII.

За последние годы литература по этнографии осетинского народа обогатилась рядом исследований, в которых, наряду с другими основными чертами культуры и быта, рассматривается также и жилище осетин. К такого рода общим работам в первую очередь

относятся исследования Б. А. Калоева («Осетины», М., 1963), А. Х. Магометова («Культура и быт осетинского народа», Орджоникидзе, 1968) и др. Но в этих работах, охватывающих основные элементы культуры и быта, жилище занимает подчиненное место.

Специальных же работ по жилищу осетин мало. В основном это — журнальные статьи. Среди них можно назвать работы Е. Г. Пчелиной «Дом и усадьба в нагорной полосе Южной Осетии», Н. Ф. Таковой «Из истории осетинского горного жилища» и несколько других. Они представляют безусловный интерес, однако размеры журнальных статей ограничили возможность более или менее полного охвата темы. Имеется также интересная работа З. Д. Гаглоевой «Типы жилищ Южной Осетии», к сожалению, до сих пор не изданная и поэтому недоступная широкому кругу читателей.

Рецензируемая книга Л. А. Чибирога «Осетинское народное жилище» является по существу первым опытом специального монографического исследования этого важнейшего элемента культуры и быта в прошлом и настоящем. Она написана на материалах Южной и Северной Осетии, с учетом таких аспектов проблемы как история формирования осетинского жилища, его типологическая классификация, социальные и культурные функции жилища и т. п. Все это рассматривается в тесной связи с формой поселения.

Основной задачей исследования автор считает исследование осетинского народного жилища в процессе его исторического развития с учетом изменений, произошедших в результате социалистического преобразования быта, освещение семейного и общественного уклада и религиозных верований осетинского народа.

Автор считает несомненной генетическую связь современных осетин с далекими аланами. Поэтому он стремится в своем исследовании «...увязать вопросы этнографии осетин с историей и этнографией северокавказских алан» (стр. 5).

В предисловии к работе дается сжатый обзор истории проблемы этногенеза осетин, литература вопроса и определяются задачи исследования.

Весь первый раздел книги посвящен выяснению времени и условий расселения осетин на территории Центрального Кавказа, возникновения и распространения здесь осетинских поселений.

Автор считает, что наиболее ранние поселения осетин в Грузии восходят к XIII—XV вв., но к сожалению, не подтверждает это документально.

В следующей главе автор, основываясь, главным образом, на преданиях, рисует картину образования осетинских поселений на территории Южной Осетии. Очень интересен параграф, в котором рассматривается вопрос о происхождении названий поселений. Здесь же приводятся условия, которые определяли выбор места поселений. Главное значение при этом уделялось источникам воды, связи с хозяйственными угодиями, естественным условиям обороны; существовали и народные приметы, связанные с выбором места для селения.

Анализируя соответствующие данные, автор приходит к вполне обоснованному выводу, что селения горной Осетии давно потеряли моногенный характер, что родовые поселения здесь изжиты, как и в других районах горного Кавказа. Поэтому не совсем понятны употребляемые им в отдельных случаях термины «родовое поселение» (стр. 35, 36 и др.), «родофамильное» и «родовое кладбище» (стр. 63 и 64). Очень важно утверждение автора о том, что поселения в горной Осетии носили патронимический характер. Это положение, подробно разработанное на этнографическом материале для горных районов Центрального Кавказа, имеет принципиальное значение для правильного понимания особенностей культуры и быта народов Кавказа вообще. Дело в том, что патронимическая организация, представляя собой группу дочерних семей, образовавшихся в результате сегментации большой семьи, характеризовалась некоторыми чертами общности, в частности общей территорией, а также единством в некоторых сферах общественно-экономической жизни и идеологии. Патронимия, будучи поздним явлением, благодаря вышеуказанным чертам общности, проявляла внешнее сходство с родовой организацией. Очевидно, именно эта иллюзия и предопределила одно из величайших заблуждений кавказоведческой этнографии — «теорию» господства на протяжении всего XIX в. родового строя (в «полном расцвете» его) у большинства народов горного Кавказа. В результате буквально все путешественники и исследователи, подчеркивая высокий уровень общественно-экономического развития народов Кавказа вплоть до присвоения некоторым горским обществам эпитета «свободная республика», категорически утверждали тезис о наличии здесь даже в XIX в. родового строя в виде господствующей общественной силы.

Эта ошибка кавказоведческой этнографии, обусловленная чисто внешним сходством между родовым строем и патронимической организацией, к сожалению, до сих пор не преодолена полностью. Автору рецензируемой работы это обстоятельство, конечно, известно. Несмотря на это, он не совсем четко излагает свои позиции, когда дело касается определения характера горноосетинского поселения. Впечатление нечеткости создает применение им понятия «родовое поселение». Автор не совсем правильно понимает разницу между понятием «тип» и «форма» поселения. Он подчеркивает вслед за М. В. Витовым, что под первым подразумевается явление общественно-экономического порядка, а под вторым — прежде всего географического. Вместе с тем, свою типологическую классификацию он строит по принципу вертикальной зональности. «Зональный принцип типологии — по мнению автора — в условиях Осетии дает возможность резко очертировать тип поселений, их отличие друг от друга.

В Осетии, как и в других районах горного Кавказа, на протяжении всего XIX в. господствующей формой поселения было патронимическое.

Между тем при рассмотрении типологии поселений с позиции уровня общественно-экономического развития, зональность, как географический фактор, не может иметь определяющего значения, а в силу этого не может быть положена в основу типологической классификации поселений.

Одна глава, к сожалению, короткая, посвящена жилому комплексу осетин. Она называется «Усадьба и двор». Автор весьма скромно рассматривает основные элементы жилого комплекса, называя его «усадьбой». Нам представляется спорным применение здесь этого термина, так как усадьба, как правило, предполагает наличие не только комплекса служб, но и определенных земельных угодий (сада, огорода), что в условиях высокогорной Осетии в большинстве случаев исключено.

В этой же главе приведены материалы о формах изгородей, калиток и ворот. Этот чрезвычайно интересный элемент хозяйственного быта почему-то основательно забыт этнографами.

Второй раздел монографии целиком посвящен жилищу осетин. В первой главе этого раздела дается история жилища народов Кавказа в свете данных письменных источников и археологии. В ней автор развивает правильную мысль об общности, которая была характерна еще в III тыс. до н. э. для жилищ народов Кавказа вообще. Довольно убедительно обоснован тезис о местном происхождении осетинской формы жилища (там же).

Однако недостаточно аргументировано положение о том, что галуан — тип жилища в Осетии, — вместе с башней является «древнейшим архитектурным памятником».

Описание таких башенных сооружений местами лишено полноты и конкретности, а в отдельных случаях не точно.

Желательно было бы глубже рассмотреть вопрос о хронологии памятников башенной культуры народов Кавказа. Автор, ссылаясь на следы использования огнестрельного оружия на башнях, заключает: «...сохранившиеся на башнях следы использования огнестрельного оружия не позволяют датировать их позже XIII—XIV вв.» (стр. 92).

Одним из основных разделов монографии является глава, посвященная типологии жилищ дореволюционной Осетии. В ней автор, справедливо критикуя существовавшие ранее классификационные системы, предлагает свою классификацию осетинских жилищ.

По мнению Л. А. Чибирова, дореволюционные осетинские жилища можно разделить на четыре группы: Первая — горное жилище: наиболее архаическое из всех осетинских жилищ. Оно имеет четыре подтипа: с вертикальной застройкой и плоской крышей; с горизонтальной застройкой и плоской крышей, галуан в виде комплекса, состоящего из жилой и оборонительной башни и других сооружений, и, наконец, гаенах, т. е. дом-крепость. Вторую группу составляют бревенчатые дома. Она делится на два подтипа (срубные жилища со ступенчато-пирамидальным перекрытием и срубные же, но без него). В третью группу входят жилища равнинной Осетии (турлучные, кирпичные — из сырца и обожженного кирпича). В четвертую группу — подземные и надземные жилища.

Как видно, основа классификации осетинского жилища в принципе правильна, однако она не выдержана до конца. В одном случае жилища выделяются по ареалу распространения (горное и равнинное), в другом — по материалу (досчатые, кирпичные), в третьем — по расположению (подземные, надземные).

Высокой оценки заслуживает глава, посвященная строительному материалу и строительной технике, до сих пор недостаточно изученным. Именно этот раздел, содержащий разнообразные совершенно новые полевые материалы, открывает широкие возможности для установления параллелей в культуре и быту народов горного Кавказа.

Большой интерес вызывает параграф, содержащий ценные материалы автора по народным приметам и обычаям, связанным со строительством дома (начиная от выбора места для строительства вплоть до завершения строительных работ).

Наилучшее впечатление оставляет VI глава, в которой рассмотрены стадии развития жилища, обстановка и убранство. Главное место в этой части исследования занимает очаг. Автор здесь проявляет основательное знание фактического материала и умение осмыслиения его социальной сущности.

Заключительная глава книги посвящена современному осетинскому крестьянскому жилищу. Здесь читатель найдет обстоятельное описание развития жилища за годы Советской власти, изменений, произошедших в типе жилищ, в материале и технике, в убранстве и обстановке жилища, в архитектурном украшении современного жилого дома. В этой же главе говорится об индивидуальных хозяйственных постройках.

Под конец еще одно замечание принципиального характера. Дело касается транскрипции географических названий. Как известно, существует официальный источник — «Грузинская ССР. Административно-территориальное деление» (Тбилиси, 1960), в котором установлены наименования населенных пунктов по всем районам Грузии.

К сожалению, Л. А. Чибиров не придерживается принятой транскрипции. Например, он употребляет термины: *Сабаркнет* вместо *Сабаркли* (стр. 34), *Метех* вместо *Метехи* (стр. 39), *Тбет* вместо *Тбети* (стр. 46), *Цон* вместо *Цона* (стр. 44, 63, 78), *Зивлет* вместо *Зивлети* (стр. 30), *Накрена* вместо *Накреба* (стр. 52, 65), и др. Это тем более необходимо подчеркнуть, что подобного упрека заслуживает не только рецензируемая работа.

Совершенно новый, в значительной степени оригинальный авторский материал, многообразные сравнительные данные из быта других народов горного Кавказа, выводы автора по вопросу о путях развития осетинского жилища, о его хозяйственных, социальных и культовых функциях — все это делает исследование Л. А. Чибирова значительным шагом в истории изучения осетинского жилища, имеющим большое значение для исследования жилых комплексов народов горного Кавказа вообще.

• А. И. Робакидзе

А. А. Глонти. Топонимические разыскания. Вып. 1, Тбилиси, 1971, 108 стр. (на груз. яз.)

Реценziруемая книга, рекомендованная в качестве учебного пособия для студентов филологических факультетов высших учебных заведений Грузии, состоит из двух частей: 1) «Топонимы и тоponимика» (историко-филологическое исследование) и 2) «Топонимический словарь».

Автор показывает, как развивалась топонимика в Грузии. В течение ряда веков в грузинских литературно-исторических памятниках накопилось большое количество топонимических материалов. Начало их изучения связано с грузинским ученым XVIII в. В. Багратиони¹. Работы по сравнительной топонимии начались в XIX в. (Т. Багратиони, Н. Дадиани, Д. Бакрадзе, А. Цагарели и др.). В книге приведены примеры широкого использования топонимических материалов Грузии такими выдающимися учеными-кавказоведами, как академики М. И. Броссе, Н. Я. Марр, И. А. Джакахишивили, Е. Такайшивили и др.

В последние годы ученые собирали и публиковали топонимы, изучали их структуру и генезис. В 1965 г. в газете «Комунисти», органе ЦК Компартии Грузии, был поставлен вопрос о выработке единого плана работ в области топонимики. Однако, как отмечает автор, топонимические разыскания в Грузии пока еще ведутся недостаточно интенсивно.

В рецензируемом издании весь топонимический материал подразделяется на три «ряда»: микротопонимию, собственно топонимию и макротопонимию. В первый «ряд» введены известные лишь ограниченному кругу местных жителей географические названия небольших пунктов, естественных или искусственно возникших объектов (рек, холмов, долин, ущелий, пашен, виноградников, чайных плантаций и т. п.). Собственно топонимия изучает названия более крупных географических пунктов: сел, местечек, городов, гор, небольших и средних рек, небольших озер, межрайонных пастващ и т. п. И наконец, в третий «ряд» (макротопонимию) включены названия крупных географических объектов — государств, городов мирового значения, великих рек, морей, озер, океанов и т. п. (стр. 5).

В лингвистическом отношении, пишет А. А. Глонти, грузинская топонимия закономерно укладывается в рамки пяти моделей. Они приведены в рецензируемой книге в следующем порядке: 1) обычное слово-название; 2) топонимы, образованные с помощью специфических (топонимических) аффиксов; 3) топонимы, образованные по принципу словосочетания; 4) топонимы-композиты; 5) географические названия, связанные с именами выдающихся людей.

Автор приводит многочисленные примеры бытования нескольких названий одного географического объекта и пытается теоретически объяснить эти факты. Среди них специальный интерес представляет такое редкое явление, как два названия национальной столицы грузии восточногрузинского «Тбилиси» и западногрузинского (мергелочанское, сванское) «Картли», производного от племенного названия восточных грузин «карти» (антинные иберы). К сожалению, автор обошел молчанием существующее мнение, что второе название в древности бытовало и в Восточной Грузии².

Сравнительно много места удалено в книге гидронимам, которые, как справедливо отмечает автор, в специальной литературе исследованы слабо. А. А. Глонти приводит структурные формы грузинских гидронимов и дает их краткую, но обстоятельную лингвистическую характеристику. Заслуживает внимания историческая этимология названия одного из горных районов Восточной Грузии «Хевсурети», которое, по мнению автора, первоначально имело значение гидронима.

Отметим одну из затронутых в книге топонимических проблем, имеющую практическое значение. Речь идет о недопустимости перевода или калькирования топонимов. Автор считает, что они должны писаться по законам языка, которому принадлежат, мотивируя свою точку зрения тем, что иначе осложнится общение населения различных стран и народов. Это мнение, как представляется, выражено в чересчур категоричной форме. Общеизвестно, что топоним, как и всякое иностранное слово, трансформируется

¹ Автору рецензируемой работы принадлежит специальное исследование «Топонимические материалы грузинского историка и географа XVIII в. Вахушти Багратиони в свете новых записей», в сб. «Питання ономастики», Киев, 1965.

² См.: К. Г. Григориа, Ахали Картлис չհօրեբա, Тбилиси, 1954, стр. 74—76 (на груз. яз.).

в соответствии с законами гого языка, в который он входит. Грузинам, например, неизвестны названия «Россия», «Франция», «Англия». В грузинском языке эти топонимы звучат, как «Русети», «Сафранети», «Инглиси». Эти слова образованы с помощью грузинских словообразовательных аффиксов, -са, -ет, -ис-.

В некоторых случаях перевод и калькирование топонимов совершенно неизбежны. Так, название городка Новый Афон, изобретенное русским духовенством в конце прошлого столетия³, у грузинского населения Абхазии, как и в современной грузинской литературе, бытует только в переведной форме: «Ахали («Новый» Афон)».

Особую ценность представляет приложенный к рецензируемой книге «Топонимический словарь», который включает до 5000 лексических единиц. Это главным образом топонимы западногрузинских районов, где преобладают мегрело-чанские группы. Как считает автор, в словарь вошли все сохранившиеся в народной памяти местные географические названия.

Этот словарь дает ценный материал для теоретических обобщений по различным вопросам исторической географии и этнографии Грузии. В данной рецензии мы проиллюстрируем это положение на одном примере. Анализ топонимов показывает, что в Западной Грузии возникали географические названия некартвельского характера. В частности, топоним «Хорши» и гидроним «Хоршоли» в Цхакаевском районе, по нашему мнению, имеют осетинское происхождение (осет. «хорш» — хороший). Возможно, что в данном случае в языке сохранились следы проникновения в далеком прошлом на территорию Западной Грузии отдельных осетинских (скифо-аланских) этнических групп. В специальной литературе неоднократно отмечалось, что в картвельском языке имеются заимствования из осетинского. Эти заимствования относятся к разным историческим этапам. К сожалению, в грузинской топонимике пока еще мало изучены следы многовековых связей картвельских племен с ираноязычными предками осетинского народа.

В книге А. А. Глонти зафиксирован ряд топонимов, таких как «Абхазаши га» («Абхазский холм») и «Наабхазу» («Место бывшего пребывания абхазов») в Гегечкорском районе, а также «Абхазаши нохори» («Бывшее абхазское селение») в Абастуманском районе, свидетельствующих о пребывании в Западной Грузии абхазцев. К большому сожалению, автор не приводит никаких исторических материалов, объясняющих возникновение этих названий. Известно, что западная часть Грузии, некогда заселенная мегрело-чанами, еще в I тысячелетии была полностью освоена восточногрузинскими (иберскими) племенами⁴. Возможно, что сохранение приведенных выше географических названий свидетельствует об активных миграциях абхазов в глубь Западной Грузии еще до ассимиляции ее мегрело-чанского населения пришедшими из Восточной Грузии племенами.

Миграции абхазских племен в различные районы Западной Грузии, к сожалению, почти не зафиксированы в литературных источниках. Имеется лишь свидетельство грузинского историка XI в. Леонти Мровели о военном союзе древнеабхазских племен-джиков с Картли в I в. н. э. в Закавказье. Можно предположить, что еще в античную эпоху абхазские этнические элементы постоянно проникали в низменные районы Западной Грузии. В результате еще в древности здесь возникли такие топонимы адыгского происхождения, как Супса, Малтаква и т. п. Попытка связать эти топонимы с языком древнейших аборигенов Передней Азии хаттов (protoхеттов) пока малодоказательна, так как до сих пор неизвестны пути их передвижения в Восточном Причерноморье. Кроме того, адыгские морфологические элементы -ква, -пса в языке хаттов (protoхеттов) совершенно не зафиксированы, а последний из них находит этимологию в языках индоевропейской системы⁵. В Западной Грузии существуют топонимы, которые говорят о миграции в эту область уже в новое время отдельных групп некавказского населения. Так, в течение XVIII—XIX вв. в Грузии селились греки из Турции и Иранского Азербайджана⁶. В «Топонимическом словаре» зафиксированы четыре пункта с названием «Неберзену» («Место бывшего пребывания греков»).

Небольшая по объему, но очень содержательная книга А. А. Глонти будет с большим интересом восприятия учащейся молодежью. Выход в свет последующих выпусков «Топонимических разысканий» будет безусловно способствовать сравнительному изучению топонимии не только Грузии, но и других областей Кавказа.

Г. В. Цулая

³ См.: В. П. Пачулиа, По историческим местам Абхазии, Сухуми, 1956, стр. 46.

⁴ См.: Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 68—69.

⁵ И. М. Дьяконов, Языки Древней Передней Азии, М., 1967, стр. 172—176.

⁶ См.: «Народы Кавказа», т. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 422, 423.

В наши дни быстро растет спрос на научную литературу, которая была бы доступна и для читателя-неспециалиста. В числе других вопросов массовый читатель проявляет интерес и к вопросам генезиса и развития различных форм религиозной идеологии, в частности, сохраняющейся у народов Советского Союза. Среди последних работ о религии, предназначенных не только для специалистов, следует назвать книгу В. Н. Басилова «Культ святых в исламе».

Как показали исследования так называемых «мировых» религий, в них, наряду с догмами, обязательными для всех последователей, обнаруживаются у разных народов своеобразные черты, порожденные влиянием старых религиозных воззрений. Уступая место новой религии, древние верования не исчезали бесследно, а продолжали существовать в ином обличье и в иной роли. Особенно много следов старых религиозных воззрений отложилось в культе многочисленных святых, который вследствие этого является своеобразным источником для реконструкций представлений далекого прошлого, не оставивших следа в письменных памятниках.

Культ святых в исламе давно привлекает внимание ученых, начиная с крупнейшего знатока ислама И. Гольдциера, высказавшего мысль о сохранении в этом культе у мусульманских народов остатков их прежних религий. Все последующие исследования годтервили глубокую правоту этого взгляда.

Несмотря на наличие ряда серьезных работ, проблемы древнего наследия в мусульманском культе святых, в частности вопросы происхождения отдельных персонажей, еще далеки от окончательного разрешения. В культе святых у народов Средней Азии до сих пор еще много неясного. Недостаточно изучены местные культы, сложившиеся у разных народов и групп населения. Многочисленные местные святыни, которые отнюдь не перестали играть своей роли в распространении религиозной идеологии и еще пользуются почитанием, не только не изучены, но часто и не выявлены. Не раскрыт генезис связывавшихся с определенными святыми представлений, распространенных в прошлом очень широко, не говоря уже о культурах, имеющих местное значение. По ряду народов отсутствует конкретный описательный материал, недостает фактов для научного исследования природы древних представлений и характера их трансформации под влиянием ислама.

Небольшая книжка В. Н. Басилова написана квалифицированно, на свежем, оригинальном материале, собранном автором во время работы в поле. Название книги значительно шире ее содержания: в ней рассматривается культ святых не в исламе вообще, а преимущественно в исламе среднеазиатском, имеющем свои локальные особенности. При чрезвычайной сложности темы В. Н. Басилов выбрал для своего исследования только некоторые персонажи культа святых, только некоторые его аспекты, и это правильно. В рамках небольшой книги и в условиях современного состояния знаний по этому вопросу иная постановка задачи могла бы привести только к изложению суммарного общего материала, а не дала бы ничего нового. Рассмотрение всех почитаемых в Средней Азии святых потребовало бы долгих лет исследований и написания объемистых фолиантов. Поэтому ограничение автором своей задачи лишь некоторыми вопросами было единственно правильным решением. Однако несоответствие названия книги содержанию может вызвать недоумение, а у неспециалиста (тираж книги показывает, что она рассчитана на массового читателя), может быть, и неудовлетворенность. В заглавии лучше было указать, к какому региону относится рассматриваемый в ней материал.

Больше всего внимания, как отдельному персонажу культа, уделено святому, широко известному, вероятно, у всех народов Средней Азии как безумец Бурх (Буркут). По поверью существовало множество могил святого в разных местах: в Куя-Ургенче и Бухарской области, в отдаленном районе горного Таджикистана Вахийо, вероятно, еще во многих, пока не упомянутых в литературе местах. Этот святой, культа которого впервые отмечен у горных таджиков Н. А. Кисляковым, предстает в легендах как «баловень бога», которому дозволяется грозить самому творцу и требовать у него исполнения своих просьб, носящих весьма ультимативный характер. Откуда взялись эти и другие непонятные и странные черты его образа?

Собрав обильный и распространенный материал об этом культе, использовав те данные, которые сообщались о нем в литературе (в частности, автором этой рецензии), а также факты аналогичного содержания из верований других народов мира, В. Н. Басилов нашел свое объяснение этого образа (глава I). Он проанализировал отдельные его черты и показал, как конкретичен этот образ, сколько различных элементов древних верований включил он в себя на протяжении многих веков, в течение которых культа Бурхса видоизменялся, подвергаясь разным влияниям. Приспособляясь к изменявшимся историческим условиям, культ святого безумца продолжал существовать и при исламе, сохраняя при этом свои древние особенности, позволяющие понять истоки отдельных деталей мифической биографии святого. В. Н. Басилов находит эти истоки в древних аграрных культурах. От них идет и «стояние в течение сорока дней на одной ноге», аналогии которому известны у ряда земледельческих народов, и его функция «хозяина дождя», особенно ярко представленная в верованиях туркмен.

Весьма остроумно (и, по нашему мнению, правильно) трактуется неуважительное отношение Бурха к самому Богу. Собрав по этому вопросу довольно значительный

полевой и литературный материал, показывающий, как широко было распространено подобное представление. В. Н. Басилов видит в этом следы разных этапов борьбы ортодоксального ислама с поклонением древнему земледельческому божеству, следы приспособления связанного с этим культом мифа к господствующей религии — исламу. Заслуживает одобрения стремление автора при рассмотрении верований выделить те черты, которые в народных представлениях отнесены к данному персонажу случайно, и те, которые связаны с ним исконно.

В литературе уже высказывалась общая мысль о том, что почитание святых в своем генезисе восходит к культу предков. В. Н. Басилов, используя для анализа культа святых в этом аспекте материал из области верований туркмен — народа, у которого очень долго сохранялись пережитки родо-племенного быта, сумел показать связь этих двух стадиально различных культов на конкретных, и поэтому убедительных, примерах (глава II). Этот анализ оказался полезным и для понимания характера поздних туркменских «племен»: он показал, насколько ослабели в последний период существования этих «племен» родовые связи, уступившие место связям территориальным. Даже в такой консервативной области, как культ, место родовых святынь у туркмен заняли в основном святыни местные, почитаемые независимо от происхождения обожествляемого лица.

Хотя в этом разделе преобладает материал по туркменам, автор не уклоняется от более широкого анализа данного явления. Для этого он привлекает имеющейся в его распоряжении материал по другим народам Средней Азии и по казахам. При совершенной неразработанности этой проблемы, изложенные в разделе факты и их интерпретации приобретают особый интерес.

Вопрос о среднеазиатском шаманстве принадлежит к нерешенным и очень интересным научным проблемам. В работе В. Н. Басилова (глава III) он предстает в совершенно неожиданном аспекте. Автор рецензируемой книги обнаружил, что у одной из групп туркмен — нохурли шаманскими функциями наделены ходжи — «священное» слово, ведущее свое происхождение якобы от самого пророка Мухаммеда. Аналогии между их деятельностью и среднеазиатским шаманством полные: ходжи, как и шаманы, действуют в качестве защитников людей от злых духов и «лечат» болезни, якобы вызванные духами; как и шаманы, они действуют с помощью «войска» подчиненных им духов, как и шаманы, приводят себя в транс.

Изученный В. Н. Басиловым факт является в своем роде классическим примером сращения доисламских и исламских верований. Под оболочкой «потомков пророка» вырисовывается совершенно недвусмысленно шаман — персона, истоки которой уходят в первобытность. Глубокие местные корни древних религиозных идей вплелись в привнесенную сюда арабами новую религию. Частный вопрос о том, являются ли нохурские «святые» ходжи прямыми потомками древних шаманов и с какой из групп нохурских ходжей первоначально были связаны шаманские верования, нам не представляется важным. У народов Средней Азии шаманство не было изжито вплоть до революции. В одних местах оно было более обособленным от ислама (таким представляется шаманство у киргизов и у казахов, у которых оно тесно слилось с культом предков), в других — как у туркмен-нохурли — шаман и ходжа соединились в одном лице. Но основа повсюду общая: сохранение анимистического миропонимания, сохранение шаманами в рамках ислама роли основных «врачевателей» и прорицателей. То обстоятельство, что шаманство полностью не изжито и сейчас, подчеркивает своеевременность и актуальность исследований, подобных выполненному В. Н. Басиловым.

Интересен и круг вопросов, рассматриваемых в последней главе книги. Нельзя не согласиться с автором, что раскрытие архаических корней культа не должно приводить к архаизации религиозных версий мусульман вообще: древние обряды могут исполняться механически, по традиции, и не свидетельствуют о сохранении какого-то «архаического мышления». Правильно и то, что при рассмотрении мировоззрения мусульман, в частности при анализе пережитков древних верований, отложившихся в культе святых, нельзя преуменьшать влияние на это мировоззрение ислама, в духе которого произошла обработка древних верований, особенно значительная там, где это касалось культа мусульманских святых. Однако утверждение, что примитивные формы культа святых «являются не отголоском первобытности, не атавизмом, а результатом деградации развитых религиозных воззрений» (стр. 141—142), не может быть принято полностью: в этих весьма различных культурах можно обнаружить и то и другое. Всякий, кто соприкасался с семейным бытом народов Средней Азии в первые годы Советской власти, хорошо знает, какое большое место в объяснении явлений и событий, в представлениях о причинности, существовавших у местного населения, занимали такие верования, которые в полной мере могут быть отнесены к весьма живым еще пережиткам древнего анимизма, могут считаться его прямым продолжением в различных формах, в частности, в форме шаманства. Те воззрения, которые оказались у туркмен-нохурли связанными с «потомками» Мухаммеда, никак нельзя принять за результат разложения развитых религиозных воззрений, так как подобные представления были распространены в народной среде и вне связи с культом святых. В этом случае их генезис из магико-анимистических верований, восходящих к первобытности, не вызывает сомнения. Эти представления и некоторые рассмотренные автором рецензируемой работы верования — явления одного порядка, хотя и разных степеней эволюции или деградации. Но, конечно, даже самые архаичные представления начала XX в. никак нельзя отожествлять с идеологией первобытного общества. Сохранившись в течение многих

веков, эти реликты прошлого трансформировались под влиянием развития общества и его идеологии.

Особенно наглядно это проявляется в переплетении древних верований и обрядности с мусульманством.

Автор, несомненно, будет продолжать свои исследования дальше, в связи с этим хочется высказать ему свои пожелания. Традиционный быт туркмен, казахов и киргизов вследствие прочного сохранения у них родо-племенных традиций дает большие возможности для выяснения преемственной связи почитания конкретных персонажей с культом предков. Поэтому желательно продолжить изучение этого вопроса в частности, изучить в этом аспекте и культ «святых женщин». В книге В. Н. Басилова этот вопрос, к сожалению, совсем не затронут. Между тем имеющийся материал показывает, что у узбеков и таджиков (несмотря на давнее господство у них патриархальных родственных связей и патриархальной идеологии) женские культы отнюдь не были в пренебрежении.

Древние матриархальные культы нашли отражение, например, в широко распространенном у названных народов почитании таких «святых женщин», как Биби Сешанбе и Биби Мушкилькушо (госпожа Вгорник и госпожа Разрешающая затруднения), Святая Фатима и т. п. Надо думать, что при дальнейшем изучении народных верований обнаружатся другие подобные культы. Описать и проанализировать культы «святых женщин» в книге о верованиях мусульман очень важно; именно в среде женщин, где отсталые представления и суеверия чаще всего находили себе приют, кульг «святых женщин» был особенно живуч.

Еще одно замечание: книга не лишена научного аппарата. Однако ссылки, которые мы в ней находим, не исчерпывают имеющейся литературы. А привести ее было бы важно. Научный аппарат должен быть достаточно богатым, чтобы им могли воспользоваться и читатели-неспециалисты, и исследователи этой проблемы. Автор книги проработал массу литературы, состоящей почти исключительно из мелких статей, разбросанных большей частью по дореволюционным изданиям. Полная библиография по данному вопросу могла бы оказать значительную помощь как исследователям смежных проблем, так и начинающим ученым, особенно в национальных республиках.

Несмотря на ряд высказанных замечаний, и на то, что в книге далеко не все вопросы темы нашли обстоятельное освещение, нельзя не порадоваться выходу в свет этой талантливо написанной работы, в которой новизна добытых «в поле» сведений удачно дополняется правильным выбором обширного сравнительного материала.

O. A. Сухарева

З. В. Гоголев. Якутия на рубеже XIX—XX вв. Новосибирск, 1970.

Вопрос об уровне социально-экономического развития народов Сибири в конце XIX — начале XX в., в период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, неоднократно привлекал к себе внимание историков, этнографов, экономистов. Однако эта большая проблема еще слабо изучена. Это объясняется не только сравнительной скучностью источников, но и многогранностью и сложностью самой темы.

Книга З. В. Гоголева «Якутия на рубеже XIX—XX вв.» посвящена оценке общественного строя Якутии накануне великих социальных преобразований, вызванных Октябрьской революцией. Следует отметить, что социально-экономическое положение дореволюционной Якутии, вопросы о вызревании капитализма, зарождении рабочего класса и расслоения якутского крестьянства подвергались серьезному анализу в ряде работ, посвященных как общим вопросам, так и отдельным узловым проблемам истории этого края¹. Однако характер и объем этих трудов не позволяли их авторам подробно осветить эти глубокие изменения и дать им всестороннюю оценку. Это обстоятельство, как пишет автор рецензируемой работы, и побудило его детально исследовать состояние хозяйства, общественные отношения и классовую борьбу в тот бурный период истории якутского народа.

Действительно, в книге тщательно суммированы имеющиеся статистические и документальные материалы по этим вопросам, в том числе широко использованы этнографические данные. Автор рассматривает новые социальные и экономические явления, возникшие в конце XIX в., на фоне традиционных хозяйствственно-культурных комплексов, издавна сложившихся в якутском крае.

В первой главе на основе этнографических и статистических источников характеризуются условия существования и особенности хозяйства якутов, эвенов, эвенков, юкагиров, чукчей и русских Якутской области. Описание занятий, типов жилищ, пищи, одежды, средств передвижения позволили автору показать примитивность материальной культуры населения. Справедливо подчеркнуты в книге тяжелые условия жизни

¹ С. В. Бахрушин, Исторические судьбы Якутии, сб. «Якутия», Л., 1927; С. А. Токарев, Очерк истории якутского народа, М., 1940; «История Якутской АССР», т. II, М., 1957; А. И. Новгородов, Октябрьская революция и гражданская война в Якутии, Новосибирск, 1969.

основной массы жителей края, страдавших от голода, эпидемий, нищеты и невежества. В отдаленной, слабо населенной области с особой остротой проявлялась экономическая отсталость.

Однако, как убедительно показано в книге, капиталистический уклад, товарно-денежные отношения и здесь в конце XIX — начале XX в. властно пробивали себе дорогу. Особое значение в этом отношении имели возникшие во второй половине XIX в. Ленские золотые прииски. Якутия (южные округа) стала поставщиком продуктов для золотой промышленности. В рыночные связи были втянуты широкие массы якутского крестьянства.

Значительный фактический материал, приведенный автором во II главе, свидетельствует об усилении экономических связей Якутии с Центральной Россией. Огромное количество пушнины вывозилось из Якутского края на продажу в города и за границу. Из года в год расширялись перевозки грузов. В 1917 г. по Лене курсировало 38 пароходов. Развитие торговли, рост товарооборота привели к тому, что в области появились крупные торговые фирмы, торговые объединения, банки, ссудные кассы. Эти же факторы способствовали разложению натурального хозяйства, развитию мелкотоварного уклада, что хорошо показано на конкретном материале в III главе. В изучаемый период в основных отраслях скотоводства и земледелия Якутии произошли существенные изменения. Появились сельскохозяйственные машины. Ускоренно расширялись сенокосные угодья. Постепенно улучшалась породность скота, увеличивались посевы зерновых и огородных культур. Однако эти процессы были характерны не для всей Якутии, а преимущественно для Олекминского и Якутского и отчасти Вилюйского округов, тогда как в северных округах господствовало натуральное хозяйство. В крайне примитивной, традиционной форме сохранилось скотоводство в бедняцких и середняцких хозяйствах.

Особый интерес для этнографа представляет IV глава, посвященная поземельным отношениям. В конце XIX — начале XX в. в Якутии сохранялось общинное землепользование и соседская община. Якутские эксплуататорские элементы — бай и тоёны — оставались членами общин и名义ально подчинялись ее постановлениям. Автор подробно описывает так называемую «классную систему землепользования», периодические переделы земель, ежегодные подрагивания паев по урожаям трав и т. д. Анализ земельных отношений привел З. В. Гоголева к справедливому заключению о том, что общинная система не мешала зажиточной кулацко-тойонской верхушке постоянно пользоваться лучшими землями и не препятствовала классовой эксплуатации.

Значительное внимание уделено в работе социальной структуре якутского общества, формам эксплуатации, в том числе и капиталистическим, классовому расслоению (глава V). Автор привел убедительные факты о зарождении якутской национальной буржуазии и якутского пролетариата, в основном наемных сельскохозяйственных рабочих, батраков.

Указывая на сложность социальной структуры Якутии на рубеже XIX—XX вв., автор остановился на характеристике общинных традиций, пережитков урватительного распределения охотничье добычи, родовой взаимопомощи и т. д. З. В. Гоголев справедливо подчеркнул, что развитых форм феодализма Якутия не знала.

В XIX — начале XX в. преобладающими производственными отношениями в Якутии, по мнению автора, были патриархально-феодальные, а в их недрах зарождались элементы капитализма (стр. 116). В целом в Якутском крае наблюдалось, как пишет З. В. Гоголев, «причудливое переплетение раннеклассовых, феодальных и капиталистических отношений». Выводы автора о многоукладности, о переходном характере социально-экономического облика Якутии в рассматриваемое время представляются хорошо обоснованными. Они подкреплены данными, приведенными в VII главе, посвященной колониальной политике царизма.

В двух заключительных главах изложены материалы, свидетельствующие о зарождении общественных движений. В период первой русской революции при участии политических ссылочных здесь возникла социал-демократическая организация. Якутская национальная буржуазия в этот период представляла определенную политическую силу. Она пыталась создать свою политическую организацию «Союз якутов» и требовала, преследуя свои классовые интересы, земского самоуправления и своего представительства в Государственной думе. Под влиянием ссылочных большевиков идеи пролетарской революции усиленно проникали в среду якутского пролетариата. Якутские пролетарии встретили 1917 г. под руководством своей партии.

Таким образом, книга «Якутия на рубеже XIX—XX вв.» дает яркую картину социально-экономического развития этой страны. Вместе с тем следует указать, что отдельные темы, такие, как общинные порядки, обычное право, рассмотрены излишне бегло. Для характеристики общественного строя было бы желательно больше внимания уделить вопросу об экономических связях между отдельными округами Якутии. Спорным представляется утверждение, высказанное автором вслед за М. А. Сергеевым, что земля у народов Крайнего Севера находилась во владении родовой общины (стр. 139). По существу, род у народов Севера в конце XIX в. превратился лишь в институт, регулировавший брачные отношения. У народов Севера, так же как и у якутов, утвердилась соседская община².

² «Общественный строй у народов северной Сибири», М., 1970, стр. 384—417.

В целом книга З. В. Гоголева, анализирующая особенности развития капитализма в Якутии, раскрывающая историю этого края в предреволюционный период, будет полезна не только историкам и этнографам-сибиреведам, но также исследователям других национальных окраин бывшей царской России. Несомненный интерес представляет рецензируемая работа для решения вопроса об этническом развитии якутов. Приведенный в книге фактический материал свидетельствует о том, что якуты в конце XIX — начале XX в. уже складывались в буржуазную нацию.

И. С. Гурвич

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969, 724 стр.

Выход в свет монографии Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина — значительное событие не только для индологий, но и для востоковедческой науки вообще. По существу, это первый обобщающий марксистский труд по истории древней Индии, охватывающий громадный период от раннего палеолита до Кушано-Гуптского периода включительно. Исследование древнейших этапов истории человечества, базирующееся, как правило, на данных археологии и палеоантропологии, — одна из труднейших проблем исторической науки, независимо от того, какой регион является объектом изучения. В отношении же Индии эта задача значительно усложняется в связи с рядом ее специфических особенностей.

Индия на всем протяжении ее многовековой истории никогда не представляла единства ни в расовом, ни в лингвистическом, ни в этническом, ни, наконец, в политическом отношениях. Тем не менее на этой территории в результате длительного и сложного процесса взаимодействия различных этнических компонентов сложилась особая культура, которую можно назвать индийской. При всей пестроте и неоднородности населения Индии можно говорить о ряде общих явлений культуры, отличающих Индию от других культурно-исторических областей.

Исследование всего сложного комплекса явлений, составляющих понятие культуры, невозможно, особенно применительно к Индии, без тщательного изучения самых ранних этапов ее развития. Во всех трудах по Индии, общих и специальных, изложение истории начинается обычно со времени появления первых датированных письменных памятников, т. е. с периода Ашоки (III в. до н. э.). Тщательное исследование разнообразных источников (данных археологии и палеоантропологии, нумизматики и глиптики, эпиграфики и древнеиндийской литературы), анализ социально-экономических отношений в сочетании с изучением этапов развития культуры и идеологии позволили авторам рецензируемой книги создать новую периодизацию древнеиндийской истории и отодвинуть нижнюю границу индийской истории вглубь на несколько тысячелетий.

История древней Индии распадается на три большие эпохи, которым в монографии соответствуют три раздела: I — древнейшая Индия (стр. 69—222), II — Индия в Магадхско-Маурыйский период (стр. 225—472) и III — Индия в Кушано-Гуптский период (стр. 475—694).

Первый раздел состоит из восьми глав: Индия в период каменного века; древнейшая цивилизация Инда; арийская проблема; древнейшая цивилизация в долине Ганга; происхождение варн; оформление сословно-кастового строя; ведийская религия; культура древнейших индийцев; племенной мир в первой половине I тысячелетия до н. э.

Второй и третий разделы посвящены уже относительно разработанным в исторической науке периодам, обеспеченным надежными источниками. Однако в силу ряда причин (главным образом из-за отсутствия в прошлом исторической традиции в самой Индии, а также ввиду религиозно-философского характера древнеиндийской литературы) исследование даже более поздних этапов ее истории порой превращается в сложнейшую проблему. Во II и III разделах большое внимание уделено особенностям социально-экономического развития, общественного строя и идеологии Индии, а также последовательно излагается ее политическая история и история культуры. Кратко, но достаточно выразительно отражены основные достижения древних индийцев в литературе и философии, искусстве и архитектуре, астрономии и математике.

В книге большое внимание уделено истории индийских религий: авторы попытались осветить все этапы развития религиозных воззрений индийцев — от первобытных верований до формирования классических религиозных систем. Такое внимание к этой сфере идеологической жизни вполне оправдано для страны, где во все времена, вплоть до настоящего, религия оказывала огромное влияние на характер общества и его культуру.

Наиболее дискуссионные и острые вопросы индологии, такие, как арийская проблема, рабство в древней Индии, древнеиндийская сельская община, происхождение варн и сословно-кастовый строй, выделены в самостоятельные главы.

Авторы в предисловии так определили цели своей работы: суммировать результаты исследований по основным вопросам истории и культуры древней Индии, а также выявить проблемы в этой области с целью стимулировать дальнейшие исследования. Книга Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина выходит за пределы поставленной задачи. Многие главы имеют исследовательский, творческий характер. Авторы не уходят от спорных вопросов и, что особенно важно, вносят собственный вклад в разработку многих все еще неясных проблем древнеиндийской истории.

Рамки рецензии не позволяют детально проанализировать столь обширный труд, где почти каждая глава может стать предметом специальной дискуссии. Попытаемся дать лишь суммарную оценку проделанной авторами работы.

Прежде всего, это первая попытка создания комплексного труда по древней истории Индии, охватывающего проблемы собственно истории, этнической истории и культуры (в самом широком понимании), начиная с наиболее древнего этапа — каменного века.

Авторы последовательно представляют путь исторического развития индийского общества как единый и вместе с тем сложный и противоречивый процесс, а общеиндийскую культуру — как продукт взаимодействия всех когда-либо населявших эту страну народов.

В книге впервые четко поставлены спорные проблемы индийской истории: соотнесение археологических культур с определенным этносом, сословно-кастовый строй, азиатский способ производства, рабство, сельская община и др. Авторы заняли вполне определенную позицию в этих вопросах. Они дают собственную трактовку, пересматривают и уточняют некоторые хронологические схемы, ряд вопросов политической истории (например, эпохи Маурьев и Кушан).

В научное обращение широко вводится материал, ранее не привлекавшийся в подобных работах. Практически учтена вся доступная специальная литература.

Таковая самая общая, разумеется, далеко не полная оценка труда Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина. Несколько подробнее хотелось бы осветить проблемы, затронутые в первом разделе, как наиболее существенные для понимания самых ранних этапов этнической истории Индии. Сделать выводы относительно исторического развития различных областей Индии в эпоху каменного века стало возможно лишь в последние десятилетия в связи с успехами индийской археологии. Анализ обширного археологического материала, рассеянного по многочисленным, зачастую труднодоступным изданиям, позволяет авторам показать, что «этапы развития Индии в период каменного века не отличались принципиально от общей линии развития человечества» (стр. 69). Еще совсем недавно история древней Индии казалась нагромождением необъяснимых фактов, не укладывающихся в единую, логически увязанную схему; существовало мнение о каком-то «особом» пути развития Индии. Исследования же последних лет показали, что история древнейшей Индии подтверждает общие закономерности развития человечества, что отнюдь не исключает специфики ее социально-экономического развития или культуры.

Авторы дают характеристику всех основных раннеземледельческих культур. Ранним цивилизациям долин Инда и Ганга посвящены самостоятельные главы; предпринята попытка представить племенной мир всех областей Индии первой половины I тысячелетия до н. э. В рассматриваемом разделе с большим вниманием и осторожностью проанализированы материалы о вторжении ариев. Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин придерживаются мнения, что это было не внезапное и единовременное, а волнообразное и неодновременное проникновение различных индоарийских племен (стр. 126). Такая точка зрения создает перспективы на пути разрешения арийской проблемы.

Параллельное рассмотрение археологических материалов из всех географических районов Индии наглядно свидетельствует о неравномерности исторического развития отдельных ее частей уже в неолите, и особенно в эпоху энеолита. Это наблюдение открывает путь к пониманию некоторых особенностей исторического процесса в более поздние эпохи..

Представляется убедительной мысль о местных корнях энеолитических культур Центральной Индии, о связи культуры «медных кладов» в Восточной Индии с предками народов мунда. Много обещает в плане будущих этногенетических исследований концепция о появлении железа в Южной Индии в IX—VIII вв. до н. э., что позволяет отнести энеолитический период в этом районе к 1500—1800 гг. до н. э. (стр. 220). Окончательно рушится пресловутая теория о том, что Южная Индия не знала меди и бронзы.

Накопленные археологические материалы постепенно сокращают хронологические разрывы между сменяющими друг друга культурами древней Индии. В рецензируемой работе отчетливо выступает стремление увязать археологические комплексы, показать преемственность культур и представить этническую историю древнейшей эпохи как процесс последовательного развития местных культур.

Конечно, наивно было бы предполагать, что все бесспорно в монографии такого объема, где ставится много труднейших вопросов индологии, выдвигается ряд острых и смелых гипотез. Но может быть, одно из достоинств этой книги и заключается как раз в том, что и своими спорными положениями она дает толчок к дальнейшим поискам.

Авторы делают попытку показать, что индская цивилизация — это результат «закономерного прогрессивного развития местных земледельческих культур» (стр. 88, 89). Основным аргументом служат находки в нижних слоях индских городов керамики типа Кветты, Амри и Рана-Гхундай (культуры Синда и Белуджистана IV—III тысячелетий до н. э.). Однако это отнюдь не исключает возможности прихода носителей индской цивилизации из-за пределов Индии. Более точна высказанная в другом месте мысль о значительной роли предхараппской культуры в сложении индской цивилизации (стр. 92). Стремление подтвердить гипотезу об автохтонном происхождении индской цивилизации (хотя ни разу прямо не высказанную) приводит авторов к другому недостаточно обоснованному выводу: «...существование местных вариантов хараппской культуры было связано, вероятно, с тем, что хараппская культура возникла на основе различных, хотя и часто близких в этническом и культурном отношении, племенных групп» (стр. 93). Основанием для этого служат различия предхараппских культур, соответствующих разным центрам индской цивилизации. «Возражает» в данном случае сам индский материал: различия в характере культуры отдельных индских городов не столь велики, чтобы предполагать различную этническую основу культуры отдельных городов.

Настоящий пример приведен лишь с одной целью: проиллюстрировать те трудности, которые стоят на пути ученых, занимающихся вопросами этногенеза. Весьма показательно в этом смысле, что по существу ни одна из древнейших археологических культур Индии до сих пор не может быть с уверенностью соотнесена с каким-либо определенным этносом. Тем более заслуживает всяческого уважения и признания тот огромный труд, который вложили авторы в разработку вопросов истории древней Индии.

Б. Я. Волчок

«Census of India 1961, vol. I. Monograph series, pt. VI, N 3. Socio-economic survey report on Chetlat island». New Delhi, 1970, 240 p.

Рецензируемое издание представляет собой монографическое описание населения небольшого острова Четлат, лежащего в Аравийском море. Это описаниедается в одном из томов Всениндийской переписи населения 1961 г. Переписи Индии публикуют, как известно, наряду с чисто статистическими данными обстоятельные всесторонние монографии по отдельным районам. Материалы для настоящего тома собрал и систематизировал Рамунни Наир, а обработал их и подготовил к печати доктор Б. К. Рой Бёрман.

Остров Четлат принадлежит к группе Аминдивских островов, составляющих вместе с Лаккадивскими и Миникойскими отдельную административную единицу — союзную территорию — в Индийской республике. Все эти острова расположены западнее южной оконечности Индии. Четлат лежит в 160 милях на запад от индийского города Канинор. Площадь его около 100 га. Связь острова с материковой Индией, как и с другими островами, осуществляется на небольших парусных судах — одам. Но в штурмовой период юго-западного муссона, с мая по сентябрь, остров практически бывает отрезан от внешнего мира.

На время проведения переписи 1961 г. в единственном поселении острова жило 953 человека (449 мужчин и 504 женщины). Почти все они мусульмане. На Четлате был свой административный центр, 3 сельскохозяйственные фермы, 7 бакалейных лавок, 2 школы (мужская и женская), 2 медресе, 16 мечетей.

Четлат, как и другие острова этой группы, был заселен выходцами из Кералы. Время заселения не выяснено. Легенды возводят его к IX в. Достоверно известно, что в XVI в. островитяне Четлата подвергались пиратским набегам португальцев. С 1799 г. Четлат в составе других Аминдивских островов вошел во владения английской Ост-Индской компании. С тех пор до конца XIX в. никаких переселений на остров не было. Лишь в конце XIX и начале XX в. здесь появились переселенцы. В 1950-е годы отмечена эмиграция жителей Четлата на другие острова.

Основой существования и главным занятием населения острова является возделывание кокосовой пальмы и реализация ее продуктов. Каждое домохозяйство имеет свой участок земли, обычно не превышающий несколько акров, причем половина этих участков — менее одного акра каждый. И только 10% хозяйств владеют участками более 2 акров. Однако не площадь земли, а количество кокосовых пальм на ней определяет благосостояние хозяйства. Всего на острове — около 12 тысяч пальмовых деревьев. Каждое домохозяйство имеет определенное их количество — от 5 до 500 деревьев. Половина хозяйств владеет менее чем 50 деревьями каждое, тогда как 15 крупных хозяйств имеют по 200—500 пальм.

Монокультура кокосовой пальмы определила все хозяйство островитян. Кокосовая пальма дает им копру, койру (волокно кокосового ореха) и пальмовый лист как материал для хозяйственных нужд и плетения различных изделий для внутреннего потребления и на продажу. Скудость пригодной к обработке земли не позволяет им воз-

делывать какие-либо другие культуры. Зерно, овощи, скот, птицу и другие пищевые ресурсы они вынуждены ввозить с материка. Это ставит их в зависимость от внешнего рынка; поэтому они должны иметь свой морской транспорт. Скот (коров, коз) и птицу они привозят для непосредственного потребления и почти не разводят на острове. Не держат молочного скота и не употребляют в пищу молока. В качестве дополнительного средства существования занимаются рыболовством и морским промыслом.

Все эти особенности материальной культуры и хозяйства придают необычайное своеобразие быту острожитян Четлата. Но самое интересное в их жизни — это социальное устройство и общественные отношения. Поэтому из всех материалов рассматриваемой книги становимся на характеристику общественной структуры и социальных отношений в этой сравнительно изолированной от внешнего мира среде.

Будучи мусульманами по религии, жители Четлата тем не менее строго держатся материального счета родства и, вступив в брак, муж и жена продолжают жить каждый в доме своей матери, где они родились и выросли, т. е. дети всегда остаются с матерью. Мужья навещают ночью своих жен.

Группа кровных родственников по женской линии, обычно возглавляемая старшей женщиной, является низовой социальной единицей и отдельным домохозяйством на острове. Она может состоять из 2—3 человек, чаще — из 5—7, а иногда насчитывает 12—15 человек. Кроме старшей женщины, в домохозяйство могут входить ее сестры и братья, дочери и сыновья, как неженатые, так и женатые. Но руководит и управляет этим домохозяйством обычно старший в группе мужчина. Практически это либо брат, либо сын старшей женщины. Иногда в домохозяйствах живут и мужчины-переодетые, т. е. чьи-то отцы или мужья. Таков состав подавляющего большинства домохозяйств Четлата. Из 59 подробно обследованных домохозяйств только пять имели несколько иной облик. Так, случается, что муж и жена со своими детьми живут вместе. Происходит это в тех редких случаях, когда молодожены выделяются в отдельное хозяйство. Такая ситуация существует обычно не дольше одного поколения. Бывает, что хозяйством руководит не мужчина, а возглавляющая группу женщина. Однако все это отклонения от основного типа домохозяйства.

В книге дается описание обычаем и обрядов жизненного цикла и особенно интересных в данном случае брачных норм и обычаем. Так, брачные запреты распространяются на довольно узкий круг кровных родственников. Чаще всего домохозяйство и является экзогамной единицей. Но допускаются и даже поощряются кросс-кузенные браки с дочерью брата матери и дочерью сестры отца. Интересно это и потому, что брат матери часто является главой домохозяйства, в котором и заключается брачный союз.

Интересна также распространенная в матрилинейном обществе Четлата полигамия, точнее, обычай иметь вторую жену. Обычай этот удерживается даже при относительной свободе разводов (расторгается около 25% браков). Количество разводов заметно возросло в последние два десятилетия перед переписью 1961 г. В мусульманском обществе все это приобретает особое значение.

Изложив позитивный материал, Б. К. Рой Бёрман в заключительной главе подводит итоги, осторожно формулирует некоторые выводы и ставит дискуссионные вопросы. Он признает, что социальная структура изучаемого общества раскрыта неполностью, что многое в нем требует дополнительных исследований, и приглашает ученых высказаться по некоторым методическим и теоретическим проблемам, возникающим при изучении своеобразной общественной организации населения Четлата.

И действительно, упомянув о существовании у четлатацев экзогамных единиц, а также отметив и домохозяйство как экзогамную группу, исследователи не вскрыли родственной структуры изучаемого общества. Отчасти поэтому и возникла в конце книги (в приложениях, где приведены высказывания М. Н. Сриниваса, Б. Мукерджи, Лилии Дубе и Н. К. Бекуры) дискуссия о том, что же такое семья на Четлете и как она соотносится с домохозяйством.

Доверившись далеко не совершенному определению понятия «семья» в социологическом словаре Ферчайлда, Б. К. Рой Бёрман не видит семьи у острожитян Четлата. Он пишет, что «типичное домохозяйство на Четлете не может называться семьей», и допускает существование ее не только в качестве функциональной единицы. Само же домохозяйство Рой Бёрман рассматривает как «мозаику, в которой соединены фрагменты многих семей» (стр. 110). Единство этой мозаике, по его мнению, придают: а) общее имя, передающееся от поколения к поколению; б) общая собственность, на которую все члены домохозяйства имеют равные права, хотя отдельные элементы этой собственности находятся в распоряжении замужних дочерей или женатых сыновей из того же домохозяйства; в) функционирование домохозяйства в качестве экзогамной единицы; г) единство в соблюдении ритуалов.

Все это говорится о группе кровных родственников по женской линии. Вместе с тем Рой Бёрман отмечает, что часть доходов поступает от живущих отдельно мужей женщин этого домохозяйства и, в свою очередь, женатые мужчины уделяют часть своих доходов домохозяйству жены, где воспитываются их дети. И хотя отцы живут отдельно, «они имеют решающий голос в делах воспитания своих детей» (стр. 110) и вообще играют важную роль в домохозяйстве жены. Таким образом, каждое домохозяйство связано с несколькими другими не просто брачными, но социально-экономическими узами. Эти связи так или иначе пронизывают все общество Четлата.

Рой Бёрман указывает на некоторые аналогии четлатским домохозяйствам в таравадах — социальных подразделениях наяров Кералы, т. е. населения ближайших районов материковой Индии, но не развивает эту тему. Вероятно, сходство это не случайно, и жаль, что ему не уделено больше внимания в книге. Об этом сходстве говорят М. Н. Сринивас и Лила Дубе в своих замечаниях, опубликованных в приложении к книге. М. Н. Сринивас детально вник в сущность проблемы и находит, что формальный метод анализа социальной организации при помощи таких категорий, как «структурная единица», «функциональная единица», «культурная единица», помешал автору разобраться в сущности всего явления. А сущность эта, по мнению Сриниваса, в том, что перед нами, как и в случае с таравадом, матрилинейная большая семья. Приведенная М. Н. Сринивасом аргументация кажется нам убедительной.

В книге читатель найдет множество других, не отмеченных нами подробностей хозяйства, материальной культуры, быта, обычаяев и обрядов населения крошечного кораллового островка, затерянного в бескрайнем море. Жители Четлата поддерживают регулярные связи с материком, но ни за какие блага не хотят куда-нибудь переселяться. Этот пятачок суши — их родина.

Книгу можно рекомендовать всем, интересующимся географией населения. Она дает интересный материал и для теоретических размышлений над закономерностями развития общественных отношений в особых географических условиях.

М. К. Кудрявцев

Ла Ван Ло, Данг Нгхием Ван. Краткое знакомство с группой народов тай, нунг и тхай Вьетнама. Ханой, 1968, 368 стр. (на вьетнамском яз.)

Среди десятков народов, которые населяют Вьетнам, тайские народы составляют большинство. Они, в свою очередь, подразделяются на три ведущие, основообразующие этнические общности: тай, тхай и нунг. В сфере языкового и культурно-экономического влияния этих народов находятся более мелкие этнические компоненты, такие как каолан, зяй (нянг), санти, лао, лы и совсем маленькие группки вроде тхулао, пази и нган.

О тай и тхай (в меньшей степени о вьетнамских нунгах) имеется довольно значительная литература. Однако рецензируемая работа, названная авторами весьма скромно, представляет собой, пожалуй, наиболее солидную из имеющихся публикаций.

Книга состоит из двух частей: первая написана Ла Ван Ло (народы тай и нунг), вторая — Данг Нгхием Ваном (народ тхай). В предисловии дается общая характеристика языковой группы тай-тхай. Обширное заключение дает представление о движении этих народов к социализму.

Авторы использовали расположение материала, которое широко применяется в советской этнографической литературе, в частности в серии «Народы мира». Вначале читатель знакомится с процессами становления отдельных национальностей, традициями их борьбы за свободу. Привлекает внимание раздел, посвященный защите и строительству вьетнамского государства народом тхай (известно, что колонизаторы постоянно пытались противопоставить этот народ вьетам и даже организовать особое «тхайское» государство). Эти страницы безусловно помогают правильно понять роль так называемых малых народов в истории Вьетнама. Приведены документы о совместной борьбе тхай и вьетов против нашествия монголо-китайских войск в XIII в. Оба эти народа в XV в. участвовали в восстании Ле Лоя за освобождение страны от господства Минской империи, сражались против европейских колонизаторов в XIX—XX вв.

В последующих главах (как в первой, так и во второй части) материал располагается в такой последовательности: сначала дается характеристика экономики и материальной культуры, затем раскрываются основы общественной организации, анализируются семейно-брачные отношения с большим количеством этнографических деталей, показана обрядность, сопровождающая свадьбы, рождения, похороны. В заключение авторы обращаются к верованиям, фольклору.

Авторы рецензируемой работы особенно сильны в конкретной этнографии. Это и не удивительно, поскольку они описывают народы, среди которых родились и выросли (Ла Ван Ло — тай, Данг Нгхием Ван — тхай). Хорошее образование, знание вьетнамского, китайского и западноевропейских языков, большой опыт полевой работы (в том числе советско-вьетнамских экспедиций по Северному Вьетнаму) позволяют авторам широко привлекать сравнительный материал. Это делает их книгу интересной не только для специалистов, но и для всех исследователей горных народов Юго-Восточной Азии и Южного Китая. Хотя материал в главахложен одинаково, авторы постарались избежать однообразия. Например, Ла Ван Ло, говоря о земледелии тай и нунгов, акцентирует внимание на сельскохозяйственном календаре, орудиях труда и особенно водомеханических устройствах для полива полей и обработки зерна (стр. 44—49); Данг Нгхием Ван рассказывает о рисоводстве тхай, часто сопоставляя методы и технику выращивания риса с вьетнамскими и китайскими (стр. 167—172).

То же самое относится и к главам, посвященным общественной организации, где у тай и нунг более подробно рассмотрены социальные прослойки (стр. 72—84), а у тхай

земельные отношения (стр. 214—233). В такой подаче информации есть, конечно, и свои минусы, но они компенсируются необходимыми подробностями в описании того или иного явления в жизни народа, без чего подчас невозможно правильно понять сложный механизм этнического своеобразия.

У таких близких между собой народов, как тай, нунг и тхай, основные различия проявляются, как это показано авторами, прежде всего в языке. Могут возникнуть сомнения, следует ли, как то делает Ла Ван Ло, вводить понятие «языковая группа тай-тхай» (при этом тай и нунги отнесены автором к «восточной группе тай-тхай»). В рецензируемой книге отмечено, что тай и нунги «вообще говоря, имеют единый язык». Главные различия, как считает автор, это локальные (фонетические и лексикологические). Тай произносят иероглифические корнеслоги как вьеты, а нунги — как ханьцы провинции Гуанси. Нунги более тесно, чем тай, связаны с чжуанами. Нам представляется, что нунги — это отпочковавшаяся некогда от чжуан группы, которая на территории Вьетнама сильно сблизилась с тай.

Высказанная в рецензируемой книге концепция о происхождении тай, нунг и тхай опирается на китайские хроники, труды современных китайских исследователей; точка зрения авторов складывается под влиянием Дао-зүй-Аня, Л. Орруса, А. Масперо. Суть этой концепции заключается в том, что указанные народы входили в состав племен «бать-вьет» (по-китайски «бо-юэ»), населявших до нашей эры южные области современного Китая. Это положение бесспорно. Однако утверждение, что древние сиоу и лоюэ (по-вьетнамски — тэйау и лаквьет) являются и предками современных вьетнамцев, и предками чжуан, тай, нунг, с нашей точки зрения, нуждается в более солидной аргументации. Самы авторы говорят, что вопрос о появлении тай на северо-востоке Вьетнама недостаточно ясен, хотя они и уверены в том, что тай пришли сюда раньше нунгов, одновременно с вьетами. Следует отметить важность проблем этногенеза тай, нунг, тхай. По-видимому, решить эту проблему помогут специальные исследования.

В последней главе показан переход рассматриваемых народов от раннего феодализма, минуя капиталистический путь развития, к социализму, национальная политика Партии трудающихся Вьетнама, конкретные достижения тай, нунг и тхай в строительстве новой жизни. Авторы приводят данные, что в Автономном районе Вьетбак (северо-восточный Вьетнам, где проживают тай и нунги) в органах народной власти представители национальных меньшинств составляют 72%, а в Автономном районе Тэйбак, на северо-западе страны, национальные кадры в органах самоуправления составляют более половины. За короткое время из 1 200 000 тай, нунг и тхай более 20 тысяч стали государственными и партийными работниками, а свыше 6 тысяч — научно-техническими специалистами (стр. 318).

Текст книги дополняется иллюстрациями жилищ, фотографиями людей, планами домов, водополивных устройств, чертежами одежды.

Работа Ла Ван Ло и Данг Нгхием Вана является, несомненно, еще одним шагом вперед в изучении тайских народов.

А. И. Мухлинов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Р. В. Кинжалов. Культура древних майя. Л., 1971, 364 стр. с илл.

«Задача настоящей работы, — пишет в предисловии автор рецензируемой монографии, — дать (впервые на русском языке) общую характеристику древней культуры народов майя за все ее более чем двухтысячелетнее развитие...»

И нужно сказать, что задача эта выполнена Р. В. Кинжаловым довольно успешно. Его монография, безусловно, самая полная на сегодняшний день характеристика культуры древних майя из появлявшихся когда-либо в советской историографии работ подобного рода. Она многопланова и разнообразна по охвату и содержит почти исчерпывающую библиографию. Монография состоит из краткого предисловия, введения, семи основных глав и заключения. Общий ее объем составляет более 23 печатных листов, включая многочисленный иллюстративный материал.

В предисловии четко определены цели и задачи работы, показано общее место культуры майя среди других высоких культур доколумбовой Мезоамерики, намечены специфические трудности и проблемы, связанные с ее изучением. Парадоксальность ситуации состоит в том, что цивилизация майя, о которой написано бесчисленное множество специальных статей и книг, до сих пор во многом остается для нас загадкой и изучена гораздо хуже ряда других древних культур Нового Света. Достаточно сказать, что и сейчас еще ученые не могут ответить на такие важнейшие вопросы, как происхождение цивилизации майя, ее экономическая база, характер общества майя в I тысячелетии,

причины гибели классических городов-государств в IX—X вв. и т. д. В настоящее время раскопки археологических памятников майя ведутся широким фронтом. Идет массовое накопление нового материала, новых фактов. Тем более необходимо создание сводных и обобщающих работ, освещающих основные проблемы одной из наиболее выдающихся индейских цивилизаций Нового Света. Между тем таких обобщающих работ в зарубежной историографии сейчас нет. Прежние сводные труды таких ученых, как С. Г. Морли (1946) или Э. Томпсон (1955), уже устарели. В этой связи сам факт появления монографии Р. В. Кинжалова представляется значительным вкладом в американистику.

Во введении дается характеристика языковых групп майя, их расселения по современным этнографическим данным, описание природного фона, на котором развивалась древняя культура майя и периодизация этой культуры.

Мне уже приходилось высказывать ряд замечаний по поводу точности тех хронологических схем, которыми оперирует Р. В. Кинжалов¹. Не во всем согласен я с автором и на этот раз. Так (если это, конечно, не опечатка), он относит Доклассический период к 2000—300 гг. до н. э. (стр. 13), а Классический период начинается с 300 г. н. э. Спрашивается — куда же девалась весьма продолжительный отрезок времени с 300 г. до н. э. по 300 г.? Нельзя согласиться и с тем, что Р. В. Кинжалов, вслед за многими зарубежными авторами, считает (по чисто формальным причинам) началом классического периода 300 г. Сейчас уже имеется вполне достаточно надежных археологических данных, свидетельствующих о том, что начало цивилизации у майя можно отнести к I в. до н. э.—рубежу нашей эры².

Глава I («Источники и история изучения») — наиболее важная и содержательная часть монографии. Значимость ее определяется прежде всего тем, что она служит надежным компасом при плавании по безбрежному морю всевозможных публикаций, посвященных древним майя. Источников тоже много и они далеко не равнозначны по своей ценности и часто труднодоступны. В этом обилии информации трудно ориентироваться не только неподготовленному читателю, но и специалисту. Автор дает исчерпывающий и скрупулезный анализ всех основных видов источников по древним майя: археологических, письменных (XVI—XVII вв.), этнографических и лингвистических. История изучения и описание археологических памятников, условно разбитых на четыре культурно-географические группы, даны автором на редкость тщательно и полно. Здесь трудно найти какое-либо упущение. Следует лишь отметить, что, на мой взгляд, сейчас уже пришла пора выделять в пределах майской культуры не чисто условные области или группы городов, а подлинные политico-административные и культурные единицы. О том, какие замечательные плоды приносят исследования подобного рода, наглядно свидетельствуют последние работы Р. Рэндса в Паленке или У. Хэвиленда в Тикале³.

Не менее тщательно и четко описаны Р. В. Кинжаловым и письменные источники. Не останавливаясь подробно на анализе наиболее известных документов и хроник XVI—XVII вв., я бы хотел лишь отметить громадный личный вклад автора рецензируемой монографии в изучение племен майя-киче из Горной Гватемалы. Эта область территории майя, метко названная автором «золушкой археологии майя», к сожалению, очень редко привлекала к себе внимание исследователей. Источники (письменные и археологические) здесь беднее, а главное, разработкой их занимались прежде до обидного мало. Р. В. Кинжалов впервые открыл для нашего читателя сокровища майского эпоса «Пополь Вух», переведя его на русский язык и снабдив обширными и квалифицированными комментариями⁴. Забегая вперед, можно сказать, что в главе VI («Литература, танцы и музыка») автор чуть ли не впервые в истории американистики производит скрупулезный разбор литературных достоинств этого эпоса, его формы и содержания, дает общую его оценку, сопоставляет с другими эпическими произведениями древнего мира, высказывает оригинальное суждение по поводу происхождения «Пополь Вуха». Разделы 7 и 8 первой главы, включающие анализ таких известных документов, как «Летопись какичелей», «История киче», «Родословная еладык Тотоникапана», драма «Рабиналь-ачи» и т. д.—также совершенно оригинальное явление в источниковедении по древним майя. Все это, несомненно, весьма весомый вклад в отечественную и зарубежную науку.

Глава II («Хозяйство и материальная культура») на обширном материале из археологических раскопок и историко-этнографических документов рисует культуру, хозяйство и быт майских племен на всем протяжении их истории. В целом выводы автора по этому важному разделу работы не вызывают особых возражений, однако по ряду существенных вопросов у меня имеются некоторые замечания. Так, на стр. 74 автор пишет: «В Старом Свете освоение металла как материала для изготовления орудий труда породило коренные изменения в уровне развития производительных сил, повлекло за собой возникновение классового общества».

¹ См. рецензию В. И. Гуляева на книгу Р. В. Кинжалова, Искусство древних майя, Л., 1968, «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 195—196.

² См. В. И. Гуляев, Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя, «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 98.

³ R. L. Rands, Cerámica de la región de Palenque, «Estudios de Cultura Maya», vol. VI, p. 111—147, Mexico, 1967; W. A. Haviland, Prehistoric settlement at Tikal, «Expedition», vol. 7, № 3, 1965, p. 14—23.

⁴ «Пополь Вух», М.—Л., 1959 (В серии «Памятники мировой литературы»).

Этот вывод, безусловно, верен в отношении развитых стадий (разрядка моя.—В. Г.) классового общества на Древнем Востоке и для эпохи появления железных орудий в Евразии. Что же касается зарождения первых классовых обществ, то весь парадокс в том и состоит, что они возникли на неолитической базе, т. е. их создатели (главным образом земледельцы-общинники) пользовались исключительно каменными, костяными и деревянными орудиями. Металл же (медь и бронза) широко применялся лишь в области культа и в военном деле. Это убедительно показал Гордон Чайлд для древнейших государств Египта и Шумера. Об этом же красноречиво говорит и пример самой Мезоамерики. Ссылка на прогресс в развитии металлических или каменных орудий является, на мой взгляд, явным упрощением неизмеримо более сложного в своей сути исторического процесса. Секрет появления раннеклассовых государств в Старом и Новом Свете кроется, безусловно, в специфике земледельческого хозяйства, способного давать при определенных условиях большой прибавочный продукт. Причем речь идет не только о так называемых интенсивных формах земледелия (ирригация, террасы и т. д.), но и о высокопродуктивной системе подсечно-огневого земледелия (система «мильпа»), господствовавшего на большей части территории тропических джунглей.

Я никак не могу согласиться и с тезисом Р. В. Кинжалова об изобретении ольмеками интенсивных форм земледелия в Мезоамерике и тем самым об их приоритете в создании первой высокой культуры доколумбовой Америки (стр. 78). Это, по меньшей мере, крайне спорный вопрос, тем более, что об ольмекском земледелии нет никаких археологических данных.

Значительный интерес представляет для читателя третья глава монографии, посвященная общественному строю майя. Автор, правда, ограничил себя анализом майских социально-политических институтов X—XVI вв., но это вполне оправдано общим состоянием источников на данный момент. Можно согласиться и с тем делением общества майя на три основные социальные группы, которое дает Р. В. Кинжалов: знать, общинники и рабы. Хотя сам автор признает, что «...рабов было значительно меньше, и основу майского общества составляли рядовые земледельцы, объединенные в общины» (стр. 111). Для характеристики социальных групп очень удачно использованы помимо традиционных источников данные испано-индийских (майских) словарей.

Вместе с тем автор так и не дал общего определения древнемайской государственности, не сопоставил ее с хорошо изученными социальными структурами Древнего Востока. Остается неясным, к какой же социально-экономической формации относятся города-государства майя.

Правда, из некоторых фаз и положений монографии можно косвенно сделать вывод о том, что автор склонен относить майя к рабовладельческой формации. На стр. 128—129 он пишет: «Судя по имеющимся данным, рабство у майя получило значительно большее развитие, чем у других народов Месоамерики». Мне этот тезис кажется несколько преждевременным. Для его доказательства следовало бы привести имеющиеся в письменных источниках сравнимые данные по другим народам Мексики (ацтеки, миштеки и т. д.).

Далее, на стр. 223, указывается, что «...искусство майя являлось идеологическим оружием в руках рабовладельческого класса» (разрядка моя.—В. Г.). Вопрос этот, безусловно, очень сложный и в ближайшее время трудно ждать его окончательного решения. Но тем не менее, на мой взгляд, раннеклассовые общества Мезоамерики (ацтеки, майя, тольтеки и т. д.) по основным своим признакам целиком подходят под определение так называемых обществ с «азиатским способом производства».

Я не буду касаться проблем, затронутых автором в главе V («Архитектура и изобразительное искусство»). Р. В. Кинжалов — признанный специалист в данной области и неоднократно излагал уже свои основные положения на этот счет в специальной и научно-популярной литературе⁵.

Следует лишь подчеркнуть, что в монографии содержится тщательная и оригинальная разработка проблем майского искусства, удачно показана его классовая направленность в городах-государствах классического и постклассического времени.

В шестой главе с необычайной полнотой дается характеристика литературы, танцев и музыки у древних майя. Эта глава не только оригинальна по содержанию, но и освещает совершенно не охваченные до сих пор аспекты духовной культуры майя. Анализ танца коломче (школомче), например, — великолепный образец большой эрудиции автора, наглядный показатель его умения свободно оперировать самыми разнообразными источниками: археологическими, этнографическими и историческими.

Наконец, в последней, седьмой главе речь идет о религиозных представлениях майя. Предмет этот необычайно труден и сложен для любого исследователя. Наши сведения о пантропе древних майя крайне отрывочны и противоречивы. Они складываются прежде всего из данных индейских и испанских хроник XVI—XVII вв. и позднейших наблюдений этнографов.

Очень важным источником по религии майя служат и три уцелевшие иероглифи-

⁵ Самая последняя и полная работа Р. В. Кинжалова в этой области — «Искусство древних майя», Л., 1968.

ские рукописи — Дрезденская (XII в.), Мадридская (XV в.) и Парижская (до XV в.). Они содержат помимо текста многочисленные цветные рисунки, изображающие богов. Для более раннего, классического периода (I тысячелетие н. э.), мы располагаем только археологическими источниками — многочисленные изображения религиозного характера на каменных скульптурах, фресках, терракоте и расписной керамике. Однако отождествляя богов классического периода с божествами пантеона майя XVI в. следует с предельной осторожностью.

В целом Р. В. Кинжалов вполне справился с поставленной задачей и довольно убедительно осветил признаки и функции основных богов из пантеона майя XVI в.

Новым и оригинальным моментом в этой главе является и постановка вопроса об экономической базе майяского жречества. «Хотя в источниках майя, — пишет Р. В. Кинжалов, — об этом прямых указаний нет, можно думать, что, как и в других областях Месоамерики, им (формально храмам и божествам) принадлежали урожаи с отдельных видов земель...» (стр. 292). В дополнение к этому можно сослаться на хронику испанского автора Санчеса де Агиляра (1639 г.), где прямо говорится, что жрецы и храмы имели собственные плодородные земли, которые обрабатывались общиной в целом. Урожай с этих полей помещался в специальные хранилища при храмах и был предназначен для содержания жрецов⁶.

Монография Р. В. Кинжалова «Культура древних майя» — это крупный вклад в американистику, важная веха на пути изучения древних цивилизаций Нового Света.

⁶ Sancher de Aguilas Pedro, Informe contra idolorum cultores del obispado de Yucatan, año de 1639 (в изд. Ruiz de Alarcón, y otros «Fratado de las idolatrias...», Mexico, 1953, p. 244).

В. И. Гуляев

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Д. Д. Тумаркин. Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг. М., 1971, 443 стр., илл.

Судьба населения Гавайских островов не впервые привлекает внимание советских исследователей. Помимо ряда статей на эту тему написаны монографии Г. П. Куропятника¹ и автора рецензируемой книги². Концентрированная этнографическая характеристика населения Гавайского архипелага дана в томе «Народы Австралии и Океании»³. В настоящей монографии исследован решающий — и роковой — для коренных жителей Гавайев период, когда был нанесен сильнейший удар по их культуре, в общественном строе произошли коренные изменения, катастрофически ускорилось вымирание гавайцев, а фактическими хозяевами архипелага стали американские капиталисты.

Исследование Д. Д. Тумаркина основано на солидной источниковедческой базе. Автор широко использовал материалы шести советских архивов, преимущественно Архива внешней политики России, а также микрофильмы, полученные из Главного Государственного архива Великобритании. Анализируются обширные документальные публикации, главным образом материалы конгресса США и другие официальные издания, а также прессы того времени — русские журналы, американские газеты и т. д. Очень богатый источник автор нашел в записках, дневниках, воспоминаниях современников описываемых событий. Здесь и сочинения гавайцев, и книги самых разнообразных американских авторов (в том числе Германа Мелвилля и Марка Твена), а также англичан, французов и др., но обильнее всего использованы записи русских путешественников — от морских офицеров до революционеров-изгнанников. Этот последний вид источников еще мало используется нашими исследователями, а между тем он сулит им интересные и богатые находки. Введение автором книги в научный оборот многих материалов такого рода заслуживает всяческого одобрения.

Первая глава книги носит, в известной мере, вводный характер. В ней освещена социальная организация гавайцев до начала колонизации. Находившиеся, по-видимому,

¹ Г. П. Куропятник. Захват Гавайских островов США, М., 1958.

² Д. Д. Тумаркин. Вторжение колонизаторов в край вечной весны. Гавайский народ в борьбе против чужеземных захватчиков в конце XVIII—начале XIX вв., М., 1964.

³ Народы Австралии и Океании, («Народы Мира. Этнографические очерки»), М., 1956, гл. 30.

на стадии образования раннеклассового общества, они, по мнению автора, стояли на более высокой ступени общественного развития, чем другие полинезийские народы. Кратко очерчена самобытная культура гавайцев, которая оказалась под ударом с самого открытия Гавайских островов экспедицией Кука в конце XVIII в. Именно тогда на Гавайях появились спиртные напитки, проституция и венерические болезни, которые вместе с другими новыми для Гавайев недугами в дальнейшем сильно способствовали вымиранию островитян. Завезенное европейцами огнестрельное оружие усилило междоусобные войны. Внедрение торговли и новых товаров, в частности металлических орудий, содействовало разрушению прежнего патриархального уклада и ускорило развитие производительных сил. Натиск колонизаторов способствовал созданию на Гавайских островах в начале XIX в. единого государства с постоянной армией, которое возглавил король Камеамеа I, сравнивавшийся современниками то с Наполеоном, то с Петром Великим.

Уже при Камеамеа I все большие силы и власти на Гавайских островах стали забирать американские купцы. Последующие две главы посвящены их основным промыслам на архипелаге в 1-й половине XIX в. Это — заготовка сандалового дерева и китоловство.

Гавайский сандал американские судовладельцы продавали с большой прибылью в Китае. На Гавайях они вовлекали в торговлю местных вождей, которые заставляли рядовых общинников рубить сандал. Все это, развиваясь по цепной реакции, привело к неисчислимым бедствиям для островов. Сандаловые леса были очень скоро истреблены. Общинники, которых сгоняли на рубку сандала, не могли заниматься, как прежде, землемерием и рыболовством, и острова все чаще посещал голод. Многие работники погибали в горах во время заготовки сандала, которая становилась тем труднее, чем меньше оставалось этого драгоценного дерева.

Еще более тяжелые последствия имело для Гавайских островов превращение их в главную базу американских китобойных судов, ведших промысел в северной части Тихого океана. Снабжение китобоев топливом и продовольствием привело к вырубке лесов, к разведению стад крупного рогатого скота и коз, объедавших траву, листья и кору деревьев. Погибли леса, на месте которых остались выветривающиеся склоны. Природной сфере обитания гавайцев были таким образом нанесены невосполнимые потери. Сифилис распространялся еще интенсивнее, чем прежде, а эпидемии дизентерии, дифтерии, кори, гриппа и т. д. тысячами косили островитян, не имевших защиты от этих болезней. Множество молодых гавайцев вербовалось матросами на китобойные суда и навсегда покидало родину. Все это ускоряло вымирание коренного населения архипелага.

Торговые выгоды от снабжения китобоев, как прежде от продажи сандала, побуждали гавайскую знать сильнее эксплуатировать зависимых от нее рядовых островитян. По образу жизни знатные гавайцы старались все более походить на богатых иноземцев. Между тем в гавайских портах образовались иностранные, преимущественно американские, колонии, состоявшие из купцов и ремесленников (с семьями), которые обслуживали китобойные суда.

Касаясь вопроса о том, куда шли прибыли, извлекавшиеся этими путями из эксплуатации гавайского населения, автор дважды упоминает «первоначальное накопление» в США. «Так называемое первоначальное накопление», сущность которого вскрыл Маркс в «Капитале», на самом деле сводится к процессу генезиса капитализма. В Северную Америку раннекапиталистические отношения были перевезены из Европы готовыми, вместе с носителями этих отношений, европейскими переселенцами. Поэтому, вопреки распространенной в нашей научной литературе концепции, которой придерживается и автор рецензируемой книги, едва ли правильно говорить о «первоначальном накоплении» в Северной Америке. Тем более неправомерна характеристика «сандалового бизнеса» как «одного из каналов первоначального накопления в США» (стр. 44). Операции с гавайским сандалом относятся главным образом к 20—30-м годам XIX в., когда американский капитализм, как бы ни оценивалось его происхождение, был, так сказать, на полном ходу.

Наибольший интерес с этнографической точки зрения имеет, пожалуй, IV глава — о господстве американских миссионеров на Гавайях. Сложный материал этой главы, освещающий насильственную ломку религиозных воззрений гавайцев, их семейного строя и бытового уклада, проанализирован скорее с историко-социологической, чем с философско-психологической точки зрения. Автор совершенно правильно уделяет немалое внимание американским истокам деятельности гавайских миссионеров, в частности религиозному быту США. Ведь миссионеры в своей догматической ограниченности навязывали гавайцам не только чуждое им христианство в его протестантской разновидности, но и бытовые ограничения американского пурitanства, вызывавшие энергичный протест в самих США. К таким ограничениям относятся, например, воскресные запреты, в корне противоречившие привычкам и мируощущению гавайцев.

В главе чрезвычайно отчетливо показана деятельность миссионеров как авангарда американских колонизаторов на Гавайях, как эксплуататоров гавайского народа, извлечавших из его угнетения немалые личные выгоды. Недаром потомки миссионеров «образовали ядро той экономической олигархии, которая во второй половине XIX в. господствовала на Гавайских островах» (стр. 154). Убедительно продемонстрирован тот ущерб, который миссионеры нанесли духовной жизни и даже физическому существованию островитян. Деятельность миссионеров, по меткому замечанию автора, «лишила островитян воли к сопротивлению, морально разоружала их перед лицом колонизаторов» (стр. 104).

Власть миссионеров, опиравшихся на гавайскую знать, была очень велика. Современники даже сравнивали Гавайи под их владычеством с иезуитским государством в Праге. Впрочем, как отмечено в книге, подобные миссионерские королевства возникали в тот же период и на других островах Океании. Вообще широкий сравнительно-исторический подход является одним из достоинств этой книги. Так, сообщая о гавайских сектах, сочетавших в своем вероучении элементы христианства с прежними культурами и явившихся формой борьбы с колонизаторами, автор указывает на движения такого же характера в Океании, а также в Америке и Африке — вплоть до наших дней. Религиозные движения этого типа в иных районах исследовались и другими советскими авторами⁴. Сектантское движение на Гавайях существовало ряд десятилетий. Его характеризовали эсхатологические и хилиастические воззрения; некоторые секты проповедовали уравнительный коммунизм. В главе отмечается синкретизм у христианизированных гавайцев — явление, также весьма характерное для разных географических областей и разных исторических периодов.

Из протesta против владычества американских миссионеров многие крещеные ими островитяне переходили в католичество. Насаждавшееся французскими миссионерами, которые старались подорвать влияние церкви-соперницы и державы-соперницы, оно долго являлось на Гавайях преследуемой религией. Кроме того, католические миссионеры гораздо терпимее относились к местным обычаям. Привлекли к себе многих последователей на Гавайях и мормоны, заимствовавшие некоторые гавайские обряды и говорившие об гавайском народе с уважением.

Указы миссионеров, проводившиеся в жизнь при посредстве подчинявшихся им гавайских властей, грубо вторгались в повседневный быт островитян. Под их давлением одежда европейско-американского образца к середине XIX в. появилась, как сообщается в книге, почти у всех рядовых гавайцев.

Эта одежда — непривычная, не подходившая к местному климату — нанесла большой вред здоровью островитян, на что указывал еще Н. Н. Миклухо-Маклай. Особенно необходимой европейская одежда считалась для женщин — из соображений пуританской нравственности. Но это привело к противоположным результатам, так как женщины, не имевшие денег на покупку одежды, добывали их проституцией. Последняя приобрела за время господства миссионеров огромные размеры, а если миссионеры и пытались ее ограничить, то иностранные моряки поднимали бунты. Проституция способствовала еще более широкому распространению венерических болезней, которые быстрым темпом вели коренных обитателей островов к вымиранию. В 1823—1853 гг. их число уменьшилось наполовину — и продолжало убывать в дальнейшем (стр. 117), что, разумеется, объяснялось и другими, упоминавшимися выше причинами.

Такой же результат имело не менее грубое вмешательство миссионерского режима в семейно-брачные отношения гавайцев. Семьи «пупнауза», в том виде, в каком обрисовал ее Л. Г. Морган, получивший информацию у американских миссионеров, на Гавайях не существовало⁵. Ко времени появления колонизаторов у рядовых гавайцев господствовал парный брак с элементами моногамии, а в высшем слое — многоженство. Через сто лет моногамия победила, но главной причиной этого, как подчеркивает автор, явились существенные перемены во всем укладе жизни, приведшие к распаду большесемейной общины и выделению малой семьи. Христианизации автор справедливо отводит в этом процессе второстепенную роль. Миссионерам не удалось побороть традиционные добрые и внебрачные связи, а суровые наказания за них и за рождение внебрачных детей (как и недостаток продовольствия и подушная подать) серьезно увеличили число абортов и детоубийств и ускорили убыль населения.

Как и во многих других колониальных странах, миссионеры, движимые нуждами религиозной пропаганды, создали на Гавайях письменность и устроили школьную систему по европейско-американскому образцу. Принудительный характер этого обучения, охватывавшего вначале взрослых, вызывал недовольство и сопротивление островитян. В то же время пуританские запреты подавляли самобытное искусство, спортивные состязания, увеселения. Но при малейшей возможности естественные влечения гавайцев прорывались, как показывает сообщаемый в книге случай, когда в 1843 г. были разрешены 10-дневные празднества (стр. 266). Народная культура угасала еще быстрее самих гавайцев — вымирали ее знатоки.

Характерно, что наряду с пуританскими нравами, американские миссионеры насаждали на Гавайях расовую сегрегацию в культе: для возраставшего белого населения Гавайев строились одни церкви, для гавайцев — другие.

Деятельность миссионеров вызывала сопротивление гавайского народа. В книге подробно рассказывается о борьбе островитян против американских церковников. Но представляется неубедительным утверждение о революционной ситуации на Гавайях в конце 30-х годов (стр. 137).

⁴ См., например: Б. И. Шаревская, Старые и новые религии Тропической и Южной Африки, М., 1964, ч. II.

⁵ Эта проблема была рассмотрена автором книги в специальной статье. См.: Д. Д. Тумаркин, К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII—начале XIX вв., «Сов. этнография», 1954, № 4.

В гл. V, «Аграрный переворот на Гавайских островах. Насаждение плантационной системы», освещена аграрная реформа 1848—50 гг., ее причины, ход и последствия. На Гаваях была в те годы узаконена частная собственность на землю, все большую часть которой прибирали к рукам иностранцы, иногда — путем смешанных браков с богатыми гавайскими наследницами. Переворот в поземельных отношениях был связан с распределением сахарных плантаций. Иностранцы использовали землю также для создания скотоводческих ранчо. Обстоятельно разобрано в этой главе наделение землей рядовых гавайцев, на практике означавшее их экспроприацию.

Развитие на Гавайских островах плантационной системы, расцвет которой приходится на более поздний период, привело к полному изменению демографической и этнической ситуации на архипелаге. Местное население не могло обеспечить плантации рабочей силой — здесь, как и в других случаях, возникают аналогии с североамериканскими индейцами. В 50-х гг. начался ввоз на гавайские плантации китайских кули, и в 1889 г. китайцы составляли уже 20% населения островов (стр. 197). В дальнейшем еще большее количество плантационных рабочих было ввезено из Японии, а в XX в. — с Филиппин и из других районов земного шара, так как плантаторы предпочитали иметь дело с рабочими разных национальностей. На плантациях работали даже русские эмигранты из Сибири.

Полное развитие этих важнейших процессов находится за хронологическими рамками рецензируемой книги, а потому они рассматриваются в ней кратко. Автор совершенно справедливо пишет: «История ввоза законтрактованных рабочих в „рай вечной весны“, условия их жизни и работы на плантациях, постепенная „американизация“ этих иммигрантов, современное положение их потомков должны стать предметом специального подробного исследования советских историков и этнографов» (стр. 196).

В двух последних главах дан подробный анализ международной борьбы вокруг Гавайских островов, который отличается широтой охвата проблем. Разумеется, много внимания удалено внешней политике США, которую автор совершенно правильно видит из особенностей внутреннего развития этой страны. Но при освещении проблемы кое-где с излишней подробностью приводятся данные, ставшие уже известными из работ советских историков США.

Автор не без основания применяет к американской колонизации Гавайев понятие «границы» (*frontier*), столь значительное для всего периода освоения Северной Америки. В книге рассказывается о том, что существовали проекты превратить Гавай в американскую переселенческую колонию: заселить ее американскими фермерами, вытеснив коренных жителей (как делалось на американском Западе), и тем самым поставить европейских претендентов на архипелаг перед свершившимся фактом (такая тактика тоже применялась на американском Западе). На практике осуществился плантационный вариант колониальной экспансии. Гавайскими островами овладели американские плантаторы, эксплуатировавшие полурабский труд восточноазиатских кули (почти как на американском Юге). Недаром цитируемые в книге современники так часто сравнивали Гавай с Техасом, которым в те же десятилетия завладела американская плантаторская вольница, присоединившая его затем к США.

В связи с попытками захвата Гавайев Соединенными Штатами дается глубокий анализ американского экспансионаизма. Для середины XIX в. он интересно охарактеризован как проявление слабости, а не силы американского капитализма, отягощенного конфликтом между системой рабства и системой свободного труда.

Книга обладает несомненными литературными достоинствами. Она написана хорошим языком и читается легко. Однако встречаются в ней неудачные переводы цитат, нередки и литературные штампы. Очень жаль, что рецензируемая работа не снабжена указателями. Нет даже указателя имен, обычно имеющегося в наших изданиях. Да и без предметного указателя в такой сложной по материалу работе нелегко ориентироваться.

Жаль, что в книге нет историографической и источниковедческой главы. При богатстве ее базы в том и другом отношениях подобный анализ представлял бы большой интерес.

Несмотря на отмеченные выше отдельные недостатки и спорные места, исследование Д. Д. Тумаркина представляет собой весьма интересный и ценный историко-этнографический труд, открывающий новую страницу советской историографии и проливающий свет на ряд важных проблем прошлого и настоящего.

Ш. Богина

ХАДЖИ-МУРАД ОМАРОВИЧ ХАШАЕВ

17 октября 1971 года в расцвете творческих сил скончался видный общественный и политический деятель Дагестана, заместитель председателя Президиума Дагестанского филиала АН СССР, председатель правления республиканского общества «Знание», председатель Дагестанского комитета защиты мира, заслуженный деятель науки РСФСР и ДАССР, доктор исторических наук, профессор Хаджи-Мурад Омарович Хашаев.

Х. О. Хашаев родился 15 мая 1909 года в дагестанском селении Могох в бедной крестьянской семье. Жизнь его сложилась нелегко. Десятилетним мальчиком он уехал на заработки в Чечню и там батрачил у кулаков. Только в 1926 году он смог начать учиться и после окончания подготовительных курсов поступил в педагогический техникум. Через три года Хашаев стал членом ВКП(б). Еще до завершения курса его направили Народным судьем в Кахибский (ныне Советский) район ДАССР. Молодой способный юноша хорошо зарекомендовал себя на работе и его послали учиться на Высшие юридические курсы в Москву. После окончания курсов он работал членом Главсуда Дагестана, первым секретарем РК ВКП(б) Кахибского (Советского) района, ответственным секретарем Дагестанского ЦИК. Затем снова возобновляет учебу на этот раз в Институте красной профессуры, после окончания которого его назначают наркспомом юстиции Дагестана. В последующие годы Хашаев занимал ряд ответственных постов: он был прокурором республики, заместителем председателя Совнаркома ДАССР, прокурором отдела прокуратуры РСФСР, постоянным представителем Совета Министров ДАССР при Совете Министров РСФСР.

Глубокое знание жизни, быта и традиций своего народа, ясный аналитический ум и всесторонняя марксистско-ленинская подготовка закономерно привели его к научно-исследовательской работе. В 1949 году он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Шариат, агад и преступления, составляющие пережитки родового быта в Дагестане». Уже в этой работе он проявил себя как серьезный ученый. Обнаруженный им в архивах и изданный «Свод законов Умма-хана аварского» стал ценнейшим источником при изучении общественных отношений и политического строя аварского ханства в XVI—XVII вв. После защиты диссертации Хашаев стал заведующим сектором истории Института истории, языка и литературы, а также ученым секретарем, а затем и заместителем председателя Президиума Дагестанского филиала АН СССР.

До конца своей жизни Хаджи-Мурад Омарович был активным участником изучения истории Дагестана. Его перу принадлежит около сорока фундаментальных работ по различным проблемам истории, этнографии и обычного права Дагестана. Наиболее важные труды, посвященные социально-экономическим и политическим отношениям в Дагестане XIX в., внутренней сущности мюриодизма, а также движению горцев под руководством Шамиля. Большую ценность представляют его исследования социально-экономических преобразований в Дагестане после окончания кавказской войны. Очень интересны его работы, посвященные характеру «вольных» и сельских

обществ, тухумов и других социальных институтов. Х. О. Хашаев провел неоценимую источниковоедческую работу: он собрал, интерпретировал и издал первоисточники по обычному праву, архивные документы, характеризующие феодальные отношения в крае в XIX—XX вв., подготовил к изданию сборник документов, посвященный деятельности выдающегося дагестанского революционера Махача Даходаева. За монографию «Общественный строй Дагестана в XIX веке» ему в 1957 году была присвоена учченая степень доктора исторических наук.

Много сил и энергии отдавал Х. О. Хашаев распространению среди населения научных и политических знаний. Он выступал с лекциями и докладами на различные актуальные темы. Используя неопубликованные источники читал лекции для пропагандистов и агитаторов республики о пережитках шариата и адатов в сознании и быту населения; о положении женщин-горянок и о борьбе с проявлениями патриархального отношения к ним. Долгие годы он возглавлял Дагестанское отделение общества «Знание».

Хаджи-Мурад Омарович уделял большое внимание подготовке научных кадров: осуществлял общее руководство Дагестанским филиалом АН СССР, он особое внимание уделял работе гуманитарных учреждений республики, лично руководил подготовкой молодых научных работников и аспирантов.

Хаджи-Мурад Омарович Хашаев неоднократно избирался членом Президиума ДагЦИК, членом ВЦИК РСФСР, депутатом Верховного Совета ДАССР, членом обкома и горкома КПСС. Был внештатным преподавателем Дагестанского пункта заочной Высшей партийной школы при ЦК КПСС по основам государственного права и советскому строительству. Руководил работой Дагестанского комитета защиты мира и отдавал этой работе особенно много сил и энергии.

Партия и советское правительство высоко оценили большие заслуги Х. О. Хашаева в области науки, культуры и просвещения, распространения научных и политических знаний коммунистического строительства, борьбы за мир между народами. Он был награжден орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в период Отечественной войны», «За укрепление мира между народами», грамотами Президиума Верховного совета РСФСР и ДАССР, Всемирного совета мира, Всесоюзного общества «Знания». В 1959 г. ему было присвоено звание «Заслуженного деятеля науки ДАССР», а в 1960 г.—«Заслуженного деятеля науки РСФСР».

Хаджи-Мурада Омаровича Хашаева отличала скромность, большая человеческая доброта, внимание к людям, чуткость к их нуждам. Память о нем навечно сохранится в памяти народов Дагестана и всех тех, кто знал его.

Г. Д. Даниялов, О. М. Давудов

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Х. О. ХАШАЕВА

Кодекс законов Умма-Хана аварского (справедливого). М., 1948.

К итогам борьбы против некоторых вредных пережитков старины в Дагестане. В кн.: «Очерки истории Дагестана», т. II, Махачкала, 1950.

Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954.

Сборник о правах женщины. Махачкала, 1955.

«Народы Дагестана», М., 1955 (соавтор и редактор).

Движущие силы мюридизма в Дагестане. Махачкала, 1956.

Социальная база движения горцев Восточного Кавказа в 1-й половине XIX в. М., 1956.

К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. I, Махачкала, 1956.

Шариат. Вредные адаты и борьба с ними. Махачкала, 1956.

Пережитки шариата и вредных адатов в борьбе с ними. Махачкала, 1957.

Дагестан в дореформенный период. В кн.: «Очерки истории Дагестана», т. I, Махачкала, 1957 (в соавторстве с С. Ш. Гаджиевой, Г. Д. Данияловым и И. Р. Нахшуновым).

Дагестан в пореформенный период (в соавторстве с С. Ш. Гаджиевой и И. Р. Нахшуновым). Там же.

Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957.

Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1958.

Махач Даходаев. «Блокнот агитатора», Махачкала, 1959, № 21.

Занятие населения Дагестана в XIX в., Махачкала, 1959.

Содружество ученых. В кн.: «Дагестан — Россия навеки вместе! Документы, письма, стихи, высказывания, рассказы, очерки», Махачкала, 1960.

Наука и культура Дагестана за 40 лет. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. VIII, Махачкала, 1960.

По ленинскому пути. «Гъудулъи» (Дружба. Литературно-художественный и общественно-политический альманах), 1961, № 5 (на аварском языке).

Общественный строй Дагестана в XIX в., М., 1961.

Преодоление религиозных пережитков — необходимое условие воспитания нового человека. «Блокнот агитатора», Махачкала, 1962, № 13, № 14.

Пережитки шариата и вредных адатов. Махачкала, 1963.

Страницы истории народов Дагестана. «Блокнот агитатора», Махачкала, 1964, № 18.

Тухум. «Гъудулъи», Махачкала, 1965, № 4 (на аварском яз.).

Памятники обычного права Дагестана. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР» (тезисы докладов), Баку, 1965.

Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы, Махачкала, 1965.

Феодальные отношения в Дагестане XIX — начале XX в., Махачкала, 1969.

Ленин и Дагестан. В кн.: «В. И. Ленин и проблемы науки». Махачкала, 1970.

БОРИС ОСИПОВИЧ ДОЛГИХ

Советское сибиреведение понесло невосполнимую утрату. 31 декабря 1971 г. ушел из жизни крупнейший историк и этнограф, доктор исторических наук Б. О. Долгих.

Борис Осипович Долгих родился в городе Риге 18 апреля 1904 г. Рассказы деда, проходившего военную службу в Русской Америке, и отца, долгое время жившего в Красноярском крае, с детства привлекли внимание будущего ученого к Сибири и Северу. Окончив гимназию, Б. О. Долгих поступает в 1920 г. в Самарский университет, а затем становится студентом Московского Университета, где слушает лекции по истории, антропологии и этнографии. Еще будучи студентом МГУ, Б. О. Долгих в качестве статистика-регистратора принял активное участие в проведении Приполярной переписи. Работая среди кетов, эвенков Подкаменной Тунгуски, долган, энцев, якутов и нганасан Таймырского полуострова, Б. О. Долгих собрал обширнейший материал по истории и этнографии этих народов. С этого времени вся его жизнь была связана с изучением проблем сибиреведения.

Первая статья Б. О. Долгих — «Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района», опубликованная в журнале «Северная Азия» в 1929 г., была посвящена исследованию родового состава самых северных этнографических групп Евразии — нганасан и энцев.

В 1930-е годы он работает в системе кооперации на Лене, в плановых органах Восточной Сибири, среди малых народов Таймыра и Эвенкий в качестве землеустройителя, одновременно занимаясь научными исследованиями.

В 1934 г. он издает первую в науке монографию о кетах, затем сборник нганасанского фольклора, ряд статей по истории освоения Заполярья, а также о современном состоянии экономики, быта и культуры народов Севера. В 1937 г. Б. О. Долгих становится научным сотрудником Красноярского краевого музея, где он проработал около семи лет. В этот период он совершает ряд экспедиций в отдаленные, труднодоступные уголки Крайнего Севера. В одной из таких экспедиций он встретил Веру Гордеевну Попову, ставшую его женой, верным другом и помощником.

В 1944 г. Б. О. Долгих поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР, и по окончании ее блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему «Родовой и племенной состав населения севера Средней Сибири». Уже в этой работе Б. О. Долгих, наряду с полевыми этнографическими материалами, широко привлекает архивные источники. Став сотрудником Института этнографии, Б. О. Долгих ведет большую исследовательскую работу. С 1948 г. начинается систематическая экспедиционная работа Бориса Осиповича в отдаленных районах: на Севере у кетов Подкаменной Тунгуски и у энцев в низовьях Енисея.

Полевую работу Б. О. Долгих отличала необычайная добросовестность, скрупулезность, редкая тщательность при сборе материала, широта и глубина подхода к изучаемым явлениям. Итоги этих экспедиций были обобщены в ряде интересных и ценных статей, опубликованных в журнале «Советская этнография» и других изданиях («Родоплеменной состав и расселение кетов», «О родовом составе и расселении энцев» и др.).

Полевые этнографические исследования Б. О. Долгих совмещали с плодотворной педагогической деятельностью на историческом факультете МГУ. Ученики Б. О. Долгих — студенты МГУ — участвовали в его экспедициях.

Работы по этнической истории народов Сибири, выполненные Б. О. Долгих, охватывали чрезвычайно широкий круг проблем. Главной из них было исследование родоплеменного состава населения Сибири в XVII в. Самый значительный результат этих исследований — фундаментальный труд «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.», написанный им на основе поистине грандиозного архивного материала, прочтенного глазами этнографа, статистика и картографа. Эта выдающаяся работа, ставшая классической еще при жизни автора, явилась крупным вкладом в советскую и мировую историческую науку. В ней впервые была дана совершенно неизвестная ранее картина расселения, родоплеменного состава и численности всех народов Сибири ко времени прихода туда русских. Фактически Б. О. Долгих стал основоположником не только нового направления в исторической этнографии Сибири, но и новой методики использования архивных материалов как источника для определения численности и для картографирования расселения отдельных групп и народов.

Наряду с вопросами этногенеза народов Сибири (бурят, кетов, нганасан, долган, энцев и др.) Б. О. Долгих в своих работах уделял большое внимание изучению общественного строя, истории материальной и духовной культуры населения этого региона.

Огромный интерес проявлял Б. О. Долгих к фольклору северных народов. Записанные им сотни преданий, легенд, сказок и бытовых рассказов легли в основу опубликованных им работ «Мифологические сказки и исторические предания энцев», «Бытовые рассказы энцев» и подготовленного к печати сборника по нганасанскому фольклору. В ряде своих работ Б. О. Долгих выступает по теоретическим проблемам этнографической науки. В этом отношении особую ценность представляет его исследование о типах родоплеменной организации народов Сибири (в монографии «Общественный строй народов Северной Сибири»).

Борис Осипович принимал также активное участие в составлении ряда обобщающих коллективных трудов по истории и этнографии народов Сибири. Он — один из авторов многотомных «Очерков истории народов СССР» (им написаны разделы «Народы Сибири в XVII в.» и «Народы Сибири в XVIII в.»). Его перу принадлежит несколько разделов в томе «Народы Сибири» (в серии «Народы мира, этнографические очерки»); он — автор и редактор раздела «Народы Сибири» («Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР»), а также ряда разделов «Истории Сибири».

Огромное место в деятельности Б. О. Долгих занимала работа по этнографическому изучению современного хозяйства, быта и культуры малых народов Севера. В 1955—1965 гг. он возглавлял Сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии АН СССР. Одновременно Б. О. Долгих руководил работами Северной экспедиции Института, исследования которой охватывали огромную территорию Советского Союза от Баренцева моря до Тихого океана. Под его руководством сотрудники Сектора опубликовали несколько десятков работ о современном положении малых народов Севера СССР (в том числе сборник «Современное хозяйство, быт и культура малых народов Севера», получивший высокую оценку как у нас в стране, так и за рубежом), подготовили ряд научно обоснованных практических рекомендаций по подъему хозяйства и культуры и реконструкции быта малых народов Севера.

Многолетняя работа Б. О. Долгих по изучению этнографии малых народов Севера снискала ему любовь и уважение среди нганасан, энцев, ненцев, кетов и других северных народностей. «Наш Борис» — так любовно называли его многие знакомые с ним северяне.

За большие заслуги в развитии культуры малых народов Красноярского Севера, огромную научно-исследовательскую работу по воссозданию их истории Б. О. Долгих был награжден почетными грамотами Окружкома КПСС и Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Таймырского национального округа и Совета профсоюзов Эвенкийского национального округа.

Борис Осипович принимал активное участие во многих научных конференциях и совещаниях. На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук он руководил Секцией Арктики и Субарктики и Симпозиумом по проблемам этнографии и антропологии Арктики и Субарктики.

Человек необычайно большой душевной чуткости, огромного такта, большого педагогического таланта, он щедро передавал свои огромные знания и опыт ученикам, среди которых много докторов и кандидатов наук. Б. О. Долгих — создатель целой школы в современном сибиреведении, успешно разрабатывающей и развивающей его идеи.

Уже будучи тяжело больным, Борис Осипович продолжал много и плодотворно работать. В последний период жизни он написал книгу «Очерки этнической истории энцев и ненцев», завершил монографию по этнографии и общественному строю нганасан.

Светлую память о Борисе Осиповиче Долгих — большом ученом и замечательном человеке — мы сохраним навсегда.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Б. О. ДОЛГИХ

- Население Таймыра и прилегающего к нему района. «Северная Азия», 1929, № 2.
Кеты, Иркутск, 1934.
- Легенды и сказки иганасанов. Красноярск, 1938.
- Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII в. «Проблемы Арктики», 1943, № 2.
- О родовом составе и расселении энцев. «Сов. этнография», 1946, № 4.
- Племена Средней Сибири в XVII в. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. V, 1949.
- Племя у народностей Северной Сибири. «Труды Второго Всесоюзного географического съезда», т. III, М., 1949.
- Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа. «Сов. этнография», 1949, № 4.
- Родоплеменной состав и расселение кетов. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», кн. 9, М., 1950.
- К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары. «Сов. этнография», 1950, № 4 (переведено на английский язык).
- Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири (совместно с М. Г. Левиным). Сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XIV, М., 1951 (переведено на английский язык).
- Обрядовые сооружения иганасанов и энцев. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XIII, 1957.
- О населении бассейнов рек Оленека и Анабары. «Сов. этнография», 1952, № 2 (переведено на английский язык).
- О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в Северной Сибири. «Сов. этнография», 1952, № 1.
- Старинные землянки кетов на реке Подкаменная Тунгуска. «Сов. этнография», 1952, № 2.
- Происхождение иганасанов. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVIII, М., 1952 (переведено на английский язык).
- Некоторые данные о заключении брака и свадебном обряде у кетов. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XVI, 1952.
- Расселение народов Сибири в XVII в. «Сов. этнография», 1952, № 3.
- Племена и роды коренного населения Забайкалья и Южного Прибайкалья в XVII в. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XVII, 1953.
- Некоторые данные к истории образования бурятского народа. «Сов. этнография», 1953, № 1 (переведено на английский язык).
- Некоторые вопросы древней истории западных бурят. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XVIII, 1953.
- Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа. «Сов. этнография», 1954, № 1.
- Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XX, 1954.
- Население Сибири в XVI в. «Очерки истории народов СССР», т. III, М., 1955.
- Этнографический состав населения Якутского уезда в XVII в. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIV, 1955.
- Народы Сибири в XVII в. «Очерки истории народов СССР», т. IV, М., 1955.
- Этнографическая карта Сибири в XVI в. «Русские географические открытия и исследования с XV до конца XVIII вв.», М., 1955.
- Родоплеменной состав народов Сибири в XVII в. М., 1956.
- Энцы (в соавторстве с Г. Д. Вербовым). «Народы Сибири», М., 1956.
- Кеты (в соавторстве с А. А. Поповым). «Народы Сибири», М., 1956.
- Тамги иганасанов и энцев. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII, 1957.
- Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам. «Сб. статей по истории Дальнего Востока», М., 1958.
- Народы Сибири во второй половине XVIII в. «Очерки истории народов СССР», М., 1958.
- Some parallel features the culture of samoyedes and eskimos (в соавторстве с Л. А. Файнбергом). «Труды 33 Конгресса американистов», т. II, Сан-Хозе, 1959.
- Народы Сибири (в соавторстве с М. Г. Левиным). «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР», М., 1960.
- Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», М., 1960.
- Таймырские иганасаны (в соавторстве с Л. А. Файнбергом). Сб. «Современное хозяйство и быт народов Севера», М., 1960.
- Принесение в жертву оленей у иганасан и энцев. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 33, 1960.
- Езда на собаках у русского старожильческого населения низовьев Енисея. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 35, 1961.

- О погребальном обряде кетов. «Сов. археология», 1961, № 3.
- Мифологические сказки и исторические предания энцев. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVI, М., 1961.
- Расселение народов Сибири в XVII в. «Историко-этнографический атлас Сибири», М., 1961.
- Предания о тотемических названиях родов у нганасан (в соавторстве с П. Т. Ващенко). «Сов. этнография», 1962, № 3.
- Бытовые рассказы энцев. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXV, М., 1962.
- Родовая экзогамия у нганасанов и энцев. «Сибирский этнографический сборник», IV, М., 1962.
- Происхождение долган. «Сибирский этнографический сборник», V, М., 1963.
- К этнической истории хакасов (в соавторстве с С. И. Вайнштейном). «Сов. этнография», 1963, № 2.
- Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. М., 1964.
- Проблемы этнографии и антропологии Арктики. «Сов. этнография», 1964, № 4.
- Матриархальные пережитки в верованиях нганасан. «Очерки по этнической истории энцев и ненцев», М., 1967.
- Образование современных народностей Севера СССР. «Сов. этнография», 1967, № 4.
- Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
- Этнический состав населения Севера СССР. Сб. «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера», М., 1970.
- Общественный строй у народов Северной Сибири XVII — начале XX вв. (отв. редактор, 3 главы, карты и участие в одной из глав и заключении). М., 1970.

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА АНОХИНА

3-го января 1972 г. безвременно оборвалась жизнь Людмилы Алексеевны Анохиной — крупного ученого, исследователя культуры и быта восточнославянских народов, известного специалиста в области этнографического изучения современности.

Вся научная деятельность ее была связана с работой Восточнославянского сектора Института этнографии АН СССР, старшим научным сотрудником которого она являлась.

Л. А. Анохина родилась в 1921 г. в семье учителя. В 1941 г. она окончила Московский педагогический институт им. К. Либкнехта. Свой трудовой путь она начала в годы Великой Отечественной войны работницей на бумажной фабрике, затем была направлена райкомом ВЛКСМ на пионерскую работу. В 1943 г. Людмила Алексеевна поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР и специализировалась в области фольклористики. В 1947 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Олонецкие похоронные притчания». Она прошла прекрасную фольклористическую школу таких известных ученых, как П. Г. Богатырев, И. Н. Розанов, В. И. Чичеров. Под их руководством Людмила Алексеевна сформировалась, как ученый, органически сочетающий в себе полевого работника и вдумчивого исследователя. Очень ярко это проявилось уже в первые годы ее экспедиционной работы в Закарпатье (1945—46 гг.) и на Дону (1947—48 гг.).

С начала 1950-х годов, когда Институт этнографии вплотную подошел к изучению колхозного крестьянства, Людмила Алексеевна целиком включилась в эту работу. Большое воздействие на расширение ее научных интересов, на выработку строгого метода этнографического изучения современности оказал один из крупнейших специалистов в этой области П. И. Кушнер.

В многолетней работе по изучению культуры и быта села Вирятино Людмила Алексеевна занималась вопросами духовной культуры и общественного быта колхозного крестьянства. В написанных ею разделах коллективной монографии «Село Вирятино в прошлом и настоящем» в большой степени проявились присущие Людмиле Алексеевне чувство времени, чувство нового, живой и глубокий интерес к судьбам советского крестьянства. В последующих работах она не только расширяет круг своих тем, но и переходит к обобщениям, к выявлению закономерностей развития народного быта. Это нашло выражение в монографии «Культура и быт колхозников Калининской области» (совместно с М. Н. Шмелевой) и в обобщающих статьях «Новые черты духовного облика современного колхозника» (совместно с М. Н. Шмелевой), «Быт и его преобразование в период построения социализма» и «Строительство коммунизма и преобразование быта» (совместно с В. Ю. Круплянской и М. Н. Шмелевой). Помимо этого Л. А. Анохина является одним из авторов таких обобщающих трудов Института, как «Русские» (серия «Народы мира») и «Украинцы» (серия «Очерки общей этнографии»).

С 1965 г. Л. А. Анохина совместно с М. Н. Шмелевой приступила к изучению почти неисследованной до этого проблемы — этнографии города. Эта работа потребовала ин-

тенсивного экспедиционного собирания материала, выработки новой методики, определения проблематики и круга вопросов, новых навыков, оценки и приемов обработки собранных материалов. Результатом этой работы явилась серия опубликованных и подготовленных к печати статей, ставящих вопросы теоретического и методического характера. К настоящему времени почти завершена большая монография о культуре и быте городского населения средней полосы РСФСР. В работе по изучению города Людмила Алексеевна проявила себя не только как серьезный исследователь, но и как талантливый организатор, сумевший сплотить вокруг себя коллектив научных работников и тем самым значительно расширить круг исследуемых проблем.

Л. А. Анохина являлась участницей многих конгрессов, конференций, совещаний, научных сессий Института, где неоднократно выступала с докладами по исследуемой ею тематике.

Активная по натуре, Людмила Алексеевна и в свою научную деятельность вносила много темперамента, страсти, особенно в отстаивании идеологических и методологических позиций советской науки. В частности это ярко проявилось в дискуссии с американскими учеными Ст. П. Данном и Э. Данн, выступившими в печати с книгой «Крестьянство Центральной России».

Людмила Алексеевна была чутким, отзывчивым человеком, всегда откликавшимся на нужды своего коллектива, своих товарищ. Это был глубоко общественный человек. Она была депутатом Октябрьского районного совета депутатов трудящихся г. Москвы двух созывов и выполняла эту работу с полной отдачей сил.

В лице Людмилы Алексеевны Анохиной советская наука, коллектив Института этнографии, ближайшие друзья и товарищи по работе понесли тяжелую, невосполнимую утрату.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Л. А. АНОХИНОЙ

- Фольклор колхозной станицы (в соавторстве с В. Ю. Крупянской), «Сов. этнография», 1949, № 3.
- Современная русская крестьянская свадьба (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). «Сов. этнография», 1959, № 3.
- Село Вирятино в прошлом и настоящем. (Главы V, VI, XI, XII). «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XLI, М., 1958.
- Изучение культуры и быта в колхозах Костромской области (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). КСИЭ, т. 35, М., 1960.
- Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления. «Коммунист», 1960, № 8.
- Некоторые черты нового духовного облика современного колхозника (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). «Сов. этнография», 1962, № 4.
- Культура и быт колхозников Калининской обл. (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). М., 1964.
- Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). «Сов. этнография», 1964, № 5.
- Общественный быт и культура русских после Великой Октябрьской революции (совместно с М. Н. Шмелевой). «Народы Европейской части СССР» (серия «Народы мира»), «Этнографические очерки», ч. I, 1964.
- Быт и его преобразование в период построения социализма (в соавторстве с В. Ю. Крупянской и М. Н. Шмелевой). «Сов. этнография», 1965, № 4.
- Строительство коммунизма и преобразование быта (в соавторстве с В. Ю. Крупянской и М. Н. Шмелевой). В кн. «Социализм и коммунизм», том «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений», М., 1966.
- Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления у русского колхозного крестьянства, (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). В кн. «Вопросы преодоления пережитков в СССР», М., 1966.
- Опыт этнографического изучения городского населения (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). «Сов. этнография», 1966, № 6.
- Труды VI международного социологического конгресса, сборник «Социология и идеология», изд. «Наука», М., 1969.
- Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). «Сов. этнография», 1966, № 6.
- Очерки общей этнографии. Народы Восточной Европы. Глава «Украинцы» (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). М., 1968.
- Этнографическое изучение сельского и городского населения в СССР (в соавторстве с В. Ю. Крупянской, М. Н. Шмелевой), М., 1969.
- Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). «Сов. этнография», 1968, № 3.
- Русское крестьянство в освещении американских этнографов (в соавторстве с В. Ю. Крупянской и М. Н. Шмелевой). «Сов. этнография», 1969, № 1.
- К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города (в соавторстве с М. Н. Шмелевой). «Сов. этнография», 1970, № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования	3
А. Пранда (Братислава). Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры	17
М. Н. Губогло (Москва). Социально-этнические последствия двуязычия	26
М. В. Горелик (Москва). Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма)	37
Дискуссии и обсуждения	
Н. И. Гаген-Торн (Ленинград). Некоторые замечания о «темных местах» «Слова о полку Игореве» (Заметки этнографа)	51
Сообщения	
Ю. И. Мкртумян (Ереван). Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа	61
С. И. Дмитриева (Москва). О специфике культурного развития русского Севера (Был ли Север глухой окраиной России?)	68
З. Д. Титова (Ленинград). Обзор этнографических материалов XVII—XIX вв. о народах Сибири Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	74
Т. П. Лукьянова (Ленинград). О некоторых старинных обрядах на Брянщине (Из дневника фольклориста)	85
Ю. А. Новиков (Москва). Былины Андрея Сорокина (К вопросу о творческой манере сказителя)	88
Ю. А. Мочанов (Якутск). Новые данные о Берингоморском пути заселения Америки (Стоянка Майорыч — первый верхнепалеолитический памятник в долине Колымы)	98
В. В. Покшишевский (Москва). Первые результаты индийской переписи 1971 года	102
Поиски, факты, гипотезы	
Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). Там, где цветет мугунхва (Корейские зарисовки)	108
Научная жизнь	
Д. Д. Тумаркин (Москва). По островам Океании (Этнографические работы во время 6-го экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева»)	120
О. Р. Арановская, Л. М. Ивлева (Ленинград). Конференция фольклористов в Ленинграде	128
С. П. Борисковская (Ленинград). Выставка «Сокровища Кипра» в Эрмитаже	131
И. Ф. Шаврина (Ленинград). Музей и школа (Из опыта МАЭ)	136
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
М. М. Фрейденберг (Калинин). Род и семейная община в югославской научной литературе за последние десять лет	139
Общая этнография	
В. Р. Кабо (Ленинград). A. Lommel. Masken. Gesichtes der Menschheit	146
182	

Народы СССР

Л. Н. Пушкарев (Москва). Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. V	150
А. И. Робакидзе (Тбилиси). Л. А. Чубиров. Осетинское народное жилище	152
Г. В. Цулая (Москва). А. А. Глонти. Топонимические разыскания, вып. I	155
О. А. Сухарева (Москва) В. Н. Басилов. Культ святых в исламе	157
И. С. Гурвич (Москва). Гоголев З. В. Якутия на рубеже XIX—XX вв.	159

Народы зарубежной Азии

Б. Я. Волчок (Ленинград). Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. Исторический очерк	161
М. К. Кудрявцев (Ленинград). <i>Census of India 1961, vol. I. Monograph series, pt. VI, № 3. Socio-economic survey report on Chettlat island</i>	163
А. И. Мухлинов (Ленинград). Ла Ван Но, Данг Нехиен Ван. Краткое знакомство с группой народов тай, нунг и тхай Вьетнама	165

Народы Америки

В. И. Гулляев (Москва). Р. В. Кинжалов. Культура древних майя	166
---	-----

Народы Австралии и Океании

Ш. А. Богина (Москва). Д. Д. Тумаркин. Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг.	169
---	-----

Хаджи-Мурад Омарович Хашаев 	173
--	-----

Борис Осипович Долгих 	176
----------------------------------	-----

Людмила Алексеевна Анохина 	180
---------------------------------------	-----

На первой странице обложки: хижина на берегу моря. Атол Фунафути (о-ва Эллис). Фото В. Н. Басилова

SOMMAIRE

B. V. Andrianov, N. N. Tchekbosarov (Moscou). Les types économico-culturels du monde et le problème de leur cartographie	3
A. Prand a (Bratislava). L'influence du bilinguisme sur certains phénomènes de la culture populaire	17
M. N. Gouboglo (Moscou). Conséquences socio-ethniques du bilinguisme	26
M. V. Gorielik (Moscou). Les miniatures du Proche-Orient des XIIe-XIIIe ss. en tant que source ethnographique (costume masculin)	37

Discussions et délibérations

N. I. Gaghen-Torg (Leningrad). Notes sur «les endroits obscurs» de Slovo o polku Igoreve» (Notices ethnographiques)	51
---	----

Communications

Yu. I. Mkrtoumian (Erevan). De la cartographie des éléments de la culture d'élevage des peuples du Caucase	61
S. I. Dmitrieva (Moscou). Sur les caractères spécifiques de l'évolution culturelle du Nord de la Russie (est-ce que les régions du Nord étaient une marche arrière de la Russie?)	68
Z. D. Titova (Léningrad). Aperçu des matériaux ethnographiques des XVIIe—XIXe ss. portant sur les populations de la Sibérie au Département des manuscrits de la Bibliothèque Publique d'Etat Saltykov-Chtchedrine	74
T. P. Loukianova (Léningrad). De quelques vieux rites dans la région de Briansk	85
Yu. A. Novikov (Moscou). Les «byliny» d'Andrieï Sorokine	88
Yu. M. Motchanov (Yakoutsk). Nouvelles données sur le peuplement de l'Amérique à travers la mer de Béhring (Maïorytch, premier site du paléolithique supérieur dans la vallée de la Kolyma)	98
V. V. Pokchichievski (Moscou). Les premiers résultats du recensement indien de 1971	102

Recherches, faits, hypothèses

R. Ch. Djarylgassanova (Moscou). Là, où le «mougounkhva» fleurit (Esquisses de Corée)	108
Vie scientifique	
D. D. Toumarkine (Moscou). Par les îles d'Océanie (travaux ethnographiques pendant le 6me course expéditionnaire du «Dmitri Mendeleiev»)	120
O. R. Aranovskaya, L. M. Ivlieva (Léningrad). Conférence des folklorisants à Léningrad	128
S. P. Boriskovskaya (Léningrad). Exposition dite «Les Trésors du Chypre» à l'Ermitage	131
I. F. Chavrina (Léningrad). Le musée et l'école (par expérience MAE)	136
Critique et bibliographie	
Articles de critique et aperçus	
M. M. Freidenberg. (Kalinin). Clan et communauté familiale, dans la littérature Yougoslave de 10 années dernières	139
V. R. Kabo (Léningrad). A. Lommel. Masken. Geschichte der Menschheit	146
Peuples de l'URSS	
L. N. Pouchkariov (Moscou). <i>Essais sur l'histoire l'ethnographie, les études folkloriques et l'anthropologie russes</i>	150
A. I. Robakidzé (Tbilissi). L. A. Tchibirov. Habitat populaire ossète	152
G. V. Tsoulaia (Moscou). A. A. Glonti. Recherches toponymiques	155
O. A. Soukhareva (Moscou). V. N. Bassilov. Culte islamique des saints	157
I. S. Gourvitch (Moscou). Z. V. Gogoliev. La Yakoutie, fin XIXe—début XXe ss.	159
Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.	
B. Ya. Voltchok (Léningrad). G. M. Bongard-Lévine, G. F. Ilyine. Inde ancienne	161
M. K. Koudriavtsev (Léningrad). <i>Census of India 1961, vol. I. Monograph series, pt. VI, № 3. Socio-economic survey report on Chetlat island</i>	163
A. I. Moukhlinov (Léningrad). La Van Lo, Dang Nghiem Van. Connaissance succincte du groupe des populations des Tai, Noungh et T'ai du Vietnam	165
Peuples de l'Amérique	
V. I. Gouliaïev (Moscou). R. V. Kinejalov. La culture des anciens Maya	166
Peuples de l'Australie et de l'Océanie	
Ch. A. Boghina (Moscou). D. D. Toumarkine. Le peuple hawaiien et les colonisateurs américains	169
Khadji-Mourad Omarovitch Khachaïev	173
Boris Ossipovitch Dolghikh	176
Liudmila Alexeievna Anokhina	180
<i>Sur la couverture: Une case sur le rivage. Atoll Founafouti (îles Ellis). Par V. N. Bassilov</i>	